

антология
пермской
литературы

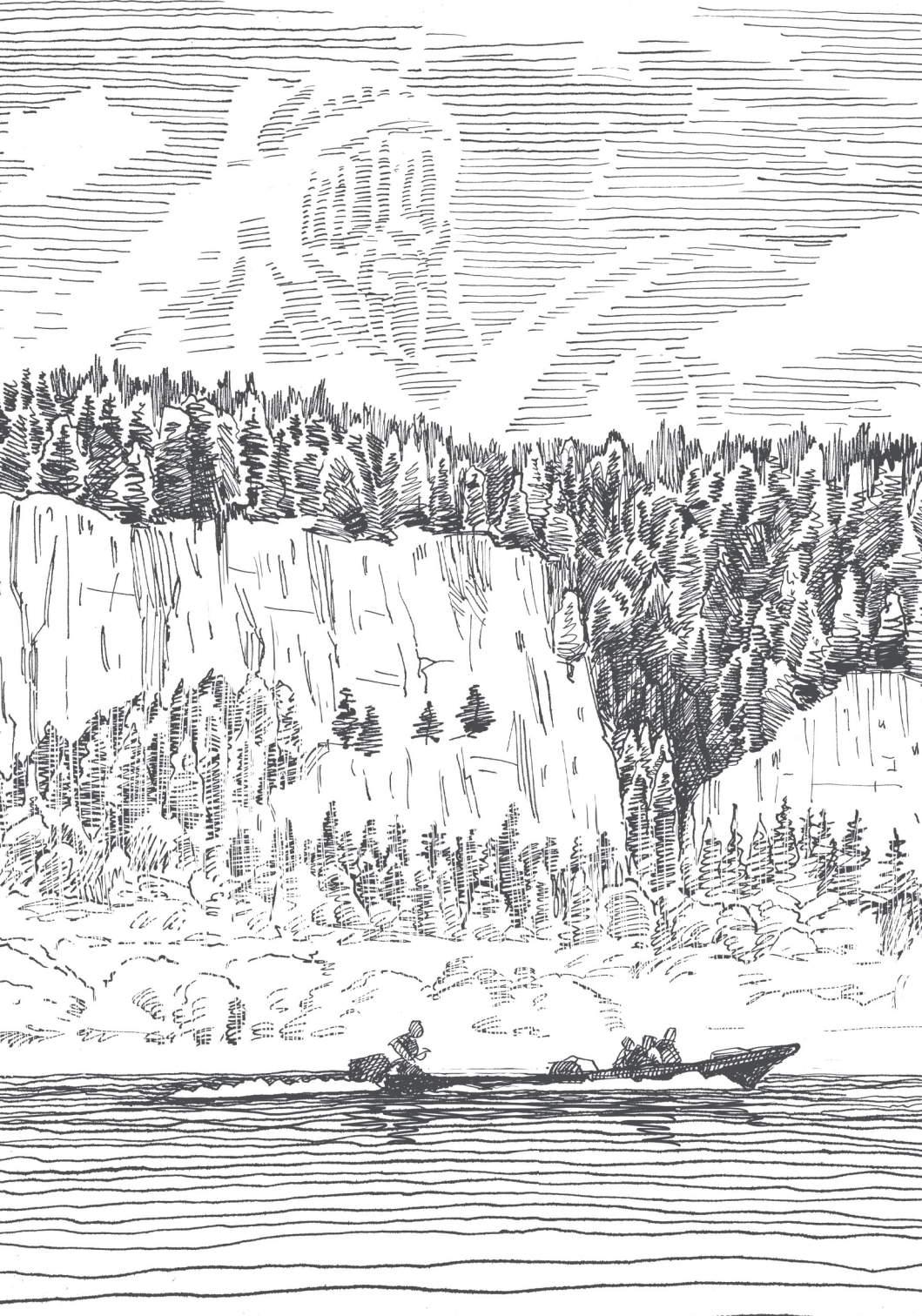
Максим
ДУЛЕНЦОВ

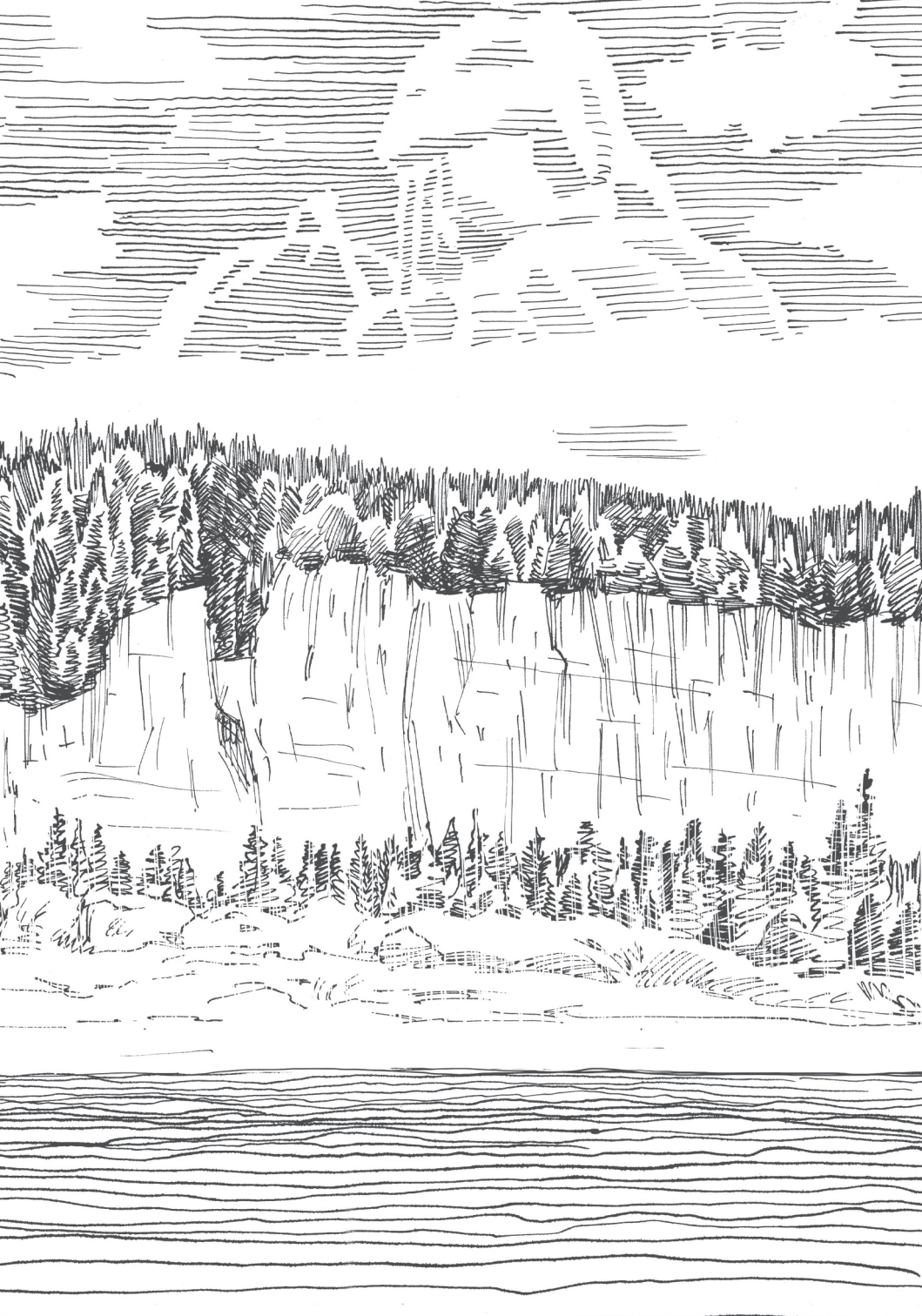

ТАЙНЫ
ВИШЕРЫ
фантастический роман

16+

антология
пермской
литературы

Серия «Антология пермской литературы» —
лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства
(номинация «Литература») за 2013 год

Издание романа «Тайны Вишеры» Максима Кузьмича Дуленцова и подготовка его электронной версии в рамках проектов «Пермская библиотека» и «Литературное Прикамье» осуществлены при поддержке Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru) и при содействии Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России.

том тридцать четвёртый

Максим
ДУЛЕНЦОВ

ТАЙНЫ
ВИШЕРЫ
фантастический роман

«Пермский писатель»
Пермь
2022

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-44
Д 81

антология пермской литературы • том 34

Максим Кузьмич Дуленцов
Тайны Вишеры
Фантастический роман

Дуленцов М.

Д 81 **Тайны Вишеры:** Фантастический роман / Максим Дуленцов; ил. А. Кутергин. — Пермь: Пермский писатель, 2022. — 272 с.; ил. — (Антология пермской литературы; т. 34).

ISBN 978-5-6044740-8-2

Неторопливо разворачивается действие нового романа Максима Дуленцова, уже известного читателю по книгам «Золото тайги» и «Земля забытого бога». Из глубины веков истории Урала действие переносит нас в компании современных горожан на весёлую летнюю речку, вокруг которой вдруг начинается стужаться морок предвечного ужаса, с неведомо как появляющимися жертвами неведомо каких преступлений. Ещё один поворот действия — и вместе с главными героями, инженером Димой и следователем Анной, мы оказываемся заброшены в невероятное — ироническую антиутопию с российскими реалиями и узнаваемыми типажам, кажется, вечными для русской истории, прошлой, настоящей и будущей. Неожиданно взрывная лирическая линия эпическими событиями и человеческими чувствами расцветывает прошлое этого не такого уж экзотического будущего мира. И как всегда в хорошем русском романе, даже когда сюжет закончен, герой и читатель остаются наедине с вечными вопросами.

Роман не столько о приключениях тела, сколько о приключениях духа, заглядывает за чёрный морок небытия, прошлого и будущего, и ставит совсем непростые и такие обычные вопросы — о месте каждого в этом мире, о природе реальности, о связи прошлого и настоящего и вытекающего из них будущего. Ответы, даваемые автором, не всех удовлетворяют, зато не оставят читателя равнодушным.

Книга адресована широкому кругу читателей старше 16 лет.

ISBN 978-5-6044740-8-2

9 785604 474082

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© М. К. Дуленцов, текст, 2022
© А. В. Кутергин, иллюстрации, 2022
© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2022

— Зина, там в приёмной... Она в приёмной?
 — В приёмной, — покорно ответил Шариков, — зелёная, как купорос.
 — Зелёная книжка...
 — Ну, сейчас палить, — отчаянно воскликнул Шариков, — она казённая, из библиотеки!
 — Переписка — называется, как его... Энгельса с этим чёртом... В печку её!

М. А. Булгаков. Собачье сердце

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог

Лето в тот год выдалось тёплым, комариным, весенняя вода быстро спала, реки обмелели: и Ляпин, и Сосьва, и Конда, да так, что иной раз и пешком перейти реку можно было от одного берега до другого. Рыбы много стало: в ямах щука кишела вперемешку с белой рыбой, на горных перекатах таймень жировал, а по жару такой и лесная живность к воде тянулась. Хорошее лето, солнца много, добычи много, по осени ещё и ягода нальётся теплом и сахаром, будет что есть, будет что пить суровой зимой. А коли дождики пройдут, так и грибы по всему лесу встанут — ещё пища. Раз лето такое, к чему богатырям собираться в походы на саранские паули*? Сидят богатыри, с места не встают, с реки не уходят, из лесу ни ногой. Только хонам своим, вождям племён, старейшинам паулей-посёлков, носят избыток добычи — полакомиться. И нет в мыслях войной идти — работы много, некогда.

До осени бог войны Хонт-Турум оставил гордые народы Мось и Пор, а может, и на дольше. К чему литься крови человеческой, если и звериной в достатке? Молвили старики, что неспроста это, и хорошие жертвы богам и самому Нуми-Торуму — верховному богу принесли в зимний праздник. Горностаев много — для Верхнего мира, белую лошадь, лося, оленя, песца — для Среднего, и самому Нижнему — даже чёрную лошадь.

Долго пировали у зимнего костра народы племён Пор и Мось, забыв распри и выбирая себе жён из другого племени. Хорошо

---

*Пауль — традиционное название поселений манси.

пировали. Шаманы били в бубны, вели танцы, забивали жертвы. Вот и лето выдалось хорошим. Забыли манси, как воевать, незачем грабить стало, всего в избытке. И в летний праздник, что приближался вот-вот, готовы были принести богатые дары на священной земле, благо много всего стало.

Рады племена, рады паули, рады люди. Только один Асык-хум не рад. Сидит у себя в избе, подпирает голову кулаком, скучает и думу думает. Думает-думает, да выйдет иногда на солнце, посмотрит на сосны, подует на шкурки выделанные собольи, что сушатся у дреколя, выпьет воды из реки, сощурит свои узкие глаза, сдвинет густые брови, стукнет кулаком о стену и обратно уйдёт.

Смотрят на него люди, не понимают, чего такой смурной ходит хон Пельмский. Послали к нему стариков-шаманов, что со святой земли пришли за пищей, спросить. Вышли шаманы от Асык-хума, все трое, и с бубном кто, и с палкой, и с топором, все вышли и говорят:

— Асык-хум мрачен, потому что хочет с народом говорить, что в неге живёт. Лето богатое не вечно, придёт и год с мором и болезнями. А тогда всем плохо будет. Богатыри наши забыли, как воевать, сараны забыли, как дань платить, а руши пришлые уже рядом, уже с саран ясык берут. Что манси достанется? Голод и разрушенные святые места? Так говорил нам Асык-хум. И ещё сказал — надо на праздник лета всем собраться, со всех паулей, с Конды и Ляпина, Люликар и Лопмуса, на святом месте у Щекурьи. Туда идут две тропы, по ним все пусть придут, пусть несут дары, пусть и женщины, и мужчины, и охотники, и богатыри — все придут. Асык-хум после жертвоприношений говорить с ними будет. И пусть племя Пор не ест пока уток и зайцев, а племя Мось не убивает медведей, чтобы не злить друг друга, чтобы не было распрей. Послал нас Асык-хум всех известить, и мы пойдём по всем манси, всем скажем.

С этими словами ушли шаманы в долгий путь, оставив богатый Пельм обрабатывать дары щедрого лета.

И вот настало время летнего праздника. Хранитель Торум-Кана очистил столбы с вырезанными на них покровителями Среднего мира, подтесал опоры жертвенной избушки, поправил камни общего костра, а по двум тропам с разных мест стали собираться манси племён Пор и Мось. Никто не сказал слова бранного, лишь улыбались последним летним дням, да мужчины внимательно смотрели на женщин из другого клана — те, которые ещё не обзавелись женами, в надежде поймать кроткий взгляд неведомых и желанных красавиц.

За пару дней весь кедрач на берегу Ляпина и Шекурьи заполнился людьми: кто приехал верхом, кто пришёл пешком, но все в самых красивых нарядах. Уже горел жертвенный костёр, уже готовы были ковры, сплетённые из шерсти собак, уже стояли у столбов животные, готовые на закляние.

Последним прибыл Асык-хум, слез с пегого коня, пустил его пастись на берег реки, занял место у костра. Был мрачен и озабочен, в отличие от других манси, радующихся жизни.

И наступил день праздника.

Первым вышел шаман с бубном. Ударил в натянутую кожу, зазвенел бубенцами серебряными, из древних монет сделанными. Закружился шаман в медленном танце. И все манси двигались в такт ударам бубна и повторяли рисунок танца. Отблески огня атели на их лицах, блестящих от пота. Посвятили они танец всем божествам Среднего мира. Женщины расстелили вязаные ковры у жертвенного места, навязали ниток, крашенных в разные цвета, на деревянных идолах.

Вторым вышел шаман с палкой. Палка его была гладкая, остро отточенная с одного конца, на втором же был маленький череп горностая. Завёл шаман песню про великого Нуми-Торума, который был отцом всех богов Среднего мира и братом бога Нижнего, который был творцом всего сущего и создателем народа манси. Пелось в песне, что велик Нуми-Торум, да так долго он делал землю, лес, животных, что устал, а труднее всего ему далось создание человека. Много дней трудился бог, чтобы сделать разумное существо, да всё не выходило. А когда вышло, утомился Нуми-Торум и ушёл к себе по серебряной лестнице в золотой дом, что над небом. И оставил только дыру в небе, через которую смотрит на своё детище — землю, животных, людей, но и только. Ничего ему не интересно в этом мире. Не нужен мир людей Нуми-Торуму, всё отдал на откуп своим сыновьям и дочерям, что живут рядом с людьми. И поэтому мор и зло в Среднем мире идут вместе с добром и жизнью. Молят манси Нуми-Торума, чтобы выглянул в дыру в небе и улучшил Средний мир, но тщетно.

Шаман с палкой закончил песню, шаман с бубном ударил несколько раз по крепкой коже, зазвенели бубенцы, принесли мужчины жертвы любимые для Верхнего мира — горностая, куницу, соболя. Шаман с палкой взял каждого зверька за шею и быстро пронзил острым концом голову. Только маленькая дырочка осталась в черепе, капли крови не скатилось на землю. Мужчины выпотрошили зверьков так, чтобы внутренности остались целыми, шкурка чистой, а кровь стекла на огонь. Зверьков шаман уложил в жертвенный домик на высоких сваях,

дверку не закрыл, а внутренности положил на раскалённые камни — прожарить. После пробовал печень, дал всем, кто помогал, по кусочку. Вновь взметнулась песня над кедром. Мужчины из каждого пауля по очереди положили дары в жертвенный дом, вторя песне шамана.

Спускался вечер на Средний мир. Солнце красным кругом уже забегало за лес.

Третьим вышел шаман с топором. Привели к нему сначала оленя. Шаман затянул новую песню, прося богов убереечь народы манси от напастей, болезней, мора, хищников и рушей. Поднял топор над головой и одним ударом раскроил череп оленю. Потом взрезал ему горло, выпил кровь горстью, измазал лицо. Мужчины освежали оленя, шкуру развесили на дреколье у костра, голову животного гордо подняли и направили в сторону заката, мясо же и внутренности положили варить в медный котёл на костёр. Затем проделали всё это с белой лошадью, напевая молитвы, убажывающие богов Среднего мира. В конце для самого владыки Нижнего мира, куда уходят все манси после смерти, для самого Куль-Отыра, зарезали чёрную лошадь.

Всё соблюли шаманы, все песни спели, все молитвы прочли, все жертвы принесли.

После же манси всех паулей, принеся свои дары, вместе ели из котла оленя, белую лошадь, чёрную лошадь, не забывая делиться с богами, бросая в костёр куски мяса и внутренностей. Женщины затянули тихие песни, мужчины шептали своё сокровенное, потому что в этот вечер боги слушают людей и стараются выполнить их просьбы, осоловев от даров и пищи, которых люди дали им в избытке.

Только Асык-хум молчал, не произнёс ни слова, не попробовал и куска. И лишь тогда, когда последний луч солнца скрылся за краем земли, он встал и сказал:

— Боги слушают нас, но слышат ли? Они помогают нам выжить, но до какой поры? Сегодня у нас есть пища и кров, а завтра мы умрём, не дотянувшись до ручья. Вы слепы, если не видите опасности. Я открою вам глаза. Я был в плену у рушей, я знаю, что они не остановятся, если их не остановить. Не мы пришли на их землю — они вторглись на нашу. И даже великие горы, сам Ошньер не остановит их. Мы, как зайцы после линьки, до снега спрятались за горами. Но разве мы зайцы? Если не остановить рушей — погибнет весь народ манси.

— Но мы молились богам, чтобы они помогли нам остановить их, — возразил шаман с бубном.

— Да, молились. И принесли жертву. Но это не та жертва, которая

нужна богам, чтобы выполнить эту просьбу. Помните старых богатырей? Тех, кто строил наши древние крепости и правил лесом. Они пользовались благословением богов, потому что их жертвы были угодны духам.

Народ зашептался в ночи, взволновались манси.

— Да, о древних богатырях я говорю, — продолжил Асык-хум, — тех, кто приносил в жертву врагов своих, пробивал им череп и съедал их печень. Только так, жертвой врага и врага же устрашением, мы сможем остановить рушей.

— Много лет назад, — промолвил старый шаман с топором, — когда пришли первые руши, крепкие воины с острыми мечами и неустоимыми тугими луками во главе с молодым шаманом Стефаном, что срубил священное дерево саранов и отобрал добычу, которая исконно принадлежала нам, и даже покушался на мансийские паули, мы не смогли его убить. У рушей сильные воины. А когда славный Килим, прикинувшись сараном, задушил тихо шамана Герасима, то разве остановило это рушей? Нет, они начали нападать снова и снова, продвигаясь по рекам. Поможет ли нам убийство?

— Разве так делали богатыри наши? — спросил в тишине Асык-хум. — Разве убивали они врагов своих втайне? Нет, сейчас как раз время, время великого праздника, время действий и жертв. Воины! Соберём же войско, хонт, вспомним, как держать меч и лук, выйдем на бой и принесём жертву, достойную богов и наших молитв. Кто пойдёт со мной?

Так сказал великий богатырь Асык-хум, и множество голосов отозвалось на его призыв.

И собрал Асык-хум войско великое, двести богатырей пешими и верхом пошли вслед за ним. Кто шёл через перевал, кто спускался по Улсу и Мойве к старым стойбищам, а потом поднимался по болотам и тайге тайными тропами, известными лишь манси, к крепости рушей на Выми. Десять дней ждал богатырей Асык-хум у реки, и все пришли, и три шамана были с ними.

Три дня сидели в засаде богатыри, пока не увидели лодку с рыбаком-сараном. Три стрелы, вонзившиеся в борт лодки, заставили рыбака пристать к берегу.

Сам Асык-хум спросил сарана:

— Веришь ли ты в духов леса?

Покачал головой саран:

— Верю в Христа я.

— А много ли бог рушей дал тебе рыбы?

Саран приподнял вершу из прутьев. В ней была лишь пара рыб.

— А если молиться духам леса, рек и озёр, приносить жертвы — рыбы было бы больше, — сказал Асык-хум, брезгливо ткнув носком сыромятного сапога плетёную снасть.

— Христос простит тебя, вогул. А меня не простит владыка Питирим, если я не буду христианином. Батоги и кнуты, угли и железо будут мне уделом. Лучше иметь две рыбы и здоровье, чем много рыбы и немощь.

— Слаб ты, саран. Скажи, много ли в крепости у Питирима воинов?

— Нет, немного. Отряд ушёл в русские земли уже давно. Нескоро вернуться.

— А сараны, что обратились, вооружены ли?

— Топоры да рогатины.

— А ждут ли они нападения?

— Ждут они милости божьей, на праздник Успения Пресвятой Богородицы. Будет служба на мысе вдаль от крепости, освящение воды и крещение новообращённых. А господь отведёт вашу злобу от святого праздника.

Усмехнулся Асык-хум, жестом приказал рыбака убить, а сам сел на поваленный ствол берёзы и стал думать, как к крепости рушей подойти.

Владыка Питирим, четвёртый после Стефана, Исаакия и Герасима епископ Великопермский, готовился к чину освящения воды, дабы новообращённых зырян всей толпой в реку согнать, как Иоанн Креститель, да и махом ввести в лоно церкви.

Место для крещения было давно выбрано, и не просто так, а со смыслом: на этом мысу, что вдавался в воды, как наконечник копья, омываемый Вычегдой, издавна стояло святилище, да не покорных зырян, а свирепых вогулов. Зырянское святилище сжег ещё Стефан, на том месте поставил обитель, а вогульское осталось. Но ни идолов уже не было, ни кострища, лишь красивый берег, несущий в сути своей имена духов нечистых, богомерзких тварей, которые селились в сердцах язычников, неподвластных Богу. И чтобы вконец вывести нечисть и подчинить Христу непокорных и сомневающихся, службу владыка Питирим задумывал всегда на том мысу. И в то воскресенье вышел он из обители с верными служками из числа зырян, с новообращёнными в полотняных рубахах, с хоругвью, в облачении, вышел поутру после литургии и с песнопением пошёл по тропинке на

мысок, где вода была тепла, а река неглубока. Да только показались вдали на Вычегде деревья большим числом, с комлями, вместе плывущие, а среди стволов усмотрел владыка язычников-вогулов с луками и копьями, топорами и мечами. И понял владыка, что не креститься они плывут по реке, совсем даже наоборот.

Взмолился Питирим:

— Господи, Отче наш! Зачем ты не вразумил великого князя Василия дать мне испрашиваемое войско? Что же теперь мне осталось?

А осталось владыке Питириму лишь молиться о спасении своей души и душ заблудших, ибо новокрещённые души, числом немалым, побросав хоругви, уже бежали под сень крепких стен монастыря.

Асык-хум был хитрым и опытным богатырём. Понимая, что монастырь ему не взять — уж слишком хороши стены, — решил он взять шамана Питирима вне стен. Дозорных выслал, а как они вернулись, сказав, что вышли люди из крепости, то приказал всем богатырям спуститься без коней в воду, схватиться за приготовленные заранее брёвна и по быстрому течению реки скрытно приблизиться к рушам и саранам на берегу. Так и сделали воины. И застали врага врасплох. Выскочив из воды, разили они стрелами бегущих к крепости, догоняли и рубили мечами, немногие успели добежать до стен. Но преследовать тех, кто успел, и осаждать крепость Асык-хум не стал. Не для этого он вышел в поход. Встали воины лагерем на мысе реки, на старом святилище манси, где уже почти сто лет не приносили жертв и не пели песен, благодаря и ублажая духов. Воткнули шаманы изваяния богов, что привезли с собой, повязали ленты из шерсти, собрали брёвна, на которых плыли, сложили костёр, сделали дреколье.

До заката трудились и воины, и шаманы, а со стен крепости смотрели на них дрожащие сараны, не решаясь даже крикнуть что-либо. Когда тьма поглотила реку, взметнулся вверх столб огня, забегали отблески по волнам Вычегды, зазвенел бубен, разлились песни.

Сидел Асык-хум у костра и смотрел на пленённого руша, главного шамана Питирима.

— Ну что, шаман, молись своему богу. Молись крепко! Может быть, и твой бог хочет жертвы, и ты станешь ей. А Нуми-Торум взглянет на нас через золотое окно в небе, и даст нам то, что вы, руши, хотите у нас отнять: нашу землю, нашу добычу, наши реки и лес, наши верования. Раз сам бог войны Хонт-Турум благосклонен к нам теперь, то и все боги Верхнего мира, Среднего и Нижнего тоже будут довольны жертвой.

Питирима связали, по указанию Асык-хума притянули веревками к дреколье. Молчал шаман рушей, не поднимал глаз, только шептал что-то на своём языке.

Ударил ещё раз шаман с бубном по натянутой коже, шаман с топором поднял оружие, воины вскричали, ожидая удара, но остановил Асык-хум всех:

— Нет, так не пойдёт. Жертвуем в первую очередь Верхнему миру жизнь руша. А Верхний мир не принимает топора. Дай мне палку, — обратился он к шаману с палкой.

Тот подал крепкую, отполированную и высушенную годами, солнцем и теплом рук сухую заострённую палку из вереска с черепом горностая на тупом конце. Асык-хум взял её, подошёл к Питириму, что всё не поднимал головы, взял его за бороду и изо всех сил ударил острым концом палки в темя, да так, что палка пробила череп и вошла в мозг. Умер руш, обмякло тело его, повисло на дреколье, что не давало упасть. И не было ни капли крови на Питириме, только маленькая дырочка в черепе на затылке. Запели шаманы, воины подхватили песню, обращённую к Нуми-Торуму, а после и ко всем лесным и небесным духам, закачались в танце у ночного костра. Врезали Питириму живот, достали печень, бросили часть на костёр, а часть по кусочку съели все, и Асык-хум съел, и шаманы съели, и мёртвый Питирим глядел открытыми глазницами на них, не ведающих, что творят...

Глава 1. Пещера

Автобус трясло на ухабах нещадно, все панели кузова старенькой «газели», оставшиеся в живых со времён рождения машины, скрипели и пищали на все лады, и, казалось, просили: «Уж прикончите нас навсегда, мы не можем служить более вам, люди».

Дорога, для романтика необычная и сказочная, извивающаяся коричневатой лентой между зелёными коврами леса, — это было особенно заметно, когда «газель» вырывалась на возвышенность, — на самом деле была просто обычной плохой русской дорогой. Причём часть её в незапамятные времена развитого социализма для комфортной перевозки осуждённых на исправительные работы была покрыта бетонными плитами, от которых остался только гравий и торчащие огромные куски арматуры. Водитель тщательно объезжал металлические штыри, беспокоясь за колёса, иной раз и вообще съезжал на проторенную рядом глиняную колею. Но и ты

была совсем неровная, с ямами и предательскими огромными лужами, в которых вполне мог затаиться враг изношенных шин.

Изредка дорогу преграждали огромные лесовозы с довольными шофёрами в майках, брутально сжимавшими в зубах окурки и плюющими на всякие препятствия, тем более в виде полумёртвой «газели». Тогда водитель автобуса судорожно сжимал потёртый руль, и «газель» начинала метаться вправо и влево, ища спасения в кустах и тех лужах, лишь бы освободить путь великанам. Хорошо ещё, что прошёл дождик и в огромные щели кузова не залетала пыль, иначе пассажирам было бы совсем плохо. Но и в нынешнем, лучшем случае люди, судя по их виду, были измотаны до предела. А в тесной «газели» их было немало. На удобных для обзора передних сиденьях расположились женщины с детишками возраста от семи до двенадцати лет, сзади сидели парни постарше, а на заднем, самом тряском месте у распашных дверей пристроились мужички. Но, несмотря на дикую тряску и видимо уже длинную дорогу, мужички, в отличие от детей и женщин, чувствовали себя превосходно. Виной тому была покоящаяся в руках одного из них початая бутылка водки. Рядом на рюкзаках, сваленных в кучу в проходе, уютно расположился пластиковый контейнер с остатками бутербродов на закуску. Один из мужчин, порядком выпивший, стоял в проходе и, как гид, рассказывал усталым детям, женщинам и вполуха слушающим мужичкам интересные, по его мнению, истории. Рассказчик был в меру высок, в меру упитан, лет сорока, но ещё без признаков жизненной усталости и пивного живота. Мужчина улыбался, понимая, что скоро очередной тост. Тост не заставил себя ждать. С заднего ряда передал кружку с водкой и пол-огурца. Раздающий тоже был ещё неплох. Вообще казалось, что группа мужчин была давно знакома и почти одного возраста. Определяющим понятием для обозначения такой группы было бы слово «друзья».

Раздающий мужчина передал кружку, подождал, пока гид выпьет, и унёс ёмкость назад, следующему. Пить в такой тряске было неудобно, но хотелось, и потому все умудрялись это делать регулярно и без перерывов.

— Ну ты, Вовка, даёшь! И что, не соврал ничего про этих манси? — спросил покрасневший от водки и духоты друг.

Вовка, что стоял в проходе, поправил на носу очки, выдававшие его интеллект, и чинно сообщил:

— Ну что ты, Костя! Всё истинная правда. Ты же знаешь, что я никогда не вру. Конечно, есть в этом рассказе доля вымысла: про

человеческие жертвоприношения у вогулов, но дело-то давно минувших дней...

— Стало быть, замочили этого Питирима? Это-то правда?

— Это истинная правда. Его даже к лику православных святых причислили.

— Володя, — отвлёк гида голос женщины с первого ряда, — где это всё происходило? У нас?

— Не у нас, на территории Республики Коми.

— А почему же они были епископы Великопермские? — не отставала любительница истории.

— Вика, Пермью в те времена назывались земли, лежащие северней. «Пермь» — в переводе с угорского — «окраина». Вот где край был для людей, там и Пермь. Переместился край — и Пермь переместилась. Пока название не укрепилось за определённой территорией.

— Ну ваше, Вовка, ты такой умный! Давай выпьем! — раздался зов с заднего сиденья.

Умник Володя отказываться не стал, хотя на ногах держался с трудом.

— Дядя Володя!

Писк ребёнка отвлёк от увлекательного для мужчин занятия.

Владимир обернулся.

Маленькая девочка лет восьми тянула руку, как на уроке.

— Ну что тебе, Катюш?

— А разве можно палкой череп пробить? Череп-то у человека твёрдый, а палка мягкая!

Все засмеялись. Мама Кати погладила любознательную девочку по голове.

— Да, кстати, вопрос верный, — подтвердил один из мужчин из заднего угла.

— Вот тебе ли спрашивать? — улыбнулся Владимир. — Ты своими кулаками и так голову проломить можешь, Димка. А палки разные бывают, бамбук, например, очень твёрдый.

Дима был человеком действительно атлетического телосложения, особенно заметно это стало сейчас, когда из-за духоты он снял футболку. Бицепсы бугрились, плечи покато спускались к предплечьям, живот был плоский, лишь немного расслабленный от алкоголя. Для любой женщины был бы мечта, но эта «мечта» уже имел жену и детей, и не имел желания делать карьеру ловеласа. Просто считал, что в человеке всё должно быть прекрасно, и по мере сил это претворял в жизнь: был немного накачан, немного начитан, немного образован,

немного весел. Правда, всего у него было немного. Иногда он страдал от этого, но тоже немного. В основном течение жизни его удовлетворяло. Работа, деньги, семья — всё было, всё приносило удовольствие, просто иногда не хватало чего-то остренького, чего-то сумасшедшего. Но такого тоже хотелось немного. Вот, например, сейчас он вместо того, чтобы лежать на даче и пить пиво, любуясь закатом и восходом, комарами и недожаренным мясом давно убитой свинюшки, ехал со старыми друзьями на давно намеченный им же сплав для детей, жён и, конечно, для них, мужиков. И вместо пива была водка, вместо мяса — солёные огурцы, вместо восхода и заката — старая, раздолбанная дорога, ведущая к маленькой реке, по которой нужно будет пару дней сплавляться на катамаранах до места, где та же старая «газель» подберёт их из нирваны и увезёт обратно в трезвую, рабочую, наполненную людьми и заботами сансару.

«Газель» скрипнула тормозами и остановилась. В мутное лобовое стекло был виден мост, который отличался от основной дороги своей надёжностью и непоколебимостью, а также довольно сносным асфальтовым покрытием.

Водитель, повернувшись к пассажирам, объявил:

— Амба, приехали! Чего дальше? На Чикман или тут, на Чаньве, сойдёте?

— На Чаньве. С Чикмана далеко плыть, до воскресенья не успеет, — весело ответил умный Владимир.

Водитель направил автобус по разъезженной колее на берег речки, вытопанный толпами туристов-сплавщиков.

Народ высыпал из душного, надоевшего автобуса, вдохнул полной грудью чистый воздух леса. Дети забегали по траве, бросая камешки в быструю воду, женщины, как самые рассудительные, принялись готовить обед из подручных продуктов, мужички лениво вытаскивали вещи из тележки, которая была прицеплена к «газели». Вскоре весь скарб был выброшен на берег. Водитель библикнул, и автомобиль медленно вылез на дорогу, отправившись в обратный путь.

— Фу, утомились! Может, по маленькой? — предложил Борис, который пил много, но только через день.

Все согласились. Расположились на вещах, наконец ударили кружками по-человечески, все вместе, выпили. Надо было распаковать катамараны, но стало совсем лениво, солнышко пригревало, беседа началась.

О чём же беседовать на семейных мероприятиях? О женщинах было как-то неудобно, поэтому началась вечная тема о политике.

О ней можно было говорить долго и бессмысленно, потому что политика для жителей провинциальной Перми была так же далека и неясна, как жизнь на Марсе.

— Ну вот скажи, Вовка, ты же умный, книжки пишешь. Скажи, чего у нас Путин творит? — спрашивал румяный Александр, налегая на последний бутерброд.

— Ты бы поосторожней с Путиным, — улыбаясь, предупредил Борис, который работал в органах.

— А что такого? У нас свободная страна!

— Ну как свободная... Нет свободных стран. Любое государство суть угнетающий режим.

— Да ладно вам. Кого у нас угнетают?

— Человека, кто не хочет поддержать политику правящей верхушки.

— Ну я же не против политики. Правильная политика! Россия с колен встала. Ну просто иногда лишнего делают. Украина вот, санкции. Чего хорошего? У меня в отделе обороты упали совсем, едва концы с концами свожу. Доллар вырос, китайские шмотки подорожали, ничего не покупают. Ведь можно же было как-то иначе? — не унимался Александр.

— Можно, — лаконично ответил Борис.

Дима вдруг сказал:

— Можно, конечно. Но есть одно: государство — это не угнетение одних другими, а стройная система управления, в которой нет места хаосу. И пусть государство иногда делает неправильные вещи с точки зрения обывателя, но в глобальном масштабе оно право. Малая кровь лучше большой.

— Девять тысяч человек на Украине — это малая кровь? — усмехнулся Владимир.

— Малая, — нахмутив брови, ответил Борис. — Могло быть и хуже.

— Могло ничего не быть, не пошли мы войска на Донбасс и не захвати Крым, — заявил Владимир, выпивая очередную порцию водки.

— Нет. Тогда было бы хуже, — упрямылся Борис.

— Что хуже? НАТО напало бы на нас?

— Не знаю, парни. Но там, наверху, не дураки сидят. Знают, что делать.

— Ага, знают, а народ нищает, — вновь встрял в разговор Александр. — Джинсы раньше стоили пятьсот рублей, я их толкал за полторы пачками, а сейчас они три тыщи — и никто не берёт. На что жить?

— Ничего, не в первый раз, картошки насадим, — вставил Борис в спор о политике порцию позитива. — Ладно, чего сидим? Надо каты собирать.

Мужчины начали собирать катамараны, но водка, тепло и свежий воздух подействовали на них не лучшим образом.

— Блин, откуда эта палка? — вопрошал кто-нибудь из них, в очередной раз вертя в руках лишнюю запчасть, не зная, куда её пристроить. Катамараны собираться отказывались.

— Засада, — почесал затылок Александр и предложил усугубить.

Пока усугубляли, закусывали приготовленным женщинами обедом, оставшимся от пиршества детей, пока поиграли с младшими в мячики, старшие парни, что ходили по-тихому в кусты курить стащенные у кого-то сигареты, неожиданно быстро собрали катамараны.

— Во дают пацаны, смотрите, собрали всё! Дима, твой же заводила, вырос совсем. А мы всё — дети наши ничего не могут. Могут, когда захотят! — восторженно воскликнул Владимир.

Пацаны засмутились и сбежали в кусты докуривать.

Владимир, который не забывал вовремя блеснуть умом, тут же всех собрал.

— Так, время у нас есть, катамараны готовы, поэтому, чтобы не превращать детский сплав в банальную пьянку, предлагаю культуру-мультиур.

— Какой? — раздалась закономерные вопросы.

— А вот какой. Раз уж мы с вами по дороге заговорили о народе манси и их культуре, предлагаю воочию лицезреть остатки их мест обитания.

— Это как?

— Просто. В полутора километрах по лесу есть пещера, называется Чаньвинская, или Вогульская. Туда идёт тропа от моста на том берегу. Предлагаю посетить этот памятник природы. Заодно и протрезвеем. И детям будет интересно.

— А что там в пещере, дядя Вова? — девочка Катя была очень любознательной, тогда как старшие парни просто готовы были пойти по лесу в пещеру из любви к приключениям.

— Там, Катюша, сначала, в незапамятные времена, жили пещерные медведи. Кстати, скелет пещерного медведя стоит на чёрном рынке около миллиона евро.

Старшие парни оживились, осознав основную цель их путешествия — найти скелет и продать за полцены, но были разочарованы дальнейшим рассказом:

— Но все кости из пещеры уже вывезены археологами. А кроме медведей в пещере уже позже, в тринадцатом-четырнадцатом веках, находилось вогульское капище — священное место, где вогулы-манси приносили дары своим богам и молились им. Правда, и эти дары, что остались, сопротивляясь течению времени: наконецники сгнивших стрел, украшения, костяные изделия — тоже археологи выкопали. Но сама пещера осталась. А вдруг и найдём что-нибудь?! — добавил позитива Володя, видя скисшие лица детей.

Дети воодушевились, женщины просто были довольны небольшим фитнесом для сжигания жира, мужчины хотели выгнать лишний хмель для продолжения застолья уже на плаву, и, оставив Александра сторожить лагерь, все гуськом вслед за всезнающим Владимиром углубились по узкой тропинке, извиляющейся между корнями старых елей, в тёмную прохладу леса.

Идти оказалось дольше, чем обещал Владимир. Младшие дети подустали, но терпели, понимая, что обратной дороги нет, старшие же шли бодро, не обращая внимания на ожидаемые претензии со стороны медленно трезвеющих мужчин.

— Вовка, блин, мы уже километра два протащились, — стонал Борис, запинаясь о корни деревьев.

Владимир помалкивал, понимая, что назревает конфликт.

— И водки не взяли. И воды. Пить охота, — канючил Костя.

Его жена Вика справедливо заметила, защищая Владимира:

— Кость, ну дети идут, ты-то чего ревёшь?

— Да, уже недалеко, — сообщил Владимир, сомневаясь в сказанном.

«Недалеко» — оказалось ещё около часа.

Деревья заслоняли от солнца, комары впивали свои хоботки в пропитые мужские, нежные детские и красивые женские тела — насекомым было всё равно. Тайга не расступалась перед путниками, храня свои древние тайны, а путники упрямо шли к намеченной цели, которая появилась неожиданно и массивно. Тропка резко пошла вверх, дети цеплялись за родителей и корни, за смолистые стволы маленьких елей, родители пытались помочь, понимая, что сами могут соскользнуть с кручи, но терпели, шли выше и выше. И вот лес раскрылся, обнажая огромную дыру в теле матушки-земли. Прямо перед людьми зиял огромный рот пещеры, зазывая путников, как великан-людоед, в своё чрево.

— Ни фиги себе! — пробормотал Борис, оглядывая монументальное творение природы.

И это было точное описание.

Маленькая Катя с радостным криком побежала внутрь, но остановилась на грани света и тени, побоявшись идти дальше без взрослых.

Старшие парни порылись в карманах.

— Что, фонарики забыли?

Фонарик нашёлся. Ребята, включив его, смело отправились вперёд, в зев каменного рта, оскальзываясь на каменных глыбах, свалившихся когда-то со свода. Взрослые, взяв за руки маленьких, пошли следом.

Пещера была огромна, по крайней мере вначале. Девочка Катя сначала осторожничала, после же, выхватив из рук мамы фонарик, смело поскакала по камням в самое нутро подземелья. Взрослые остановились на полпути, вдыхая влажный воздух и наслаждаясь прохладой после долгого пешего путешествия.

Владимир вешал:

— Вот именно здесь древние манси-вогулы и совершали свои обряды поклонения богам леса. У входа, скорее всего, горел костёр, в световом пятне дальше размещались грубые изображения идолов. Манси дарили богам шерстяные нити, для верхних богов — мелких пушных зверей типа куницы, белки, для остальных богов — более крупных. Кроме этого, они приносили в дар богам оружие: стрелы, копыя, позже огнестрельное. Но археологи уже всё достали, здесь было немало экспедиций. Недалеко от этой Вогульской пещеры есть Пещера Тайн. Туда не пойдём?

Взрослые неодобрительно загудели.

— Вов, нам ещё обратно, потом на катамараны, сегодня надо доплыть до стоянки, а время уже к вечеру. Ты, конечно, знаток нашего края, но мы с детьми, пора бы уже и... — кивнул головой Борис, показывая национальный русский жест из трёх пальцев на животе.

Костя одобрительно хмыкнул.

— Ну, обратно так обратно, — удовлетворённо произнёс Володя, но дети разбрелись по пещере, ища сокровища манси и скелеты пещерных медведей.

Старшие подростки скоро вернулись, замерзнув в футболках в прохладе грота. Маленькая любознательная Катя всё светила фонариком в темноте, виден был лишь луч светодиода.

Вика крикнула в темноту:

— Катюш, пора, иди обратно! Все уходят.

Свет фонарика, освещающий пол пещеры, дрогнул, поднялся, ударил в глаза ожидающим. Вслед за потоком фотонов вскоре

из темноты появилась девочка, радостно таща что-то белое и округлое. Подойдя поближе, Катя подняла предмет вверх, ожидая триумфа, и пропишала:

— Ну вот, я нашла! А вы, дядя Вова, говорили, что нет тут пещерных медведей! А я нашла!

В руках у девочки белел череп с ровной чередой зубов. Но череп был не пещерного медведя, а человеческий.

Взрослые вздрогнули, женщины отшатнулись, старшие парни заинтересованно осмотрели пустые глазницы.

Вика, схватив дочь за шкуру, истерично заорала:

— Катя, брось! Брось эту гадость!

Катя удивлённо посмотрела на маму, не понимая, чего она так реагирует на такую замечательную находку.

Служивший в органах Борис первым подошёл к девочке, вынул из её рук череп, внимательно осмотрел. Старшие парни столпились рядом, подтянулись Владимир и Дима.

— Ишь ты, черепушка! И зубы все на месте. А это что? — указал Дима на небольшое круглое отверстие в затылочной области.

— А это дырка, — мрачно констатировал Борис.

Парни внимательно осмотрели дырку в черепе, немного брезгливо, но с воодушевлением.

— Дядя Володя, вы вот рассказывали про манси... Про жертвоприношения. Наверно, это с тех времён? Человеческая жертва?

Владимир почесал затылок.

— Ну.. Фактов человеческих жертвоприношений в описаниях обрядов манси не было. Были старые примеры, ещё девятнадцатого века, но там просто работала эмоциональная составляющая русских людей: мол, манси жестоки, убивают животных, тем более лошадей. У русских лошадь была средством производства, их не убивали и не ели. Поэтому обряды манси и интерпретировались как жестокие, и экстраполяция давала домыслы для рассуждений о человеческих жертвах. Но этого не было.

— Постойте, а группа Дятлова? — вступил в разговор Дмитрий. — Одна из версий их гибели — месть манси за осквернение родовых капищ. На горе Отортен было одно из них. Володя, ты же знаешь про это.

— Ну, там же сплошные домыслы. Никто не знает, что в действительности произошло. Так что вряд ли. Ну череп и череп. Мало ли что тут было в незапамятные времена.

— А ты говорил, что археологи в пещере уже всё раскопали? — спросил неожиданно Борис.

— Ну да, — ответил Владимир, — в этом месте было много экспедиций, да и место посещаемое. А что?

— Нет, ничего, — задумчиво ответил Борис. — Катюша, где ты его нашла?

Девочка указала на темень пещеры.

— Пойду положу обратно, — сказал Борис и унёс страшную находку в глубь земного чрева.

Обратно все шли тихо, испытывая жажду, то и дело ускоряя шаг. Обратный путь всегда быстрее и неинтереснее. Почему — никто не знает, но такое чувство возникает всегда. Вскоре дошли до моста, где их уже потерял медленно, но верно напивающийся в одного Александр.

— Ну и где вы потерялись? Уж темнеет, а нам плыть до стоянки ещё километров пять. Затемно придём, нехорошо! — возмутился он.

Катамараны спустили с берега, рассадили детей и женщин, привязали вещи и через час уже неслись по темнеющим быстрым водам бесплодной пещерной речки Чаньвы, ища подходящую стоянку. Дети увлечённо гребли вёслами, управляя катамаранами под руководством опытного лоцмана Кости. Борис чуть подмахивал веслом на последнем плавсредстве. Дима сидел рядом, глотая пиво. На очередном повороте реки показалась стоянка, подходящая для такого количества людей. Солнышко уже ушло за деревья, темнело, хотелось есть. Первый катамаран причалил к берегу, Костя махал рукой, призывая встать здесь. Борис и Дима погребли на его знак, ткнулись в глинистый берег. Дети помогли подтянуть катамаран.

— Ну чего ты смурной? — спросил Дима Бориса.

Тот покачал головой:

— Да череп этот...

— Что череп-то? Череп и череп, забудь. Древняя вещь.

— Не думаю, Дим... В этом проблема.

— Почему? Давай костёр разведём, палатки поставим, ужин девчонки сделают, выпьем. На отдыхе мы.

— Да-да, конечно... — согласился Борис, а потом шёпотом заметил: — Ты только не пугай никого. Но череп — не древняя вещь.

— Почему?

— У него на зубах пломбы. И вполне современные, — сказал как отрезал Борис.

Александр уже разжёг костёр, подростки пошли за дровами, котелок стоял у огня с коричневатой водой Чаньвы, готовый к принятию варёва, палатки раскрыли свои крылья. Вечер пятницы наступил

и принял в свои объятия маленькую группу друзей на берегу небольшой реки, которая когда-то видела и странных лесных людей, приносивших свои жертвы своим божествам.

Лето набирало обороты. На следующий день солнце вышло из-за надоевших туч, грозивших дождём и создававших духоту, и больше не переставало светить, наполняя всё радостью и теплом наконец-то наступившего короткого лета.

Но природа на Урале обманчива, и уж если даёт шанс погреться — надо им пользоваться. Что и делали путешественники. Мужики развалились на катамаранах, потягивая пиво, отдав судá на откуп течению и детям. Дети гребли неловко, неправильно, но в нужном направлении, огибая береговые опасности, женщины загорали, улавливая бледными телами желанный загар, дававший витамин D и опасность раковых опухолей.

Рыбы в Чаньве не было. Около полудня катамараны вырулили на стрелку и вкатились по безветрию и неожиданно пропавшему течению в более широкую Яйву. Дети оживились, борясь с потерей скорости, усиленно махая вёслами в направлении берега, где Костя решил встать на днёвку. Рыбалка и на Яйве не принесла результатов, хотя некоторые попробовали забросить снасти с берега. На коротком совещании мужчины решили побаловать детей и жён грибами и отправились в лес, но не все: Костя и Александр остались разводиться костёр. Дима и Борис разбрелись в разные стороны. Женщины ограничили передвижение детей сообщением о злобных клещах, которые подстергали в лесу.

Дима шёл по коряжистому лесу, пытаясь отыскать грибы. Сначала попадались редкие поганки всех разновидностей, чуть позже он наткнулся на бордовые синявки, которыми не погнушался, понимая, что в это время грибов ещё немного. Но после пластинчатых неожиданно на старых колеях, давно заросших молодыми елями, стали попадаться и обабки. Следуя за редкими грибами, Дима и не заметил, как утерял все ориентиры. Срезав последний гриб в подол футболки, который уже не вмещал дары леса, он поднял голову и не смог определить дорогу к лагерю. Подумав немного, пошёл так, чтобы солнце, светившее ранее в правый глаз, начало светить в левый. Но и через полчаса — даже после стандартного «ау» — лагеря и свидетельств присутствия живых людей он не заметил.

Понемногу Дима начал впадать в панику. Шума реки тоже не было слышно. Уже не обращая внимания на сохранность добычи, которая иной раз выпадала из подола, он, поддавшись чувству страха,

перемахивал через упавшие стволы, заросшие мхом, уже не думая, в надежде лишь увидеть блеск воды где-то впереди. Но гон остановил предательский сук, нарочно торчавший из земли в самом неподходящем месте. Дима запнулся, неловко завалился на бок, чуть не подмяв все свои найденные грибы. Хорошо ещё, что упал не на брёвна, а на мох, но всё равно ударился прилично, бок саднило. Он поднялся, подумав, что хорошо всё прошло без свидетелей, а то бы засмеяли, потёр бок, не вставая с земли собрал выпавшие грибы, и вдруг почувствовал, что на него сзади кто-то пристально смотрит. Холодный пот прошиб тело. Дима осторожно повернул голову: там, за ёлками, что-то было, какое-то движение, тёмное тело двигалось ему навстречу. Дима вскочил, отпрыгнул в сторону, готовясь к обороне, воображение рисовало медведя или стаю волков, в руке потел маленький перочинный нож. Но то тёмное, что привиделось ему, вдруг исчезло. За ближними ёлочками ничего не было. Дима, сначала решив бежать прочь, собрался с духом, любопытство пересилило страх, и он осторожно, стараясь не шуметь, пошёл в сторону елей. Зайдя за них, не обнаружил ничего, но когда взгляд опустился вниз, сердце бешено забилося. Из мха под ёлками торчал округлый предмет, желтовато-грязный, с зигзагообразными трещинами и аккуратной дыркой между ними. Дима грязно выругался и дал дёру. Лес расступился, и он чуть не скатился по маленькому обрыву в реку.

Вдали послышались голоса детей. Отдышавшись, Дима побрёл по воде к лагерю, что был, оказывается, чуть выше по реке. Про находку он старался не думать. А вдруг её вообще не было? Что за напасть?

«Водка с пивом, с утра „нурофен“... Померещилось, точно померещилось!» — неслись мысли в его голове, а проверять, померещилось или нет, совсем не хотелось.

В лагере уже кипела вода в котелке, скворчала сковородка, обдавая людей забытым с прошлого лета запахом жареных грибов с картошкой.

— Ну где ты шлялся?! Уже у всех налито! Более того, с тебя штрафная, — весело встретил его Борис, помешивая жарёху.

Дима высыпал оставшиеся в подоле грибы, поднял кружку и выпил.

— Давай все с тарелками, по очереди! Поели, и поехали, вечером на стоянке ещё баню сделать надо, — подбадривал всех Александр.

Все последовали его призыву.

А Диме хотелось выпить ещё, что было ему несвойственно. То ли возраст уже так на него действовал, то ли тот, второй уже всего за пару дней, человеческий череп с аккуратной дыркой на темени.

К вечеру усталые, но довольные путешественники встали на хорошо утоптанной стоянке на берегу Яйвы. Места было достаточно, кострище подготовлено предыдущими командами, остались даже дрова, правда, немного. Вскоре горел костёр, в отдалении старшими детьми выставлялись палатки под руководством опытных пап. Папы же, по инерции принимая немного спиртного, готовили царский ужин из жареной картошки и нарезанного бекона с луком. На стоянке была даже баня, точнее остов каркаса с обрывками плёнки и груда камней.

Александр скептически осмотрел камни:

— Ну, тут работы... Переложить всё, обвалилась печка. Плёнка-то есть у нас?

Мужчины кивнули: мол, есть, но перекладывать печку никому не хотелось. Стол ломился от нарезанного лука и помидоров, сдобренных солью и перцем, в сковородке на костре скворчала картошка. Борис аккуратно резал помидоры, перекладывая их кусочками сыра и копчёного мяса. Было совсем не до работы, тем более что в пустом садке, приспособленном под хранилище, в реке у берега остывало несколько непечатых бутылок. На том и порешили: к чёрту баню! Сели за стол, затянули разговоры. Под разговоры из леса, несколько не опасаясь зловредных клещей, примчались старшие дети, быстро умяли порцию и живо заинтересовались походной баней.

Сын Димы спросил общество:

— А что надо, чтобы баню сделать?

Мужчины осклабились, готовясь к длительному объяснению процесса, так и не начавшегося сегодня:

— Ну, вначале дров сухих... Очень сухих: ель, сосна. Потом камни переложить так, чтобы печь с поддувалом образовалась снизу, во-о-он там, — указывали они любопытным парням. — Затем всё растопить, накалить камни, принести воды с реки. Плёнку опять же натянуть на каркас, скотчем проклеить. Ну а уж после — поставить на камни каркас — и готово, баня. Да только лень уже, мальчишки...

Но мальчишки всё осмотрели, схватили сиротливо лежащую бензопилу, топор и умчались в лес.

Разговор тянулся дальше.

Владимир, раскрасневшись от еды и питья, спросил:

— Ну вот чего Путин сидит уже пятнадцать лет? Чего добился? Зачем он нам?

— Россия с колен встала, армия возродилась. Зарплаты выросли, благосостояние... — отвечал Костя.

— Как выросли, так и зарастут. В пересчёте на доллары уже упали ниже некуда! — горячился Владимир. — Тем более, чем дольше один человек у власти, тем ближе он к абсолютизму и тоталитаризму. Уже у нас нет никакой оппозиции, всех пересажали, типа, по неполитическим статьям.

— А кто вместо Путина, Вова? Кто? Есть ли кто-то в нашей стране, который смог бы заменить ВВ? Давай, как раньше, в комсомоле: отвергаешь — предлагай. Тот же принцип.

Володя немного смутился, подумав. Но вскричал с жаром:

— Да кто угодно, только уже другой!

— Так нет же никого. Жирик, что ль, или прочие? Это же клоуны. И сто пудов — кормятся у ВВ из рук. Или сам сможешь, Вовка?

— Да, — задумчиво подтвердил Дима, молчавший всё время, потому что обдумывал сложные темы медленно, не спеша. — Путина заменить некем. А зачем плохое менять на очень плохое? Всё равно ничего не изменится для народа. Как правила богатые и очень богатые, так и будут. И даже не Путин тут руководит, он-то хороший, но за его спиной куча олигархов, защищающих свои интересы.

— Ага, вот она, вечная русская беда — вера в доброго царя! — восторженно подловил Диму Владимир.

— Остыньте, парни, — деловито осёк всех Борис, всегда бывший твёрдым государственнымником. — То, что делает Путин, полезно для России! В этом нет сомнения. Нам надо показать свою силу, а не пресмыкаться, как в девяностые, перед всеми. И Крым должен быть наш, и всё остальное, что разбазарили при развале Союза.

— Так и окажемся мы снова в СССР, да ещё в сталинском, — констатировал Владимир, понимая, что его мало кто поддерживает.

— В СССР было хорошо, — заметил Борис. — Жили ведь, выжили и выросли. И неплохими. Не то что новое поколение. Наши пацаны вон ленивые, лишь бы в телефоны уткнуться. Так что спорно всё.

Мужики покачали удручённо головами, выпили по глотку, крякнув, закусили солёным лучком.

Солнце медленно скрывалось за горизонтом, дым костра создавал уют и отпугивал комарё, над рекой расстилался туман.

— Мы сделали всё, — вывел расслабленных мужчин из дремотного романтического состояния голос сына Димы.

— Чё? — удивленно спросили мужики.

— Ну, баню, как говорили. Дрова напилили, нарубили, камни переложили, всё растопили, плёнку наклеили. Короче, всё готово. Может, покажете, как в эту походную баню ходить?

Александр удивлённо встал, пошатнувшись от отлившей от головы крови, осмотрел пышущие жаром камни у уреза реки под берегом, каркас с натянутой плёнкой, покачал головой, позвал мужиков.

Вместе всё установили, проверили — под плёнкой моментом наступила жара.

— Ишь ты... А ну, айда в баню! Дима, нарви веника с берёзки. Девчонки! Баня!

Компания, уже засыпавшая, с шумом выскочила к реке, ожидая невиданного ещё наслаждения — походной бани посередь почти необитаемой тайги.

— Вот ведь, ленивые, а что сделали, — тихо, только для себя проворкотал Дима. За парней и за своего сына он был почему-то сейчас очень горд.

Воскресенье за сборами, суетой последнего дня сплава, отсутствием выпивки по причине нежелания более пить, а ещё вернее — отсутствия её как таковой, длительной дорогой обратно в шумный, пыльный, летний миллионный город пролетело незаметно. Правда, по дороге бдительный и скрупулёзный Борис решил заехать в полицию, сообщить о находке в пещере. Более того, позвал с собой Диму, как тот ни отнекивался и не желал идти в органы.

— Ты не шуми, Димон. Тихо. Мы же договорились, — увещевал Борис. — Дело такое, надо заявить. Лучше бы в район заехать, в Александровск, но не по пути, да и дети устали...

Дети совсем не устали и поглощали мороженое в салоне «газели», но Дима поддерживал, стеная:

— Ну устали, давай уж домой, в Перми заявим...

— В Перми-то заявим, но надо в район, тут ведь, пойми, дело хорошее. Дырка в черепе. Свидетелем будешь, заяву накачаем, подпишем — и всё. Я постараюсь организовать всё побыстрее, — Борис подмигнул, намекая на свою ксиву.

Дима вздохнул. Если уж Борис чего-то затеял — отговорить его было невозможно. Про второй череп он никому не сказал: как бы ещё хуже не было. Да и не был уверен Дмитрий в том, что видел его, уж больно тогда перепугался, а время вылечило галлюцинации. В Яйве заехали в пункт полиции, дежурный нехотя выслушал обстоятельный рассказ Бориса, нехотя выкинул бумажку в щель окна, сдобрив её словами:

— А вам это надо? Всё равно же никто искать никого не станет, дольше писать будете.

Борис погрозил полицейскому в окне пальцем, предъявив ксиву.

Тот изменился в лице, принял заявление, оформил всё быстро. Дима поставил свою короткую закорючку, где сказали, вышел на свежий воздух.

— Ну вот, всё правильно сделали, можно ехать, — констатировал Борис.

Дети доедали мороженки, солнце высоко, по-летнему, стояло в голубом небе, впереди была очередная рабочая неделя в то время, когда работать совсем не хочется.

Дима пытался настроиться на работу, но получалось совсем плохо. Хотелось ему снова в лес, на реку, в поход или даже на море, пусть лежать кверху пузом, но всё-таки ловить этим пузом короткое лето короткой человеческой жизни, которая вот-вот уж и подойдёт к логическому концу. Короче, работать и ехать в город совсем не хотелось.

Уже в сумерках Дмитрий, доставив сына к дорогой жене, которая затискала крупного ребёнка, усадила за стол пить чай и стала слушать его рассказы, вышел на улицу проверить давно стоящую на стоянке у дома машину и выкурить желанную, спрятанную в этой же машине сигарету. Курить он бросил, но иногда возникало желание вдохнуть едкий дым, дававший ощущение небольшого счастья. Он «пискнул» сигналкой, открыл приветливо мигнувшую машину, порылся в бардачке и извлёк мятую пачку, достал сигарету, чиркнул зажигалкой, втянул дым, закашлялся.

Небо было чистое, всё в звёздах, которые блёкло мерцали, едва пробиваясь слабыми потоками фотонов сквозь мощное городское освещение. Дмитрий выбросил недокуренную сигарету и запрокинул голову. Он думал о вечности, о том, что когда-нибудь он умрёт и его душа полетит ввысь, туда, к звёздам, и оттуда будет глазеть на весь этот суетящийся материальный мир. Дмитрий не был верующим, отнюдь, он, как человек вполне образованный и современный, понимал, что смешно и нелепо верить сказкам прошлого, которые сочинили люди, не знавшие устройства Вселенной. Но в бессмертие души своей он почему-то верил. Может быть, потому, что не хотел умирать, хотя думал о смерти. Может быть, потому, что хотел оставить после себя след на земле, а следа этого и в помине не намечалось. А раз так, раз время человеческой жизни коротко и мимолётно, то, возможно, там, в другой жизни, нематериальной, он сможет продолжить поиски смысла своего тусклого существования и найдёт свою тропу, и возведёт себе памятник. Так влияли звёзды на Дмитрия, так он улавливал возможные частицы далёкого мира, думая, что там, среди таинственного космоса, есть место и для душ человеческих.

За этим занятием настигло его странное чувство, уже испытанное им недавно: он почувал загривком, что на него кто-то смотрит. Дима огляделся вокруг, но кроме сторожа стоянки, уже, похоже, принявшего стакан вина, никого не увидел. Он подошёл к сторожу, поздоровался и спросил:

— Тут никого не было?

— Да кто тут будет? Воскресенье, ночь, завтра ж на работу людям, — добродушно ответил сторож.

Но чувство того, что кто-то за ним наблюдает, не проходило. Дмитрий поёжился от неприятного холодка, внимательно осмотрел асфальт под ногами, но ничего похожего на череп не заметил. Оглядываясь на каждом шагу, он занырнул в подъезд, поднялся на лифте к себе и с облегчением спрятался за дверь своей маленькой крепости — в трёхкомнатной квартире в центре.

Глава 2. Чёрный туман Урала

Лето всё стремилось стать настоящим летом, но природа быстро уставала от безуспешных попыток и плакала долго, нудно, холодными затяжными дождями, дула ветрами, разгоняя волны на водохранилище, качая деревья, которые гнулись и хрипели, шуршали недовольно от этой постоянной природной истерики. В конце концов лето решило совсем помереть и выдало температурный режим поздней осени. Вот тогда-то и замёрзли все обитатели предгорий Урала, тогда они и раскопали свои банки с последними монетами и потянулись в тёплые края — кто в Крым, неожиданно и бесповоротно ставший нашим, кто в Турцию и Египет, ещё доступные, кто подальше, лишь бы хоть как-то согреться. Самолёты, завывая усталыми моторами, уносили жителей суровых краёв в края нежные, тёплые, летние. Жители с удовольствием вкушали скудную самолётную еду и глазами радостно провожали в иллюминаторах свою родную землю, укрытую от ока всех богов плотными облаками.

Помёрзнув по дороге на работу и обратно, поскучав в офисе от безделья и отсутствия сотрудников, разом разлетевшихся по курортам, Дмитрий тоже решил куда-нибудь свалить. Отпуск подписали без проблем: кризис давал о себе знать, всё катилось по наклонной; просвета, кроме лозунгов о нашей победе во всём и редких истерик министров, которые вуалировали их уверенными видами президента и боеспособной армии, не было. Зарплату урезали, ладно хоть совсем не выгнали,

отпуск, естественно, дали без содержания. Но у Дмитрия были сбережения, которые он намеревался потратить в тёплой стране. Покуда оформлял через знакомую путёвку, визы, покуда уговаривал сына, который наотрез ехать отказался по причине каких-то неотложных дел в пустом городе, время шло, летний холод вводил в депрессию.

Владимир появился неожиданно и шумно, взорвав громким звонком пустой офис Димы.

— Димон, чего делаешь?

— Готовлюсь в отпуск. С женой.

— Хорошее дело. А когда?

— Наверно, недели через полторы...

— Отлично! Не хочешь ли в дальний поход за огромной рыбой и новыми впечатлениями?

Дмитрий осторожно отодвинул трубку от уха. Новые впечатления, которые сулил Владимир, могли вылиться в жёсткие проблемы, трудности, травмы и опоздание на самолёт, который должен был увезти Диму и супругу в настоящее лето. Поэтому Дима был осторожен:

— И куда?

— Хе-хе, дружище, едем в горы!

— На Алтай, что ли?

— Ну какой Алтай, Димон! В наши, уральские. Пересечём пару хребтов, спустимся к реке, по ней сплавом километров семьдесят.

— А когда вернёмся? — задал Дмитрий очень интересующий его вопрос.

— Как получится, Дима.

Дмитрия этот ответ совершенно не устраивал.

— Мне же лететь в отпуск...

— Да успеем! Чего, в первый раз, что ли?

Владимир был прав. Всё это уже было, он, как заводила всей компании, не мог жить без приключений. С его подачи был изъезжен весь родной край, от юга до севера, пройдены все реки, исследованы озёра, а также достопримечательности, рыбные места и природные памятники соседних регионов.

— Не уверен я что-то, Вова. Пару раз встречали с твоими походами на несколько дней...

— Не бойся! Идём я, ты и Сашка. Всё продумано до мелочей: едем до Ивделя, потом на местном «Урале» до точки, там надуваемся и плывём. Шикарно! Хариус будет клевать, как из пулемёта. Таймешек водится. А вдруг поймаем? Приходим к Вишере, снимаемся, едем домой. Ну чего сидеть, лето уходит, хоть и плохонькое!

Дмитрий подумал, подышал в трубку и согласился. Через пару дней рано утром они уже тряслись по дороге в сторону Ивделя, в надежде к вечеру прибыть на желаемое место. В Ивделе, городке маленьком, странном для жителя Центральной России, видевшем его скорее всего только в американском фильме о группе Дятлова, где в нём в пятьдесят девятом году есть очень много снега, аж до второго этажа домов, и единственный бар, куда ходят все жители Ивделя, люди суровые и нелюдимые, их уже ждал вполне доброжелательный молодой парень — водитель раздолбанного «Урала». Быстро скидав в кузов вещи, все расселись на скамейки и, едва удерживаясь за борта, поползли по лесному направлению к искомой точке.

«Урал» натужно ревел двигателем, сделанным ещё в СССР, но огромными колёсами крутил уверенно, поглощая долгие километры бесконечной дороги, тянущейся по хребтам и низинам, по речкам и ручьям, с неизвестными отворотами в тайгу, среди которых водитель выбирал по каким-то приметам нужный путь. Пару раз старая машина кипела, выпуская пар из-под капота. Парень набирал из ручья чистойшую воду, тёкшую с гор, и доливал в радиатор. Один раз на спуске отказали тормоза, все изрядно перетрусили, включая самого водителя, но, как и положено в сказке, куда ехали Дима, Володя и Саша, тормоза чудом в последний момент появились и всё закончилось благополучно.

Володя в перерывах между борьбой с тряской развлекал друзей рассказами.

— Так вот, едем мы по старой дороге, которая вела на рудник, где добывали никель и вольфрам. Но это уже в советские времена. А раньше тут была тропа тех же манси. Через эти перевалы они шли от своих посёлков-паулей в старые охотничьи угодья на Вишеру. И там были их посёлки, вы их знаете: это Вёлс, куда мы в итоге должны приплыть, и Улс, он немного ниже, мы там тоже бывали. Выше жилищ манси не было. А вот как раз сейчас мы будем проезжать одно из оставшихся семейных поселений манси. Вот этот отворот, видите?

Владимир указал на уходящую в лес разъезженную дорогу. Друзья кивнули.

— Там они живут, разводят скот, ловят рыбу. Угодья им законодательно закрепили, как индейцам в Америке. Но я у них не был, только читал. Можем заехать.

Дима отрицательно мотнул головой — хотелось уже доехать до цели.

— Кстати, как вы знаете, из Ивделя в 1959 году ушла в последний поход группа туристов под руководством Игоря Дятлова. Ушла она на Маньпупунёр, что в переводе с мансийского означает «Малая гора идолов», памятник природы, горное плато с останцами, которые манси почитали как символы их богов и духов природы. Шли туристы тогда зимой, не по этой дороге. Мы едем на запад, они шли на север от Ивделя. Ну вы знаете. Так вот, одна из версий их смерти — месть манси за осквернение святых мест. Как и в рассказе про епископа Питирима. Манси даже допрашивали, но они всё отрицали. Конечно, можно предположить, что именно манси сделали жертвоприношение богам, раскроив черепа и выколов глаза бедным туристам, тем более в те времена манси ещё жили в своих поселениях на Урале и ходили на торум-кан — священные места — молиться духам. Но, скорее всего, это сказки. Всё-таки это уже двадцатый век был, цивилизация. Так что мы находимся в местах древнего обитания вогулов — народа, которому принадлежала эта земля, народа манси.

Экскурс в историю усыпил Дмитрия, который свернулся в кузове между лодкой и рюкзаками, умудрившись зафиксировать своё тело, чтобы не выпасть от тряски. Он тихо посапывал, и ему снились странные люди в мешковатых цветных одеждах, несущих в руках топоры и копья, бубны и заострённые палки с черепами горностаев на тупом конце.

Огромное пространство золотоносного карьера открылось неожиданно. «Урал» выкарабкался из тайги на опустевшую землю, оставленную промышленными золотодобытчиками лет двадцать назад, да так и не покрывшуюся ничем, будто земля была заражена. Природа не хотела закрывать огромную рану, оставленную людьми. Машина медленно проехала пустошь и углубилась по едва заметной дороге в заросли, скрывавшие маленькую реку. Когда «Урал», качнувшись всем своим тяжёлым телом, встал, друзья приподнялись в кузове осмотреть воды.

Вод почти не было, через крупные валуны перекатывался поток, качая листья водных растений, глубиной не более десятка сантиметров. Володя озадаченно почесал затылок и ретировался на землю принимать вещи. Вскоре сгрузили всё, водитель «Урала» приветливо махнул рукой и уполз в обратный путь.

— Да-а... — задумчиво протянул Александр, — тут не проплыть.

— Я же говорил... Всё так и вышло. Сколько тут мели? — нервно спросил Дима прятавшегося организатора путешествия.

— Ну что вы, красота-то какая! — неуверенно произнёс Владимир. — Не ревите! Пойдём недолго, потом река силу наберёт, дожди пойдут, тогда и поплывём.

С нехорошими предчувствиями Дима, надув и загрузив лодку, с помощью Александра спустил её на воду. Лодка сразу осела на камни. Вечерело, надо было выдвигаться. С грехом пополам, под стоны того, кто застревал сапогом в крупных камнях, уже на закате три путешественника приползли к стоянке. Всю дорогу они шли пешком, таща за собой лодку. О рыбалке не было и речи. Стоянка показалась неожиданно, за крутым поворотом реки, на пороге, за тремя огромными камнями, перекрывающими бушующее русло. Лодку подхватило, едва успели в неё забраться, побило о камни и выбросило на берег. На берегу стояла ещё добротная, но очень старая, маленькая изба. На струе неподалёку виднелось сооружение в виде колоды, явно предназначенное для мытья чего-либо, подразумевалось — золота или алмазов.

Дима выскочил на берег, подтянул лодку, потом с любопытством оглядел избушку. На первый взгляд, следов недавнего пребывания человека там не было.

— Всё, устали, здесь встанем, — констатировал Александр и тут же принялся готовить незамысловатую еду: не ели с раннего утра.

— Видать, золото мыли, — кивнув на колоду в реке, сказал Владимир, — эта река была богата на золото и алмазы. Вполне возможно, что ещё остались.

— Палатки не ставим? В избушке перекантуемся? — спросил Дмитрий.

Все согласились.

Ужин прошёл незаметно, все устали и вскоре отрубались на досках грубо сколоченных полатей. Только очень умный Владимир успел перед уходом в мир сновидений выдать очередную порцию своих знаний:

— А знаете, я вот посмотрел по навигатору, именно в этих местах был один из торум-канов манси. Если успеем, можем утром поискать. Это такая маленькая избушка на высоких ножках-брёвнах. От них и пошло наше русское поверье о баба-яге, что живёт в избушке на курьих ножках. Эти избушки носили ритуальное значение. Манси считали, что в них приходят боги Верхнего мира, и даже самый главный бог — Нуми-Торум. Именно в них клали дары и жертвы в праздники. У каждого торум-кана был служитель, старик, ойка. Он следил за его состоянием, эти служители оставались аж до шестидесятых годов прошлого века, то есть даже в советские

времена. Так что вполне возможно, что избушка на ножках ещё стоит в окрестностях. Поищем...

В ответ раздавался богатырский храп друзей.

Ночью Дима проснулся от жажды. Выполз из спальника, тихо, чтобы не будить друзей, влез в сапоги и пошарил на столе. Воды не было. Вздохнув, накинул штормовку и пошёл к двери, набрать из реки. И вдруг остановился. В уши его, привыкшие уже к шуму бегущей воды, ветра в елях, редких криков ночных птах и звенящего движения крови в организме, влился какой-то иной, нехороший звук. Треск веток за стеной избушки. Дима замер, прислушиваясь. Звук повторился. Около избы явно кто-то бродил.

Озноб пронизал тело, страх, животный, плотный, обволакивающий, нахлынул на цепенеющий мозг, заставив сердце стучать часто и громко, добавив дрожь в членах. Дима медленно потянулся за «Сайгой», что всегда брал с собой, аккуратно разложил приклад, тихонько отвлёл и плавно отпустил рукоять затвора. С оружием ему стало спокойнее, дрожь прошла, подступило любопытство. Он, стараясь не скрипеть давно прогнившими досками пола, подошёл к дверке избушки и приоткрыл её, высунув ствол наружу. Ничего не произошло. Тогда Дима вышел, напряжённо вслушиваясь в звуки природы.

Луна освещала вытоптаный берег, река блестела, как старое чернёное серебро, в её нехорошем свете. На фоне тёмного неба в звёздах, проглядывающих из-за редких туч, вокруг Димы страшно чернели таинственные ели. Обстановочка была, как всегда ночью в лесу, таинственная и пугающая. Дима прижался к стене избушки спиной, сжимая вспотевшими руками автомат. Но ничего не происходило, звуки исчезли. Он сделал шаг к реке, вышел на берег, оглянулся на избушку, осмотрел её с другой стороны. Всё было спокойно. Но неожиданно ночная птица с клёкотом взлетела из-за ближайшей ели, вновь раздался треск, и Дима явственно увидел что-то тёмное, движущееся в его сторону.

Тёмная материя, которую невозможно было идентифицировать, плавно передвигалась от дальних елей леса прямо на Диму, обходя избушку с таёжной стороны. Дима не думал, палец сам нажал на спусковой крючок. Он не целился, просто направил ствол «Сайги» в направлении тёмной субстанции. Грохнул выстрел, раздался треск веток. Кто-то или что-то метнулось прочь от избы. Дима выстрелил ещё раз в воздух. Когда звон в ушах прошёл, страх отпустил, а друзья уже выбежали наружу, кутаясь в спальники, Дима вновь прислушался. Ничего больше не двигалось, всё было обычно: шум

реки, деревьев, только вот птицы больше не подавали своих голосов.

— Чё за стрельба? — озадаченно спросил Александр.

— Не знаю. Но кто-то ходил вокруг избы, — ответил успокоившийся Дима.

— Вроде никого нет, — прислушиваясь, сказал Владимир.

— Да, сейчас уже нет. Медведь, может?

— Вполне вероятно. Ладно, пошли прослабимся — и спать. Завтра километров тридцать надо пройти, — махнул рукой Александр.

Все улеглись вновь, но Диме не спалось. Когда закрывал глаза, мерещился то огромный чёрный медведь, которого он вживую, кроме зоопарка, никогда не видел, то стая волков, то вообще чёрный туман, как в сериале «Lost». Дима гладил прохладный бок «Сайги» в надежде успокоиться и заснуть, и заснул, да только во сне пришёл к нему огромный узкоглазый шаман вогулов и пытался воткнуть ему в череп острую палку. Дима проснулся, закричав, поднялся на полатах, запутался в спальнике и упал на пол под бодрый смех друзей, уже принимающих утреннюю дозу строго рассчитанного на весь поход алкоголя.

— Чего? Приснилось страшное? — весело спросил Александр, закусывая бутербродом.

— Ага, — хмуро ответил Дмитрий.

— Ну а мне приснилась женщина. Незнакомая, врач. Будто я к ней на приём. А она так халат расстегнула, грудь шикарная. «Давайте, — говорит, — осмотрим вас». И штаны мне спускает. Я уже в предвкушении, целую её, она всё ниже, и тут: «Вы больны» — говорит. Я отвечаю, мол, нет, это просто я в походе не мылся. А она ушла. Ужас? Вот и я тоже проснулся и к реке побежал мыться, — заржал Александр.

Дима вяло улыбнулся.

— Так, парни, давайте активнее, нам пора, а то к яме с хариусами так и не дойдём сегодня, а порыбачить охота, — резюмировал Владимир, сам, впрочем, даже не пытаясь изобразить деятельность. Он вышел из избышки, потянулся, позвал Дмитрия:

— Пошли прогуляемся.

Дима пошёл, а хозяйственный Александр остался собирать вещи.

Тропинка начиналась у избышки, петляла вдоль реки меж поросли ивняка и кедров, затем затерялась совсем, влившись в кедровник.

— Вон, смотри, я же говорил, — указал Владимир на четыре старых, высохших ствола, спрятавшихся за пушистыми кедрами.

Над землей метрах в трёх на этих стволах покоилась маленькая, грубо срубленная, с торчащими концами венцов, покрывтая замшелой

дранкой избушечка, как из сказки. Друзья заворожённо остановились, смотря на странное творение рук человеческих.

Дима засомневался:

— Похоже на охотничий лабаз. С чего ты взял, что это культовое сооружение манси?

— Сейчас выясним, — Володя деловито подошёл к столбам и начал копать во мху, нарощему вокруг них. — Вот! — радостно вскричал он, держа что-то в руке.

Дима подошёл поближе, рассмотрел. В руке у Володи был маленький череп с дыркой посередине теменной кости.

— Это череп белки или куницы. Причём со следами ритуального жертвоприношения манси. Вот дырка от палки шамана. Так что всё верно, я прав, это — торум-кан. Народ манси жил здесь, его прошлое окружает нас, это была их земля, вогулов, которые не боялись ничего, зная, что боги помогают, а Мир-Сусне-хум, мужчина, наблюдающий за миром, которому поручил это сам Нуми-Торум, верховный бог, следит за справедливостью, говоря: «Пусть каждый, кто на охоте убивает зверя, не приносит мне его в жертву, а помнит о том, что я есть».

Глаза Владимира сверкали научной мыслью, лицо порозовело от восхищения самим собой и своими знаниями.

Дима улыбнулся, не преминув удивиться в очередной раз содержимым мозга друга и его феноменальной памяти. Володя не только много знал, он никогда ничего не забывал, помня все нанесённые ему мелкие обиды, и иной раз при удобном случае умело напоминал о них друзьям, чтобы получить очередную долю извинений. Вот и сейчас он сощурился и погрозил пальцем:

— А вы не верили! Спали, не слушали меня! А я всегда прав, я никогда не вру.. много, — уже с улыбкой добавил он.

Дима, приглядевшись к месту, где Владимир нашёл череп зверька, вдруг резко наклонился, раскопал руками мох и отшатнулся. Из мха показалось нечто напоминающее кисть руки человека. Володя подошёл взглянуть, заинтересованно осмотрел:

— Это то, что я думаю? Ну-ка дай палку.

Дмитрий подал суковатую палку, Владимир начал копать ею мох. Кисть трансформировалась в руку, рука была в остатках рваной одежды.

— Слушай, — обратился Владимир к оторопевшему Диме, — а ты, часом, не в него ночью стрелял? Человек это...

Дмитрий подумал, что убил человека случайно, и разом вспотел. В голове неслись мысли о суде, тюрьме и «нахрена я взял с собой ружьё».

Но сумел быстро прийти в себя, успокоиться. Дима выдохнул, взял из рук Володи палку и продолжил очищать то, что лежало под святым местом манси. Через десять минут Дима разогнулся, вытер пот с лица.

— Нет. Это не я его. Он уже сгнил наполовину.

Во мху лицом вниз лежал подёрнутый тлением труп мужчины в обрывках одежды. В тканях головы, на теменной части черепа, в остатках волос виднелось круглое отверстие, уже давно облюбованное лесными насекомыми.

— Вот чёрт! — только и произнёс Владимир, а Дима, уже понимая, лишь вздохнул. Для него это был третий череп с дыркой, который он видел этим летом, только теперь явственно вырисовывалась картина убийства, и совсем не древнего.

— Знаешь, наверно, надо сообщить куда следует, — неуверенно сказал Володя, но Дима уже тащил его за рукав штормовки к лагерю:

— Вов, не надо. Не наше это дело, затаскают, мне в отпуск лететь ещё. Лежит труп, и пусть лежит. Давно лежит. Места дикие, мыли тут золотишко, мало ли что случилось. Нас тут не было — и точка!

Володя легко согласился с доводами, но у избушки всё сообщил Александру. Тот, по врождённой сермяжной рассудительности, Дмитрия поддержал:

— Не поделили намытое, вот и пристрелили поди. Нам какое дело? Нам за хариусом надо. Давайте грузитесь, да пошли.

Лодка уже почти не задевала камней, держалась на воде, которая несла её довольно быстро вниз по течению.

По берегам стояли кедры, в их кудрявых кронах виднелись шишки, покрытые толстым слоем смолы, под которой в маленьких коричневых зёрнышках скрывалась ароматная, но труднодоступная сердцевина со вкусом самой тайги. Иной раз выходил на берег сохатый, показав лишь свои рога, раскидистые, как сосны на яру, глухарь уверенным шагом, не обращая внимания на людей, заходил в густой ельник с открытого пространства.

Вода то сверкала на солнце, то становилась свинцовой от набежавших туч, но была всё время прозрачной и чистой, как слеза. К обеду из-за поворота показалась громада камня, крепко держащего рубежи берега своим гранитным боком, не дававшего реке течь в желаемом направлении. Река бесилась, разбивала волны о камень, точила его временем, но поворачивала, лишь угрожая сплавщикам мощным течением, сносившим лодки на каменную стену.

— Приехали, здесь клёв! — радостно сообщил Владимир, как будто и не было страшной утренней находки.

Пристали к берегу, собрали снасти. Серебристая рыбка с красивым плавником-парусом не заставила себя долго ждать. У каждого клевало, да так, что друзья позабыли всё на свете. К вечеру на берегу горел костёр, лилась водка по норме, на сковородке скворчал жареный хариус, вкус которого если кто узнает, то уж никогда не забудет.

— Дикие места, — бормотал Володя, с аппетитом вгрызаясь в белую с золотистым поджаренным боком мякоть рыбы. — Всё может тут произойти. Вот слышал я, что в начале девяностых на Мойве, что тут недалеко, через перевал, работали чёрные золотоискатели. Работали они и раньше, конечно, но тихо. А тут нарвались на золотой песок, жила пошла, причём почти не рыли, в реке нашли. Ну и намыли немало. По рассказам — около килограмма. Деньги большие. Как делить начали — перессорились. Ну и началась заварушка. Один троих уложил из карабина. Прикопал там же, на бережку, а сам выпил спирта, и в избушку ночевать. А наутро глаза открыл — перед ним старик стоит. Испугался, хватъ карабин, затвор передёрнул — осечка. Старик стоит, не двигается. Старатель за нож — а рука не поднимается, ножа вытащить не может. Старик подходит к столу, где мешочек с золотым песком стоял, руку на мешок кладёт, шептать что-то начинает. А тут в дверь избушки те трое заходят, убиенные. Идут тоже к столу и песок золотой себе в ладони отсыпают. А после в чёрный дым превратились и исчезли все. Старатель-убийца тогда рассудком и подвинулся, нашли его через месяц в тайге, голодного, ободранного, в руках обглоданная рука человеческая — ей и питался, видать. Откачали, в ментовку приволокли, там он всё и рассказал. В психушку отправили. Местные газеты писали тогда об этом. Так что и с тем могло то же самое произойти. Закон — тайга.

— А старик этот кто был? — осторожно спросил Дмитрий. — Манси?

— Не знаю. При чём тут манси?

Но Дима не мог отойти от всего, что увидел и услышал.

— Да при том, что какому старику тут по угодьям, как ты говоришь, родовым, кроме манси шляться? И могло быть совсем всё по-другому. Манси и убили тогда всех, а одного отпустили, чтобы рассказал, что нечего тут делать белым людям. И того, что утром нашли, тоже они... Жертвоприношение.

Владимир рассмеялся:

— Ну ты и впечатлительный товарищ! Были это родовые земли манси, да сколько лет назад? Триста! Пятьсот! Уже к пятнадцатому веку всех вогулов выдавили за Урал, на Обь, Пелым, Сосьву. Здесь и след их простыл. Репрессивная система Советского Союза работала

восемьдесят лет, всех язычников не хуже церкви вычистила. Какое жертвоприношение? Это уже далёкая история.

— Сам говорил: закон — тайга. Тут никого нет, кроме тех, кто знает, как выжить. Вполне возможно всё, — парировал Дмитрий.

— Да ладно вам, — успокоил друзей Александр, которому были непонятны многие термины и тема беседы. — Давайте лучше выпьем! Все согласились.

Река шумела, рыба в ней была нескончаема, подтверждая это редкими, но мощными всплесками, костёр дарил уют и чувство защищённости в месте, откуда до ближайшего жилья три дня пешком, а по-другому и не дойти.

До вечера следующего дня друзья плыли молча. Александр ловко правил лодкой, сидя на носу, одним веслом направляя судно меж камней в стремнины, от чего все подсакивали и мокли, или в слив у перекатов, чтобы не слезать в воду и не толкать тяжёлый груз.

На заветное место, куда стремился Володя, добрались к закату. Место находилось на повороте реки, слив отбивался в противоположный берег, стоянка, довольно загаженная, была меж двух кедров, представляя собой грубо сколоченный стол и скамьи. Место для палатки виднелось рядом.

— Здесь клюёт — закачаесть! — резюмировал Владимир, подтаскивая лодку к берегу.

И действительно, клевало. Весь вечер друзья провели на реке, вытаскивая одну за другой серебристых рыбок, некоторые из них были довольно крупными для местного уральского подвида хариусов. Жарить решили на следующий день, клёв не давал возможности и желания заниматься чем-либо другим, азарт захватил всех, и только Дмитрий, устав хлестать воду удилищем, неожиданно смотал его, вышел на берег и сел на камень, разглядывая звёзды.

Они привлекали его ещё в детстве, когда он не знал ни одного названия созвездий и не мог найти на небе что-то большее, чем «ковш», который показала ему мама. Но сами звёзды, их таинственность и отдалённость, их недосыгаемость, впоследствии — книги о звездолётах и космических путешествиях среди тех звёзд, привлекали его и завораживали. Вот и сейчас он просто смотрел на маленькие, тусклые источники света в огромной вселенной и думал. Нет, скорее не думал, просто в голове копошились какие-то обрывки мыслей о вечности, об огромном пространстве, так и не познанном им, о скоротечности бытия и отсутствии следа в этом маленьком мирке под названием «человечество». Его следа. Размышления эти преследовали Диму давно,

но кроме жалости к себе и ощущения непознаваемости и огромности мира ни к чему не приводили.

Когда-то в юности, когда ему казалось, что он может всё, Дима был готов совершать подвиги, достойные Геракла, даже хотел быть генералом, но юность как-то неожиданно закончилась, наступил период добычи средств к существованию. Его, как он думал, невероятные способности растворились в мире работы, денег, квартир, машин. Он даже не решал, что надо делать, жизнь сама определяла его цели. Жена должна быть обеспечена, дети должны жить достойно, ради этого он потратил все годы, которые считаются у человека золотыми, получая, конечно, отдачу от родных в виде непосредственной детской любви и благодарности, но вот именно сейчас, когда детки подросли, Дмитрию вдруг стало ужасно грустно и неимоверно жаль себя, доживающего с «посмертным» паспортом остаток недолгого и никчёмного своего существования. И никакие доводы друзей о том, что жить надо весело и радоваться всему, источать позитив и ощущать себя двадцатилетним, не приносили Диме никакого облегчения, как он ни пытался это делать.

Он бросился читать, пытаясь наверстать упущенное, глотал классиков, иной раз плохо понимая, что так долго и скучно пытались сказать в своих романах Достоевский или Пастернак, пролистывая нудные места, но всё равно попадая на отрывки с вопросами о многочисленных человеческих проблемах, без которых так хорошо было бы жить. В конце концов, когда совсем утомился и разочаровался, наткнувшись неожиданно на лермонтовское: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, — такая пустая и глупая штука...», Дмитрий совсем забросил литературу.

Ум его не отличался быстротой реакции, поэтому в компаниях Дима слыл молчун и довольно скучным человеком, что ещё более повергало его в уныние. И кроме этого мерзкого уныния не было у него других эмоций, они затёрлись и исчезли с годами. И лишь звёзды, под сенью которых можно было не торопясь размышлять о волновавшей его вечности, давали успокоение и благодать.

Медитацию Дмитрия неожиданно прервало что-то странное в тёмном небе над кедрами, разросшимися на крутом противоположном склоне реки. Это что-то было уже виденным, но совершенно непонятым. Звёзды, мерцающие у верхушек кедров, ещё различных на фоне ночного неба, вдруг заблестели сильнее, мигнули и погасли. Деревья заходили ходуном, будто из-за налетевшего ветра, но ветра не ощущалось, а там, над противоположным берегом, разлился вдруг

чёрный туман, быстро скрывая всё вокруг. Дима ощутил холод, могильный, липкий, страшный, как в склепах Средневековья, что он посещал в зарубежных поездках. Он вскочил, замахал руками:

— Вы видите?

Друзья обернулись на его возглас, посмотрели в сторону, указанную рукой бедолаги.

— Чего видим? — недоумевающе спросил Владимир.

Александр же, как человек вполне природный, ещё долго высматривал противоположный берег.

— Что там, Дим? Медведь? Человек?

— Да нет, ну вот, туман какой-то чёрный, ну смотрите!

Александр и Владимир ещё раз посмотрели на берег, оставив на время рыбалку. Потом смотали удочки и подошли к костру.

— Да, пора уж выпить. А то, гляжу, Димка у нас уже употребил лишку. А мы-то ни в одном глазу, — насмешливо сказал Александр.

Владимир кивнул.

Дима вновь посмотрел на кедрч, но тумана не было. Остался лишь странный холод, но не в воздухе тёплой летней ночи, нет, только лишь там, в недрах его бездоказательно существующей души.

Дни летели незаметно. Дмитрий уже совсем привык к лесу, реке, отсутствию гигиены. Ему было комфортно в палатке, прекрасно в лодке, даже если эта лодка то и дело застревала на мелких перекатах. Вообще, он быстро привыкал к дикости и очень медленно отходил от первобытного состояния в городе. Там ему всё казалось шумным, лишним, беспокойным, совсем ненужным. Почему — он не задавал себе такого вопроса. Вообще задавать себе вопросы, на которые нет ответа или ответ очевиден, было не в его характере. Дмитрий жил так, как получалось. А получалось так, как он очень-очень хотел. Да только вот с возрастом желания стали пропадать, а жизнь — преснеть. И лишь редкие вылазки в тайгу или на безлюдную реку вносили в его существование какие-то новые краски. Поэтому Дима, забыв быстро о черепах, полусгнивших трупах на заброшенных священных местах странного народа манси, о котором он толком ничего и не знал, а короткие лекции Владимира не оставили в его памяти следа, — весело употреблял остатки пива, сидя за вёслами.

Александр же бросал удочку и, сидя в лодке, умудрялся нет-нет да и вытянуть очередного хариуса из бегущий вдаль струи.

Реки, текущие с гор, имеют одну особенность: если смотреть на их ленту в сторону устья, туда, куда несётся вода, разбиваясь о порожки и перекаты, особенно в узком месте после поворота, кажется,

что земная поверхность явственно уходит вниз, таща за собой массы воды согласно закону старика Ньютона. Вот так же и лодка, как с горки, катится вниз, стремясь успокоить свою энергию, накопленную долгой дорогой к началу сплава, и найти успокоение там, где-то внизу, где всё должно прийти к логическому завершению и окончательному умиротворению. Дима созерцал этот удивительный мираж, понимая, что кривизну Земли никак не разглядеть с резиновой лодки, и ждал конца пути, и по реке и, возможно, по жизни.

Но путешествие закончилось совсем не так, как ожидали друзья. На четвёртый день показались скалы, торчавшие как груди каменной бабы из прорех её одежд-трав; сосны и кедры сменились обширными выкошенными полянами, на полянах выставились рёбра жердей для метания стогов, где-то голые, где-то уже заваленные свежим сеном.

— Подъезжаем. Посёлок, — объявил Владимир, который всё на свете знал, но и без его объявлений было понятно.

Александр заёрзал на носу лодки, подруливая веслом. Пиво и водка, как ни рассчитывали, закончились ещё вчера, а человеку природы очень необходимо было топливо для продолжения нудного, по разбитой дороге, пути домой.

Посёлок показался неожиданно, выступив убогими серыми домиками из-за камней и полян. Не дождавшись поворота к Вишере, гонимый жаждой, Александр подогнал лодку к разбитому спуску от первых домиков и, сжимая в руке влажную купюру, помчался через деревню к магазину с искомым продуктом. Друзья, посмеявшись, остались ждать его на берегу.

Ждали долго, понимая, что магазин на другой стороне, проще было обогнуть посёлок на лодке, но терпели — а что ещё остаётся друзьям? Берег, где они стояли, был пустынен, лодки-чалдонки с бережно снятыми моторами жались к земле, как чёрные ужи, хвостами своими указывая направление течения воды, и лишь деревенские куцые псы осторожно смотрели на незнакомцев, ожидая то ли подачки, то ли пинка. Неожиданно они разбежались, спрятались в кустах у сараев, почуяв опасность. Дмитрий тоже встревожился, шестым чувством определив, куда обратить взгляд.

С берега от посёлка по колеям дороги спускались несколько человек. Один из них был Александр, но без бутылки, с каким-то побитым выражением лица, остальные были незнакомыми, походка их была уверенной, взгляд твёрдым, одежда городской, из китайских модных магазинов, и лишь один из мужчин был в мешковатой форме сотрудирика полиции. Люди подошли к Владимиру и Дмитрию,

профессионально окружили, один из штатских кивнул головой, обращаясь к Александру:

— Твои?

Тот кивнул виновато. Второй вопрос был обращён уже к ним:

— Оружие есть?

Дима вздохнул, достал из лодки «Сайгу», понимая, что ничего хорошего эта встреча не сулит. Володя решил пойти ва-банк:

— А вы кто?

Человек в штатском достал из кармана ксиву.

— Капитан полиции Егоров.

Ксива мелькнула перед носами друзей своими внушительными внутренностями и исчезла в кармане капитана. Полицейский в форме забрал оружие, покачав головой:

— А что нарушаем? Оружие должно перевозиться в чехле со снятым магазином, патроны отдельно, а у вас вон чего — пали хоть сейчас. Путёвка охотничья есть?

Дима покачал головой.

— Документы на оружие и личные, — коротко попросил капитан.

Дима документы выкопал из недр одежды, но паспортов и прав ни у кого с собой не было.

Капитан ухмыльнулся, обратился к своему, кивнув на «Сайгу»:

— Петь, смотри, семь шестьдесят два, патрон АКМ. Вроде подходит.

Тот, кого звали Петя, кивнул, а капитан объявил:

— Так, все задержаны до выяснения. Руки за спину, вперёд, за мной. И тихо, без нервов.

Друзья гуськом пошли за капитаном, но руки за спину не заложили. Владимир пытался качать права:

— Чего за тридцать седьмой год, за что нас арестовали?

— Не арестовали, а задержали. Имею право на сорок восемь часов. Как подозреваемых.

— За что?

— Разговорчики! Составлю протокол, там всё объясню, поясню, расскажу. Или сами признаетесь. Вперёд, не тормози!

И все пошли вперёд по грязной улице старого посёлка, отрезанного от цивилизации полутора сотнями километров разбитой дороги, не имеющего даже электричества, но всё равно усердно охранявшегося сотрудниками органов, непонятно как тут оказавшимися.

Собрали всех в магазине, который стоял недалеко от берега Вишеры. Река была полноводной, быстротекущей, манящей, но до неё,

как и до свободы, узникам совести, как полагал Владимир, было далеко. В магазине на окнах были решётки, видимо, от навязчивых покупателей, на полу сидел десяток мужиков деревенского вида, в резиновых сапогах и фуфайках, створки окон были открыты для проникновения чистого воздуха и отсоса табачного дыма, коим было наполнено всё небольшое пространство магазина. Друзей завели туда же и закрыли за ними старую, обитую дерматином дверь на висячий замок. Оглядев общество арестантов, Александр и Дмитрий примостились на полу у окна, Владимир же нервно ходил по оставшимся двум квадратным метрам:

— Гады! Как они могли, меня, уважаемого человека, ни за что в кутузку? Да я приеду в город, я им устрою...

Что он им устроит, Владимир не договорил, потому что смутно представлял, что же он может. Но пыл его не проходил. Он мерил шагами ограниченное пространство, пытаясь обязательно кого-то задеть. Мужики деревенские его не останавливали, тихо сидя на скамьях и прилавке. Один из них протянул руку к полкам, на которых стояли редкие продукты, и снял оттуда пластиковую бутылку пива. Осторожно открутив крышку, которая издала характерный пшик, мужик осторожно поднёс горлышко к губам и с чувством долго глотал содержимое. Затем, остановив жестом Владимира, протянул ему:

— Ну не мельгеши, паря! На, хлебни.

Владимир остановился, посмотрел на мужика испепеляющим взглядом и отказался. Но предложение деревенского подействовало отрезвляюще, он прошёл к друзьям и тихо сел рядом в уголке на пол.

Деревенский протянул бутылку Диме. Тот машинально взял, хлебнул тёплого пива. Александр проделал то же самое, после закупив.

— От, паря, курево вредно. От курева чего тока не случается. И грудью страдаёшь, и ваще. Лучше вот пивко, — спокойно сказал деревенский мужик, принимая бутылку от Александра. — А иной раз и водочку можно. Васильич, глянь, у Машки под прилавком водочки нет?

Васильич, тщедушный мужичок, сидевший у прилавка, глянул, помотал головой.

— Не, Вань, у неё ж лицензии нет, а тут менты. Успела схватить.

— Ну и пивком побалуемся в таком разе, — умиротворённо произнёс мужик, звавшийся Иваном.

Дима, почувствовав приязнь после совместного распития, осторожно спросил:

— А чего тут происходит-то?

Иван отпил ещё, вытер усы рукавом, неспешно пояснил:

— Менты. Стволы изымают незаконные. А тут их со времён царя Гороха — куча. Ладно, Васильич вон предупредил, да только не всех. Кто успел сховать, а кто и нет. У меня «тулку» изъяли, дедову ещё, у Николы — СКС*. Ежели поискать, то и пушку в деревне найти можно, — усмехнулся Иван и вылакал полбутылки.

— А что за шмон? Из-за чего?

— А вы туристы, что ль?

— Ну..

— Откель шли?

— С Сибиревского.

— Понятно. Воды нынче мало, тащились, поди?

Дима кивнул, так и не дождавшись ответа на свой вопрос.

Тут дверь магазина брякнула затвором, заскрипела, полицейские ввели ещё одного человека. Он был небольшого роста, в отрепье, в сыромятных самошивных сапогах. Когда Дима присмотрелся, привыкнув к солнцу, бьющему в проём двери, то увидел, что человек был грязен, куче бородат, узкоглаз и круглолиц. И был он очень старым. Старика полицейские усадили на пол, тот не сопротивлялся, тихо сел, уткнув бороду в колени. Дверь закрылась.

Иван обернулся к новому узнику, узнав:

— Егор-ойка, тебя как взяли? Егор это, старик-манси, редко тут ходит, — пояснил он Диме зачем-то.

Старик промолчал, так и не подняв головы.

— Да ты совсем сдал, Егор, — продолжил Иван, — раз попался. Какими судьбами?

Старик поднял глаза на Ивана, вроде бы узнал, махнул тёмной, сморщенной ладонью:

— Шёл за уницей. Зашёл к вам. Люди тут. Ружьё забрали. Патроны забрали. Сюда привели, — и вновь уткнулся бородой в колени.

Иван кивнул, понизив голос, обратился к Диме, предложив пива:

— Того он, головой болен. Юродивый, типа. Ходит иногда тут, редко. Уницу, соболя иной раз в капканы берёт. Откуда, где живёт — никто не знает. Придёт раз в год, то зимой, то летом, шкурки сдаст за копейки, крупу возьмёт и обратно. Куда — никто не знает. Пару раз его на перевале видел, с той стороны шёл, с востока. Уж его-то отпустили бы, псих же он.

Дима кивнул, соглашаясь.

---

* СКС — Самозарядный карабин Симонова.

— А шухер-то у ментов знаешь почему? — неожиданно спросил Иван.

— Почему? — наконец дождался ответа на первый вопрос Дмитрий.

— Да девка у них пропала.

— Какая девка?

— Ихняя. Чего-то попёрлась на Вишеру, то ли по службе, то ли так, из Топорска. Её егеря до Круглой ямки подняли, а то ли до Мойвы. Ну и оставили. А на днях буря была, тайга падала в верховьях-то. Не застали?

Дима покачал головой.

— Ну вот, — продолжал словоохотливый Иван, — в ненастье егеря по своим избушкам, — Иван про егерей говорил с явной неприязнью, — а её оставили. А потом ни слуху ни духу. Искали пару дней, затем вот они припёрлись, — кивнул Иван на запёртую дверь.

— Так что за девка?

— Так тож мент. Ясно же, паря. За простую они впряглись бы разве? — утвердил Иван, присосавшись к бутылке с остатками пива.

Старик сидел тихо, чуть покачиваясь, иной раз бормотал себе под нос в кучую бороду что-то. Руки его, зачернённые солнцем и ветрами, чуть дрожали, видимо от возраста. Пахло от старика невыносимо, но в общем смрадном запахе Дима уже почти ничего не чувствовал.

Вскоре засов двери вновь стукнул, полицейский, вчитываясь в разрешение на оружие, что изъяли ещё у лодки, назвал его имя. Дмитрий поднялся, вышел на солнце. Полицейский провёл его в соседний дом, который, оказывается, был администрацией посёлка: на власть, сидящую в избе, указывал потрёпанный, выцветший флаг государства, скучно повисший, как будто стеснявшийся своего вида. Там, за столом, сидел уже знакомый Дмитрию капитан в гражданке, на столе лежала «Сайга».

— Присаживайся, — предложил капитан. Дима сел.

— Что делали в лесу?

На странный вопрос Дима ответил развернуто: рыбачили.

— Охотились?

— Нет.

— А почему порохом пахнет? — придвинул чувствительный нос капитан к стволу ружья.

Дима вздохнул и всё рассказал.

Капитан почесал немытую голову, от чего волосы у него на ней встали, как молодые сосны на яру. Затем он развернул выдавший

виды атлас области с выпадающими листьями и жестом подозвал Диму поближе:

— Покажи, где труп нашли.

Тот поискал глазами ориентиры, подумал и ткнул пальцем. Капитан повернулся к какому-то мужику, стоящему в углу.

— Слышь, туда можно добраться?

Мужик взглянул и отрицательно покачал головой:

— Не, на лодке не пройти, мелко. Только пешком: от первого кордона на семьдесят первом тропой через перевал. Дня два... — мужик оценивающе посмотрел на капитана и передумал, — не, вам все три.

Капитан задумчиво выругался.

— Ну, или вертолёт...

— Я тебе олигарх, что ли? Вертолёт... Где я вертолёт возьму? Слушай, — капитан вновь обратился к Дмитрию, — а труп точно давнишний? Мужской?

Дима подтвердил, что точно.

— А больше никого там не встречали? Девушку, например, или людей с оружием?

— Нет, никого.

Мат капитана был незлобивый, усталый, простой. Это было выражение его бессилия, усталости, бессмысленности бытия и отсутствия желания что-либо предпринимать. Он вытер лоб, покрытый испариной, кивнул на стол:

— Забирай ствол, документы. Свободен.

— А друзья мои? — озабоченно спросил Дмитрий.

— Сейчас опросим и отпустим. Подожди.

— А кого ищите-то?

— Кого, кого... Дуру одну. Какого рожна она туда одна попёрлась, упрямая стерва! Тыфу! Короче, не твоего ума дело, свободен, я сказал.

Дима, почуввав возможные неприятности и ощутив вкус свободы, поспешил ретироваться к магазину-застенку, ожидать на завалинке друзей. Но первым вывели старика, сводили на допрос и выпустили.

Старик медленно вернулся обратно, держа в руках старое ружьё, перемотанное синей изолентой, посмотрел на солнце, прищурился, сел рядом с Димой, обдав его ароматами природы и давно немытого тела. Дима инстинктивно отодвинулся, старик же достал самодельную трубку, набил её чем-то и выпустил через нос клубы вонючего дыма. От старика исходили волны древней, давно забытой силы, которую может дать человеку только основатель мироздания. И Дмитрий каким-то образом чуял эту силу, она была мощная и светлая,

совсем не такая, как холодный мрак чёрного тумана, что безумно пугал его на днях.

Старик неожиданно повернул голову к Диме, что-то сказав, но тот не расслышал.

— Что, бабушка? — уважительно переспросил Дима.

— Духи леса сердятся.

— Какие ещё духи?

— В каждом лесу есть духи. В каждой реке есть духи. В человеке только иной раз нет. В тебе есть.

— А чего сердятся? — пропустил мимо ушей Дима замечание про себя.

— А разве можно не сердиться им? Разве всё хорошо?

Дима задумался, не понимая, что имеет старик в виду, присоединение Крыма, войну на Донбассе, коррупцию в Госдуме, нефтяной кризис или вырубку леса «Соликамскбумпром». Но ведь и верно, не всё хорошо...

— Вот и сердятся. Туман чёрный идёт с гор. Когда всё окутает — кончится мир.

Дима поразился, прислушиваясь. Чёрный туман? Старик видел его?

— Вы, бабушка, чёрный туман видели?

Старик качал головой, то ли подтверждая, что видел, то ли просто сокрушаясь, что духи сердятся.

— Духи требуют жертву. Да кто им принесёт жертву? И хватит ли жертвы успокоить их? Торум-каны осквернены. Где манси, что жили раньше? — продолжал вещать старик.

Дима вдруг всё понял. Вскочил, наклонился к старику.

— Дед, а кроме тебя манси ещё тут ходят? Живут?

— Живут, ходят. Мало живут, мало ходят. Чёрный туман всех убьёт. Надо петь старые песни, что пели старики, надо жертвовать духам. Все видели чёрный туман, он холодный и мрачный, он зло, накопленное веками. Жертва...

Дима зашагал по тропинке, пролежавшей мимо магазина, меряя её шагами от завалинки до покосившегося забора. Мысль заработала, но мысль была совсем нехорошая. Жертвенные места, черепа с дырками на них, полусгнивший труп, чёрный туман, месть духов, жертва... Есть ещё такие манси, что приносят жертву. Есть, и они рядом. А жертвы у них — человеческие. Дима вскинул глаза на старика с намерением допросить его и вывести на чистую воду, но старика на завалинке уже не было, а со стороны администрации к нему шли Владимир и Александр.

— Всё, поехали, там автобус уже заждался, — махнули рукой друзья в сторону транспорта.

Перебравшись через быструю Вишеру и кое-как собрав лодку и вещи, закинув их в автобус, все уселись по местам и потряслись по раскатанной большегрузами утомительной дороге до асфальта. Пока выезжали со стоянки, к берегу причалили лодки, люди в форме выгрузили что-то в чёрном полиэтиленовом пакете. Вообще, полиции на том и этом берегу было много.

— Чего это тут? — спросил водитель автобуса.

— Ищут кого-то. Пропал мент, — односложно ответил Александр, указав рукой на мешок, который выгрузили из лодки:

— А ведь это жмурик. Не тот, которого ищут?

Все промолчали. Всем хотелось выбраться из леса, где пропали люди и валяются мертвецы.

По дороге Владимир развлекал попутчиков домыслами о популярном понятии.

— Вот внедряют сейчас патриотизм в массы. А что есть патриотизм? Патриотизм есть любовь к патриии — отечеству, сиречь социуму, в котором живёшь. В современном понятии — любовь к государству. А за что же нам любить государство?

Думать было лень, но Дмитрий пробурчал под нос:

— За то, что оно дало нам жизнь, образование, работу.

Владимир рассмеялся:

— Жизнь тебе дали родители, причём сами получили удовольствие. Образование получил ты сам, хорошо, согласен, с помощью государства, которого уже нет. Работу, мне думается, ты сам себе нашёл, благодарить государство можно лишь за то, что оно тебе не мешало искать. Итак, вопрос остался. Любить родину — это как? Что есть родина для нас? Исчезнувшая страна СССР? Или новая Россия? А если ты башкир, то Башкирия? А если космополит? То вся Земля? Как быть патриотом? Поэтому я утверждаю: патриотизм — понятие, навязанное властью и всячески ею лелеемое для того, чтобы люди в случае чего власть эту защитили.

— А вот для меня патриотизм — это любовь к моим близким, — вступил Александр. — Я вот люблю всех: сестру, детей, маму, друзей. Это моё окружение.

— А других людей любишь тоже?

— Ну, если человек хороший, чего же его не любить? Например, красивая девушка, — улыбнулся Александр.

— Опять ты про девушек! Уж пора успокоиться!

— Чего это? Мне дед завещал: пока стоит — всех...

— Ладно, я не об этом, а о том, что в наше время патриотизм насаживается искусственно для создания национальной идеи, вокруг которой должно объединиться общество. Потому что без поддержки масс государство не выстоит. Но есть ли реальный патриотизм в нашем обществе?

— А чего нет? Есть! — опять под нос пробормотал Дмитрий. — Вот если война, неужели ты не пойдёшь защищать свою семью, друзей, родину?

— Пойду, — согласился Владимир. — Но не потому, что я родину люблю, а потому, что не хочу быть белой вороной. Если все идут — то и я тогда.

— Стадное чувство? — усмехнулся Дмитрий. — Ты же всегда был индивидуалистом и не таким, как все. Должен, стало быть, бежать в леса в качестве дезертира.

— Унижаешь? — прищурился Владимир.

— Даже не думал. Просто предположил.

— Я дезертиром не буду. Даже если война несправедливая. Потому что лучше погибну я, чем мои дети, дети моих друзей и мои друзья. Я фаталист, жизнь конечна, смысл ждать конца в плече у камина или в лесу в землянке? А ты думал, тогда, в сороковых, все на фронт пошли по патриотическому порыву? Нет, потому что гнали, потому что детей жалко и потому что жизнь — говно. Вот так.

— А я бы в партизаны пошёл, — сказал Александр, дожёвывая задохший бутерброд. — Вот сбежал бы из армии, засел бы в лесу и там мочил врагов из-за куста. И не дезертир вроде, и не так страшно. Партизанам раньше тоже награды давали.

— Кстати, патриотизм всегда поддерживался властью и никогда — церковью. Это сегодня, когда церковь стала духовным придатком государства, она проповедует любовь к месту, к материальному, а в чистом виде изначально церковь проповедовала любовь к богу в противовес любви к государству, монарху, роду.

— Ну, затянул свою волюнку, — махнул рукой Дмитрий. — Знаем, что ты материалист. Ты лучше скажи мне, ты про манси откуда всё взял?

— Книги читал, — гордо ответил Владимир.

— Дай и мне почитать.

— Тебе зачем?

— Надо, — уклончиво сказал Дмитрий, не желая, чтобы его поднял на смех этот умный друг.

— Ну... Я читал Интернет, если честно. У меня такое правило: если куда едешь — всегда читаешь. Википедия.

— А про группу Дятлова? Про жертвоприношения?

— Да я толком не знаю про всё это.

— Ну про Питирима же ты рассказывал.

Владимир улыбнулся, виновато опустил голову:

— Про Питирима я придумал. Нет, убить-то его вогулы убили, но про то, что съели печень — это преувеличение. Для детей, чтобы испугались. Люблю пугать маленьких.

— А про пробитый череп?

— Про какой ещё череп? А-а-а, ну да, читал, череп они пробивали кунцам, которых приносили в жертву.

— А людям? — уже настойчиво спросил Дмитрий.

— Людям? Жертвам? Череп? Не слышал. В Интернете про это ничего нет, — засмеялся Владимир. — Так зачем тебе всё это? Тот трупак в голове всё?

Дима насупился и отвернулся к окну, за которым медленно тянулись ели и сосны старой дороги. По ней, возможно, древние манси шли к Вычегде принести в жертву бедного святого великомученика Питирима.

По приезде в город, который встретил Диму духотой выхлопов, спёртым воздухом от дыхания соотечественников и сплошной суетой, он, немного поразмышляв у телевизора, отправился к другу Борису, который ради него вышел из своего высокого, давящего здания внутренних органов на пусть пыльную, но всё-таки более свободную по духу улицу.

Встретились в кафе на старом проспекте, который в силу своей доавтомобильной планировки пропускал мало урчащих машин, был немного зелен и тенист, любим мамочками с колясками и стариками, ностальгирующими по старым временам. Кафе раскинуло свои сети-паруса у величественного памятника архитектуры времён сталинизма, чем и привлекало праздных прохожих, а с ними и деловых, занятых людей, какими пока что считались Борис и Дмитрий.

Заказав по чашечке кофе с мороженым по старой привычке юности, они развалились на стульях, подмяв под себя удобные подушечки.

— Как стогнали? — спросил Борис, тоже любивший недурно выпить на лоне дикой природы.

Дима пожал плечами — мол, как всегда.

— Рыба была?

— Была. И рыба, и мертвец, и твои коллеги.

— Вот как! Ну-ка, расскажи поподробнее.

Дима рассказал, приукрасив, чтобы собеседник не заскучал, хотя скучать при таких новостях было невозможно. Утаил только про чёрный туман, как событие хоть из ряда вон выходящее, но всё же странное и мистическое, а мистика не воспринимается служивыми государственными мужами, и про старика манси ничего не сказал, чтобы не испортить картину своими домыслами. На удивление, Борис слушал внимательно, на смешных местах не улыбался и вообще был довольно напряжён и сосредоточен. В конце повествования, не понимая реакцию друга, Дима решил задать вопрос, с которым он и пришёл в надежде получить ответы:

— Борь, скажи, у тебя же есть связи там? Меня очень интересуют события 1959 года на перевале Дятлова. Ну, знаешь ведь, сейчас много мусолят. Там, где девять человек погибло. Ты можешь мне достать хоть что-то, как они погибли, что случилось там и какую роль играли манси? Ведь, насколько я наслышан, манси допрашивали. Понимаю, тяжело, но вдруг какая оказия?

Борис прищурился, услышав просьбу. До этого сидел, мороженое не ел и лишь прихлёбывал кофе. Дима же, пока вёл повествование, свою порцию давно сметал и присматривался ко второй.

— Зачем тебе? Я бы не удивился, если бы это попросил Вовка, наш писатель-интеллектуал, для какого-нибудь своего нового исторического произведения. Но ты?

— Ну... Просто так, — замялся Дима, понимая, что раз сказал «а», придётся произносить и «б».

— Ага, просто так. Не уверен, что у меня есть доступ, да и регион другой. Дело тухлое, мне кажется, — Борис почему-то не продолжил допрос, хотя Дима уже обдумывал, что бы соврать ему, понимая, что чёрный туман, старик-манси, древние обряды, человеческие жертвоприношения и его, Димы, решающая роль в разгадке тайны пробитых черепов, а потом всеобщая известность и слава, одобрительные взгляды друзей, восхищённый — жены и детей, полные страсти женские незнакомые глаза — это довольно смешно. Хотя именно это рисовало воображение в его голове, именно это неожиданно всколыхнуло его разум, который, как и все умы мира, варился в собственном виртуально-материальном мирке, пытаясь возвыситься над всеми, но так и не находя ни возможностей, ни способностей, ни случая. А вот случай Диме-то и привалил. Чем он хуже Бориса? Чем он хуже Володи? Да он может всё, и даже больше. Он один раскроет тайну происходящего, подарит правду людям и напишет статью в местный,

да нет, в столичный журнал, как Песков про Лыковых в советские времена, и прославится.

Вдруг Борис залпом допил кофе, наклонился к Диме и полушёпотом произнёс:

— Ты бы не совался никуда.

Как будто все мысли прочитал.

— Почему?

— Тут дело такое. Нехорошее. Когда мы с детьми вернулись со сплава, меня на следующий день вызвали к начальству, сказали, что то заявление, которое мы в Александровском райотделе писали по черепушке с дыркой из пещеры, забрать. Причин не объяснили. Но в кулуарах идут разговоры, а ты со своим трупом тому подтверждение.

— Какие? Что? — напряжённо спросил Дима.

— Останки людей находят по всему северу, от Ныроба до Свердловской области. С дырками в макушке. Концов найти не могут. Глухарь. Дело начинает иметь нехорошую окраску, могут зашататься стулья под генералами, понимаешь? Вот и скрывают пока, заявления не принимают, делу хода не дают. До твоих ли манси сейчас? Всё управление на ухах. Тут ещё девка пропала...

— А что за девка? — не утерпел Дима, пытаясь удовлетворить любопытство, вытащить из Бориса хоть крупицу информации, хотя и так подумать уже было достаточно.

— Как раз, когда вы на рыбалку укатили, в сводке прошло, что на Вишере обнаружен труп мужчины. С метеостанции сообщили, из заповедника. Дело на всякий случай сразу же в урну спустили по понятным причинам — уже объяснил, но всё же решили проверить: может, турист какой подох от инфаркта. Направили следственно-оперативную. А там ураган был, группа у егерей осталась, а дура эта из районного следственного управления, молодая девка, попёрлась в заповедник. Ну и всё... Чего попёрлась, зачем — не знаю.

— А что всё?

— Через день поехали за ней краснореченские алкаши наши, а её нет. Ни следа. Ничего. Вот уже неделю ищут, вертушку поднимали — пусто.

— А труп?

— Труп на месте. Тоже с дыркой в башке. Короче, Дима, у нас в управлении конкретная паника, честно говоря, не до тебя, генерал рвёт и мечет, чует задницей беду. А с девкой уж точно до Москвы дойдёт информация. Так что вот. А ты тут с делами давно минувших дней. Уж прости, библиотека и Интернет тебе в помощь, но не я.

Борис улыбнулся виновато, пожал руку и ушёл в сторону башни, в которой, по легендам, в тридцать седьмом расстреливали неугодных власти. Дима же в ажиотаже слопал его порцию мороженого и лихорадочно обдумывал свои дальнейшие действия.

А действия и обдумывать было нечего. Путёвка в тёплую страну лежала дома на столике, жена собирала вещи, в ближайшую неделю самолёт должен был унести Дмитрия и семью на лазурное море, в одну из последних доступных ещё стран Средиземноморья. Дима был в замешательстве. С одной стороны, на море хотелось. Море он первый раз увидел уже взрослым, и влюбился в эту бескрайнюю ширь солёной воды. Но и лес, речка, низкие горы, крылья палатки и тайна, разгадать которую он вознамерился, тоже влекли его не менее, а может, и более сильно. Чтобы не повредить своё сознание двойственными желаниями, Дима решил заняться совсем нелюбимым делом: составить план.

Обычно он никогда не занимался планированием своей жизни, она текла, как река, иногда ускорялась, иногда переворачивала лодку, а в основном плавно разливалась, увлекая за собой тело и сознание Димы по краешку тихого бережка. И он редко задумывался над тем, что бы такого сделать — жизнь сама решала за него и давала повод к действию или неге. Раздумья его затрагивали лишь ту часть жизни, которая вела к концу. Дима никогда не был религиозным человеком, никогда не увлекался сектами и специфической литературой, но иной раз в процессе успокоения и ретардаций он нет-нет да задумывался о том, что же будет после него. И не успокаивали его слова коммунистов о светлом будущем, не верил он и церкви в её призывах к воскресению, и пугалкам о страшном суде. Атеистические призывы жить одним днём и ждать червей, которые сожрут тело, когда погаснет искра разума в нём, вообще его не устраивали. Дима любил своё сознание не меньше, чем своё тело. И по состоянию физических возможностей было понятно, что тело клонит к земле и этот процесс необратим, но вот факт того, что его душа возьмёт и прекратит существование, Диму не удовлетворял. Думы эти нападали на него неожиданно, несколько пугали своей неразрешимостью вопроса, но он всё равно пытался понять суть жизни и смерти и как душа поведёт себя потом, там, в неизвестности. Правда, сейчас всё это отошло на второй план. Дмитрий после кафе направился напрямик к Владимиру, дабы выяснить у него все источники информации по манси.

Владимир заседал в пыльном офисе на одной из центральных улиц города. Когда-то именно здесь была сосредоточена вся жизнь

горожан, деревянные тротуары гордо топорщили свои доски, показывая, что тут живут не простые граждане, а уважаемые и даже почётные. Храмы толпились вокруг тротуаров, как будто понимая, что именно тут, у почётных, можно неплохо пожить. И верно, в центре города, возникшего на руинах давно забытого медеплавильного заводика, всегда былолюдно: тут и чиновники разного ранга, гимназисты и реалисты, просители из губернии, цыгане и разгуляевская шпана, калики перехожие, бредущие от монастыря к монастырю, служители культа, кухарки и плотники — разный народ кучковался у доходных домов, церквей и присутственных мест. Улочка эта осталась нетронутой и во времена лихие, в революцию и Гражданскую, всё благодаря богатым домам, где было удобно разместить учреждения новой власти, а заодно и пограбить награбленное. Дома, распотрошённые изнутри, снаружи были непоколебимы, мощны и устойчивы, лишь деревянные тротуары канули в Лету истории, сменившись асфальтовыми, а в новейшей истории — плиточными, любовно выложенными гастарбайтерами из южных республик. Чиновников всё прибавлялось, над домами выросли уродливые этажи для вмещения всех; флигели, дворницкие и каретные потихоньку рассыпались, обнажая красную глину старых карьеров, из которой когда-то были отлиты кирпичи, но в целом улочка напоминала Диме красивый город Санкт-Петербург, куда он любил в юности сгонять на стипендию — послушать уличные рок-банды.

Дома, выстроенные в позапрошлом веке, ещё пытались казаться основательными, хотя их уже изрядно подпирали сзади огромные новостройки, по мнению властей, выдавших разрешение на строительство, вполне вписывающиеся в пейзаж старого города, а в действительности ничего общего с ним не имеющие. Таинственные арки, ведущие в лоно дворов, остатки лепнины на фасадах, окна цоколей, вросшие в землю, привлекали взгляд Дмитрия с детства, рисовали в голове картины графских покоев, спрятанных внутри домов. Но внутрь Дима никогда не заходил по двум причинам. Во-первых, он не любил власть, уютно и издавна расположившуюся в этих старинных домах, считал её элементом угнетения, хотя и понимал, что так, наверно, надо. Во-вторых, первая и единственная попытка его зайти в коридоры власти в детстве, когда он только вступил в комсомол, получил билет и значок и снял надоевший красный галстук, закончилась плачевно. Дима, тогда молодой и красивый парень, шёл по улице, любуясь весной и трамваями, девочками и порхающими над головой птахами, и следил за одной птичкой, взлетающей над крышей величественного здания, наполненного властью и духом патриотизма ещё со времён Русско-турецкой

войны, вдруг заметил, что флаг его республики, которая сплотила навеки все остальные, висит вверх ногами. Молодой комсомолец присмотрелся и огорчился. Пересилив свой страх перед властью, он зашёл в здание, встретившее его тяжёлой скрипучей дверью с огромной латунной ручкой, блеском белого мрамора ступеней, ведущих к вершине, почти к богу, и святым Петром с ключами в виде сержанта милиции, скучно спросившего:

— Куды прёшь?

Дима объяснил, как верный ленинец, причину своего появления, на что ключник вяло ответил:

— Иди давай, пацан, не мешай.

Патриотизм Димы на этих словах рассеялся, он вышел на ту же улицу и, не взглянув на знамя социалистической России, пошёл дальше по своим мальчишеским делам.

Офис Владимира как раз располагался на втором этаже одного из старинных, по меркам города, домов. Чем доподлинно занимался Владимир в этом офисе, Дима не знал, да и не интересовало это его. Знал он лишь одно: Володя человек умный, начитанный, имеющий время на изучение разных исторических моментов жизни родного края, даже написавший книгу, которая какую-то премию получила. И именно Володя затеял разговор о манси ещё на семейном сплаве по маленькой речке Чаньве. Значит, он-то, Владимир, ему и нужен.

Проскрипев старыми деревянными ступенями лестницы, Дима сначала запутался в дверях, потом открыл одну и обнаружил, что не ошибся — за дверью в ободранной, но уютной обстановке сидел Володя, потягивая что-то спиртное из стакана и одновременно стуча пальцами по клавиатуре компьютера.

— Привет!

Владимир оторвался от своих занятий, вскочил, обнял Дмитрия:

— Дружище, какими судьбами?! Вроде недавно вместе были. Сошкучился?

Дима кивнул головой, хотя и не очень соскучился. Володя усадил его на старый, заляпанный диван, плеснул в нечистый стакан напитка:

— Давай портвешок, как раньше!

Дима отказаться не посмел, отпил терпкого, сладкого напитка, поставил стакан.

— Вова, я тут по делу.

— Да какие дела, друг! Лето на дворе. Да если бы не вторая книга, я бы давно уехал в лес, на реку. У тебя же отпуск?

— Да. Вот, собираюсь на море с семьёй.

— Море, конечно, не наша тайга, но тоже неплохо. Вот и едь.

Дима поморщился, отхлебнул из стакана ещё и жестом остановил словоохотливого друга.

— Подожди. Вот перед отпуском и хочу спросить тебя уже в трезвом виде, а не так, как на сплаве.

— Хе-хе, ну не так уж я и трезв! — рассмеялся Володя, отпивая портвейна.

— Достаточно трезв. Ты помнишь инцидент в посёлке, когда нас полиция закомутала?

Владимир кивнул.

— Они девушку какую-то искали, свою, из полиции. Она пропала в верховьях Вишеры.

— И что?

— А труп помнишь, тот, что я нашёл на месте мансийского святилища?

— Ну.

— А старика манси, которого взяли вместе с нами?

— Дима, давай короче! Не понимаю, куда ты клонишь. Что за детектив ты тут придумываешь?

— Мне Боря сказал, но просил никому..

— Так-так. И что сказал наш доблестный служитель закона?

— Что трупов этих нашли уже много в крае.

— Вот как, интересно. А пресса и Интернет молчат. Скрывают нового серийного убийцу? — рассмеялся Владимир.

— Володя, это не серийный убийца. Это манси восстанавливают свои обряды, приносят жертвы своим богам. Ты же нам рассказал про убийство Питирима! Так то же самое происходит!

Владимир допил портвейн и налил ещё. Почесал затылок. Пощёлкал мышкой компьютера. Потом прямо глядя в глаза Диме произнёс:

— Этого быть не может.

— Почему?

— Манси, как общность, давно ассимилирована русскими, хантами, коми-пермяками. Кроме того, в нашем крае перепись манси вообще не зафиксировала. А крупнейший центр их проживания — Ханты-Мансийск — находится в полутора тысячах километров от нас. Кроме того, ни один источник, из доступных мне, не подтверждает наличия в обрядах манси человеческих жертвоприношений. Все описания ужасов — это лишь игра воображения русских рафинированных исследователей, но, кроме убийства животных в целях подарка богам, даже они ничего более не упоминают.

— Они могут ошибаться, ведь, когда пропала группа Дятлова, допрашивали манси.

— Насмотрелся научно-популярных передач?

Дима удручённо кивнул.

— Сколько раз говорил вам — не смотрите «Рен-ТВ», СТС и «Дискавери». Они плохо воздействуют на неокрепшие умы, — засмеялся Володя. — Даже если манси и допрашивали, то от безысходности, такие же, как ты, расисты-следователи.

— Я интернационалист, — тихо возразил Дима.

— А раз так, чего ты пытаешься навесить на бедный народ напраслину? Даже если есть эти трупы, причём тут манси? Пусть полиция ищет убийц.

Дима хотел было рассказать про чёрный туман и слова старика манси, но, посмотрев на Володю, понял, что друг его, человек сугубо материальных взглядов, ему не поверит ни на йоту.

— А то распустились совсем, — продолжал Володя, — переименовали милицию в полицию, чистку провели, опять чего-то реорганизуют, а толку — ноль. Как были оборотни в погонах, деньги вышибающие из коммерсов и прочих подследственных, так и остались. Как служили властимушам, а не закону — так и служат. Пропала у них девка — так и надо, одной больше, одной меньше — нам всё равно. Нам от этого хуже точно не будет. А я всегда говорил, что в полицию и учителя идут люди, которые ничего не могут, а власти хотят.

Владимир распалился, допил бутылку портвейна, а Дима решил тихо ретироваться от столь бурного выражения оппозиционных мыслей в пустом старом офисе на втором этаже дореволюционного здания, которое видело, наверно, ещё и самого Александра Лбова*.

Глава 3. Необъяснимый поступок

Отпуск у Димы проходил стандартно: море, лежак, пиво, хождение по скромным достопримечательностям и уничтожение шведского стола в отеле. Дети были рады, жена улыбалась, солнце светило, отдавая бледным телам свою живительную силу, мозг плавился, отказываясь работать. Но в тени на балконе маленького номера Дмитрий

---

* Александр Михайлович Лбов — житель Мотовилихи, один из руководителей революционного восстания в 1905 году, известный экспроприатор времён Первой русской революции.

внимательно изучал планшет, войдя по медленному вайфаю отеля в пространства мирового альтернативного эрзац-сознания. Интернет выдавал мрачные картины средневековых обрядов таинственного народа манси-вогулов. В основном это были выдержки из неподтверждённых источников, приводимые любителями таёжной клубнички в своих «ливджорналах». Половина публикаций касалась погибшей группы Дятлова с притянутыми за уши доказательствами причастности манси. Но одна публикация анонимного автора заставила Диму вчитаться в текст. Автор утверждал следующее:

«Отец мой, будучи геологом, часто ходил в партии по Западной Сибири. В основном это были районы Ханты-Мансийского автономного округа и Коми АССР. Места там дикие, между крупными посёлками сообщение только по воздуху или по рекам, зимой же по зимникам, кругом болота, гнус — жить невозможно. Искали месторождения газа, нефти, долго жили стационарно, выезжая на гусеничных вездеходах по окрестностям, а однажды партию отправили в дальний поход к горам.

В предгорьях, на верховых болотах, старые гусянки сломались, что, впрочем, случалось не раз. Отец, как руководитель экспедиции, решил пройти пешком до места работ, пока водители чинят вездеходы. Оставил им пару человек, с остальными двумя отправился по тропе к месту. Решение было опрометчивым, как он потом рассказывал: середина лета, гнус, нездоровый болотный воздух, малознакомая местность. Короче, через трое суток один ногу повредил, второй заболел, только отец остался в состоянии идти. Но куда уж? Джипизсов тогда не было, ещё и заблудились. Встали у какого-то ручья, палатку раскинули, стали думать, как дальше быть. Пока сидели у костра, из лесу люди вышли, человек пять. Мужчины в самошивных одеждах, ружья ещё капсюльные, на веревочках висят. Поклонились. Внимательно осмотрели лагерь. Отец к ним: мол, помогите, к людям выведите, к рации. Пришельцы поговорили меж собой на непонятном языке, сели у костра, молчат. Отец повторяет просьбу. После некоторого молчания один из гостей (хотя гостями в тех краях надо считать геологов) сказал по-русски:

— Хум, а что с тем человеком? — и указал на больного геолога.

Отец говорит — заболел, лихорадка, простудился, наверно.

Лесной человек подошёл к геологу, осмотрел его, что-то сказал своим, они поднялись, подхватили больного под мышки, а отцу сказали:

— Мы его заберём, а вы идите на запад, по ручью выйдете на реку, а по реке — в пауль. Туда катер ходит, там уйдёте.

Отец начал возражать: мол, куда вы его забираете, но сзади его ударили по голове чем-то, а как очнулся — уже не было никого и его товарища

большого тоже не было. А товарищ, к слову сказать, был белорус, светлый, с бледной кожей, с кучей курчавой бородёнкой, которую всегда сбривал по приезде из партий, явный представитель славянской крови. Отец же и второй геолог, напротив, чёрные, усатые, бородатые.

По отдельным фразам отец понял, что имел дело с манси или хантами. Наутро он по едва заметным следам пошёл за ними. Из оружия у него было только охотничье ружьё да несколько патронов. Хочу напомнить, что дело всё было, по словам отца, в начале семидесятых годов двадцатого века — отнюдь не средневековые. Шёл он долго, плутал, но, как опытный геолог, след вновь находил, оставлял заметки, чтобы назад вернуться, и к вечеру вышел к огромному костру, что горел в кедряче. Вокруг костра манси сидели, что-то мычали, а огненные сполохи освещали сруб на четырёх высоких брёвнах. Вокруг ходил человек, будто окуренный, как бы сейчас сказали, подпрыгивал, топор в руках. А к одному из столбов привязан товарищ отца, белорус, голова поникла, то ли без сознания, то ли неживой уже. Отец поначалу застыл от непонимания происходящего, потом рассказывал — ничего не мог с собой сделать, просто смотрел из-за кедров. Тот шаман, что ходил вокруг домика, брал с колен белоруса зверьков мёртвых, клал на топор и в домик так на топоре и заносил. А после закрутился, завыл, достал палку заострённую, разорвал энцефалитку на сидящем в беспамятстве геологе и палку тому в бок. Под рану туес поставил, кровь туда капает. Белорус не двигается. Тут отец уж в себя пришёл, выстрелил из ружья в воздух, пока перезаряжал — людей с поляны как ветром сдуло. Он к своему подбежал, рану рукой прижал, взвалил на себя и бегом в обрат. Уж через час остановился, проверил, жив ли белорус — тот дышал. Погони не было. Потом они по указке манси к посёлку вышли, рассказали. Местный участковый, что приплыл на катере, покачал головой: мол, тут такое бывает, манси белых людей очень любят... в жертву приносить. Находили не раз со времен войны трупы истлевшие у избушек — торум-канов. Но поймать никого не могли, да и не пытались — в тех местах никто, кроме манси, и не живёт: ни посадочных полос, ни посёлков, и вообще советской власти нет. Отец мой умер уже, а историю эту никогда не забывал и под рюмочку иной раз рассказывал».

Дима оторвался от чтения. Ну вот, что же ещё нужно — документальное подтверждение. Только нестыковка — в рассказе нет ничего про дырки в черепе. Бок проткнули геологу. А может, просто не успели? Дима заёрзал на стуле, выдул банку пива. Жена ещё не вернулась с пляжа, ещё не прошли все положенные дни отпуска, а ему очень

хотелось домой. Надо было узнать, какой масти была та девушка-полицейский. Что-то подсказывало Диме, что она была блондинка.

Отпуск закончился, и это не вызвало у Дмитрия сожаления, такого, какое возникло у жены и детей. Им совсем не хотелось уезжать в вечно мокрую и холодную часть суши, именуемую малой родиной. Жена стенала, вспоминая недавние походы по достопримечательностям жаркой страны, дети с сожалением ожидали осени и новых мучений в школе. Под крылом самолёта разверзлось вместо высоких гор и лазурного берега широкое море тайги, и он, простучав шасси по выщербленной бетонке аэродрома совместного базирования, остановился у разношерстных построек, гордо именуемых аэропортом. Родной город встречал прохладой, дождиком и неразгаданной тайной. Под неодобрительные взгляды жены Дмитрий готовился в поход.

— Ну и куда мы собрались? — задавала супруга риторический вопрос, на который Дима лишь хмурился и остервенело перебирал носки, бросая их в рюкзак.

Говорить, куда он собрался, ему не хотелось. С точки зрения нормального человека, это была авантюра, и Дима осознавал это. Он не был ни следователем, ни частным детективом, ни представителем власти. Он не знал, что и как нужно делать для поиска человека. У него не было навыков спасателя. И желание прославиться в случае решения запутанной задачи с дырками в черепах тоже давно улетучилось. И как всякий не очень умный человек, который что-то когда-то решил, а впоследствии забыл, для чего он решал, Дмитрий ответа на вопрос «куда и зачем я иду» в данный момент не знал. Особо размышлять он не любил, понимал лишь одно: можно сколько угодно прозябать в городе, в отпуске, на работе, дома, но кроме недолгой памяти родных и сожаления от непонятно зачем прожитой жизни в конце пути — ничего больше не ожидает любого человека. Лишь единицы могут оставить на Земле след. Но даже если этого заметного следа не будет, человек будет уважать себя, если сделает что-то хорошее, нужное, альтруистическое. Вот именно это Дима и хотел совершить, но с точки зрения других этот поступок был нелеп, не нужен и смешон. Поэтому Дима и молчал, лишь сопел, не глядя жене в глаза.

Он собрал рюкзак, посмотрел на телефон, гадая, стоит ли позвонить друзьям, позвать их с собой. Но передумал, понимая, что задуманное им никому не нужно, кроме него, а напрягать друзей он не хотел, хотя был уверен, что они пойдут с ним. Открыв сейф, долго смотрел на «Сайгу» и патроны к ней, вздохнул и сейф закрыл. Оружие — вещь странная. Когда оно есть, кажется, что нет страха

и со всем справишься, но Дима, как законопослушный гражданин, понимал, что один выстрел может привести на зону и перечеркнуть всю оставшуюся жизнь. Поэтому оружие он не взял. Оружие — зло. А со злом тем же злом бороться нельзя. Да и по последнему опыту, стрелять было не в кого. А манси он и так скрутит, в этом Дмитрий был уверен, поигрывая упругими пока мышцами под защитной тканью штормовки.

— Ну, это, вернусь через неделю, — он неловко поцеловал жену, поднял рюкзак и вышел за дверь. И только стоя у дверей подъезда дома, задумался, что же ему делать дальше.

Вариантов было немного, он сел за руль машины и уверенно вырубил в сторону севера. До последнего магазина на дороге в Соликамске он доехал к полудню, закупил там тушёнку, макароны и хлеб — стандартный набор туриста, смотрел на бутылку водки, смотрел долго, не решаясь, затем взял и её. От Краснореченска шла та же разбитая дорога, машина то и дело царапала днищем огромные каменные глыбы, зачем-то разбросанные по ухабистому направлению, то и дело ныряла в колею от полноприводных «Уралов» и с трудом из неё выбиралась.

К ночи Дмитрий добрался до развилки, на которой, как камень в древних былинах, стоял старый ржавый бульдозер, на нём висели два знака, говорящих, что дальше дороги нет. Дима свернул налево, поднял самодельный шлагбаум из жерди и проник на территорию, где стояли два домика, беседка и туалет. Вишера текла рядом, отсвечивая сильными струями в последних неверных лучах заходящего солнца. На территории никого не было, лишь на большом домике висел аншлаг: «Вишерский заповедник, урочище 71 квартал. Посторонним вход воспрещен». Дима побродил по территории, обнаружив только молодую лайку, которая, умильно виляя хвостом, выпросила у него кружок колбаски, поглядел на реку и решил залечь спать в машину. Утром его разбудил стук в стекло. Дима продрал глаза и сквозь конденсат от дыхания и низкой температуры снаружи углядел мужичка в камуфляже. Открыв дверь, он со стоном вышел, расправив затёкшие от неудобного положения члены.

— Ты кто будешь? — незлобиво спросил его мужичок.

— Я так. Мне бы кверху подняться. Говорят, подвозят, — Дима умильно и кротко посмотрел в глаза мужичку.

— Ага, щас. Путёвка-то есть?

— Какая путёвка?

— Ясно какая, на пребывание на особо охраняемой территории. Заповедник тута, — пояснил мужичок.

Дима покачал головой.

— Ну тада тебе туда и в обрат, — указал мужичок направление, откуда Дмитрий приехал вчера.

— А если денег дам? — настаивал Дмитрий.

Мужичок задумался сначала, внимательно посмотрел на него, после уже вымолвил:

— Не-а. Без путёвки нельзя. А тебе докуда надо? До Круглой ямки могу версту не доезжая. Три тыщи.

— А где это Круглая ямка? — озадаченно спросил Дима.

— А недалече. Там граница заповедника. Туды можно. Дальше — нет.

Дима посмотрел на мужичка и перевёл взгляд на реку.

— А вот скажи, тут менты недавно тусовались...

Мужичок кивнул головой.

— Так они тоже до Круглой этой ямки поднимались?

— Не, они далеко, до Мойвы. Там же девка пропала. Я её вёз сам. Ну, до Лыпы вёз, а там уж наши, может. А как не довезти, ксива в нос — и повёз. Девка дюже злая, материлась как сапожник.

— Ну вот мне до Мойвы и надо, — констатировал Дмитрий.

Мужичок сник:

— До Мойвы никак. Нельзя. Директор уволит. Только с путёвками. В Краснореченске надо брать путёвки. У нас места красивые, на перевал можно сходить...

— Так что мне, обратно по говну пилить, что ли? — возмутился Дима. Его толерантность подходила к концу.

— Ну чего ж... Да. Да только путёвки заранее надо заказывать, так не дадут. Так что, мил человек, ездай-ка ты взад.

Дима расстроился и сел на лавку у столика, поставленного прямо посередь вытоптанной поляны. Что предпринять, он не знал. Миссия оказалась невыполнимой. Внезапно взгляд его упал на дорогие внедорожники, стоявшие у леса подле домика.

— А эти что, с путёвками? — спросил он уже зло.

— А эти... — мужичок, видать егерь, замялся. — Ну понимаешь, они-то по разрешению директора...

— С путёвками? — настаивал Дима.

Мужичок отвернулся, давая понять, что говорить более не желает. Снизу по реке послышался шум мотора, егерь отвлёкся, вышел к реке и, приложив руку ко лбу, всматривался в даль. Вскоре к берегу причалила чалдонка. Из неё вышел деревенский мужик. Поздоровался с егерем, о чём-то заговорил.

Через несколько минут подошли оба к мрачному Диме. Приехавший протянул руку:

— Ну привет, знакомец!

Дима недоумённо пожал руку, лишь потом поднял глаза.

Что-то знакомое было в деревенском, где-то Дима его уже видел.

— Иван я. Помнишь? Недавно вместе сидели в кутузке в Велсе.

Дима начал вспоминать. Точно, мужик, Иван, про егерей рассказывал.

— Привет, — ответил Дима, все ещё не понимая, что делать.

— Тебе, говорят, на Мойву надо?

Дима кивнул.

— Мне на Лыпью и выше, подрядился избушки да беседки по берегам починить. Денег-то надо. С Петьюкой договорился, он хоть и егеря, но понятливый. Ну чё, поедешь со мной-то?

Дима сначала не понял, о чём речь, потом спохватился, кивнул.

— Шмоток-то много у тя?

Дима показал рюкзак.

— Ну ты даёшь! И чё, даж удочки нет? У нас хариус знатный. Ну ладно, иди в лодку, щас поедем.

Дима, не осознавая ещё своей удачи, подхватил рюкзак, закрыл машину и пошёл к лодке. Уже через десяток минут чалдонка, ведомая уверенной рукой Ивана, скользила по быстрым водам Вишеры вверх по течению. Дима сидел на дне лодки, провожая глазами береговые достопримечательности, чуть побаиваясь на перекатах, когда Иван умело выбирал фарватер, а лодка чуть не задевала низким краем борта тёмную воду. Вскоре показалась пресловутая Круглая ямка, кордон Вишерского заповедника. На берег вышли два егеря, но Иван только махнул им рукой, не останавливаясь. Егеря проводили лодку хмурым взглядом, ничего не сказав.

— Нам можно, велсовским. Разрешено, не боись, паря, — пояснил Иван, предложив одновременно Дмитрию бутылку пива, в простонародье именуемую «титьюкой».

Дима взял, глотнул. Солнце начало припекать.

— Ты чего на Мойве потерял? — через стрёкот мотора вопрошал словоохотливый Иван.

Дима замылся, не зная, как объяснить деревенскому цель его поездки, но Иван сам же и отвечал:

— На красоты потянуло? Да, места у нас бáские! Природа.

Действительно, природа, обрамлённая горами с кое-где проглядывающими шапками снежников вдалеке, тёмной прозрачной водой

реки и нелепо смотрящимися на всём этом фоне, абсолютно никому не нужными беседками-новостройками, довольно часто расставленными хозяйской рукой по берегам, была великолепна.

Чуть дикая, немного непонятная, при набегающих тучах — суровая, при выходящем солнышке — добрая, мать-природа влекла Диму давно своей дикостью и непредсказуемостью. Дмитрий никогда не задумывался, почему его тянет в дебри, где нет людей, где всё, решительно всё, начиная от комаров, впивающихся во все места, и заканчивая дождём, ветром и холодом, настроено против человека. И вот сейчас, просто сидя в лодке и отдав сознание на волю реки и воздуха, он, сам не понимая как, начал осознавать свою странную потребность. И она заключалась вовсе не в том, что на природе можно пить водку, почти не пьянея, не в том, что можно экзотично спать в палатке и питаться с костра, не в том, что романтическая душа какого-либо безумца-туриста может испытать катарсис — пресловутое очищение, а совсем в другом.

Дима неожиданно первый раз за многие годы сформулировал, почему же он больше хочет сюда, в лес, нежели на берег престижного курорта. Всё было банально просто: здесь есть свобода. Свобода не физическая: чтобы выжить, надо работать, но свобода моральная, та, которую искали диссиденты всего мира в борьбе со своими властями. А тут не надо бороться ни с кем, кроме себя. Ты волен выбирать то, что хочешь. Над тобой нет гнёта другого человека, ты не следуешь дурацким законам, которые выдумали тебе подобные, нет и тех, кто блюдёт эти законы. Лишь стихия определяет, как жить, а стихия для Дмитрия была понятием иррациональным, не поддающимся осмыслению и не влияющим на его разум. Вот это влекло и Диму, и прочих людей, понимающих и не очень, что такое трансцендентность. Свобода сознания и духа, если уж кто-то их разделяет — это то, что они находят в дикой природе. Осознание этого поразило Диму, он машинально глотал пиво, которым Иван щедро делился по дороге.

Вскоре они достигли кордона Лыпья, блестящего свежестроенным домиком егерей и несуразным строением, напоминающим индейский вигвам, правда сделанный из досок.

— Передохнём маленько. А то пороги скоро. Выйди, ноги разомни, — кивнул Иван Диме и сам вышел, не преминув захватить бутылочку.

Дмитрий кое-как поднялся, от долгой дороги в неудобной позе всё затекло. Вышел на берег, вскарабкался к домику.

Иван уже здоровался с егерями.

— А это кого везёшь? — указал на Дмитрия благообразный боро-
датый егерь, сыпавший тем не менее матерщиной.

— Родственник, — не моргнув глазом соврал Иван.

— А-а, — протянул егерь и опять выронил множество нехороших
слов, — ну да. Сейчас хариус прёт, наловитесь. Только вверху народ
стоит, типа администрация. Шумят, бухие. Так что вот.

— Ну нам они что? Нам они пустое место, — констатировал Иван.
Дима же оставил свой вопрос незадаанным, о том, как это в заповед-
нике рыбачить можно.

— А вы куда пойдёте? — вновь спросил любопытный егерь.

— На Мойву пойдём.

Егерь почесал давно невымытый затылок:

— На Мойву... Клёв там хороший... Тока вона что, Ваня — там, на
Мойве, у избушки мертвяка нашли. Опосля баба милицейская про-
пала. В позапрошлом году Петрович да и я черепа обнаружили при-
копанные. Сам понимаешь, на Мойве золотишко ещё водится, опасаясь,
кабы лихие люди не устроились там.

— А видал ты чужих-то?

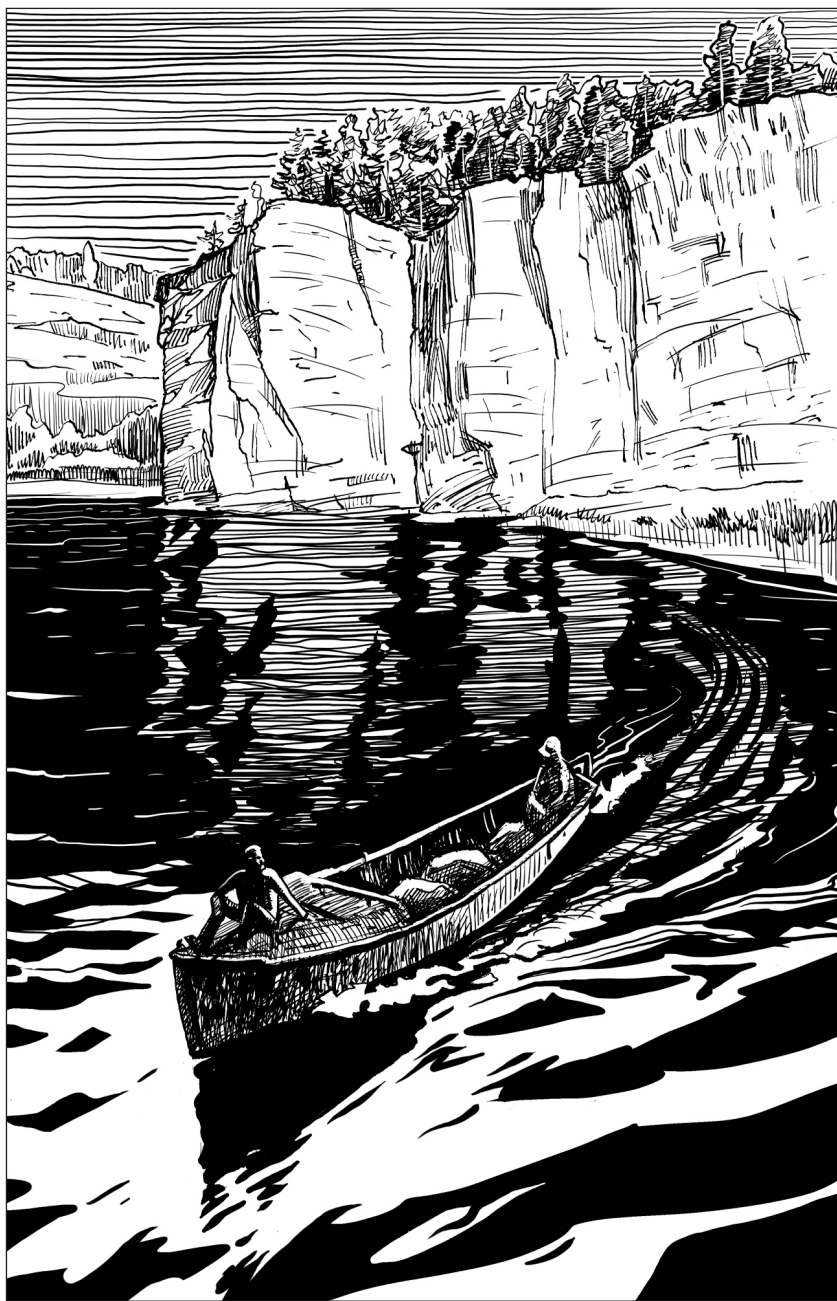
— В том и дело — не видал. Проходил только старик-манси разок,
ну ты знаешь его, Егор-ойка. Я его спрашивал, а он головой мотает
и про чёрный туман всё бубнит. Совсем сдал дед, помрёт уж скоро,
видать. Так что вы там поосторожней. Людей увидите — валите вниз,
сообщим по рации.

Иван кивнул, махнул Диме, который остолбенело обдумывал всё
слышанное от егеря.

— Поехали, засветло прийти надо.

Дмитрий машинально залез в лодку, сел. Иван завёл мотор и на-
правился против течения.

Вишерские пороги показались из-за поворота, придав реке вид
мрачный и суровый. Огромные камни, обтекаемые струями воды,
стояли как крепостные стены, когда-то поставленные на страх вра-
гам, но со временем обрушившиеся, открыв меж собой бреши, в ко-
торые и направлял лодку умелой и не дрожавшей рукой Иван. Кам-
ни-великаны прошли у самого борта углой чалдонки, вода взбурлила
рядом, угрожая залить Дмитрия, он сжался на дне, но глаза не за-
крыл. Доказательства мощи природы и слабости человека проходили
мимо него или он проходил мимо них, но это были существенные
доказательства. Человек слаб и немощен — дела природы огромны и
сильны, и к чему же тогда борьба между ничтожным творением, ра-
бом, червём и всем тем, что человека породило? Пороги создавали

ощущение бессмысленности бытия человеческого на фоне торжества огромного материального мира.

Однако вскоре река стала вновь приветливой, камни закончились, Иван прибавил газу, а Дмитрий вздохнул с облегчением.

— Всё, сейчас уже скоро доедем, — улыбнулся Иван и вытер пот с лица.

— А кто этот Егор-ойка? Откуда он?

— Спрашивал уже. Манси. Тут много их было, ещё отец мой вспоминал, что в Улсе и в Вёлсе жила пара семей. Старые уже умерли, дети ушли, кто в город, кто в тайгу. Стойбища у них были на севере, на Мойве, Ниолсе. Оленей пасли, зверя били. Да в те времена и тайменя было пруд пруди. Егорка-то не местный, пришлый, скорее всего со Свердловской области или из Коми. Молодым его никто не видел, появился тут лет десять назад, в деревни редко заходит, всё по лесам. Достопримечательность местная, во как! — обрадовался Иван найденному сложному слову.

— А сейчас нет никого? — спросил Дима, переваривая информацию.

— Нет, давно уж нет.

«Нет, а кто-то же людей убивает», — подумал про себя Дмитрий и сосредоточился на водной дороге.

Проехали они вскоре пару шумных компаний на берегу заповедной Вишеры, плёсы с жирующим хариусом, пару старых, покосившихся избушек, которые Иван внимательно осматривал, сбавив ход. Наконец Иван причалил чалдонку к берегу, заглушив мотор. Та мягко ткнулась носом в глинистую почву, течение тут же прижало лодку бортом к земле.

Иван вышел на берег, удовлетворённо хмыкнул:

— Ага, тута. Изба стоит пока. Подрядился чинить их, денег-то надо на жизнь зарабатывать. Вот тут первая, потом ниже пойдю.

Пока Дима выбирался на берег, Иван уже бегал вокруг скрытой буйной растительностью избушки:

— Ага, вот тут венец подгнил, подрубим, крыша ещё ничего, переберём. Печка прогорела, да камни-то есть, переложим. Делов-то на день. Здесь заночуем, завтра займусь.

Дима посмотрел на небо, солнце было ещё высоко, не вечерело.

— А Мойва где?

— Мойва-то? Дак рядышком, вона там уж и река, — указал Иван вверх по течению.

— А мы туда не поедем?

Иван подвигал бровями и помотал головой, как бы опасаясь чего-то:
 — Не. Работы много. Ты вот что. С утраца туда по бережку пёхом дойдёшь. Там за поворот, вдоль реки — и вскоре изба будет. А я тут поработаю, потом вернёшься — и вниз пойдём потихоньку. Давай, располагайся, сейчас чай поставим, кашку забацаем.

Дима посмотрел ещё раз на часы, на небо, на котором не было ни облачка, на тропку вдоль реки, и махнул рукой:

— Нет. Светло ещё, пойду сейчас.

— Ну, как знаешь, — удовлетворённо вздохнул Иван, которому ох как не хотелось ехать на Мойву. — Ты вертайся, если чё. Я тута.

Дима кивнул, накиннул рюкзак и пошёл по тропе.

Тропа то появлялась, то исчезала, заставляя его выходить на берег и брести по воде. Вскоре и правда река разделилась: Мойва впадала в Вишеру широкой струёй с востока. Дима кое-как отыскал дорогу по берегу и пошёл дальше.

Километра через два, которые показались ему всеми двадцатью, уставший, он увидел сереющую крышу маленькой избы, которая, впрочем, от других таких строений на реках севера России мало чем отличалась. Дойдя до ветхого строения с грязью, полатями, разрушенной печуркой и остатками еды и осмотрев его, Дима скинул рюкзак, достал хлеб с колбасой и водку, что купил заранее. Выпив стопочку, закусив бутербродом, запил всё водой из реки, а как начал подниматься кверху, к избе, вдруг остолбенел, взглянув на берег. В кореньях, торчавших из береговой осыпи, блестело что-то желтоватое, но Дмитрий без труда определил в данном предмете то, что видел и раньше, то, что привело его в этот дикий край. Из земли и корней на берегу Мойвы пониже избушки торчал человеческий череп с дыркой в темени.

Дмитрий оправился от уже знакомого лёгкого шока, осмотрел находку. Череп лежал в земле давно, мягкие ткани исчезли, кость пожелтела от земли, отверстие в затылке было ровное, чуть выщербленное по краям. Плохо разбираясь в криминалистике, только по сериалам, он прикинул размер дырки, но к выводам не пришёл — ему казалось, что от любой пули могла бы образоваться такая же. Но череп был зацепкой, подтверждением, что в этом месте что-то не так. Дима вновь пошёл к избушке, уже более внимательно осматривая место, и обнаружил у входа предмет, который был не свойственен лесной избушке — цветную резинку для волос, используемую обычно женщинами. На резинке остались несколько светлых волосинок, длинных, явно женских. «Блондинка» — мелькнуло у него в голове. Он расширил

круг поиска вокруг избы, обнаружив ржавые гильзы от разного вида патронов, хмыкнул, собрав их в карман. От избы в лес вело несколько тропинок. Пройдя по тем, которые заканчивались в седом мху леса банальными, белеющими повсюду туалетными бумажками, Дима наткнулся на одну тропинку, которая вела дальше.

Отсутствие следов жизнедеятельности человека повлекло его глубже в лес. Он шёл, окружённый мшистыми кедрами, низкой порослью подлеска, едва пробивающегося сквозь заболоченную почву верховьев Вишеры. Над ним витали грозовые тучи, внезапно налетевшие, как бывает летом на Урале. По кедрачу скакали белки, по подлеску шмыгали бурундуки, но Дима их не замечал, лишь какая-то огромная птица иной раз проскальзывала высоко над верхушками деревьев и скрывалась за ними. Он шёл по тропе, изредка замечая едва видимые отпечатки ног, обутых в сапожки, явно не больше тридцать седьмого размера, шёл по следам, как ищейка, забыв обо всём на свете, ожидая, что найдёт её, живую, замёрзшую, жаждущую спасения. А если опять труп с дыркой? Дима мотал головой, отрицая эту возможность, и шёл дальше.

Уже шум реки не слышен, лишь ветер в кедрах поёт свою заунывную песню, уже солнце садится, быстро, неотвратимо, а Дима всё шёл по нескончаемой тропе, спотыкаясь о корни. Вдруг остановился, прислушавшись. Впереди явно кто-то был, слышался треск веток и странное, приглушённое дыхание чего-то немалого. Дима пригнулся инстинктивно, но пополз сквозь ветки подлеска в сторону звука. Осторожно перешагивая прогнившие стволы упавших деревьев, он подошёл ближе, сойдя с тропы, пролез под брёвнами, образовавшими нечто типа шалаша и попытался выглянуть наружу из-под них, но сзади что-то сильно прижало его плечо к земле. От неожиданности Дмитрий упал, быстро повернулся лицом вверх и увидел позади себя сидящего на корточках старика манси, Егора-ойку. Тот одной рукой сжимал своё старое ружьё, другой же, отпустив Димино плечо, показывал знак: палец у рта — тише! Глаза старика были устремлены в сторону странного звука, они были полны тревоги, страха и безысходности. Дима замер. Звуки неожиданно прекратились, но Егор-ойка позиции не поменял. Только шептал странное:

— Духи леса проснулись и недовольны. Люди не слушали их, не жертвовали им. Нужна жертва. Иначе нам всем придёт конец, миру придёт конец. Нуми-Торум уничтожит его, как и создал, и сделает новый, где всё будет правильно, но нас уже там не будет. Вот, там они, духи леса, не спугни их, — указал старик в направлении затихших

шумов, — духи любят кедры, в кедрах их сила больше. Надо дать им жертву.

Егор-ойка наконец посмотрел на Дмитрия, у того сердце сжалось в комок. Ножа с собой не было. Дима стал присматриваться, как ловчее отобрать у старика ружьё. Но Егор-ойка ничего не предпринимал.

— Девка, что приходила до тебя, очень разгневала духов. Ты так не делай. Девка не знает законов леса, вот это и случилось. Ты тихо сиди.

Дима лихорадочно обдумывал своё положение. Девку, стало быть, ту девушку из полиции, старик убил и принёс в жертву. Теперь думает, как бы и его, Диму, уколошить. Несмотря на то что манси был невысокий, старый и тщедушный, он был явно невменяем, а у сумасшедших сила может быть несравнимо больше. У старика рука держала шейку приклада, палец был у спускового крючка, ствол смотрел мимо Димы, в сторону того шума и треска. Если быстро схватить за ствол и поднять его кверху, можно будет попытаться вырвать ружьё, даже если старик выстрелит. Ружьё явно однозарядное, патрон он вставить не успеет. Шанс есть. Так размышлял Дмитрий, лёжа на спине почти под стариком-манси. Но у Егора-ойки на поясе висел огромный нож, и это оружие останавливало Дмитрия. Что делать с ножом, он не знал.

Пока всё это несло у него в голове, старик положил ружьё, вынул из-за пазухи какие-то предметы, завернутые в цветастую тряпку типа бабушкиных половиков, пополз в сторону шума. Дима воспользовался моментом и схватил ружьё старика. Проверил патронник — он был пуст, ружьё не заряжено. Дима перехватил его поудобнее, чтобы ударить прикладом. Старик вскоре вернулся, так же, ползком, сощуренным взглядом посмотрел на Диму, покачал головой:

— Я принёс духам дары. Бусы, что плела ещё моя жена, ковёр из нитей, что остался от нашего рода, хлеб и рыбу. Может быть, это успокоит духов. Они ещё здесь. Не шуми.

Старик осторожно забрал ружьё из рук Димы, тот отдал беспрепятственно. Слова Егора-ойки запутали его мысли.

— Ты не убивал девушку?

Манси покачал головой.

— А кто?

Старик указал на место, куда он отнёс жертву — свои копеечные побрякушки.

— Её забрали духи леса. Они забирают всех, кто не верит в них, а потом в Верхнем мире их судит Мир-Сусне-хум и отдаёт Кульотыру, властелину Нижнего мира. И тот отдаёт обратно лишь мёртвые тела,

пронзая острой палкой череп и высасывая воспоминания. Ты сиди тихо. Они здесь. Я говорил девке тихо сидеть. Я бы увёл её тайными тропами мимо разгневанных духов, я задобрил бы их жертвами, но она не слушала. Ты слушай.

Дима слушал, мало что понимая, кроме того, что старик девушку видел, но не убивал.

— Куда она ушла?

Егор-ойка ткнул пальцем вверх, это могло означать всё что угодно. Внезапно подул ветер, кедры заколыхались, тучи как-то особенно сгустились, хотя, может быть, просто наступил вечер. Старик манси настрожённо прислушался, покачав головой:

— Не по вкусу пришились дары духам. Они выпустили чёрный туман.

Дима встал, решив, что пора прекратить эту средневековую белиберду, осмотрелся в сгушавшихся с сумерках, и вдруг увидел тот самый чёрный туман, охватывающий весь лес и приближающийся к нему. Старик сидел на земле, что-то шептал, сжимая бесполезное незаряженное ружьё. Туман стал ближе, Дима набрал полную грудь воздуха, боясь отравиться неизвестной субстанцией, и потерял сознание.

Глава 4. Блондинка из глубинки

Анна пришла домой поздно, потоптавшись в маленькой прихожей, позвонив ключами, сняла туфли: ноги затекли и ныли. Туфли она недолюбливала. Куда практичнее кроссовки. Но на работу в кроссовках приходиться никак нельзя. Плащ, вымокший от дождя, занял своё место среди развешенных курток и оставшегося с зимы сиротливо и убого выглядевшего пальто. «Надо бы убрать», — подумала Анна, но убрать было некуда. Квартирка маленькая, старая, мебели минимум. Разве об этом она мечтала тогда, в детстве? Анна тряхнула головой, отбрасывая ненужные, лишние мысли. Залезла в выдавшие виды тапочки из далёкого уже турецкого отеля и прошлёпала на кухню.

Тараканы хозяйничали в мойке, откуда торчала грязная посуда. Под мойкой стояли пивные бутылки, на двухконфорочной плите в чугунной сковородке застыло вчерашнее масло. Из комнаты был слышен гул трибун спортивного состязания, идущий из телевизора.

— Опять есть нечего! — крикнула Анна в сторону комнаты.

В комнате завозились на диване, затем мужской голос, довольно молодой и беспечный, сообщил:

— Так чего, в холодильнике пельмени есть.

— Ты на отгулах, Серёжа, мог бы и приготовить! — уже раздражаясь, ответила Анна.

— Так чего, я с утра в гараже с машиной, потом друзей встретил, ещё сегодня «Динамо» с «Амкар» играют. Пельменей тебе мало, что ли?

— Серёжа, мне плевать на твой футбол, поверь. Я устала, с суток, жрать хочу. Ты хоть бы раз приготовил что-нибудь или в ресторан пригласил.

— Ха, Аня, какие у нас тут рестораны? Да и чего деньги тратить!

Анна твёрдым шагом вышла в проём единственной комнаты, в которой расположился молодой мужчина довольно потрёпанного вида, с намечающейся лысиной, в спортивных трусах с полустёртой эмблемой известного производителя данной одежды. Маленький телевизор гудел трибунами, мужчина отхлёбывал из банки пиво и иногда косил глаз на Анну.

— Ну чего тебе? Не мешай, не надо вот только этого... — страдальчески произнёс он.

— Чего этого, Серёжа? Мы с тобой уже полгода живём, я устала готовить, обихаживать, мыть, ещё и работать. Мне мужик нужен нормальный, а не тварь на диване с бутылкой! — истеричные нотки в голосе Анны уже было не скрыть.

— Это банка, — парировал Сергей.

— Это — дерьмо! Я женщина, а не машина для уборки! Я хочу, чтобы за мной ухаживали! Я хочу ощущать заботу от своего мужчины!

— Так я ж забочусь...

— Как? По воскресеньям на машине к родителям возишь?

Сергей радостно кивнул, совсем забыв этот железный аргумент.

— Знаешь что?

— Чего?

— А не пошёл бы ты к чёрту?

Сергей озадаченно посмотрел на Анну, потом грустно на телевизор, где только прошли первые сорок пять минут увлекательного спортивного зрелища, и не двинулся с места.

— Думаешь, я опять пошутила? — Анна вышла из проёма в комнату. — Я не шучу. Выметайся!

— А чего это?

— А того, что за квартиру я плачу, ты сюда переехал вместо того, чтобы нормальное жильё нам снять, толку от тебя никакого, найду получше, чтобы пивом в лицо не рыгал при оргазме. Пошёл вон!

Сергей осторожно посмотрел на разъярённую маленькую женщину в форме, допил пиво, встал, накинул футболку и куртку, вдел ноги в кроссовки и с порога бросил:

— Ага, найдёшь! Ну и живи одна, как сыч, мужиков мало, а мне баб хватит. Разоралась, сучка! — и хлопнул изо всех сил дверь.

Анна хотела догнать его и пнуть как следует, но дверь защёлкнулась прямо у неё перед носом, едва его не прищемив. Анна упала на диван перед переливающимся всеми цветами радуги телевизором и заплакала.

Совсем не так Анна представляла свою жизнь. Совсем не этого она хотела. В детстве Аня была абсолютно нормальной девочкой, у неё были папа и мама, они любили её и заботились. У неё был дом — небольшая квартирка на первом этаже панельной девятиэтажки, состоящая из пары комнат, в одной из которых уютно примостилась к самой батарее маленькая тогда кровать девочки Ани, в которой вместе с девочкой жили старый мишка с соской, ещё мамин, потёртый и погрызенный плюшевый котёнок с оторванным глазом, кукла от Пермской фабрики игрушек, красивая, с самозакрывающимися глазами. Был и велосипед с колёсами-дутиками. Короче, было всё, что могло быть у счастливых советских детей.

Но вот заграничная зараза начала проникать на просторы нашей Родины, как энцефалитные клещи в лес. В городке, где жила счастливая Аня с родителями, магазина игрушек не было. И вот один раз мама взяла Аню в путешествие. Они сели в автобус, который приятно пах бензином, ехали по дороге долго, останавливаясь у разных остановок, где люди то выходили, то входили в смешные раскладные двери. Аня сидела у окна и жадно глазела на мир, который оказался большим, гораздо больше, чем их огромный, как ей думалось, городок. В конце пути автобус вкатил их с мамой в огромный город, с высокими церквями, домами, которым не было конца-края, широкими площадями, на которых толпился разноцветный народ, рассматривая не менее разноцветные предложения вещевого рынка. Мама долго таскала Аню по этому скопищу народа, выбирая что-то себе, иногда прикладывая к дочери то платице, то кофточку, то колготы. Аня на тряпки ещё тогда внимания не обращала в силу своего малолетства. Но именно тогда настал тот момент, когда заграничная зараза коснулась и Ани и изменила её жизнь, доселе спокойную и простую. В одном из старых домов, своими витринами выходящем на площадь, Аня увидела то, что поразило её до самой глубины души — в той витрине среди машинок, танкеток, солдатиков и прочего мальчишеского

хлама в красивейшей коробке стояла принцесса. С густыми ресницами, с огромными глазами, с волосами цвета серебра с золотом. Стройная и прекрасная, в очаровательном, сногшибательном платье, принцесса глядела прямо на Аню и словно звала её: «Обними меня». Аня отпустила мамину руку и приникла к стеклу, расплющив нос. Принцесса была как живая, она манила, звала, уговаривала, требовала, чтобы Аня владела ею. Запотев окончательно витрину своим дыханием, девочка вновь ухватила маму за руку, требовательно, настойчиво дергая её в сторону волшебной куклы. Мама тогда подошла к витрине, грустно взглянула на принцессу, вздохнула и сообщила Ане имя этой восхитительной игрушки:

— Это Барби, Анечка. Очень дорогая кукла. Я сейчас не могу тебе её купить.

Аня наотрез отказалась понимать, как это мама не может купить ей принцессу со звучным именем Барби. Но мама спокойно объясняла, что папу уволили, что сейчас кризис и денег лишних нет. Аня слово «кризис» не знала, кричала и топала ногами до тех пор, пока мама грубо не дала ей подзатыльник. Со слезами горя и боли Аня отлипла от витрины и всю дорогу обратно с мамой не разговаривала, колготы новые надевать отказалась и расшвыряла из своей кровати все старые игрушки, которые до этого очень любила. Целую неделю она сидела в углу за шкафом и думала, роняя крупные слезы на пыльные, крашенные коричневой краской доски пола. За это время она возненавидела кризис, всех тех, кто зачем-то уволил с работы папу, но простила маму, поняв, что есть силы в мире, с которыми даже мама справиться не может. И с того момента, с той недостижимой волшебной принцессы Барби, с того осознания ничтожности человека в огромном мире началось в жизни девочки Ани новое бытие, которое быстро переросло в идею, воплощаемую далее ею неуклонно и принципиально.

Аня с детства осознала, что в мире есть несправедливость. Эта несправедливость окружала её: именно она была виновата в том, что отец потерял работу и начал пить, что мама тащила всю семью на скудную зарплату учителя, что море Аня видела лишь раз в пятилетку, а кукла Барби так и осталась несбыточной мечтой маленькой девочки. Несправедливость царил и в школе, которую Аня окончила с великолепными оценками вопреки одноклассникам, дразнившим её заучкой, вопреки учителям, которые совсем не пытались её учить, решая свои насущные проблемы выживания, вопреки череде кризисов и подъёмов экономики государства, которые никаким образом, кроме худого, не отражались на жизни Анны.

Ещё в седьмом классе Аня решила с несправедливостью бороться, долго думала, что же она может, но решила сначала верно — надо хорошо учиться. Засела за учебники, вы зубрила все предметы, даже физика далась ей, что в её городке было редкостью. Потеряла она при этом связь с одноклассниками, которые не так усердно занимались, предаваясь всему великолепию детства, не завела друзей, да и не нужны были Ане друзья, которые в любой момент могли предать и обмануть.

Аня перестала верить людям, перестала общаться со сверстниками и ушла в себя, задавшись одной целью — искоренить несправедливость. Вскоре она вытянулась, как могла, оформилась в небольшую, но вполне красивую девушку, несмотря на пренебрежение косметикой, сдала экзамены на «хорошо» и «отлично», и перед ней открылась так называемая дорога в будущее. Но и тут Анна уже знала, что будет делать для достижения цели. Девочки её возраста не спешили с выбором профессии, наслаждаясь своими физиологическими изменениями и новым вниманием со стороны мужчин, Анна же игнорировала заинтересованные взгляды противоположного пола, сразу подав документы туда, где, по её мнению, она сможет что-то сделать для улучшения этого мира.

Куда же стремилась Аня, кем она хотела стать? Кто может сделать мир чище и справедливее? Учитель — человек, что закладывает прекрасное и доброе в маленькие души, был дискредитирован в глазах Ани. В её школе учителя были совсем не такими. Рабочий человек — швея, агроном, прочие профессии претили ей, потому что не создавали ничего прекрасного, а работали на тех, кто привносил в мир больше злого — на богатых, от которых вся несправедливость и шла. Кто может всё и кому за это ничего не будет? Конечно им, богатым, властелинам миров — так считала Анна. Так кто же может противостоять им? Полиция? Нет, Анна видела не раз представителей этой профессии, выдающих отца маме из кутузки после очередной пьянки. Мама плакала тогда, вынимала кошелёк из сумки и отдавала стражам порядка купюры, отец что-то пел, разнося вокруг запах перегара, а полицейские хлопали его по плечу запанибратски, выталкивая то из машины с решётками, то из отделения, и ехидно посмеиваясь. Конечно, отец и сам был виноват, но он был безответен, а синяки на его тщедушном теле проходили после посещения полиции долго. Нет, страж порядка не мог обеспечить справедливость. А вот тот, кто стоит над ними — мог.

И Анна подала документы в Питер, в институт прокуратуры.

Мама охала, не понимая, как дочь, которая только и видела, что их городок, поедет одна в такую даль, отговаривала. Знакомые фыркали и недоумённо крутили пальцем у виска: мол, кому нужна в Северной столице девчонка из уральского захолустья, но Анна не обращала на это внимания. Более того, устроилась на бумкомбинат уборщицей и заработала сама денег на дорогу, не собираясь просить у матери. И поступила. Прокурорские погоны обеспечивали её возможностью делать мир справедливее, наказывая тех, кто хотел обратного, — так думала Анна, усердно учась в институте. Да все её идиллические юношеские мечты разбились о суровую действительность. Родная страна не хотела принимать утопические воззрения молодого выпускника института прокуратуры. Во-первых, окончив его с красным дипломом, Анна надеялась на распределение в Москву или хотя бы Санкт-Петербург, но кризис, война в Грузии, прочие непонятные для неё материи повернули всё иначе. На распределении ректор, посмотрев на Анну, устало подписал ей направление в её родной город:

— Ты молодец, отличница, но мест в столице нет. Понимаешь? Жильё опять же тебе предоставлять надо, а у нас сотрудники и так в очереди стоят годами. А в Краснореченске у тебя родители, стало быть, жильём обеспечена. Ну и мест в прокуратуре нет, сокращения. Так вот, всё, что могу, — ректор выдал Анне бумажку, в которой размашисто расписался. Анна взглянула в недоумении, прочитав, что распределена в Следственное управление по Пермскому краю, город Топорск.

— Но... Топорск от Краснореченска, где родители живут, далеко... — пыталась кротко уточнить Анна, на что ректор только рукой махнул. И это было лишь начало фиаско.

В древнем прославленном городе Топорске, где Анна, несмотря на его достаточную близость к родительскому дому, никогда не бывала, торчало много церквей, церквушек, часовен. Строился городок давно, в то время, когда люди верили в бога и посвящали ему все свои помыслы в надежде на спасение. А может быть, самые закоренелые грешники так отмаливали свои грехи. Но Анна над этим не задумывалась, она лишь грустно смотрела из окна рейсового автобуса, пронёсшего её от губернского города Пермь в маленький, совсем не похожий на её родной, город Топорск. Пейзажи её не вдохновляли: грязно, узкие прямые улочки, покосившиеся дома, изредка встающие из серо-зелёного покрова краснокирпичные осыпающиеся здания, как напоминания о былом богатстве их владельцев, давно канувших в Лету; маленькие, невзрачные люди.

После пяти лет, проведённых в блистательном Санкт-Петербурге, Анна не могла вернуться в ту далёкую детскую действительность, что окружила её сейчас снова. Она словно погрузилась в сон, сон про то, чего никогда не могло быть, в сон средневековый, как сам городок, что со времён первых пожаров стоял как влитой: дома отстраивались на том же месте, где горели предыдущие, облик не менялся, границы не расширялись, люди жили прежним, древним укладом. И этот сон будет преследовать её ещё долго, сколько надо, чтобы осуществить предназначение Анны — сделать мир лучше. Иного предназначения она себе не придумала. На месте первой своей работы её встретили приветливо, молодые и не очень мужчины старательно разглядывали стройненькую девушку, которая искала кабинет начальника, упорно не глядя на оказывающих ей знаки внимания кавалеров в погонах. Проводя пошлым взглядом Анну, указав ей направление, мужчины подмигивали друг другу, показывая большой палец. Анна не была экстрасенсом, чтобы чувствовать эти прожигающие взгляды, она просто шла в указанном направлении. Начальник нашёлся быстро, взглянул на документы Анны, осмотрел фигуру, улыбнулся:

— Ну как же это вы, из самого Питера, отличница — и к нам?

— Это праздный интерес или упрёк? — прямо спросила Анна, заставив начальника уткнуться носом в документы.

— Нет. А ты ершистая! Ну ничего, послужишь. Служить готова?

Анну покорило обращение на «ты», но она промолчала. Основная задача — превыше всего.

— Так, Анна... Как вас там по отчеству? А, Михайловна. Значит, в отделе кадров поступите на довольствие, прямо скажу, скудное пока. Жильё есть?

Анна покачала головой.

— Поможем на первых порах, есть должнички. Потом уж сама. Пойдёшь ко мне помощником. Так там и скажи, они оформят.

— Но мне на оперативную работу... — замялась Анна.

— Спасибо ещё скажешь. То же мне, опер нашёлся! Чем по помойкам лазать, бухих с топорами нюхать, лучше тут сидеть, бумажки перебирать, — усмехнулся начальник.

Анна хотела добавить, что, перебирая бумажки, мир лучше не сделать, но промолчала, понимая, что её аргументация будет смешна. «Посижу пока. Потом переведусь. Всё равно добьюсь своего, чего бы это ни стоило», — подумала она, забирая документы и выходя из кабинета под пыливый и мысленно её раздевающий взгляд начальника.

Полгода пролетели незаметно для молодого сотрудника Следственного комитета, но и без толку. Анна то и дело перебирала бумаги, сдавала в архив дела, не представляющие никакого интереса, носила кофе начальнику, хоть и совсем этого не хотела, но тот сделал доброе дело — поселил её абсолютно бесплатно в махонькую квартиру недалеко от работы в старом деревянном доме. Что за долги отдавали ему этой квартиркой, Анна не догадывалась до поры до времени, да и не думала об этом.

Часто, когда было время, она заглядывала к весёлым парням, угощавшим её дешевым шампанским, следователям, интересовалась работой, живо вникала в дела управления, иной раз заставляла там полицейских, таких же весёлых ребят в форме. Но дела о бытовых потасовках и поножовщине для неё интереса не представляли. Ей хотелось настоящего дела, такого, чтобы вывести на чистую воду людей, которые грабят государство, живут несправедливо, ущемляют простых людей в их стремлении жить честно. Не раз она проезжала мимо шикарных домов на окраине, понимая, что не на зарплату они построены, на зарплату живут такие, как она, в скромных квартирках. И не на трудовые доходы, ибо какой доход тут будет в этом Топорске и откуда? Только воровство — вот доход. Лес украсть, бюджет разворовать, землю продать за взятки — иначе не заработать. Опера смеялись, глотая коньяк, когда слушали разговоры Анны об этом, а она затевала их, лишь чуть перебрав с шампанским.

— Чего ты, Анька? Это как бороться с ветряными мельницами, бесполезно! Лучше живи спокойно, при твоих внешних данных и обаянии спокойно к тридцати до майора дослужишься, а там в отставку — и в коммерческие структуры. Коммерсы таких, как мы, с радостью берут, — говорили ей весёлые парни.

Она кивала головой, но с ними не соглашалась. Не этого она хотела, когда шла учиться на прокурора — око государево.

С начальником всё решилось через год, когда он под парами алкоголя вечером завалился к ней в квартиру и предложил интимную близость. Слова Анны о жене и детях, которые ждут его дома, он пропустил мимо ушей, пытаясь залапать девушку, дыша перегаром ей в лицо. Анна выскользнула, но сопротивляться начальнику не могла — субординация. Да и понимала она, что это лишь алкоголь играет в крови у мужика. Всунув ноги в кроссовки, умчалась в летний вечер на улицу под крики, что, мол, там и жить будет, если не даст. Не дала. На следующий день перевели её в оперативный отдел и квартиры лишили. Но снять удалось быстро, Анна перекантовалась у родителей

в Краснореченске пару недель, мама подкинула деньжат из своих похоронных сбережений — и новое жильё было найдено.

И кофе носить больше не приходилось. Правда, работа стала не такая комфортная, но именно этого Анна и хотела. Началась настоящая работа, и вот-вот наконец она, справедливый мститель, выведет тех, кто живёт неправильно, не по законам, написанным умными людьми, на чистую воду. И получают по заслугам те, кто унижают и грабят, те, кто живут как хотят, подмяв под себя всех и вся, а когда она, Анна, отчистит мир от неправды, от несправедливости, то жизнь станет проста и прекрасна. Да вот попадались ей всё разможжённые поленьями во время попойки головы, поножовщина по непонятным причинам и насильники-мужья, по пьяной лавочке мордующие своих не менее пьяных жён, разруха на местах преступлений, вонь от блевотины и нудные бабки, скрупулёзно сообщающие всем, особенно следственным органам, кто, куда и зачем ходил в ближайший месяц мимо них.

Никакого стоящего дела не попадалось. И на рапорты о переводе в другой город или в прокуратуру никто Анне ответа не давал. Видать, начальник всё-таки обиду затаил и клал их под сукно или давал такие характеристики, что, кроме Топорска, никуда Анну и не взяли бы.

Летело время, она совсем уже отчаялась, отработывая номер, от скуки и безысходности начала подумывать о мужчине в доме. Парни из отдела, из полиции, госавтоинспекции, что вились вокруг неё, подавая различные знаки внимания, ей не нравились. Не то чтобы она брезговала ими, нет, но они ей были неинтересны. Она знала, что и как они делают, как отдыхают под шашлык и водку на берегу Колвы, чем занимаются на работе, кого хотят, кроме неё, у кого из вожделев-ых ими пассий больше грудь и зад, и это ей претило. Уж если брать в дом мужика, думала Анна, то должен он быть правильным, надёжным, опорой ей во всём, а не раздолбаем-опером. Да где же сыскать таких в Топорске? Даже и в Краснореченске, родном Анне городе, категорически никто не подходил. Вспоминала она иногда сокурсников из Питера, которым всем от ворот поворот дала — не до любви ей тогда было — и жалела, что нет их. Списывалась даже с парой по соцсетям, да один не ответил, а второй, торопыжка, уже женился. Ни ресторанов в Топорске, ни клубов не было, да и не ходила туда Анна — погоны не позволяли и денежное довольствие. Кроме того, нарядов не было. Пара платьев из дешёвых магазинчиков Перми пылилась в шкафу, но Анна разок наденет их дома, покрутится перед зеркалом, и обратно снимет. Куда надеть? А может, уж и не модные.

Поэтому, когда объявился красавец-мужчина чуть старше неё, из Соликамска, пригласил её в кафе, в тот самый Соликамск увёз, шампанским дорогим напоил, речами ублажил, деньгами насорил по её меркам щедро, бросилась скучающая от несовершенства мира Анна в объятия любви не раздумывая.

Только любовь ли это была? Появился Сергей в Топорске случайно, в гости заходил к инспектору рыжему в ГИБДД, учились в школе вместе. Вот на пикнике у Колвы его Анна и увидела. Одет был хорошо, манеры приятные, голос низкий, красивый, машина опять же, иномарка. Пил в меру, анекдоты рассказывал не пошлые. Где работает, чем на пропитание зарабатывает — Анна тогда и не спросила, природа ум затмила, желание. И ошиблась. Работы у Сергея толком не было, перебивался случайными заработками, когда густо, когда пусто. Кроме того, была в Соликамске у него жена, хоть и говорил, что разведён, а штамп в паспорте стоял, это уж потом Анна подглядела из любопытства и профессионального навыка. Жена эта возлюбленного Анны из квартиры и выставила. Приехал он в один из ненастных осенних дней к Анне со спортивной сумочкой, да и остался. Но в Топорске работы, естественно, не нашёл, мотался иной раз на редкие заработки в Соликамск и Березники, привозил немного денег, деликатесы и ящик пива, которое употреблял не спеша, под телевизор.

Когда у Анны глаза открылись, когда поняла лейтенант Следственного комитета, что не пара он ей, Сергей в квартирке съёмной уже прижился, денег на пиво стрелял у Анны и жил в своё немудрёное удовольствие. По скромности и ясному понимаю, что сама виновата, Анна его терпела, не гнала, прибиралась за ним, одежонку стирала, благо, что купил на свои деньги он стиральную машину. Опять же плюсы находила — мужик на колёсах, иной раз и к родителям можно съездить. Зачастую Сергей был пьян, поэтому рулила сама, что доставляло ей удовольствие, ещё бы перегаром в машине поменьше воняло. А тут случилось ещё одно происшествие, которое частично нивелировало всё возрастающее отвращение девушки к своему непутёвому сожителю. Крым стал наш, как говорили радостные сотрудники под пятничную водочку в конце рабочего дня, и начальника, который невзлюбил Анну за отказ, отправили туда — то ли на повышение, то ли в наказание. Пришёл новый начальник, молодой, суровый, работающий. Слов на ветер не бросал, дела под сукно не складывал, в отделе зашевелились, заныли — работы стало невпроворот. Анну новый начальник отмечал за работоспособность, а что ей ещё

делать было — домой она совсем не хотела, вот и засиживалась до ночи за папками да в опергруппы просилась чаще, даже представил к очередному званию.

И как-то раз вызвали Анну на очередное убийство. Пока собирались — оперативники из полиции уже подъехали, забрали девушку. УАЗ, едва пробивая тусклыми фарами сумерки, затрясся по лесной дороге.

— Чего это мы в лес? — удивлённо спросила Анна, привыкшая к вонючим квартиркам с тухлым бельём. — На пикник?

— Да нет, — ответил молодой капитан, поправляя ремень автомата, — по заяве. Тут в лесу труп обнаружили. Точнее то, что от него осталось. Звери, что ли, погрызли. Или собаки.

Машина скакала по ухабам, нещадно стрясывая у Анны всё нутро. «Пистолет не взяла», — промелькнула у неё мысль. Пистолет, выданный на дежурство, остался в сейфе. Вещь для хрупкой девушки тяжёлая, громоздкая и, в основном, ненужная, вот и оставила. Через час ходу УАЗ скрипнул всем своим телом и с трудом остановился. Ребята из полиции вытащили фонарики, бороздя их лучами опушку леса.

— Вроде здесь, бабы говорили. Ищите.

— Так ты бы взял тех баб с собой.

— Куда их посадить? В обезьянник, что ли? Ищите, они сказали: на опушке меж двух сосен, — беззлобно ответил капитан. — Чего фонарик не взяла?

Анна отрицательно покачала головой, благодарно приняв источник света. Контуры двух сосен неявно проступали на тёмном небе. Лучик фонаря проскакал по густой траве, остановившись на мшистой поверхности у их корневищ. Анна прошла, стараясь не терять ребят из виду, — было не по себе. Внезапно лучик зацепился за что-то, Анна подошла ближе, пытаясь рассмотреть, и отшатнулась. На неё смотрели мёртвые глазницы желтоватого черепа, чуть прикрытого серебрившимся в свете фонаря мхом. Справившись с эмоциями — а череп, настоящий, человеческий, она видела на природе впервые — Анна позвала остальных:

— Ребята! Мы это ищем?

Полицейские подошли, осветив фонариками место. Капитан присел, откинув автомат за спину.

— Похоже. Только что тут делать? Аня, милая, дело возбуждать будешь?

Молодые сержанты засмеялись. Но Анна, твёрдо стоящая на букве закона, кивнула головой.

— Да перестань, скелет лежит тут лет сто. Может, могила была, звери разрыли. Тут много деревень заброшенных, исчезнувших. Я отпишу по своему начальству — и дело с концом. На уголовку не тянет, — капитан поднялся с корточек, отряхнул колени.

Анна внимательно осмотрела череп, остальных костей скелета под мхом было почти не видно. Достала дежурные резиновые перчатки из сумочки, натянула, осторожно перевернула жёлтую круглую кость, когда-то бывшую головой человека. На затылке чернело круглое отверстие. Парни присвистнули, капитан вздохнул.

— Тянет, ребята, — спокойно сказала девушка.

Капитан не сдавался:

— Ну тянет. Да что тут расследовать, дело явно старое: или висяк из центра, или вообще зек лежит из сталинских лагерей. Ты по каким горячим следам его расследовать будешь? Все следы остыли и сгинули. Ань, давай не станем заводить бумажную волокиту, нам тут работы хватает и без этой рухляди.

— Не положено. Криминалиста надо с утра, сегодня не нашли мы её. Капитан, свою работу надо делать до конца, — Аня поднялась, сняла перчатки. Капитан сник, потоптался, потом кивнул головой.

— Не умирай, — Анна первый раз улыбнулась, — тут ведь ещё одно обстоятельство.

— Какое? — простонал капитан, всем видом показывая, что утомился.

— Вот, взгляните. Не надо быть криминалистом, — Анна вновь высветила фонариком страшную находку. Полицейские внимательно посмотрели, но ничего не увидели.

— Ну и что? Что нового, кроме черепушки с дыркой? Аня, ты уж совсем заработалась.

— На зубы смотрите.

Полицейские ещё раз посмотрели на череп.

— Зубы как зубы.

Анна вздохнула. Потом собралась, улыбнулась и спросила:

— У тебя сколько зубов?

Капитан замялся:

— Ну, штук двадцать восемь-то ещё есть. Я ещё молодой.

— А у тебя? — задала вопрос Анна пожилому по её меркам, полноватому сержанту-водителю.

— Так это, сейчас посчитаю. Ага, двадцать шесть. Но мост ещё не поставили, очередь к стоматологу же. Всё никак не дойду.

— Ну? — загадочно подняла красивую бровь девушка.

— Чего «ну»? Толком скажи, не строй из себя столичную фифу, — капитан начал злиться.

Анна рассмеялась, хлопнула капитана по плечу:

— Судя по размеру черепной коробки, человек был взрослый, может, старше сержанта, конечно, судить точно не могу, но не ребёнок. У вас в тридцать лет уже зубов мало, а те, что остались — все с пломбами. А у этого, — кивнула она на череп, — ровные, белые, тридцать две штуки. А вы говорите — зек из сталинских лагерей.

Полицейский бросились считать и рассматривать зубы на черепе. Капитан почесал голову:

— Точно. А как же тогда он так сгнил-то быстро, раз свежий?

— А на это у меня пока ответа нет, — задумчиво произнесла Анна, доставая папку с протоколом осмотра места преступления.

— Ну найдёшь же ты дерьмо в чистой воде, девка! — капитан выругался и плюнул. — Зачем всё это? Проблем мало, что ли? Висяк конкретный, бонуса никакого. Лучше прессануть коммерсов, хоть заработали бы, а тут с бумажками возиться.

— Не девка, а старший лейтенант юстиции Топоровского межрайонного следственного отдела, — жёстко отрезала Анна, сразу посуровев. «Прессануть, коммерсы, деньги. Ничего, доберусь и до вас», — неслось в её голове, кровь прилила к щекам, гнев уже почти вырывался в прохладный воздух августовской ночи, пахнувшей соснами и мокрой увядающей травой.

Капитан посмотрел на Анну, что-то понял и молча ушёл к «уазу».

На следующий день Анна пришла к начальнику, положила дело о скелете с заключением криминалиста на стол. Начальник нехотя дело открыл, взглянул и тут же забрал себе в сейф.

— Так вы что это? — всполошилась Анна, не понимая, почему тот не поставил визу и не дал указаний.

— Не твоя забота. Иди работай, — начальник был почему-то груб.

— А что моя забота? Что мне, всю жизнь гонять по помойкам? Хорошо, если это не моя забота, тогда подпишите рапорт о переводе хоть в Соликамск. Я в прокуратуру шла для того, чтобы с несправедливостью бороться, а не пьяные драки расследовать! Я институт закончила! У нас тут кто у власти — тот и грабит государство, а люди в нищете спирт жрут и режут друг друга. А вы тоже... — что тоже, Анна не договорила, осеклась и заревела.

Начальник внимательно посмотрел на маленькую девушку в ладно сидящей форме с погонями старшего лейтенанта, роняющую крупные слёзы на старый потёртый стол; слёзы мочили стопку бумаг

на краю стола, падали на пыльный пол тёмными амёбами. Подвинув бумаги поближе к себе, он стукнул ладонью по столу:

— Не ревите! Ещё бабских истерик мне не хватало. Ладно, завтра в управление еду, вы со мной. Выезжаем в шесть. Будет вам дело, которое хотели. А по поводу власти — вы этой власти служите, товарищ старший лейтенант. И негоже её обвинять и дискредитировать. Она вам зарплату платит за то, что вы её защищаете.

— Так я же и хотела... защищать... От несправедливости, — хлопала носом Анна.

— Вот и защищайте. От врагов, которые несправедливость и несут в наше общество. И ещё неизвестно, кто хуже: вор на месте чиновника или толпа пьяных идиотов с ножами и топорами. Идите.

Анна встала и вышла, вытирая платком раскрасневшееся лицо с потёками недорогой туши под глазами. А дома вечером её ждал Сергей с пивом и бесконечным футболом. И Анна не выдержала. Вот теперь и лежала на диване, ревя в подушку и думая, что вся её жизнь — сплошное разочарование и нет в этой жизни ничего хорошего, а лишь беды и несправедливость. И любви никакой нет, лишь секс и отвратительный быт, который ничем не отличается от быта тех, от кого она вычищала общество: бомжей, алкоголиков и прочих маргиналов. И как ни борись с этим миром — ничего не выйдет. Всё будет так, как было, всё останется на своих местах, никогда не сбудется сказка о принцессе и принце, которую мама читала Ане в детстве перед сном. Всё это лишь сказки для глупых маленьких девочек. Захотелось Ане стать снова маленькой девочкой и укрыться одеялом, и чтобы мама сидела рядом, тёплая, молодая, и снова читала ей про принцессу, а она, уже засыпая, верила бы, что когда-нибудь этой принцессой станет.

Анна свернулась клубком на ветхом засиженном диване, натянула плед и заснула не раздеваясь.

Утром то ли служебный долг, то ли привычка, то ли будильник телефона оторвал её ото сна, заставив в полубреду налить растворимого кофе и намазать кусок хлеба маслом. Время неумолимо стремились к шести, к сроку, назначенному для выезда в столицу края. Едва успев добежать до отдела, Анна увидела «Волгу» начальника, пышущую уже дымом выхлопной трубы, распространявшей по прохладе утра сладкий запах несгоревшего бензина. Анна заскочила в машину, начальник надавил на педаль газа, и «Волга» тронулась с места резко, по-деловому, не оставляя шанса расслабиться и доспать. Мелькали деревни, заправки, поля, леса, мосты через речки, речушки, утренние

сборщики грибов и ягод, расположившиеся у дороги, бредущие куда-то в неизвестность люди. Начальник гнал машину, не обращая внимания на знаки. Спецраскраска и проблесковый маячок, хоть и не включённый, позволяли это. Анне не хотелось смотреть в окно, но больше делать было нечего, и она два часа тупо глазела на пробегающие пейзажи и думала только об одном — она никому больше не нужна и жизнь её закончена. Дальше следовали мысли о суициде, но как-то осторожно. Только один раз она успела про это подумать, и жутко испугалась. Нет, она очень хотела жить. Но что же ей делать теперь, когда всё рухнуло и нет надежды? Эта мысль не оставляла Анну вплоть до того момента, когда «Волга» закрипела тормозами и, качнувшись, остановилась у краевого управления. Начальник хлопнул дверью, сказав:

— Пойдем, совещание вот-вот начнётся.

Анна тряхнула головой, поправляя причёску. С этим движением исчезла и мысль о её основной проблеме на данный момент. Поправив форменную юбку, она резво застучала каблучками по ступеням входа, едва успевая за начальником. Показав удостоверения скучающему дежурному, они поднялись на второй этаж, в обширное помещение, где уже блестели погоны всех рангов, гудели голоса. Начальник поздоровался с парой полковников, Анна же никого не знала, но чувствовала преследующие её заинтересованные взгляды. И как всегда, ей было противно от этого. Она же офицер, а не проститутка. Заняли свободные стулья, начальник впереди, Анна позади него — по субординации. Вошёл какой-то мужчина, все встали. Мужчина в форме полковника предложил сесть.

— Начальник управления в Москве, поэтому совещание буду вести я, первый заместитель, если кто не знает.

Все заученно посмеялись.

— Итак, не буду напоминать, что секретность информации высока. Прошу внимание на экран.

Свет притух, на стене на развернутом экране появилось изображение карты края, высвеченное проектором. Полковник продолжал:

— На совещании начальников отделов двухнедельной давности эта тема уже поднималась, но сейчас вопрос встал очень остро. Некоторым из вас, особенно с севера края, известно, что происходит нечто, чему у нас нет объяснений. Вот в этих точках, — полковник указал курсором на красные точки на карте, — были найдены фрагменты скелетов. Все обнаруженные останки объединяет между собой три вещи: первое — на всех черепках имеются отверстия круглой фор-

мы в затылочной части. Второе — все останки в крайней степени разложения, в основном мягкие ткани полностью отсутствуют. Третье — предположительно, останки принадлежат людям, которые жили в наше время, то есть смерть их наступила недавно, судя по результатам осмотра. Как вы заметили, основная концентрация находок — на севере края. Уже зарегистрировано около двадцати трупов с подобными признаками. Ситуация очень опасная. По всему ясно, что убийства — а в том, что это убийства, сомневаться не приходится, — объединены между собой, что влечёт вывод о том, что это действия маниакально настроенного человека или группы людей. Если мы не раскроем эти преступления, то Москва примет определённые меры. Полетят головы и в управлении, и на местах. Вчера у губернатора проводили совещание силовиков, там ясно было дано понять — надо приложить все усилия. Основная тяжесть по раскрытию этих преступлений ляжет на наши плечи. ФСБ пока подключаться не будет, и это хорошо, контрразведчики будут только мешать и дестабилизировать обстановку. На данный момент в каждом отделе необходимо создать группу, назначить старшего по расследованию, ему в подчинение будут приданы силы полиции. И начинать работать.

Полковник вытер пот с лица, сделал жест рукой, приглашая другого офицера, и сел на стул.

Следующий докладчик переключил экран проектора на другую картинку. На ней были фотографии черепов в разных ракурсах, один из которых Анна уже видела в лесу.

— Итак, — взял слово новый незнакомый полковник, — мы имеем полное разложение тела при малом прошествии времени. Как такое может быть — мы думаем. Возможно, звери поели, возможно, плоть была отделена от костей в результате ритуала или иного противоправного действия. Дырки в затылочной части похожи на пулевые отверстия, но ни в одном случае нет выхода пули из какого-либо другого места. Не найдены пули и рядом. Также нет ни гильз, ни других следов использования огнестрельного оружия, из чего мы можем предположить, что отверстия появились при воздействии холодного оружия — заточка, круглый острый предмет диаметром около восьми миллиметров. Кроме того, убийца должен обладать недюжинной силой, чтобы пробить череп с одного удара таким предметом. В связи с тем, что останки обнаружены в течение этого лета, до этого нигде не фиксировались, а территория их обнаружения довольно обширна, мы можем предположить, что действовала преступная группа, а не маньяк-одиночка. В этом случае в первую очередь нам надо определить

мотивы данных лиц. Для этого мы пригласили нашего ветерана, одного из лучших сыщиков в годы перестройки, подполковника милиции Владимира Георгиевича Линевича. Прошу Вас, — полковник пригласил к себе старого мужичка в потрёпанном костюме с седыми редкими волосами, окружающими обширную лысину. На пиджаке приглашённого болталась пара медалей.

Мужичок вышел на всеобщее обозрение и заслониł экран.

— Да, в прошлые времена мне приходилось сталкиваться с таким. Времена тяжёлые были, магазины пустые, ни еды, ни патронов. Как в глухой деревне жить? Как-то раз вызвали нас на убийство. Приезжаем, значит, а там расчеленёнка — ну, одни кости. Ни мяса, ни жил, значит. Деревня в лесу, река далече: зверь, думаем. Так бы и списали, коли б в одном из домов случайно не нашли котёл с варевом. Стало быть, деревенские-то, откинувшиеся недавно, заселились, жрать нечего, воровать нечего, денег на дорогу нет — ну и давай грабить и убивать местных. А чтобы добро не пропадало — разделявали, мясо варили. Дело дошло до того, что пирожки на дороге бабки продавали с человечинной, что за копейки у тех бандитов покупали. Так они четырёх или пятерых съели. Накрыли мы их тогда, всем вышак вышел. Вот такой случай был, понятно, что дело секретное тогда, все молчали. Ну что ещё могу рассказать, — мужичок задумался на минуту, — а, вот был случай: на Колве секта зародилась, туда со всей страны люди приезжали — мол, бог там живёт, последователь то ли Будды, то ли Иисуса, то ли Иеговы — не суть. Я в этом не разбираюсь, я следователь. Ну и у них была фишка: чтобы в рай попасть, надо умереть, мол, жизнь — ерунда, задерживаться не стоит на этом свете. Но их вожак, полубог, определил, как это надо делать. Понятно, что бог и рай тут были ни при чём — главный сектант у послушников своих отбирал всё сначала, а потом, чтобы следы замести, убивал. Вернее, сами они себе вены резали под воздействием какой-то гадости. А потом, чтобы следы замести, подельники полубога с трупов всю плоть обдирали и зверям выбрасывали, а кости в ямку. Когда ямку раскопали — сколько же их там лежало... Понятное дело — вышка, но мораторий тут ввели. Пожизненное у всех, сидят, коли не померли.

Зал притих, слушая. Погоны не шевелились, Анна забыла уже о своих бедах и внимала мужичку, который такое повидал. Мужичок же, отпив воды, продолжал:

— Ну а ещё тут такое дело. Я, конечно, по группе Дятлова не знаю всего, углан ещё тогда был. Но расскажу вам историю. Конечно, манси тут ни при чём, скорее всего. Но обряд тот из далеких времён

пришёл к нам да так и прижился, видимо, в мозгах. Особенно когда эти мозги набекрень. Правда, тут расчленёнки не было как таковой, но уже в отставку мне пора было, как вызывают на убийство. Дело как раз на северах, на Вишере. Нашли труп, в темени дыра, живот распорот, кишки на земле, печени нет. Зверьё, конечно, тоже полакомилось уже. Потом другой труп, третий, всё так же. Тут и Дятлова вспомнили, и обряды мансийские, все их деревни прошерстили, что ещё оставались, все капища. Но у манси ничего не нашли. А уж через год нашли мужика, бродил по лесу, жил там же. Кто, откуда — не выяснили, но у него в избушке на берегу реки нашли вещи убитых. Когда допрашивали, он только головой тряс и твердил, что конец света скоро и надо врагов божьих убивать и их печень есть, если спастись хотите от неминуемых мучений. Он в лесу охотников да рыбаков поджидал, и таким образом их убивал. Ещё нашли улику — прут заточенный металлический, с деревянной рукоятью из кедра. На рукояти следы крови. Тут уж не отвертеться ему было, но сочли невменяемым и упекли в дурку. Там и помер, кажется. Вот так бывало. Но у вас, кажется, всё похлеще будет. Двадцать трупов — это даже для меня рекорд.

Мужичок ещё отпил из стакана и сел. Погоны молчали. Слово взял замначальника управления:

— Итак, товарищи, у нас есть предмет для размышления. Прошу отработать на местах все версии в режиме постоянного взаимодействия. Списки руководителей следственных групп прошу предоставить немедленно по окончании совещания. Пора за работу. Совещание окончено.

Анна встала, под впечатлением кровавых рассказов ветерана не особенно понимая, зачем начальник взял её с собой. Но он всё тут же прояснил:

— Старший лейтенант, вы назначаетесь старшим группы расследования. У нас есть один случай, вы знаете, теперь всё в ваших руках. Вашу кандидатуру я включил в списки руководителей следственных групп. Человек вы задорный, работающий, хотели настоящего дела — вот, думаю, справитесь.

Анна, широко раскрыв глаза, ослабла и села на стул. Потом поднялась, молча кивнула головой, в которой неслись мысли: «Вот, не надо умирать, не надо страдать, надо всю себя отдать делу, решить задачу». И она, гордо качая узкими бёдрами и выставив вперёд свою маленькую грудь, под одобрительные взгляды сотрудников следственного комитета твёрдым шагом вышла на улицу, вновь понимая своё предназначение.

На следующий день Анна разбирала дело под грифом «секретно». Всё было довольно необычно. Черепа с дырками находили по всему северу края, если верить документам, но первую зацепку рабочий ум Анны нашёл сразу. Отметив на карте находки, которые точно относились к порученному ей делу, а не были похожи, выдуманы или причислены случайно, она обнаружила, что точки образуют треугольник, почти равнобедренный, правда стороны его вытягивались почти на четыреста километров.

Сначала Анна обрадовалась такому великолепному умозаключению и стала смотреть в центр треугольника, наивно полагая, что там и может быть база преступников. Именно в этом центре находилась маленькая деревенька со странным и говорящим названием Мутиха. В мутной Мутихе, удалённой от всех благ цивилизации, и могли затаиться и творить свои чёрные дела ужасные преступники против личности, людоеды на двух ногах, психопаты-сектанты, изводящие своих жертв. Анна уже готова была вызвать опергруппу для изучения данной деревни, но, внимательно рассмотрев Гугл-карты, остановилась. Позориться не хотелось. Единственная дорога, которая вела от Краснореченска к Мутихе, шла через деревеньку в один из углов треугольника, других дорог там не было. А пройти по лесу без дорог двести-триста километров для простого человека пешком было явно не под силу. Оставив осмотр местности на потом, чтобы не ударить в грязь лицом, Анна сосредоточилась на главном, которое обозначили в управлении, — на мотивах преступления. Тут мозг начал отказывать, логика не работала, Анна начала клевать носом в бумажки. Дело совсем не шло. Вариант банды маньяков, одержимых одним влечением и собравшихся вместе, не воодушевлял. Анна записала эту версию на чистом листе и отложила его в сторону. Также на край стола ушёл лист с надписью «сумасшедшие». Третий лист долго лежал на столе, Анна в задумчивости рисовала на нём кружки и треугольники. На листе была аккуратно выведена надпись «Каннибалы». Но времена были не голодные, еда недорога и доступна, в Мутихе и Вае были и магазины, и даже кафе. И лист тоже ушёл на край стола.

Все эти версии никак не умещались в области здравого смысла. Рассказы ветерана МВД, потрясшие Анну вчера, вылились именно в эти три листа, три версии, и никуда не годились. И тут она вспомнила, что ветеран мельком рассказал про группу Дятлова, о которой толком ничего не знала.

Порывшись в интернете, выудила из Википедии нужные данные, изучила вопрос и к концу дня даже скачала, благо доступ у следова-

теля всегда открыт даже к нелегальным ресурсам, американский фильмец — про эту историю. Но, придя домой, Анна вновь ощутила себя одинокой. В принципе, Сергей был неплохим, тем более сейчас, когда никого не было, и, может быть, надо было его простить. Анна зашла на маленькую кухню с грязной посудой, которую не мыла три дня, включила воду в мойке, но горячая вода не пошла, а холодной мыть было неудобно и неприятно. Грустно посмотрев на последнюю чистую сковородку, она разбила туда пару яиц, положила на хлеб кусок сыра, подождала, пока яйца поджарятся, и стала есть прямо со сковороды, обжигаясь и пытаясь этой болью заглушить другую.

Боль от несбывшихся надежд, одиночества и нереализованности была гораздо сильнее. «Может, — думала Анна, — надо было пользоваться редким выездом в краевую столицу. Повертеть задницей перед полковниками, закрутить роман, найти неженатого или вообще развести, даже если женат». Ведь она чувствовала взгляды мужчин, она понимала, что молода и привлекательна. Но воспитание, образ мыслей не позволяли ей вот так с головой кинуться в романчик с налётом меркантильности. Нет, ей хотелось настоящей любви, неги от прикосновений, романтики тёплого побережья хоть раз в год с любимым и любящим мужчиной. И может быть, тогда она даже могла бы забыть о нереализованности её юношеских планов бороться с несправедливостью. Да и с какой? Анна же даже не задумывалась, что есть несправедливость. Несправедливость в государстве — коррупция, воровство, неравные доходы, обнищание? Или несправедливость в обществе, когда сильный угнетает слабого, существует неравенство полов, хамство одних и безвольность других? Или несправедливость вселенского масштаба, когда душа молода и может всё, а тело стареет и умирает. При этой мысли, странной и неожиданной для неё, Анна вдруг почувствовала недомогание, голова потяжелела, в глазах потемнело, будто чёрный туман вошёл в окно кухоньки и застелился по полу. Она тряхнула головой, волосы рассыпались по лицу. Туман исчез. Но тошнота осталась.

Анна решительным движением открыла холодильник, достала початую бутылку водки, которая осталась от Сергея, налила себе немного и выпила, что никогда раньше не делала. Закашлялась, запила холодным утренним чаем. «Наверно, месячные начинаются», — подумала она, и решила уже лечь у телевизора и посмотреть скачанный на работе фильм о Дятлове. Фильм оказался полной ерундой. Как всегда, во всём были виноваты русские спецслужбы, растившие мерзких зомби.

Анна заснула на диванчике, так и не досмотрев. И ей снился странный сон, как будто она всё может: может летать, может перемещаться в пространстве в один миг в любое место, может даже то, о чём никогда не догадывалась. Что она совершенно свободна и ей нет никаких преград. И вот на пустынном берегу лазурного моря, где черепахи выползают на песок, а на пальмах бесстыдно висят зелёные кокосы, встречает она прекрасного юношу, красивого, как бог. Юноша лишь в набедренной повязке, в руках у него короткое копьё, почти Аполлон. Он подходит к Анне, берёт её за руку и говорит: «Смотри, как здесь прекрасно! Прекраснее ничего нет на свете. А красота эта заключается в том, что ты не связана коконом своего тела, ты свободна, как волшебная птица. Я хочу, чтобы ты была со мной. Но для этого ты должна освободить свою душу, выполнив обряд. Возьми это», — и юноша подаёт Анне короткое копьё. «А теперь вонзи его в голову», — указывает юноша на внезапно возникшего перед Анной, стоящего на коленях человека. Человек тот поворачивает голову, и Анна видит — это Сергей стоит перед ней на коленях с мольбой в глазах. Она резко отступает, но юноша тянет её обратно, целуя в губы так страстно и нежно, что Анна не может и не хочет сопротивляться. «Вонзи копьё, это твоё прошлое, это то, что держит тебя в ненавистных рамках бытия. Не бойся. Вонзи. Убей его. И тогда мы вечно будем вместе в неге и счастье». Анна замахивается копьём, и просыпается в холодном поту. За окнами брезжит ещё ранний рассвет. Августовский дождь бьёт по оцинкованному отливам, как будильник: дзынь-дзынь, пора, вставай, девушка! Сон закончен, но лучше бы он не кончался совсем или вообще бы его не было.

На работе Анна скомкала три листа, надписанные вчера, и выбросила их в урну. Перед ней лежал распечатанный отчёт криминалистов из краевой столицы, где чёрным по белому было написано: следов воздействия твёрдых предметов — инструментов, зубов, камней — на костях жертв не обнаружено. Следов воздействия высокой температуры тоже. А это значит, что никто никого не ел, не сдирал плоть и не варил в костре. Версий больше не было.

Анна грустно взглянула в окно, вспоминая свой сон: тёплый берег и красивого юношу. Фиаско, кажется, ждало её и в этом важном, неожиданно порученном деле. И тут она вдруг вспомнила копьё. Короткое копьё, что давал ей юноша. «Убей». Группу Дятлова тоже убили странным образом, без видимых на то мотивов. Что же тогда, в пятьдесят девятом, искали следователи? Анна перешерстила весь интернет, и к вечеру в её голове созрела версия. Она ещё долго, за

полночь, просидела в кабинете, зарисовывая один листок за другим, записывая свои выводы. А выводы были таковы: группа религиозных последователей верований национальных меньшинств, проживавших ранее на территории края, а ныне по границам его, решила возобновить культ старых богов малых народностей, таких как манси, ханты и коми-пермяки. На территории края насчитывается несколько десятков капищ, которые эксплуатировались верующими до середины двадцатого века. Сравнив места обнаружения останков с данными из интернет-источников о местах религиозного поклонения, Анна убедилась в том, что они в большинстве случаев совпадают. Это был факт.

Дальнейшие выводы строились на её не очень далёких фантастических умозаключениях, но других не было. Не было и других зацепок. Дятловцев убили, предположительно, манси в отместку за осквернение или за попытку осквернения их места отправления религиозных обрядов, хотя этому подтверждения нет. А может быть, и за попытку проникнуть в их сокровищницу, где хранится небезызвестная золотая баба — идол манси. Конечно, нынешние преступления могли совершить и не манси, а их последователи, сектанты, это Анна тщательно указала в своих записях, понимая курс государства на интернациональные отношения. Правда, ни одного случая человеческого жертвоприношения у народностей Севера Анна не нашла ни в одном источнике, но усугубила действия секты последователей психическими расстройствами, а непонятное ускоренное разложение мягких тканей — возможным действием какого-то химического препарата. Отправив запрос криминалистам на поиск в останках жертв этого препарата, Анна, неожиданно удовлетворённая своей работой, ушла домой, упав там в изнеможении на кровать. Точка, оперевшись на которую она раскрутит всё глухое дело, была найдена.

К начальнику в кабинет она входила, гордо неся все свои женские достоинства. К чему было скрывать своё естество, если цель так близка? Анна имела в виду, конечно, цель расследования, а не цель своего существования, которая была туманна. Начальник внимательно и без всякого такого интереса посмотрел на объект вождения различных мужчин и углубился в чтение документа, представленного сотрудником, наделённым полномочиями. По прочтении хмыкнул и высказал глубокую мысль:

— Бред.

Анна возмутилась, вскинув бровь:

— Отчего вы так говорите? Факты...

— Какие факты?

— Ну хотя бы то, что действительно места обнаружения совпадают с местами культовых...

— Да где вы эти культовые места нарыли? — начальник был явно недоволен.

— В Интернете нашла, — смущённо пробормотала героиня расследования.

— Вы бы ещё в туалете и на заборе читали и верили!

— Я могу пояснить, подтвердить, если вы позволите, обратиться в краевую библиотеку. Правда, я найду! Три-четыре дня... Не всё в Интернете неправда.

— А про химические вещества и психические расстройства предполагаемых преступников?

— Иначе нельзя объяснить...

— Бред. И что в данном случае вы собираетесь предпринять, даже если предположить, что вы на полпроцента правы?

— Я отослала запрос в центр по химвеществам. А по остальному — необходимо, я думаю, провести оперативные мероприятия по поселениям, входящим в треугольник нахождения останков.

— Да вы в своём уме? Во-первых, это выходит за границы нашей зоны ответственности. Во-вторых, устанете ездить. Кроме того, преступники могут скрываться где угодно, в лесу, в заброшенных деревнях, в местах без доступа техники, а вертолёт у нас нет, да и не подпишут его без надобности по вашему представлению, даже если он и найдётся... Этот доклад я не могу пустить в дело по расследованию. Анна, вам надо собраться и не пороть чушь.

Анна опять чуть не заревела. Целый день умственного труда особой интенсивности пропал зазря, критика была убийственна. Но тут на столе запиликал сотовый начальника. Тот невозмутимо, даже с долей небрежности, сдвинул пальцем индикатор звонка.

— Слушаю. Что? Когда? Немедленно высылаю группу.

Телефон лёг на стол, начальник взглянул на раскрасневшуюся Анну.

— Так, оперативная информация для вас. Вчера в отдел полиции поступило сообщение о найденном трупе. По всем признакам — наш клиент. Дырка в голове, степень разложения минимальна. Проблема в местоположении тела — находится на территории заповедника, вне зоны доступности автомобильного транспорта. Предлагаю вам собрать группу и выехать на место обнаружения, — начальник вздохнул и добавил: — Анна, там тайга, возьмите из полиции хороших парней.

Дорога тяжёлая, да ещё по реке потом. Приготовьтесь, это не турпоход, однозначно. И не наделяйте глупостей. Труп обнаружили егеря заповедника, место труднодоступное. Надеюсь, находка поможет в расследовании.

— А где это? Я же всё про все места капищ манси прочла... — Анна перестала нервничать по поводу недоверия к её расследованию, щёки заалели истерическим румянцем.

— Устье Мойвы при впадении в Вишеру.

— Точно, — прошептала Анна, — там тоже...

— Что тоже? — начальник вопросительно взглянул на неё.

— Место поклонения богам. Капище. Священная роща. Я же вам говорила! Разрешите идти?

Начальник кивнул, по мнению Анны, ещё не понимая правоты своего сотрудника; она повернулась кругом, как в институте на плацу, ликуя в душе, давая всем своим видом понять, что она не просто так, не кукла в форме, а настоящий сыщик, достойный уважения, могущий принести неоценимую помощь государству, что взрастило её, пусть небогато и абы как, но всё же государству, которому она должна служить.

Полицейский «уазик» подъехал быстро, Анна едва успела натянуть штаны прямо под юбку и поменять туфли на кроссовки.

По асфальтированной дороге домчались быстро, даже незаметно, а вот потом начались трудности. «Уазик» и так был машиной не слишком комфортной, но на ухабистой трассе, называемой дорогой, уж совсем потерял любые свои потребительские свойства. Анну, зажатую сзади на сиденье между двумя дюжими сержантами в полной выкладке, в бронежилетах и с угловатыми, вечно впивающимися в бок какой-либо своей частью автоматами, подбрасывало в такт с их владельцами. Причём всегда она оказывалась снизу, а на ней уже восседал всем своим телом один из сержантов. Через двадцать километров такой тряски и мучения капитан на переднем сиденье сжалился и пустил Анну на своё место.

Дорога, если спускаться с горы, была видна на многие километры коричневой лентой, как будто брошенной нетрезвой дамой огромных размеров, и конца-края этой ленте не было, что удручало Анну непомерно. Машина двигалась с черепашьей скоростью, сухие участки дороги давали знать о себе пылью во рту и дыхательных путях, особенно после встречных грузовиков, медленно плетущихся по бескрайней ленте с огромными брёвнами в прицепах. А тут ещё свинцовые тучи стали перекрывать и так редкое в августе солнце, подул ветер во все

щели «уазика», проникая через неплотности одежды к самым сокровенным уголкам Аниного тела. Водитель неодобрительно смотрел на изменения погоды:

— Вот, говорили же, буря будет. Чего мы попёрлись, переждать бы надо. Не ровён час, деревья завалит, у нас ни пилы, ни топора.

Под тихие вздохи водителя Анна, несмотря на тряску, уснула, открыв глаза лишь в какой-то деревне, развалившейся своими серыми домиками на склоне горы.

— Это что за населённый пункт?

— Мутиха, — просто ответил водитель.

Анна начала приглядываться: эта самая Мутиха вполне могла быть логовом банды сектантов-психопатов. Но нет, ничего особенного, редкие мамы с разбитыми донельзя колясками выгуливали по пыли себя и малышей, грязные дети гоняли на ржавых великах, коровы переходили дорогу в неполюженном месте, удобряя нерожавшую землю лепёхами. Особый вид дворовых псов, которые есть в каждой русской деревне, деловито нюхал друг у друга под хвостами. Ничего не напоминало здесь о присутствии злодеев-изуверов. А буря тем временем набирала обороты и пугала Анну гораздо больше преступников. Ветер гнул деревья, по дороге стелилась пыльная позёмка, люди попрятались по домам, да и деревня, которая могла быть оплотом, крепостью, неожиданно закончилась, давая вновь пространство лесу, коричневой ленте и разгулу стихии, которая неподвластна маленькому, слабому человеку. С неба хлынул дождь, не дождь, ливень, потоки его омывали ползущий «уазик», старые дворники скрипели по стеклу, но справлялись едва-едва.

— То ли ещё будет! Сейчас ещё хуже. Говорил же — надо переждать, — гундосил водитель.

Капитан не выдержал:

— Ну не ной, полдороги проехали. Доедем до семьдесят первого, там дом у егерей, переждём. А может, и закончится всё скоро.

— Ага, — хмуро произнёс водитель, как бы развеивая все надежды.

На Анну капало из щели над дверью. Она поплотнее закуталась в курточку и попыталась отвлечься от неистовства погоды, разбушевавшейся за тонкими, ненадёжными стёклами и панелями патрульной машины. И вроде бы ничего не поменялось в окружении: всё та же дорога, всё та же буря — но она неожиданно почувствовала расслабление всех членов своих; и не трясло уже так, и капало на неё, да уже не сильно, воздух показался чище, и пришла к ней мысль, что вся её жизнь — лишь придуманное ею самой, нереальное почти собы-

тие. И по-настоящему она, Анна, вовсе не Анна, и не здесь, а где-то далеко в непонятном мире. «Игра, — вспомнила она когда-то где-то слышанную заумную фразу, — вся наша жизнь лишь игра нашего воображения». Всегда можно выключить это воображение или вообразить что-то другое, что хочется. И Анна вновь увидела мускулистого прекрасного юношу на девственном пляже, зовущего её с собой в море неги и ласки, тепла и вечной молодости. А потом она проснулась, кто-то тряс её за плечо. Этот «кто-то» оказался капитаном. Весь вымокший, он настойчиво будил прикорнувшую в неудобной позе на переднем сиденье «уазика» девушку.

— Приехали, вставай! Погода — жуткая дрянь, пошли в дом!

Анна огляделась. Впереди текла быстрая река, на берегу реки стояли лодки, прижатые течением к берегу, позади, у деревьев, красовался деревянный дом. Рядом с домом стоял сортир, выполненный в том же незамысловатом стиле. Ещё не сориентировавшись, но чувствуя давно подавляемые позывы, Анна выскочила из машины, замахала руками, то ли призывая полицейских уйти, то ли отмахиваясь от крупных струй дождя, надоедливо бьющих в лицо, и побежала к означенному, отдельно стоящему сооружению. Полицейские же, возглавляемые капитаном, двинулись в сторону дома, на небольшом крыльце которого стоял неопределённого вида и внешности человек в лесной одежде.

— Привет, Егорыч! — поздоровался капитан, отряхиваясь от дождя.

— Ага, привет. Чего-то ты в неурочное время, да и погода нелётная. Ну да я тебе всегда рад, проходи, — приветствовал его невзрачный человек. — Водочка в холодильнике есть, вчера генератор гонял, наверно, и не остыла ещё, закуска какая-никакая с прошлого раза. Сейчас часто ездят. А чего это ты и бабу привёз с собой? Чего одну-то? Как на всех делить?

Капитан вошёл в дом, полицейские начали стягивать с себя амуницию, чтобы повесить на вешалку.

— Нет, Егорыч, я нынче по делам. Слышал ведь уже. И баба наша по делу тоже.

— Ну как не слышать, жмурика нашли наши на Мойве, слышал. Так по его душу усопшую?

Капитан кивнул, но от налитой рюмки не отказался. Полицейские тоже осторожно выпили, захрустели луком.

— Ну вот и славно! Сегодня ночевать придётся, а может, и завтра. Сейчас дождь пройдёт, ураган налетит, деревья валить будет. В обрат

ещё дорогу расчищать. А на реку ни-ни! В такую погоду и собаку не выпущу. Так что угощайтесь, — подлил Егорыч водки.

— Да, точно. Погостим у тебя. Чёрт бы побрал эту работу, можно и после было выехать.

— Да кто знал-то. У нас погода переменчива. Ничего, образуется, погостите.

За этим святым для мужчин делом и застала Анна всю честную братию.

Вторая бутылка водки уже была на столе, лук, солёный хариус, хлеб шли на ура. И капитан, и сержанты были довольно навеселе. Анна хмуро оглядела компанию.

— Это вы при исполнении так уже набрались?

Капитан посмотрел хмурым взглядом на девушку.

— Погода нелётная. Егорыч не повезёт. Да и зачем маяться?

Анна вскинула брови:

— Зачем? Да затем, что вы государством поставлены закон блюсти и преступления раскрывать! Вы же знаете, что...

Анна осеклась, понимая, что про быстрое разложение мягких тканей трупов парни из полиции не знают, но не остановилась:

— Надо как можно быстрее добраться до тела. Понимаете?

Капитан покачал головой, улыбаясь и потребляя закуски.

— Да я вас... — начала нервничать Анна.

— Что ты нас? У нас организации разные. Тебе надо — вон, езжай! А мы переждём.

— Ах так! — аргументов в гневе у Анны больше не было. Реветь она не собиралась. Развернувшись к Егорычу, она твёрдо сказала ему:

— Собирайтесь, поехали!

— Да куда? Чего взбеленилась, девка? Видала, что на улице? — заартачился Егорыч, но получил в лицо развёрнутое удостоверение.

— Я не девка тебе, а старший лейтенант Следственного комитета. И на тебя я найду управу! Статья двести девяносто четыре — воспрепятствование следственным действиям, используя своё служебное положение. Ты тут кем? Егерем работаешь?

Егорыч осел от такого напора.

— Товарищ капитан, успокой бабу свою...

— А она не моя, — ухмыльнулся капитан.

— Ну егерем, — ответил невзрачный человек уже Анне, стоящей перед ним с ксивой.

— Ну и собирайся! А то я тебе до трёх лет припаяю.

Егорыч посмотрел на капитана, тот пьяно кивнул: мол, может.

Почесав в затылке, поплёлся к вешалке, взял плащ и нарочно громко стукнул дверь.

— Дура ты, Аня, — сказал капитан, но Анна вступать в полемику не собиралась. Дело было важнее.

А потом Анна плыла на лодке, кутаясь в куртку, которая уже не спасала ни от дождя, ни от ветра, и думала, какая же она дура. Но первоначальные мысли её под воздействием неблагоприятной атмосферной обстановки постепенно трансформировались. Через какое-то время она начала понимать, что ненавидит всех людей в своём окружении, а может, даже и во всём мире. Ведь что это за люди? Люди, которые хотят возвыситься над другими за счёт этих других, не имея на то оснований и способностей. Люди, которые делают всё не так, как надо. Вот капитан, мог и поехать с ней, несчастной маленькой девушкой, выполняющей долг. Но нет, решил, что его благополучие гораздо важнее. Важнее чего? Дела? Долга? Может быть, она сама не права. Может быть, зря она вытащила бедного Егорыча, который, в принципе, и знать ничего не знал и был ни при чём. Анна даже захотела повиниться перед егерем, повернула голову к нему, но, узрев мрачный взгляд Егорыча, угрюмо правящего лодкой, из-под башлыка плащ-палатки, тут же передумала.

«Нет, нехорошие все люди». Нехорошие, потому что не понимают, что она, Анна, лучше, возвышенней, благородней, трудолюбивей, чем подавляющее большинство. И красивее, да-да, гораздо красивее всех этих шалав из телевизора и кафе. И она одна едет спасать мир от банды маньяков. И может быть, ценой своей жизни. Потому что ещё несколько часов под холодным дождём на ветру она не переживёт. Но её будут помнить и говорить о ней. И даже дадут медаль. Хотя, что ей медаль, куда её? Вот мемориальную доску бы на здание управления и пенсию родителям. И чтобы статью написали о ней, героине. Или книгу. Анна тихонько всплакнула, жалея себя, маму, нерождённого ребёнка и любовь, которая к ней так и не пришла. Так и кого же ей любить, раз нет человека на свете, равного ей? Компромисс в виде Сергея ей больше был не нужен, а все остальные были нехорошими и злыми людьми, озабоченными лишь собственным обогащением и подавлением воли других. Но лодка ткнулась носом в берег, Егорыч шумно вздохнул, вставая и опуская гирьку якоря.

— Всё, — хмуро сказал он, — приехали.

— А где труп? — растерянно спросила Анна, ещё не отойдя от своих раздумий.

— Там, говорят, за избой. Изба вверху, на опушке. Найдёшь, ты же сыщик!

Анна неловко выпрыгнула из лодки и начала карабкаться на склизкий берег, не заметив даже, что Егорыч воровато поднял якорь и тихо на шесте начал отходить. Изба показалась сразу же, как Анна вскарабкалась. Цель была близка, к тому же дождь стал реже, почти не мешал смотреть.

Егорыч же, осторожно отойдя от берега, шестом правил лодку вниз по течению к устью. Дойдя до устья, быстро завёл мотор и направился к ближайшей егерской заимке. Дойдя до Лыпи через час, он встал у домика, довольно нарядного, из которого вышел бородатый, как норвежский шкипер, человек такого же неопределённого вида, как и Егорыч; понятно было, что это тоже служитель заповедника.

— Привет! Чего это ты в непогодь такую катаешься? Заходи давай, посохни, погрейся.

Егорыч приглашение принял, в избе выпил чаю, немного водочки, закусил бутербродом.

— Ну и чего тебя понесло? Как прошёл кверху, я не видел, только мотор слышал. Чего там потерял? Или харь клевать стал? — норвежский шкипер расспрашивал неспешно, давая товарищу просохнуть.

— Да не, вёз одну..

— В такую погоду? Кого это? Из дирекции, что ль?

— Да не, из ментовки.

— А-а, по тому жмурику?

— Ну.

— Так чего, всех вёз, опергруппу?

— Не, одну. Опергруппа с капитаном у меня на семьдесят первом водку кушают. А эта девка вон ксивой в харю, едь, говорит. И капитан не заступился. Посадить обещала.

Второй егерь покачал головой:

— Да, служба у них, не приведи господи. И в ливень, и в холод. А она там хоть с едой?

— Не. Без всего. И одета плохо. Если ночью температура упадёт — замёрзнет.

— Так ты за ней не поедешь, что ль?

— А ну её. Она сказала — довези, я довёз. С меня взятки гладки.

— Егорыч, заморозим девку ведь. В избе там и крыша худая, и печь развалилась уж.

— Ну чего ты начал! Сама она... Хочешь — едь, — отрезал Егорыч, выпив ещё рюмку.

— Пожалуй, соберусь. Нехорошо так.

И егерь, похожий на норвежского шкипера, начал собираться. Егорыч хмуро наблюдал за ним, не выдержал, выматерился и тоже начал надевать непромокающую одежду.

Тем временем Анна, дрожа от холода, ходила вокруг избушки, вымочив в траве и так давно мокрые ноги. Она давно поняла правоту и капитана, и Егорыча, что можно было и подождать, но чего уж теперь стенать — всё было решено. Поэтому и не прекращала поиски, понимая, что уже не вернуться ей в тёплую избу, лишь изредка посматривала на полуразвалившееся строение на берегу в надежде найти там хоть какое-нибудь убежище.

Вечер надвигался, тучи закрыли солнце, и светило не проникало своими тёплыми лучами сквозь эту серо-ватную массу. Наконец она нашла то, за чем стремилась в эту непогоду. Тело лежало метрах в двухстах от избушки в кедраче, где ходить стало легче, бодылья побавилось, ноги утопали во мху. Труп тоже лежал во мху, лицом вниз. На затылке среди выпавших волос виднелась знакомая по описаниям рана — круглое отверстие.

Анна осмотрела труп: он принадлежал мужчине уже трудноопределимого в силу быстрого разложения возраста. Кожа сморщилась и местами облезла, но и внутренние ткани тоже как будто растворялись, хотя ни насекомых, ни каких-либо химических веществ на первый взгляд не было. Не было и следов хищных зверей. Анна палочкой потрогала плоть — она тут же на глазах начала растекаться и превращаться в жидкую субстанцию. Такого в практике и знаниях Анны ещё не было. Оставив проблему быстрого разложения, она обратила свой взгляд на остатки одежды. Одежда была странная, из каких-то незнакомых тканей, сшитая по типу комбинезона, но не комбинезон, что-то другое. Переворачивать тело Анна не хотела до приезда криминалистов, а то, что они необходимы, была уверена. Всё слишком необычно.

Закончив с одеждой, осмотрела рану на голове, и вдруг замерла. Явственно было видно, что остатки тканей по краям раны вывернуты наружу, что совсем не вписывалось ни в одну версию убийств. Если стреляли или убивали острым предметом, то края раны должны быть загнуты в сторону черепа, по направлению удара. А теперь Анна видела, что удар был нанесён изнутри. Но ни на одном трупе не было входного отверстия с другой стороны головы. Она ещё раз внимательно осмотрела рану, и убедилась, что выводы её верны. А если

бы стреляли в рот, из-за гидроудара последствия были бы более катастрофические, черепная коробка, скорее всего, разлетелась бы на куски. А здесь аккуратное, как везде, небольшое отверстие. Анна задумалась, забыв о холоде. Как же это могло быть? После нескольких минут раздумий холод вернулся, Анна поднялась с колен и пошла к избушке — обдумать, что же делать дальше. Её версии были разрушены, нового ничего на ум не приходило, скорее всего, нужно возвращаться и вызывать криминалистов. На вертолёте, никак иначе, а то труп совсем разложится. Но, выйдя на берег, лодки она не обнаружила. Гнев вновь захлестнул её.

— Ах, сволочь! Да я его посажу! Уехал, гад! — Анна кричала в никуда, в реку, в противоположный берег, но природа молчала, как бы посмеиваясь над одинокой девушкой, мокрой, голодной и замёрзшей. Анна была одна, единственным спасением для неё была полуразвалившаяся изба, куда она и направилась. Войдя, согнувшись, в маленькую дверь, она сначала не сориентировалась и запнулась о печь, что зияла дырами у входа. Потом глаза привыкли к мраку, потихоньку она продвинулась дальше, нащупав край нар и грубо сколоченного стола. На дальний край стола падал свет из подслеповатого, засиженного мухами оконца, на центр капала вода с дырявой крыши. Но было всё-таки более сухо, чем за бревенчатыми, уже трухлявыми стенами. Пахло мышами, старым деревом и чем-то ещё, терпким и довольно вонючим. Анна присела на край нар и сжала голову руками. Внезапно в углу что-то зашевелилось. Анна завизжала и вскочила ногами на нары, упершись спиной в бревенчатую стену и ударившись головой о низкий потолок. В страшном углу чиркнула спичка, огонёк заиграл веселее, перескочив на оплывшую свечу, стоящую на столе, раздвинул пространство и высветил узкоглазое сморщенное лицо человека, в шапке, с клочковатой куцей бородёнкой и остатками зубов.

Человек улыбался, потому и зубы были видны, почти все, что остались.

— А, здорово, девка! Подмёрзла, чай? Тута печь не греет. Вот надень мой ватник, сухой.

Рука из темноты протянула вонючий, старый, с клочьями ваты предмет одежды. Анна по инерции взяла брезгливо, только пальцами.

«Кто это? Пистолет, где мой пистолет?» — думала Анна, но пистолет, как всегда, остался в отделе. Она совсем забыла про оружие, когда собиралась, да и ни к чему оно было ей. Кто же знал, что случится такое.

— Ты кто, девка? — спросил полувидимый собеседник. Этот же вопрос хотела задать ему Анна, но очень боялась. Версии вновь пришли ей на ум. Несмотря на новые данные, вполне возможно, что тут сидел маньяк-убийца. Наконец она собралась с силами:

— Не двигайся! Я следователь Следственного комитета! Изба окружена сотрудниками полиции! Предлагаю сдаться!

Из угла послышалось покряхтывание, похожее на смех.

— Да ты же одна тут. Вон полчаса под дождём ходила. Тебя Егорыч привёз и бросил.

— Откуда вы знаете?

— Видел. Старый хоть, а вижу много. Ты мёртвого ходила смотреть. Мёртвый плохой. Не ходи к нему.

— А-а, а вы кто?

— Я Егор-ойка. Я тут живу.

— Где тут? Что такое «ойка»? В избе этой живёте?

— Нет, в лесу живу. «Ойка» по-нашему значит бабушка.

— А зачем вы здесь живёте? А по какому по-нашему? — Анна осмелела и спустилась вниз на нары, ноги же поджала под себя, всё ещё опасаясь и не совсем придя в себя.

— На языке манси. Манси я. Живу в лесу, потому что меня Мир-Сусне-хум попросил стеречь старые торум-каны да замаливать грех древнего воина Асык-хума, поднося дары духам среднего мира.

Анна совсем запуталась.

— Кому? Кто? — не выдержала она, а в голове крутилось: «Точно маньяк, маньяк-манси, типа тех, что Дятлова убили, сектант, сейчас и меня так, палкой в затылок».

— Ты дрожишь вся. Я бы развёл костёр, но пока нельзя. Кто такой Мир-Сусне-хум, ты хочешь знать? Это бог-наблюдатель, бог-судья, о нём каждый человек думать должен, прежде чем дела творить свои. Торум-кан — это место для молитв к Мир-Сусне-хуму, к Нуми-Торуму, что покинул давно этот мир, место для даров духам среднего мира. Асык-хум — этот воин, что не вспомнил Мир-Сусне-хума, когда творил недоброе. Поэтому народ манси и терпит лишения с тех пор. А скоро и все люди пожнут плоды несправедности.

— А почему костёр нельзя? — спросила Анна снова, ничего не понимая в словах странного деда-маньяка.

— Духи не принимают даров. Ответ их — мёртвый человек из ниоткуда.

Анна привыкла к полумраку, собеседник стал виден ей более-менее чётко. Был он стар, сморщен, грязен, и лишь глаза его смотрели,

блестя в неровном свете свечи, по-доброму, незлобиво, спокойно, по-человечески. Она немного перестала бояться, несмотря на то что увидела рядом с дедом старое ружьё, прислонённое в углу полатей.

— Как это: из ниоткуда?

— Не знаю. Но этого человека не было на земле. Не было в этом мире. Духи молчат. Мир-Сусне-хум молчит. Тревога в моей груди. Нехорошо всё здесь.

Старик замолчал, прикрыл глаза, слышалось лишь хрипкое его дыхание.

— Дедушка, знаешь, бога нет. Духов тоже нет. Самолёты летают давно. Космические корабли... — Анна не находила слов для того, чтобы просветить древнего лесного жителя.

— А откуда тогда мертвый человек? — тихо, не споря, спросил Егор-ойка.

Анна пожала плечами, сама понимая, что ответа у неё пока нет. Но какой бог? Какие духи? Всё это казалось ей ветхими сказками бабушек. Бог. Да был бы он, разве бы всё в мире и у неё в жизни так шло? Ведь Анна знала из телевизионных передач, посвящённых вере, из монологов уважаемого патриарха, транслируемых каждое воскресенье с утра, что бог — существо сугубо положительное и не допускает неправедных вещей. Да вот что-то не стыковалось, что-то смахивало на ложь, когда после воскресенья наступал понедельник и всё текло так, как и всегда, без оглядки на доброго бога: ложь, зло, драки, поножовщина, отсутствие любви и счастья даже в её, Аниной конкретно, жизни.

— Люди его убили, — осторожно предположила Анна, поглядывая на старика.

— Когда люди убивают, это заметно. Следы есть, пули есть, видно. Этих людей найти можно. А теперь нельзя найти никого. Нет следов. Ничего нет. Тише! — старик вдруг вскинулся, внимательно вслушиваясь во тьму.

— Что тише? А почему следов нет? Вот отверстие, например, в черепе...

— Тс-с... — остановил Анну Егор-ойка. — Надо уходить, девка. Духи идут к мертвому. Я чувю.

— Да перестаньте вы ерунду говорить! — Анна махнула рукой, совсем расслабившись, но тут что-то залезло в её тело, сжало сердце, словно тисками, вдохнуть было невозможно.

— Иди за мной, есть тропа, уйдём, за тобой они пришли, не к мёртвому... — шептал старик, увлекая её за собой из избы.

Анна последовала за ним. Августовский ненастный вечер накрыл тайгу уже со всей своей силой, и даже звёзд не было видно. Старик тащил за руку Анну в сторону леса, идя по одному ему известной тропинке, невидимой никому более. Но Анна была против.

— Прекратите немедленно! Я при исполнении, тут труп. Мне надо дождаться оперативную группу. И вас я тоже должна задержать для дачи показаний. Нечего мне мозги пудрить всякими духами!

Так сказала она, но чёрный туман вдруг сгустился из ниоткуда, подполз к ногам её, сковал члены, и не успела она крикнуть «мамочка», как весь мир исчез из её сознания окончательно и бесповоротно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 5. Смятение богов

Старший сержант полиции Матвей Корнеевич Суслов проснулся утром в прекрасном настроении: день выдался солнечным и тёплым, порция питания на завтрак была даже чуть сладковатой, а может быть, ошибся не автомат раздачи, а переменявшийся вкус старшего сержанта. Сделав на автоматизме утренний комплекс физических упражнений, Матвей Корнеевич принял душ, исподволь разглядывая своё тело в маленьком зеркале.

Тело было ещё хоть куда, годы тренировок не пропали даром, не тело, а загляденье: мышцы бугрились, кожа, хоть и подёрнутая налётом времени, красиво обтягивала их, жира ни капли не проступало, даже в области живота и бедёр. Конечно, можно это было списать на скудный рацион младшего комсостава полицейских сил, но старший сержант знал, что это всё от его преданности делу и физической культуре в целом. Счастье утра подогривала давно ожидаемая отставка и скорый переезд в Дом Счастья и Пенсии. Матвей Корнеевич отслужил в полиции без малого пятьдесят пять лет, оставалось чуть-чуть, не более полугода — и прощай работа, здравствуй отдых! В семьдесят пять лет все переходили на пенсию, закон не позволял более трудиться на благо великой родины — Священной России. А там, в Доме Счастья и Пенсии, было всё, о чём мечтал каждый гражданин: питание, уход, своя комната на всю жизнь и приятное ничегонеделание. Во всяком случае, так указывалось в роликах Пенсионного фонда. Что там в действительности, Матвей Корнеевич не знал, работающих

граждан туда не допускали, и свою маму, которую проводил туда старший сержант уже лет тридцать назад, он после перехода и не видел. Но там точно было прекрасно.

А ещё сегодня у него был день посещения женщины. Дни посещения были расписаны; для того чтобы попасть в списки, необходимо было пройти некоторые медицинские процедуры, причем, не такие уж и сложные и длительные, вполне сносные, даже интересные. У Матвея Корнеевича уже было трое детей, которых он иногда навещал в интернате. Конечно, навещал он только последнего, а двое старших сыновей уже выросли и работали где-то, где точно — он не знал. В семь лет детей необходимо было отправить в интернат, до семи же лет он три раза в неделю приходил к женщине и играл с ними. Матвей Корнеевич жаждал завести детей ещё. Детки были приятным дополнением его жизни, но не главным, конечно.

Главное было служение. Каждый день Матвей Корнеевич приходил на работу в отдел полиции столичного города. Всего в отделе народу работало не очень много, город делился на районы, у каждого района был куратор — сержант. У сержанта в подчинении было трое полицейских. Над сержантами сидел лейтенант, но уже в городском отделе, а в краевом был капитан. А поскольку это был не просто край и город, а столица родины, то в главке рядом сидели и полковники, и генерал. Но там Матвей Корнеевич ни разу не бывал — незачем. Работы было немного, но он выполнял всё точно по уставу — входил в нейросеть только из отдела, отслеживал граждан, выбранных для опции наружного наблюдения в разных местах района, проверял выборочно по нейросети членов общества. Его район был отдалённым, новым, соединённым с центром монорельсовой дорогой, а с районами края — интеллектуальной асфальтовой. Кроме того, Матвей Корнеевич считался главным специалистом по бегунам. Нет, не то чтобы он был умнее других или опытнее, но на его счету уже было с десяток бегунов, возвращённых в лоно общества. А это был результат, поэтому на груди старшего сержанта блестели несколько медалей и один орден. Как уж так вышло, что за долгие годы службы именно в его районе пропадали граждане, коих засекал он потом в дебрях нейросети на окраинах заселённой местности — не ясно, да и профилактика не входила в его обязанности — это было дело полковников, — но именно полковники ценили Матвея Корнеевича, а орден ему вручали в центре, в старом здании Кафедрального собора, под гордый гимн страны и строгий, пронзительный и всевидящий взгляд святого патриарха с многочисленных икон на алтаре.

Каждое воскресенье Матвей Корнеевич ходил на службу в районную церковь. Батюшка знал его и выделял среди многих, иной раз как бы обращаясь во время проповеди лично к нему, а иногда и ставя в пример остальной пастве. Службы нравились старшему сержанту, проповедь и молитва святому патриарху умиляла его, слеза катилась по щеке от восторга пред великолепием бессмертного гения всей Руси.

В общем и целом жизнь Матвея Корнеевича была прекрасна, тем более что она была вечно прекрасна. В мучениях за весь народ святой патриарх гением своим нашёл истинную веру и бессмертие тела и духа, и передал своё откровение всему русскому народу, да святится имя его в веках! Дал он народу и законы, и право, и надежду, и счастье. И теперь народ русский жил праведно и по распорядку — семь лет детства, тринадцать лет обучения профессии, пятьдесят пять лет работы на благо государства и молитв святому патриарху, а потом счастье вечной жизни в неге и опять же в молитвах, кои никто не захочет не читать даже в Доме Счастья и Пенсии, ибо только благодаря ему, святейшему, и дано счастье народу русскому.

Только в этот светлейший день не удалось Матвею Корнеевичу осуществить все свои планы, потому что из краевого управления полиции поступил вызов по нейросети немедленно явиться туда. Матвей Корнеевич всё понял, и в голове его сразу же родилась новая прекрасная мысль: что же может быть лучше, чем служение отечеству и патриарху? Тем более визит к женщине для вероятного зачатия нового раба святейшего всегда будет продублирован. Хоть два раза в сутки можно будет, но два раза Матвей Корнеевич уже бы не осилил.

Поправив на пороге управления форму, которая очень ладно на нём сидела, Матвей Корнеевич поднялся на пневмолифте к капитану на этаж, чётко отсчитывая шаги по мягким коврам строгого рисунка. Помедлив секунду, открыл дверь, плавно отошедшую в стену, и вошёл:

— Да святится патриарх во веки веков! — приветствовал он капитана.

Капитан ответил ему тем же, в глазах их обоих светилась любовь в эти минуты. После этого капитан, человек чуть моложе Матвея Корнеевича, посуровел, жестом пригласил садиться. Старший сержант сел, аккуратно, но с достоинством, понимая, что капитан вызвал его не просто так, а по очень важному делу. И действительно, дело было серьёзное.

— Господин старший сержант, — начал капитан, — мы все знаем вас как хорошего специалиста по бегунам. Поэтому, несмотря на

то что новый бегун обнаружен не в вашем районе, а чуть дальше, на границе незаселённой местности, я бы сказал — дикой, мы просим включиться в его поимку. Тут опыт ваш очень пригодится.

Матвей Корнеевич приосанился, понимая, что ему оказана честь.

— Господин капитан, я непременно! Прошу вас указать идентификационный код нейрочипа и примерное местонахождение.

Капитан замялся, выпил воды из одноразового бумажного стаканчика. Кашлянул.

— Матвей Корнеевич, мы вас очень уважаем и ценим. Но вот в этом помочь не можем. Дело не совсем ординарное, если уж так можно выразиться о бегунах вообще. Вы знаете, что очень редко в нашем сплочённом и подвижном едиными целями обществе случаются сбои. На всю страну за всё время действия системы нейросети сбоев было не более ста. Некоторые граждане по непонятным нам пока причинам, в которых разбирается Институт общества, иногда покидают свой пост и бегут на дикие, незаселённые территории. Эти граждане, определённые нами термином «бегуны», вносят некоторый диссонанс в стройную систему российского государства, и наша обязанность вернуть их в лоно церкви и общества. Все известные нам случаи были с гражданами, имеющими нейрочипы. Естественно, найти их было вполне возможно, тем более что любой нейрочип оснащён системой «Глонасс». Но нынче... Поступили сведения о гражданине, ведущем асоциальный образ жизни на диких территориях, его, то есть её, видели на интеллектуальной трассе, перелезающей ограждение. Мы, естественно, с помощью районной полиции начали отслеживать нейрочип, но сигнала не обнаружили. Всё, что известно — это примерное местоположение — четыреста километров к северу от столицы.

— Какой километр интеллектуальной трассы? — озабоченно спросил Матвей Корнеевич. Дело действительно было неординарным.

— Четыреста сорок седьмой.

— Это ребёнок? — просто для проформы задал вопрос старший сержант. Дело в том, что нейрочипы получали лишь взрослые граждане, начиная с восемнадцати лет, до этого возраста их не ставили. Но убежать из интерната было совершенно невозможно, тем более преодолеть город, пригороды и выйти на трассу. Ребёнок был бы давно замечен, и данные о нём поступили бы в нейросеть. Матвей Корнеевич просто должен был спросить, на что получил отрицательный ответ.

— Нет. Судя по описанию оператора трейлера, видевшего объект, это женщина, молодая, небольшого роста, странно одетая, ведущая себя неадекватно.

— Как именно?

— Она пыталась остановить автоматический трейлер. Руками.

— Какой ужас! Я немедленно выдвигаюсь в направлении поиска! — Матвей Корнеевич встал, весь в ожидании любимой работы, сердце его билось ровно, глаза блестели влагой, губы чуть раздвинулись в полуулыбке.

— Да, господин старший сержант, приступайте. Страна и святой патриарх ждут от вас хороших новостей и выполнения долга, — капитан приложил руку к сердцу. — Да святится патриарх во веки веков!

Матвей Корнеевич тоже приложил руку к своему сердцу в эйфории веры, повернулся кругом и отправился служить.

Конечно, в службе в полиции были не только приятные моменты, связанные с преданностью делу. Вот, например, для выезда по особому заданию Матвею Корнеевичу полагался автомобиль. Персональный, в боевой раскраске и с проблесковыми маячками. Старший сержант с удовольствием сел в патрульную машину, стоявшую в специальном помещении управления, соединился по нейросети с бортовым компьютером и указал цель поездки. Дверь автомобиля мягко закрылась, внутри в неведомых недрах что-то зажужжало, машина мягко тронулась по бетонному полу гаража, выехала на улицу, предварительно затемнив для комфорта стёкла, и, ведомая интеллектуальной дорогой, отправилась по заданному маршруту.

Матвей Корнеевич удобно расположился в кресле, наблюдая за окружающими пейзажами. Сначала был город, потом машина вырвалась в лес, по бокам дороги стали видны поля, чередующиеся с деревьями, защитное ограждение было прозрачным, потом же и вовсе превратилось в сетку. Первые километры пути автомобиль, несущий в себе старшего сержанта, плавно стелился по дороге, лишь изредка покачиваясь, но при выезде на второстепенную трассу с сеточным ограждением скорость упала, машину затрясло. Покрытие во многих местах потрескалось, вспучилось от корней вековых елей, продавилось могучими колёсами автоматических трейлеров. Последние километры пути и вообще иной раз покрытия не наблюдалось. Но автомобиль упорно продвигался к намеченному четыреста сорок седьмому километру. Наконец машина встала, дверь открылась, жужжание внутри стихло.

Матвей Корнеевич вышел наружу. Пахло землёй и ёлками. За город он давно не выезжал — не было такой задачи, поэтому воздух показался ему несколько чужим, невкусным, что ли. Но разве за этим он приехал? Следов, правда, не было. Вокруг был лес, отделённый от

дороги столбами с сеткой. Ранее на сетку подавался электрический разряд, но совсем давно, когда ещё энергии хватало с избытком. Сейчас же все коммуникации были отключены. Матвей Корнеевич посмотрел на столбы с висящими на них старыми камерами слежения. Камеры смотрели уже куда попало, было видно, что ими давно никто не пользовался. Лет сто, как минимум. После того как внедрили нейросеть, нужда в камерах отпала, но вот сейчас неплохо было бы посмотреть на то, что они могли бы снять. Матвей Корнеевич внимательно осмотрел землю за сеткой, покрытие, прошёлся по дороге. Времени прошло много. Даже если остались следы, то их давно смыл дождь, прошедший с утра.

Где искать бегуна, старший сержант пока не мог понять. Из-за неразрешимости проблемы Матвей Корнеевич почувствовал себя плохо. Голова заболела как-то странно, как будто кто-то стучал по затылку. Он даже присел на потрескавшуюся дорогу от внезапной слабости. Тут взгляд его привлекла одна из камер, направленная прямо на него, старая, в проржавевшем корпусе, но на передней панели у объектива на этой камере зловеще краснела маленькая точка светодиода. Камера всё ещё работала. Видимо, древние механики, обслуживающие свои древние системы наблюдения, не отключили питание или вообще забыли об этой вещице.

Матвей Корнеевич встал, быстрым и бодрым шагом подошёл к столбу, на котором висела чудом работающая камера. По столбу висел провод, старый, грязный, уходящий в землю. Там, где-то под землёй, наверняка был источник питания, старая ядерная батарея, которую давно надо было утилизировать за ненужностью и опасностью. Матвей Корнеевич отметил это в своём журнале для дальнейшего доклада компетентной организации, потому что это был беспорядок. Но именно этот беспорядок и воодушевил старшего сержанта. Камера была, конечно, древняя, с проводным интерфейсом, но в машине полиции имелся подходящий разъём, а в камере наверняка стоял большой блок памяти.

Матвей Корнеевич встряхнул руками, проверяя надёжность ещё довольно упругих, тренированных мышц, ухватился за железо столба, подтянулся и пополз к цели. Он довольно быстро добрался до камеры, иной раз любуясь бицепсами, бугрившимися из-под форменной рубашки. Женщина, которая ждала его сегодня, точно будет довольна. Да что бицепсы, всё тело жаждало жизни, любви и работы. И в такие моменты эйфории совсем не хотелось в Дом Счастья и Пенсии. Матвей Корнеевич почувствовал вновь приступ слабости и боли

в затылке. Но через силу открыл старую, облупленную крышку камеры, осмотрел внутренности и выудил карту памяти. Скатившись вниз и упруго приземлившись на жилистые, мускулистые ноги, он быстро подошёл к машине и вставил архаичную карту в нужный разъём. Нейросеть выдала информацию. Девчонка в странной, бесформенной одежде перелезала через ограждение дороги, махала руками пронесемуся мимо автоматическому трейлеру, а потом уходила по краю трассы в направлении от города. Всё стало ясно.

Матвей Корнеевич залез в автомобиль и направил его в ту же сторону. Странную фигурку, обречённо бредущую в сторону от цивилизации, он заметил издали. Одета девушка была и впрямь странно — куртка времён доисторических, штаны и обувь не менее древние. Даже на мусорных полигонах, которых уж и не осталось — всё утилизируют без остатка лет пятьдесят как, — такого не найти. Девушка поздно заметила машину старшего сержанта, остановилась, взмахнула неловко рукой, удивлённо осматривая её. Матвей Корнеевич вышел, бодро подошёл к замарашке, брезгливо провёл рукой по грязным, спутанным волосам на затылке. Так и есть, нейрочипа у девушки не было. Осматривать голову времени не хватало, потому что девчонка заверещала, странно отреагировав на простой жест полицейского:

— Чего вы меня шупаете? Чего вам надо? Отвезите меня в город, я старший лейтенант следственного отдела! Вы из полиции? — девушка внимательно, но с подозрением посмотрела на патрульный автомобиль. — Что это за машина? Кто вы?

Матвей Корнеевич удивился неадекватной реакции и применил спецсредство. Девушка осела. Если бы не сильные руки старшего сержанта, то и вовсе бы повалилась на дорогу. Он, преодолевая отвращение, положил её на сиденье спецотсека, запер дверь и развернул автомобиль, задав ему местоположение Управления. Тем более что из него по нейросети поступил приказ: доставить немедленно. Так Матвей Корнеевич и сделал. Работа была выполнена, радость достижения цели воодушевляла его неимоверно. Он понимал, что заслуги будут отмечены, но более всего радовало то, что он был нужен великому государству.

Сдав бегуна в кабинеты Управления и отрапортовав, старший сержант отправился к себе в отдел, проверил, всё ли в порядке — всё было великолепно: никаких правонарушений в районе не зафиксировано. С чистой совестью после рабочего дня в назначенное время Матвей Корнеевич направился к женщине.

Женщины были двух типов: те, к которым можно всем при получении талона, и те, к которым можно было только для зачатия ребёнка по распределению. У Матвея Корнеевича был второй тип. У второго типа женщин была неплохая квартира из трёх комнат. Одна комната была предназначена именно для выполнения государственного долга, вторая для жилья и третья для детской. Женщины по графику рожали не более одного раза в три года, поэтому у той, к которой стремился Матвей Корнеевич, уже был малыш, ещё не отправленный на учёбу в интернат. Старший сержант малышей любил, знал, что тот выбежит обязательно на пару минут из детской комнаты, и нёс ему подарок — человечка из проволоки, которого сделал сам. Конечно, мать потом человечка заберёт — эта игрушка не была прописана в разрешённых Департаментом детства и родов, но малыш порадуется, глаза заблестят, а именно это и вводило Матвея Корнеевича в умиление. Так всё и вышло: малыш обнял его, захватил человечка в свои маленькие ручонки и с восторгом убежал к себе под строгим взглядом мамы.

Матвей Корнеевич же степенно, поцеловав женщину, вошёл с ней под сень комнаты для зачатия. «Может, последний раз», — неожиданно возникла у него мысль, ведь в Доме Счастья и Пенсии скорее всего уже не давали ходить к женщине. Конечно, он не знал точно, что там будет, ведь ролики Пенсионного фонда обещали и лазурный берег Чёрного моря, и девиц в белых коротких халатиках, подносящих невиданные деликатесы, но вот только просто смотреть на девиц как-то не хотелось. А больше ролики ничего не сообщали, кроме того, что жизнь пенсионеров настолько прекрасна, насколько они принесли пользу обществу. Матвей Корнеевич пользу принёс большую, но и к женщине ему до сих пор очень хотелось. И уже в кровати, ласкаемый умелыми руками дамы, он опять подумал о том, что работа, служение, способствование рождению новых членов великого общества ему так нравится, это так необходимо, что опять нестерпимо заболел затылок, чуть сознание не потерял, даже женщина перепугалась немного. Но старший сержант взял себя в руки и выполнил свой долг с честью, как делал всегда и везде.

Сигнал о новом бегуне поступил неожиданно. Так часто они не появлялись. Конечно, Матвея Корнеевича, как наиболее ценного сотрудника, тут же вызвали в управление.

Полковник был суров и одновременно улыбчив, несмотря на проблему, касающуюся основ общества. Бегуны всегда были проблемой. Тем более что базис, из-за которого примерные граждане неожиданно бросали службу и сбегали в дикие местности, до сих пор никто не

определил. А базис есть основа всего. Определив его, было бы легко пресечь данное преступление против общества. Почему бегуны были опасны обществу, Матвей Корнеевич не знал. Самое главное, он никогда об этом не задумывался. Есть положение об опасности бегунов — стало быть, они опасны. Его дело — служить и выполнять приказы. Да и к этим самым бегунам старший сержант испытывал некоторую неприязнь, не то чтобы ненависть, нет, ощущение брезгливости. Как можно бросить службу, церковь, скрепы общества, единую цель и убежать куда глаза глядят? Как можно уйти от народной веры в святого патриарха, заменить истину на какие-то вымышленные ценности? Это казалось Матвею Корнеевичу в высшей степени извращением и предательством, пусть даже бегуны и не совершали преступлений против общества в явном виде. Всё равно, бросить свой народ, страну было совершенно нехорошо. Тем более что страна находилась в кольце внешних врагов, грозящих ей своими ложными понятиями о правильности жизни и бряцающих оружием на самых границах.

— Матвей Корнеевич, — полковник был добр, — сегодня вновь и совершенно неожиданно поступило сообщение о новом бегуне. Именно в том же месте, где вы месяц назад задержали предыдущего. Понимаю, что дело из рук вон выходящее, но нового взять надо быстро и неотвратно, как вы всегда делать умели. Страна в долгу не останется, тем более что у вас скоро отставка и вечное благоденствие. Прощу послужить ещё.

Матвей Корнеевич хотел было сказать, что готов служить вечно и отставка ему не нужна, как и вечное благоденствие, он чувствует его уже сейчас, да святится патриарх во веки веков. Но смолчал, понимая, что дело важнее. Получив указания и информацию о том, что у бегуна вновь не обнаружен нейрочип, он выехал на место. Всё было знакомо после первого раза, лишь одним отличался новый бегун: он не скрывался. Матвей Корнеевич обнаружил его на дороге, даже не доехав до места и не воспользовавшись камерой, что ещё работала. В прошлый раз он вставил карту памяти обратно в камеру и по приезде в город зачем-то не стал сообщать о рабочей древней ядерной батарее, как будто знал, что именно там вновь кто-то появится. Но бегун просто шёл по дороге в направлении города и скрываться не собирался, чем немало удивил старшего сержанта. Более того, увидев автомобиль полиции, бегун взмахнул рукой, приглашая остановиться, и завёл с Матвеем Корнеевичем беседу, из-за которой тот не сразу воспользовался спецсредством.

— Здравствуйте, — довольно доброжелательно произнёс бегун. — Я немного дезориентирован. Вы не подскажете, где я нахожусь?

Матвей Корнеевич, выйдя из автомобиля, внимательно разглядел человека.

Тот был, как и предыдущая девушка, странно одет, но в диких местах это не выходило из нормы. Если прожить вне цивилизации более месяца, одежда утрачивала свои функциональные возможности и бегуны одевались во что придётся: что на свалках найдут, оставшихся с незапамятных времён, что в заброшенных посёлках. Раньше, в эпоху нефти, одежду делали из этого ценного минерала, она была крепче и почти не гнила в тяжёлых условиях. Поэтому и по прошествии стольких лет в местах, где её можно было обнаружить, оставалась довольно прочной и приемлемой для носки. Бегун был одет именно так, единственное, что бросалось в глаза — слишком хорошее состояние древней одежды. Ну да чего не бывает в диких местах! Выглядел он молодо, лет сорока-пятидесяти, подтянутый, глаза бодро, хоть и растерянно смотрели на старшего сержанта, руки были засунуты в карманы странной куртки. Матвей Корнеевич насторожился и руки попросил вынуть. Бегун повиновался.

— Понимаете, сознание потерял. Как — не пойму. Старик со мной был, манси, не видали?

Матвей Корнеевич молчал, плохо понимая, кто такой манси.

— Да я не пьяный и не обколотый, чего вы на меня так смотрите? — вновь обратился со странными словами бегун. — Просто скажите, где я?

Старший сержант по инерции сообщил координаты, на которые бегун отреагировал:

— Странно. Рядом совсем, если по Гугл судить.

Что такое «Гугл», Матвей Корнеевич не понял, и ещё более насторожился. По всему: по одежде и иностранным словам, вырывающимся изо рта бегуна, становилось ясно, что, может, вовсе он никакой и не бегун, а самый настоящий шпион.

Со шпионами старшему сержанту сталкиваться ещё не приходилось, лишь читал о них в учебниках в период обучения и спецподготовки, но это было очень давно. Спецсредство было наготове, оставалось лишь улучшить подходящий момент. Справиться один на один Матвей Корнеевич скорее бы не смог — шпион был довольно крепкого телосложения. А доставив шпиона в Управление, возможно, старший сержант получил бы не только благодарность, но и разрешение в исключительном случае прослужить ещё, не уходя в Дом

Счастья и Пенсии. Затылок старшего сержанта вновь занял. Бегун же опять заговорил:

— А ещё, уважаемый, вы не видали тут девушку? Блондинку, как мне кажется.

«Это целая шпионская группа», — мелькнуло у Матвея Корнеевича в голове. Девушка, блондинка, точно. Та бегунья вовсе не бегунья. Шпионка. А этого забросили, потому что первую Матвей Корнеевич быстро и профессионально обезвредил. Старший сержант прикинул всё, осторожно подошёл поближе, кивнул головой:

— Видел. В столицу даже подвёз. Давай и тебя подвезу, садись в машину.

Матвей Корнеевич распахнул переднюю дверь, не отсека для преступников, пассажирскую, широко улыбнулся, предлагая помощь. Шпион расслабился, как и должно было быть, подошёл и был сражён готовым к использованию спецсредством и прекрасной выучкой великолепного старшего сержанта полиции.

Как и всегда, старший сержант довёз бегуна до Управления и сдал куда надо. Он его не интересовал совсем. А вскоре пришло по нейросети сообщение от руководства — явиться в Кафедральный собор в воскресенье на службу, после которой будет церемония награждения. В назначенный день Матвей Корнеевич в форме со всеми регалиями вошёл под сень старого, но очень хорошо отреставрированного собора. На улице было жарковато, внутри же кондиционированный воздух обдавал прохладой, пахло лавандой и ладаном и ещё чем-то старым. Говорят, в незапамятные дни в этом здании был склад старых картин неизвестных авторов, и пахнет этими старыми полотнами до сих пор, но Матвей Корнеевич в эти домыслы не очень верил.

Батюшка в облачении уже начал службу, на хорах затянули певчие «Славься, патриарх святейший». Народ осенял в нужное время себя крестным знаменем, батюшка направлял действие в правильное, согласно уставу, русло. Пропели уставные молитвы во славу патриарха, во славу Руси, во славу деяний апостолов, батюшка взошёл в царские врата, а затем вышел, сменив стихарь с золотого на серебряный, и начал проповедь. Упомянул он в общей череде добрых деяний последнего времени и имя Матвея Корнеевича, чему тот несказанно обрадовался, догадавшись, что вышел ему орден за службу.

И правда, после священника выступил вперёд полковник из Управления с коробочкой, осенил себя крестным знаменем, поклонился в пояс иконе святейшего патриарха и вызвал к себе старшего сержанта. Народ расступился, пропуская виновника торжества.

Впрочем, Матвей Корнеевич был лишь первым из череды награждённых. Полковник вручил блестящий орден, самолично приколов его на молодецки расправленную грудь старшего сержанта выше всех остальных наград, пожал руку.

Батюшка взмахнул своей дланью, хоры пропели славу. И возрадовался было кавалер ордена, да только после славы хоры вдруг затянули «вечную жизнь в вечном блаженстве». А это значило лишь то, что кого-то провозжают на пенсию.

Матвей Корнеевич обернулся на паству, недоумевая, кого же так торжественно туда отправляют, но никого не обнаружил вышедшим. А полковник, всё ещё сжимая его руку, сообщил всем, что вот такой уважаемый человек, как старший сержант полиции Матвей Корнеевич Суслов, наконец обретает покой в вечном блаженстве Дома Счастья и Пенсии, потому что всей своей службой и жизнью, преданной заветам святейшего патриарха, доказал своё право на это. Матвей Корнеевич, может, и хотел что-то сказать, но хоры грянули «славу», паства одобрительно закрестилась, а батюшка мановением руки отправил его назад, в зал.

Достояв кое-как службу, Матвей Корнеевич, блистая орденами и медальками, вышел на воскресное солнышко из собора, не ведая, куда же ему идти, находясь в затруднительном положении, не понимая, то ли радоваться, то ли плакать. Но, как истинный полицейский, любящий порядок во всём, по инерции, несмотря на головную боль, пошёл домой, где получил порцию дневной еды, которая показалась ему совсем пресной. И вечерняя порция, которую выдал автомат, тоже была невкусной, Матвей Корнеевич лишь попробовал её и выкинул в утилизатор.

Голова раскалывалась от непонятной боли. Он совсем не хотел на пенсию, вот нисколько. Он ещё ощущал себя нужным, полезным, он даже послал пару запросов в Управление по нейросети, в которых подробно, как мог, объяснил свою незаменимость на посту старшего сержанта во вверенном ему районе. Но в ответ нейросеть выдала лишь предупреждение о том, что завтра утром придёт представитель Пенсионного фонда для сопровождения его в Дом Счастья и Пенсии и пожелание вечной жизни.

Тогда совсем упавший духом и отчаявшийся Матвей Корнеевич вытащил из тумбочки то, что всегда берёт, но всегда боялся доставать, потому как это был единственный проступок, за который он мог бы укорять себя. То, что он достал, не то что было запрещено, нет, лишь не рекомендовано. Да и кому эта вещь была нужна? А Матвей

Корнеевич хранил её, она досталась ему от давно забытых родителей, помнил он лишь то, что мама в детстве говорила, что вещь древняя, передавалась из поколения в поколение, и каждое поколение каким-то образом берегло её. Для каких целей — Матвей Корнеевич уже не помнил, единственно, что всплывало в его голове при виде вещицы — это образ матери, которую он иногда любил и иногда скучал по ней. И вот теперь, преодолевая боль, он достал эту странную реликвию, оказавшуюся маленькой, истрёпанной древней книжкой, открыл её наугад и прочёл: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные... Многие скажут мне: „Господи! Не от Твоего ли имени мы пророчествовали и не Твоим ли именем бесов изгоняли? И не Твоим ли именем чудеса многие творили?“ И тогда я объявлю им: „Я никогда не знал вас...“»

Матвей Корнеевич выронил книжку, неловко упал на пол своей небольшой квартиры, состоявшей лишь из одной комнаты и туалета, и умер.

Глава 6. Идеальный мир

Анна очнулась мгновенно, совсем не так, как она вставала после ночи на противный звук будильника, зовущий на работу. Солнце било в глаза, никаких туч и в помине не было, тёплый ветерок шевелил её светлые волосы, которые лезли в нос и рот. Анна не сдержалась и чихнула. И всё сразу вспомнила. Она резко встала, так, что потемнело в глазах от отлива крови. Ещё не сориентировавшись в пространстве, она вдруг поняла: за ней следят. Анна инстинктивно присела в траву, как заяц, надеясь, что не увидят. Но трава была невысока, и её макушка явственно белела над зеленью. Одной рукой она придерживалась за землю, чтобы не упасть с корточек в неудобной позе, второй пыталась нащупать любой предмет, годившийся для защиты. Нашупала камень, не очень большой, но всё-таки он придавал ей больше уверенности.

Вдали зашевелилась трава. Из растительности показался мужчина лет далеко за шестьдесят, лохматый, в странной одежде, даже не одежде, а тряпье. Лицо его было загорело и обветрено, глаза блестели неким дьявольски-сумасшедшим светом, борода топорщилась

по-боевому. Вообще-то мужчина был похож на старенького итальянского миллионера, распространяющего по просторам Инстаграма свои полуголые смешные танцы в сопровождении молодой дивы. Анна как-то в приливе жажды мужчины просматривала его посты, но не помнила, как зовут. Дикий внешний вид и некая ненормальность снивелировали первое впечатление о похожести. Тем более что мужчина заговорил на чистом русском языке:

— Эй, девка! Слышь, поди сюда... Цып-цып-цып, не бойся!

— Только попробуйте подойти, я при исполнении, я вас арестую или... — Анна не знала, что «или», и поэтому швырнула в мужчину камень. Второй камень тут же оказался в её руке.

— Ну ты, дура! Тихо! Чего кидаться-то? Ещё попадёшь. Я ж тебе добра желаю, — мужчина продолжил медленно приближаться.

Анна почти струсила, заорав:

— Сам дурак! От такого слышу! Ещё шаг — и всё! — второй камень полетел точнее, мужчина едва увернулся.

Анна в сердцах произнесла несколько нехороших слов, определяющих, кто мужчина есть на самом деле. И эти слова привели того в восторг. Он остановился, удивлённо смотря на Анну и бормоча довольно громко:

— Получилось! Она ведь не наша, не из города. Эта экспрессия, эта лексика! Она ОТТУДА!

— Тебе самому туда дорога, маньяк! — вскричала Анна, уже не выдержав, тем более что запас камней под рукой исчерпался. И тогда она выбрала самую правильную форму защиты от маньяка — дала дёру. Бежала, не выбирая дороги, чуя сзади преследователя. Но преследователь вскоре затих, пропал. Анна остановилась перевести дух и оглядеться. Местность была совершенно незнакомая. Лес вокруг и присутствие некоего непонятного маньяка, которого пока было не слышать, вводили её в состояние лёгкой паники, готовой перерасти в тяжёлую истерику. Хотя она и знала, что паниковать в экстремальных ситуациях не надо, животные чувства брали верх над разумом.

Анна вновь кинулась бежать. И случилось чудо. Буквально через несколько сот метров лес расступился, давая место дороге с твёрдым покрытием, довольно сносной и наезженной, но путь к ней преграждала сетка, натянутая вдоль на столбы. Анна схватилась за неё и потрясла, ещё не понимая своих дальнейших действий. Сетка ответила слабым стоном. Осознание того, что не только маньяка, но и дороги в той местности, куда Анну забросило расследование преступления, в помине не было, ещё не приходило. И она просто полезла на

сетку, срываясь и портя недавно сделанный маникюр. До маникюра ли? Как раз он, может, и помог уцепиться за ячею ржавой сетки и вползти на самый верх, откуда Анна уже просто неловко упала, набив синяк на мягком месте. И тут она услышала шум колёс.

Обернувшись, Анна увидела огромную машину странного вида, отдалённо напоминающую фуру, но больше, шире и страшнее. Машина довольно бойко приближалась к ней, издавая шипение и свист. Когда машина подъехала ближе, Анна заметила, что впереди нет ни кабины, ни водителя. Но даже это обстоятельство не остановило отчаявшуюся, потерявшуюся девушку, заплутавшую в лесу, в жизни и в своих убеждениях. Анна смело вышла на дорогу и подняла руку с удостоверением Следственного комитета. Ничего более грозного у неё с собой не было. Машина, обдав девушку паром из своего нутра, натужно вращая огромными колёсами, проехала мимо.

Анна с недоумением посмотрела на удостоверение. Там было всё так же, но оно почему-то не подействовало. Тогда уж она и вошла в состояние истерики, настоящей, женской, неистовой и неудержимой. Сначала она орала на всю трассу плохие слова, всё, что знала, затем редела, сидя у сетки, потом медленно побрела по дороге в другую сторону от непокорной машины, потому что презирала эту машину и всех, кто не мог ей сейчас помочь.

В таком состоянии её и нагнала ещё одна удивительная машина, поменьше первой, в спецраскраске, отдалённо напоминающей полицейскую. Анна махнула рукой уже без всякой надежды, но машина остановилась, у неё открылась почти невидимая глазу дверь, оттуда вышел стройный мужчина в ладно сидящем синем комбинезоне, ласково улыбнулся Анне, подошёл вплотную, разведя руки в жесте «Милости просим». Анна обмякла от всего с ней произошедшего, а этот тип взял и неожиданно схватил её за голову и странным движением начал гладить по волосам. Она отшатнулась, вспоминая недавнего косматого маньяка, заверещала, отбиваясь и вновь впадая в истерику. Но как-то обмякла, успев подумать: «Да что это со мной, второй раз сознание теряю». И потеряла сознание.

Очнулась она в комнате с приглушённым светом под плавную речь двух мужчин. Тело ныло, члены не слушались, двинуть рукой Анна не могла, поэтому, чуть открыв один глаз, попыталась посмотреть на говорящих, но и это сделать не смогла. Оставалось слушать.

— Как она? — спрашивал один из беседующих.

— Знаете, хорошо. Девушка в детородном возрасте, вполне сформированная, без каких-либо патологий. Правда, с некоторым

нарушением микробиологии, но мы это уже исправили. Так что вполне годится даже в матери.

— Как же она оказалась на диких территориях?

— Ну, можно лишь догадываться. Мне кажется, лет десять назад был случай, когда ребёнок сбежал из интерната у нас. Даже и не один.

— Но как она выжила?

— Случайность. Странно, конечно, она довольно чистая, но всегда бывают отклонения от стандарта. А много ли находили живых бегунов?

— Н-да, не всех. Скорее всего они умирали от голода. Да, это их странный и неосознанный выбор. Говорите, здорова?

— Несомненно. Единственное — это её психологическое состояние. Очень нестабильно. Вот, взгляните.

Именно в этот момент Анна ощутила в себе силы поднять руку. Но рука оказалась привязанной к кровати. Глаза её широко открылись, рот тоже:

— Отпустите меня, мерзавцы! Я сотрудник органов! Я вас в тюрьму посажу! Вы за всё мне ответите! Отвяжите немедленно, я позвоню в прокуратуру, у меня вообще связи есть и друзья...

Анна блефовала: ни связей, ни друзей у неё никаких не было. Но что-то же надо было делать, чтобы выйти из этого беспомощного состояния.

— Вот видите? А под воздействием препарата она в отключке нам вещала ещё и не это. И говорит-то как-то по-старинному. Термины употребляет непонятные. Прокуратура, например. Что это? Девушка! Успокойтесь, вы находитесь в медицинском учреждении. Вы в полной безопасности.

На эти успокаивающие слова мужчины Анна начала рваться с кровати ещё сильнее.

— Ничего. С психикой мы поработаем. Введите ей успокоительное, необходимо провести тесты на профпригодность. А там уж и нейрочип.

Анна ничего не поняла, но всё внутри как-то успокоилось, затихло, захотелось лежать и ни о чём не думать. Так она и поступила.

В таком состоянии она пробыла довольно долго, хотя произошло много необычного. На следующий день её отвязали, помогли надеть какие-то невзрачные одежды: мешковатые штаны и рубаху, довольно грубые; казалось, что они сделаны из необработанного льна. Потом её провели по длинным светлым коридорам в комнату, где надели на голову датчики, а женщина в сероватом халате, похожем на врачебный,

под присмотром мужчины в комбинезоне, как у того, которого Анна встретила на дороге, долго сидела и смотрела на неё.

Никаких приборов, кроме датчиков на голове у Анны, в комнате не было. Анне почему-то было абсолютно неинтересно, что с ней делают. Возможно, это было действие препарата, но и это её не раздражало и не напрягало. Она просто смотрела на происходящее как бы снаружи, сверху. Наконец женщина заговорила:

— Видите?

Мужчина кивнул:

— Да, тест подтверждает. Жаль. Она могла бы быть хорошей матерью. И без особого обучения. В нашем случае без обучения не обойтись.

— Вы правы, но тест определил её предназначение. Она солдат.

— Что же, пройдёт карантин — и в войска. Я уже испросил списки свободных военных школ, есть место у новобранцев на юге. Туда и отправим. Потом её зачипуют в Комитете — и всё, готовый нужный член общества, да славится святейший патриарх во веки веков!

— Да славится, — повторила женщина.

Анна ничего не понимала, но покорно приняла всё, удивляясь своему состоянию. Ещё никогда ей не было так хорошо и спокойно. Даже тот мужчина, что говорил непонятные слова, показался ей привлекательным и обаятельным. Её поместили в комнату, где была одна кровать и туалет за загородкой с унитазом и душем необычайной конструкции. Женщина показала, как им пользоваться: надо всего лишь было встать в поддон — вода текла сама из потолка, сначала смешанная с моющим средством, потом простая, для смыва. Течь она переставала сама, именно в тот момент, когда всё средство было смыто с тела.

Унитаз тоже работал сам, убирая всё то, что в него было наделано.

В стене комнаты была ниша, из которой торчала трубочка. Рядом стояла стопка бумажных тарелок и стаканов. Когда у трубочки загоралась зелёная лампочка, надо было подойти к нише и подставить тарелку. В неё наливалась еда, типа манной каши, три раза в день. Каша была совсем невкусная, но есть хотелось, и Анна не сопротивлялась. Так же в стакан можно было налить воду.

В комнате она провела дней пять, а затем её повели из помещения на улицу, и она увидела солнце, которое почти не проникало сквозь небольшое окно в комнату. Солнцу Анна неизмеримо обрадовалась, вообще последние дни она почему-то всему была очень рада. От этого чувства в душе пело, она была счастлива, как все, кто

окружал её. Люди улыбались, глядя на Анну, вежливо приглашали её везде, помогали справиться с новыми приборами, которые она никогда не видела. И она отвечала им тем же, добротой и счастьем, лившимся отовсюду в этом непонятном и неизвестном месте, возможно, какой-то новой больнице, ведь Анна заболела и её лечили — так она считала.

На улице Анну посадили в поезд, красивый, быстрый, новый, как тот, о котором она читала, но никогда не ездила, который ходил из Санкт-Петербурга в Москву. А может, даже лучше. Из этого сознание её вывело, что больница в Москве. Где ещё могли ходить такие необычные поезда? Поезд мчал её, за окном мелькали слившиеся в одну картину безумного авангардиста пейзажи, в поезде сидели счастливые люди в простых одеждах из льна, явно льна, в комбинезонах и мешковатых, как у нее, рубищах, они улыбались Анне, она улыбалась в ответ, и счастье первый раз так явно светилось в её голубых глазах.

Закончилось это состояние эйфории у неё неожиданно: в комнате с несколькими кроватями, наверное, вечером, потому что на кроватях лежали люди, и она сама находилась в том же состоянии. Анна очнулась, как ото сна, скинула одеяло, удивлённо посмотрела на своё тело, прикрытое сероватым балахоном странной одежды. Потом решительно встала, осматривая помещение. «Где я?» Но ответа в голове у неё не нашлось. Она с трудом вспомнила реку, полицейских, которые отказались выполнять её приказы, Егорыча, старика манси — а дальше всё выпало из её сознания. Анна была не из тех, кто легко поддаётся панике. Она тихо подошла к единственной двери в помещении и подёргала ручку. Дверь не открылась. Тогда она сильно заколотила в неё кулаком. Подождала, но ответа не последовало. Чуть позже лишь услышала голос из глубины комнаты:

— Эй!

Анна обернулась, головы лежащих на кроватях людей были подняты и обращены к ней. Один человек говорил.

— Ты не шуми. А то опять на инъекции посадят, а это довольно вредно. Ложись давай.

— А где я? Кто вы? Я в больнице? — Анна задавала вопрос за вопросом.

— Ложись. Ты в военной школе российской армии.

— А какого лешего я тут делаю? Я старший лейтенант Следственного комитета! Мне надо в отдел, доложить!

В кроватях тихо засмеялись. Анна подошла ближе к говорящему с

ней. Это был юноша, скорее мальчик лет пятнадцати-шестнадцати, с коротко стриженной головой и живым умным взглядом карих глаз. Он улыбался, но не так, как те люди в поезде, которых Анна смутно помнила, в его улыбке был живой интерес и сообразительность.

— Я же говорю тебе, не шуми. Если сразу не вколют, то в пищу добавят. Мне рассказывали, что тот, кто не успокаивался, сидел на этой дряни всегда, а потом в овощ превращался. Веди себя спокойно. Я понимаю, что ты хотела быть матерью, это интересно, мечта каждой девчонки, но если сеть выбрала тебе другое призвание — надо принять это, всё равно по-другому не будет.

— Какая сеть? Какой матерью? Чего ты несёшь, пацан?

Парень с интересом взглянул на Анну.

— Странно ты разговариваешь. И выглядишь старо.

— Сам дурак, сосунок ещё мне такое говорить! — в сердцах крикнула Анна, жестоко обидевшись на слова, что она старо выглядит. Даже все свои насущные вопросы от этой обиды на мгновение позабыла. Но парень, нисколько не смущаясь, продолжал разглядывать её. Анна отвернулась, желая немедленно сама взглянуть на себя в зеркало, но зеркала нигде не было.

— Это военная школа, — тем временем продолжал парень, — сюда отправляют после интерната и выбора пути.

— Как это — выбора пути?

— Тебе на голову нейросчитыватель надевали?

— А что это?

— Сетка такая с датчиками. Ты даже этого не знаешь? — удивился парень.

Анна смутно припомнила, кивнула.

— Ну вот, нейросчитыватель соединяет тебя с нейросетью, та, в свою очередь, запускает протокол выбора пути. И всё, ты записана, твоё служение предопределено.

— А зачем это?

— Как зачем? Протокол выбора пути, в отличие от человека, не ошибается. Вот стала бы ты матерью, а потом, после родов, поняла бы, что это не твоё. Разве это сделало бы тебя хорошей матерью? Конечно, нет. А теперь, после выбора пути, ты будешь хорошим солдатом, а не плохим инженером, матерью или оператором пищевого комбайна.

— Да чёрт возьми, я что, в какой стране? Куда меня увезли? Что за ерунда? — Анна перестала сдерживать эмоции.

— В России, — коротко ответил парень.

— Какая это Россия? Я в России живу, там нет никаких нейросетей, пищевых комбайнов и протоколов... Протоколы — это совсем другое...

— Ну как же нет? Вот ведь всё, — парень обвел рукой воображаемое пространство, выходящее за рамки комнаты, — снаружи. Завтра увидишь. А сегодня давай спать, и помни — не нервничай, а то в овощ превратишься.

Анна послушалась совета, хоть и думала, что мал ещё мальчик ей, состоявшейся женщине и сотруднику органов, такие советы давать. Но старую поговорку, что утро вечера мудренее, помнила, тем более что завтра парень ей обещал всё показать. На этом показе и решила она всё выяснить, понять, разобраться и вывести всю эту секту лесную на чистую воду.

Про секту она сразу подумала. Всё становилось предельно ясно: в тайге действует группа преступников, которые похищают людей, ставят над ними странные эксперименты и потом убивают, разбрасывая трупы по разным местам, чтобы запутать следы. И она, старший лейтенант Следственного комитета, находится как раз в самом сердце преступной группировки, грозящей стране и человечеству в целом. А стало быть, именно она и раскроет это преступление века, и жизнь её наконец не будет напрасной и бесцельной.

Наутро Анну разбудил неистовый рёв сирены. И она, и другие, бывшие в комнате, подскочили, как шарики для пинг-понга. Анна вначале растерялась, но по привычке краем глаза наблюдала за остальными. Остальные натягивали на себя защитного цвета комбинезоны грубой ткани, лежавшие у кроватей. Она сделала то же самое. Далее последовали ботинки без шнурков, но с удобной застёжкой-затяжкой. В отстающих она выбежала на улицу, неловко стуча ботинками по самому настоящему плацу, обнесённому высокой стеной из камня.

На плаце в плотном строю стояли уже прочие люди, большей частью молодые юноши и девушки лет шестнадцати, перед ними стояли мужчины и женщины постарше, но трудноопределимого возраста, коротко стриженные; седина пробивалась на висках всех, даже женщин, одетых, как все, в зелёные комбинезоны, подпоясанные ремнём. Отличались они лишь возрастом и некими регалиями, нашитыми на одежду, из которых Анна определила только знаки различия на плечах. Судя по ним, центральная женщина была в звании полковника. Вот только какого государства? Анна подняла голову вверх и обнаружила гордо реющий на высоком флагштоке родной

российский триколор. Она попыталась осмотреться получше, но от женщины-полковника поступил приказ, стократ усиленный невидимыми динамиками, только микрофона возле неё видно не было:

— Смир-р-рна!!!

Все затихли, заиграла музыка, очень знакомая, под звуки которой и Анна по инерции подобралась вся и вытянула подбородок повыше, выпятив свою небольшую, но аккуратную грудь. Потом только пришло осознание, что звучит гимн России, который раньше был гимном СССР, но слова несколько изменены, хотя Анна слов толком и не помнила.

*«Россия — священная наша держава,
Россия — любимая наша страна.
Ни санкций, ни войн не боимся во славу —
Святой патриарх наш на все времена.
Славься-а-а, Отечество наше свободное,
Славься святой патриарх наш вовек,
Скрепками крепим мы счастье народное,
Только у нас вечно жив человек...»*

Строй пел то же, да так, что и Анна начала открывать рот, чтобы не выделяться из окрылённых верой людей.

Гимн прозвучал, вперёд вышел бородастый человек с золочёным крестом на толстой цепи, в чёрном балахоне, тоекратно перекрестился и затянул молитву. Все сняли шапки, Анна замешкалась — шапку она забыла в помещении. Слов молитвы она не запомнила, но яро перекрестилась, как и все в конце. Потом всех отправили на пробежку. Бежали вокруг плаца, Анна задыхнулась на втором круге, бежать было тяжело и ничего не было видно. С двух сторон забор, с оставшихся двух — помещения в пять этажей. У ворот в заборе стояла будочка, вроде бы с часовым, который дремал, прислонясь к забору. Оружия у часового не было. Она чуть не упала на пятом круге, но пробежка закончилась. Ботинки, довольно тяжёлые и не совсем по размеру, натёрли ноги, пот струился градом. После маханий руками и ногами, которые все, кроме Анны, выдержали, отряд отправился в помещение, где, как и в больнице, стояли бумажные тарелки со стаканами, в которые хитроумная трубочка в стене отмеряла нечто жижеподобное и воду.

Анна с жадностью проглотила еду. Есть очень хотелось. Ведь ей предстоит ещё раскрыть преступные замыслы неизвестных сектан-

тов, устроивших в центре страны военизированный лагерь, а для этого нужны были силы.

Парень, который разговаривал с ней вечером, пристроился рядом.

— Молодец, держись. Не скандалишь. Но ты какая-то дряблая. Как тебя зовут?

Анна поморщилась на «дряблая», вспомнив про наметившийся на бёдрах целлюлит и данное себе обещание его во чтобы то ни стало уничтожить. Но ответила, понимая, что контактёр в стане врага пригодится:

— Анна. А что мы будем делать дальше?

— Дальше интересно. Дальше взаимодействие с нейросетью. Ты входила в нейросеть хоть раз?

Анна озадаченно покачала головой.

Парень оживился:

— Тёмная ты, Аня. Это же самое интересное в жизни! Скоро нам дадут полный доступ, а пока только через нейросчитыватель. Не тот эффект, но даже через него интересно.

— Да что это за нейросеть такая?

— Увидишь. Странно, конечно. В интернате на уроках всегда дают зайти в нейросеть. Иначе как уроки учить? Как ты в интернате учишься? — подозрительно прищурился парень.

Анна обезоруживающе улыбнулась, этот метод выйти из неловкого положения ей всегда удавался. Вот и сейчас парень улыбнулся в ответ, заинтересованно рассматривая её лицо, и кивнул:

— Забыл представиться. Меня Максимом зовут.

Анна отвернулась и скривила лицо: вот ещё, не хватало заигрывать с малолеткой. Но ничего другого не оставалось, она категорически не понимала сути происходящего, а без понимания не будет никаких следственных действий и выводов. Так её учили в институте прокуратуры. Надо было терпеть.

Прозвучала команда строиться. Все послушно вышли на плац, построившись согласно росту. Женщина-полковник подала знак, часовой у ворот распахнул створки. Под бодрые команды помощников отряд подростков, в который попала великовозрастная Анна, строевым шагом вышел в неизвестность.

В неизвестности было пустынно. Никакого леса, деревьев, елей и кедров. Просто тянущаяся на многие километры, куда достигал глаз, выжженная жёлто-зелёная пустыня с редкими возвышенностями, короткой жёсткой растительностью, придававшей ей цвет, и мельтешащими у ног сусликами.

Сусликов Анна наблюдала впервые, но эти маленькие зверьки иначе называться не могли. Они внушали ей брезгливость и отвращение. Но отряд шёл дальше по пыльной дороге к едва виднеющимся впереди таким же, как трава, жёлто-зелёным колпакам явно не природного происхождения. Дойдя до них, встали по команде. Рядом с колпаками виднелась бетонная яма, похожая на вход в подвал, только дома у того подвала не было — просто лестница, ведущая вниз, и дверь. У этого лаза женщина-полковник начала вешать.

Все слушали, будто ожидая чего-то особенного, Анна тоже насто-рожилась.

— Сегодня мы ознакомимся с вооружением, установленным на границе. Вы все попытаете управлять настоящим электроимпульсным орудием — основным средством нашей обороны. Когда настанет день, вы получите нейрочип и станете все, как один, на защиту рубежей нашей великой родины, да святится патриарх веками. Сегодня же первое, ознакомительное занятие. По одному вперёд марш!

Дверь со скрипом открылась, и отряд начал цепочкой заходить внутрь. Внутри оказалось довольно большое помещение, похожее на огромный учебный класс, со стульями и какими-то необычными сиденьями, наподобие кресел стоматолога.

Женщина-полковник пальцем указала на первых кандидатов. В числе указанных оказалась Анна и её знакомый Максим. Тот ментально вскочил и с неприкрытой радостью занял место в кресле. Офицер, стоящий рядом с креслом, надел на его голову сетку с датчиками. Анна проделала то же самое, но опасаясь. Сетка была у неё на голове, ничего не происходило.

— Теперь попробуйте. Конечно, вы не сможете полностью управлять, но перед вами временный учебный монитор, на котором вы можете видеть свои действия.

Перед Анной действительно горел небольшой монитор, явно установленный нестационарно, с тянущимися от него неприкрытыми проводами. На нём мерцало изображение степи, причём суслики и трава были на главном месте. Суслики так и мельтешили, показывая все свои интимные места, ничуть не смущаясь установленной где-то у их нор камеры. Анна сидела и тупо смотрела в монитор, совершенно не понимая, что делать.

Максим хитро улыбался с соседнего кресла:

— Эй, Аня! Ты чего сидишь?

— А что делать?

— Всё просто. Это частичный доступ в нейросеть для управления учебным орудием. Видела крышки? Ну зелёные выступы у входа в бункер?

Анна кивнула.

— Это и есть орудия. Их надо поднять вверх, навести на цель и выстрелить.

— А как это сделать? Тут ни кнопок, ни ручек... — она была расеряна.

— Ну ты дура! Откуда только и взялась? У тебя на голове нейро-считыватель. Просто представь, что ты это делаешь — и всё!

— Разговорчики!!! — осёк парня громкий окрик женщины-полковника. Она была очень сурова.

Анна решила просто пересидеть. От чувства, что необходимо сидеть и не вставать, зависимости от воли иных, совершенно незнакомых и вредных людей у неё возникло естественное желание сделать всё наперекор. Она захотела встать и уйти. Понимая, что этим выдаст себя и обречёт всю свою благородную миссию по раскрытию преступления века на провал, не задумываясь над тем, что она приехала в тайгу, а оказалась в какой-то степи, Анна просто хотела встать. Очень хотела встать, прийти к себе в квартирку и под усыпляющие звуки обычного телевизора слопать нормальный бутерброд с колбасой, запив молоком. Но вместо этого увидела на мониторе движение. Камера поднималась выше, суслики исчезли из поля зрения, на мониторе открывалась перспектива выжженной травы. Это совсем не потревожило Анну, она лишь мельком взглянула на монитор, переживая своё зависимое положение. Зависеть она ни от кого никогда не хотела. В конце концов, к чему всё это? Бросить всё и бежать. При первом удобном случае бежать. Не надо ей этого расследования, совершенно непонятного, все эти маньяки и баба в погонах, слишком стройная для своих лет, хоть и с морщинистым лицом — всё к чёрту! Разметать их и бежать.

Тем временем на мониторе вдалеке в степи замелькали фонтанчики разрывов, сливающихся воедино, а где-то над головой Анны загрохотало.

— Отлично. С первого раза получилось. Молодец, девочка! — женщина-полковник похлопала Анну по плечу.

Анна опять ничего не поняла и промолчала.

— Что нужно отвечать при похвале старшего начальника? — грозно спросила полковник.

За Анну ответил Максим:

— Служу отечеству и патриарху, да святится он веки!

— Следующий, — приказала полковник, выпроваживая Анну из стоматологического кресла.

Ночью Анна не спала. В голову лезли мысли одна другой хуже. Как же это так получилось, что спецслужбы страны проморгали такую военизированную организацию в самом своём сердце? Вооружённую каким-то новым оружием, набирающую в свои ряды молодых людей, имеющую лагеря, как пресловутая «Аль-Каида» когда-то в Ираке, которые Анна видела по телевизору в новостях. Организация прикрывается российским флагом, но служит какому-то патриарху. Патриарху Кириллу? Нет, это же совсем невозможно, хотя все эти утренние молитвы, попы на плацу, прочие атрибуты духовенства, виденные ею в чётком распорядке жизни военного лагеря (а то, что он военный, сомневаться уже не приходилось), говорили именно о связи церкви с заговором. Именно заговором, не иначе. Это дело эфэсбэшников. Ей надо сбежать, сообщить. Но неужели Русская православная церковь, оплот веры, решилась поднять бунт и вернуть власть, утерянную ею много веков назад? Про Петра Первого и его скандал с тогдашним каким-то патриархом Анна помнила из школьного курса истории. Наверно, случайно это отпечаталось у неё в голове, потому что всё остальное она давно забыла. Версия казалась ей дикой, невысказанной, и, чтобы не ударить в грязь лицом, не стать посмешищем всего Следственного комитета, собрав оставшееся, прямо скажем, небольшое мужество, она решила продолжить расследование и всё получше узнать. Тут как раз из-под одеяла высунул голову её недавний визави по имени Максим.

Парень с усмешкой, но по-доброму смотрел на неё.

— Чего не спишь? Госпожа полковник похвалила тебя, молодец. Только всё равно ты странная.

Анна улыбнулась ему через силу, понимая, что парень может быть хорошим контактом для выяснения сложившейся с ней, а может, и со всей страной ситуации.

— Приветствие не умеешь говорить, отвечать старшему по званию. Про нейросчитыватель не знаешь, — тем временем продолжал Максим. — Сколько тебе лет?

Анна сморщилась от бестактного вопроса малолетки. По сравнению с ним она была стара. И до сих пор не замужем. И совершенно без перспектив в работе и личной жизни. Это было ужасно. Но долг заставил ответить, она соврала:

— Двадцать три.

— Ух ты, половозрелый индивидуум. А почему у тебя нет нейрочипа?

— Э-э... Так вот я не купила, пока был не нужен, — на ходу врала Анна. Но просчиталась.

Максим тревожно сощурил глаза:

— Как это не купила? Что такое «купить»? Ты странно говоришь. Ты, часом, не бегун?

Анна на всякий случай отрицательно покачала головой, толком не понимая термина «бегун», но Максим не унимался:

— Врёшь! Бегун. Хотя я первый раз бегуна вижу, обычно они не возвращаются. Их съедают животные на диких территориях или они замерзают зимой. Я никому не скажу, что ты бегун, а то заклюют наши. Как ты выжила? Как тебя поймали?

Анна отвернулась от него и закрылась с головой одеялом, потому что отвечать ей было нечего, а как соврать, она ещё не придумала. Но парень не отставал, вылез из-под одеяла и сел на койке, осторожно потрогал её за плечо:

— Эй... Аня! Слушай... ты половозрелый индивидуум. Тебе уже можно... Короче, ну поговори со мной!

Анна повернулась к нему с вызовом:

— Ну чего тебе?

— Ты это... Покажи их...

— Кого?

Максим замялся.

— Ну, я никому не скажу про тебя. И всё такое. Покажи.

— Да что показать? — Анна приподнялась на локтях на койке.

Максим же круглыми немигающими глазами уставился в открывшееся при этом пространство ниже её шеи, в разрез одежды.

— Вот их, — указал он пальцем туда, где была у Анны грудь. Анна проследила за его жестом, села прямо, по-турецки сложив ноги, внимательно посмотрела на парня.

«А что такого, если и покажу. Не девочка уже. Да и не узнает никто. А с него за это можно всё вытрясти».

— А расскажешь мне про нейросеть, оружие, патриарха? — улыбнулась она Максиму.

Тот часто закивал головой, почти подавившись слюной.

Тогда Анна спустила с плеч рубашку через широкий вырез на плечах и обнажила своё сокровище. Грудь у неё и впрямь была хороша, не большая и не очень маленькая, аккуратная, с чётко очерченными сосочками цвета молочного шоколада без признаков возрастных из-

менений, связанных с деторождением и гравитацией. Максим коротко ахнул, впившись глазами в это сокровище, задрожал и стремглав ринулся в туалет.

После этого проходили однообразные дни, с молитвами, муштрой, марш-бросками, осмотром необычных машин, стрельбой из непонятого электроимпульсного орудия, которая у Анны получалась всё лучше и лучше. А вечерами, пожертвовав своей стыдливостью и выждав стремительного и неистощимого парня из туалета, она по крупицам получала сведения, которые всё больше заводили её в тупик. Во-первых, Анна решила узнать, где расположен лагерь боевиков-сектантов. И Максим, нисколько не смущаясь и не скрывая столь важной стратегической информации, сообщил:

— Так под Волгоградом мы сидим. У границы.

То, что она под Волгоградом, Анну сильно удивило. Она почти не помнила поезда, а расстояние от места потери сознания до Волгограда было значительно. Как её смогли незаметно провезти? А выражение «у границы» она сначала и не поняла, думая, что парень путает. Как оказалось потом — нет. В один из дней военную школу погрузили в огромную машину, выкрашенную по армейскому древнему обычаю в мутно-зелёный цвет, похожую на ту, что Анна пыталась остановить в лесу, когда очнулась.

Колёса машины были в рост человека, на крыше торчали стволы каких-то орудий, кабины не было. Окон не было тоже. Все зашли по открывающейся задней рампе в нутро механического монстра, машина заурчала и мягко тронулась, увозя новобранцев в неизвестность. Буквально через час она так же мягко затормозила, рампа открылась, последовала команда выйти. В пространстве ничего не изменилось, лишь когда женщина-полковник, оказавшаяся начальником военной школы, указала пальцем вдаль, Анна разглядела там знакомые бугорки башен электроимпульсных орудий.

— Это передний край обороны страны, солдаты! Это наш щит. Смотрите, как крепка оборона, как мощны укрепления границы. И пусть святится патриарх во веки веков!

Полковник склонила голову, прикрыла глаза и зашептала молитву, благоговей, видимо, перед именем патриарха. Все последовали её примеру.

Внезапно один из бугорков резко поднялся, развернул стволы чуть в сторону от границы и выдал почти неслышимый залп. Где-то по направлению стволов, метрах в пятистах, выжженная земля взломатилась и образовала небольшое облако пыли.

— Граница незыблема, — указала полковник на произошедшее, — никто не пройдёт, даже суслики. Нет места врагам на нашей святой земле!

После этого непонятно откуда вылезла приземистая гусеничная машина, очень быстро подъехала к стрелявшему орудию и остановилась у него позади, в машине всё жужжало и поднималось-опускалось. Полковник пояснила:

— Идёт догрузка боеприпасов. Как раз вскоре мы с вами будем изучать систему перезарядки и догрузки. Вы будете управлять этими машинами, а когда наступит срок и вы все будете вознаграждены нейрочипами и станете настоящими солдатами, ваша работа будет защищать границу Родины до последнего снаряда.

— А когда снаряды кончатся? — раздался вопрос какого-то озорного школяра.

Полковник конвульсивно дёрнулась, схватилась за голову, как будто она у неё внезапно заболела, потом прикрыла глаза и произнесла:

— Отче наш, святой патриарх! Да святится имя твоё в царстве, которое ты даровал нам, да будет воля твоя; дай нам снарядов нескончаемо для битвы с врагами нашими и прости наши грехи, как мы прощаем младым нечипованным. Не введи нас во искушение, но избавь нас от мрака скорби. Ибо твоими скрепами лишь сильна наша Россия. Аминь.

И все повторили это в эйфории веры.

Кроме Анны.

Максим вечерами рассказал больше.

— Военных школ много, они разбросаны у границы. Мы лишь одна из них. Для охраны нужно много солдат, а в семьдесят пять солдаты уходят на пенсию. Все уходят на пенсию в семьдесят пять. Пенсия — это радость, награда. Так говорят в Пенсионном фонде. Но мне до пенсии далеко, мне бы нейрочип...

Анна заострила внимание на нейрочипе.

Максим пояснил в свойственной ему манере.

— Тёмная ты, хоть и красивая. Даже не знаю, как ты жила столько лет и ничего не знаешь. Нейрочип — это всё, это свобода! Это безграничные возможности. Говорят, в нейросети для взрослых есть места, где всё-всё можно увидеть. Вообще всё... И разных размеров, и... — Максим закатил глаза, мечтая об этих самых местах в нейросети.

— Нейросеть — это типа интернета, что ли? — начала догадываться Анна.

— Ну ты древняя... Интернет... Это из далёкого прошлого? Что-то типа кучи проводов, соединённых меж собой этими, как их... Ну по истории проходили... А, серверами. Такого давно нет. Нейросеть соединяет человеческий мозг воедино. У всех людей, кроме врагов. Врагам это недоступно. Они мракобесы и отсталые существа.

В следующую ночь речь уже зашла о врагах.

— А кто эти враги? — спрашивала Анна, заправляя рубашку.

— Всемирный халифат, кто ещё! Исламисты. Отсталое общество, застрявшее в двадцать первом веке.

— А как же государство, Россия? Они не враги? — наводила мосты Анна, пытаясь выяснить цели тайной организации, обладающей нейросетью, в которую она, конечно, не поверила, и электроимпульсными пушками, в которые верить приходилось.

— Как Россия может быть врагом? — отвечал возмущённо Максим. — Это наша родина. Мы её защищаем.

Умозаключения Анны приводили её к странным выводам. Стало быть, эти сектанты организовались для борьбы с исламистами. Но какие исламисты у нас? Их всех переловила ФСБ. Война в Чечне давно закончилась. Или тайная организация хочет искоренить ислам вообще на территории России? Насадить одну истинную религию? Очень было похоже, особенно потому, что молитвы смахивали на православные обряды, попы присутствовали в военной школе ежедневно.

«Секта воинствующих христиан», — такой вывод сделала Анна, мало что понимавшая в православии и в религии вообще. Ей вспомнились книжки про крестоносцев, их победы и бесславную гибель. Она читала в детстве книги Мориса Дрюона, стыдливо прикрывая их на развороте с любовными сценами и зачитываясь описаниями благородных деяний и подвигов рыцарей-храмовников, гонимых неправедным королём и папой. Но она была офицером Следственного комитета, и главное в её служении было защитить страну от любых посягательств незарегистрированных в установленном порядке обществ, пусть даже они преследовали бы хорошие, например христианские, цели. В любом случае двести двадцать вторая статья уголовного кодекса была налицо — у этой секты имелось незаконное огнестрельное оружие. Но при выяснении обстоятельств выплыло иное.

— Да ты что, тёмная! — смеялся Максим тихо, в подушку, чтобы не разбудить других. — Какое огнестрельное оружие? Электроимпульсные пушки-то? Они поэтому и электроимпульсные, что работают по принципу электромагнитного импульса. Во даёшь, смешная!

Огнестрельного оружия уж давно нет, разве только в музее нейросети. Ну у халифата есть, они же отсталые. Но я живуюю никогда не видел. Хотя пострелял бы, наверно, необычно.

Статьи за незаконный оборот электроимпульсного оружия Анна не припоминала, да и вообще смутно представляла принцип работы этой штуковины. Но мёртвые суслики, убитые ею же самой, доказывали, что это самое настоящее оружие, и оно у секты было. И довольно эффективное.

В одну из ночей Анна задала прямой вопрос:

— А зачем вы убиваете людей? Выстрелом в затылок?

Максим озадаченно, если не сказать — с испугом — посмотрел на неё.

— Каких людей?

— Русских, — настаивала Анна, нажимая на подследственного.

— Мы никого не убиваем. Никогда. Жизнь человека — это самое ценное, что есть в нашей стране. Это написано в блогах патриарха, сохранившихся ещё с времен становления новой России. Да святится он во веки веков!

Анна поняла, что напрямую вывести сектантов на чистую воду не удастся. Тогда она хитро улыбнулась, вспомнив недавнюю экскурсию на границу, и спросила ещё:

— А как же исламисты? Они не люди разве?

— Люди. И мы их не убиваем. Их убивают электроимпульсные пушки, в случае если эти враги посягнут на нашу святую землю.

— А пушками не вы управляете?

Максим радостно покачал головой:

— Нет, конечно. Операторы орудий лишь следят за количеством снарядов. А пушки автоматические, они сами стреляют. Оператор даже не видит, куда они попадают. Входить в блок управления пушками по нейросети строго запрещено, это могут только техники из центра. А мы учимся на старом орудии, с которого снята блокировка и автоматика. Для тренировки управления механизмами по нейросети, готовимся к принятию нейрочипа.

— А зачем исламисты хотят попасть на «нашу» землю? — спросила в очередной раз Анна, пытаясь нащупать ускользающую ниточку расследования.

— А кто их знает. Наверно, хотят есть. У них же нет автоматических линий пищевых цепей. И они верят в какого-то Аллаха, которого никогда не было и нет. А в нашего святого патриарха не верят. Но я об этом мало что знаю.

— А какая разница в кого верить? Аллах или патриарх... — Анна задумалась, размышления о боге ввергали её в интеллектуальный ступор. Вроде бы и верят в бога некоторые, а вроде бы ведь и нет его. Если бы был — разве Следственный комитет и его сотрудники имели б работу? Анна вспомнила все последние выезды на бытовые убийства, грязные ножи из шкафа с тараканами, неряшливо лежащие трупы, ещё более неприятные в своей смертельной личине, пьяные, мало что понимающие фигуранты уголовного дела, которым всё равно, где жить — на воле или в тюрьме, пока не наступило тяжёлое похмелье, и инстинктивно покачала головой: нет бога.

— Как это какая разница? Аллах их — это сказка, вымысел. А святой патриарх — это реальность, это спаситель, давший нам всё.

— Что всё?

— Бессмертие, насущную пищу, веру в будущее и нейросеть.

Анна с удивлением и улыбкой посмотрела на парня. Как же их зомбируют, как они верят в то, что какой-то патриарх напридумывал и возвёл в ранг истины. С ортодоксальными людьми ей ещё не приходилось встречаться. И как себя вести в такой ситуации, она не знала. Но сарказм вылез:

— И что, ты никогда не умрёшь?

— Нет, — твёрдо произнёс Максим.

— Но это же невозможно!

— Возможно, это всё благодаря патриарху. В стародавние времена он придумал собрать самых умных людей и дал им задание. Задание было очень сложным, действительно, почти невыполнимым. Для этого он собрал все деньги страны, я толком не знаю, что такое деньги, видимо, это какие-то энергетические поля, вырабатываемые генераторами или нейроимпульсами мозга. Но в итоге эти самые деньги помогли решить проблему, и в святом месте под руководством патриарха была разработана нейросеть и лекарство от смерти. Люди стали как древние мифические боги — всемогущие и бессмертные. И сейчас в том святом месте под названием «Сколково» работают последователи учения и дела патриарха, улучшая и претворяя в жизнь его святыи идеи.

— Патриарх — это человек? Он живой?

— Он всегда живёт в наших сердцах и молитвах, — благоговейно ответил Максим.

Вот так Анна совсем запуталась в своих версиях. И если бы не вой сирены в одну из ночей, вырвавший её и всех остальных из коек, то сбежала бы в ближайшее время для передачи информации в соответ-

ствующие структуры. Но сигнал тревоги, поднявший военную школу сектантов в плотный строй на плацу, всё изменил.

Глава 7. Сын Залива

Он сидел на тёплом песке у моря так, что волны, уже почти не видимые по причине исчезновения красного круга солнца за горизонтом залива, иногда омывали ему ноги. Он любил это время: жара спадала, мир становился более красочным, желтизна песка скрадывалась новыми приглушёнными цветами. Иногда в море светился планктон, придавая вечерам ещё более загадочный вид. Когда-то, в давние времена, на горизонте можно было увидеть много кораблей, огромных, везущих чёрное золото Аравийского полуострова в далёкие страны, но в то время он ещё не родился.

Он взял в горсть песок, пропуская его сквозь пальцы. Песок тёк, текла и его незамысловатая жизнь. Он не знал где, когда и от кого он родился. Он не знал свою мать, никогда не видел отца. Наверно, мать была шахидкой. Иначе какая мать бросит своего ребёнка? Только ради великой цели. Священная война, джихад, и его мать — воин, навсегда ушедший на небеса, в райские сады, которые Аллах взрастил там для шахидов.

Волны с шелестом накатывали на песок, ему казалось, что он слышит голоса рыб. Конечно, рыбы не умели говорить, но раз Аллах дал им рот, то просто надо слушать — и услышишь. Аллах мудр, велик. Люди перестали слушать. Люди давно оглохли. А если прислушаться, то мир говорит с ними, а они не слышат этого. Слышит только он и старый шейх. Шейх стал отцом ему, он забрал его в неосознанном возрасте из старого дома, где мальчик был совсем один. Так рассказывал шейх. Даже он не знал, кто его мать и кто его отец. И как его зовут, тоже не знал. А поскольку шейх был стар и забывчив на имена, то назвал его просто тем именем, которое помнил всегда. Теперь его звали Хассан.

Хассан ничего не помнил из прошлого, он был слишком мал, а шейх никогда ему ничего такого не рассказывал. Он учил его жить правильно. Где и когда старый шейх научился жить правильно — этого Хассан тоже не знал. Да и само определение «правильно» для него было смешно. Он просто жил так, как учил его шейх, заменивший отца и мать. И до последнего времени Хассан не сомневался, что так и надо жить. Но потом пришли мысли о некоторых маленьких недочётах в учении о праведной жизни.

Хассан получил хорошее образование, хотя всю свою сознательную жизнь прожил в маленьком домике шейха, с глинобитными стенами, обращёнными к пустыне, и бетонными — к морю.

Домик стоял на отшибе деревни, деревня была невелика — домов десять-пятнадцать. Половина деревни занималась ловлей рыбы на побережье, раскидывая на лодках сети вдоль пляжа и вытаскивая их потом к берегу. Вторая половина собирала финики в оазисе, который был в нескольких километрах севернее. Женщины пекли хлеб из муки, которую выменивали на рыбу и финики, мололи кофе, бывший редкостью. Пара охотников из дальних домов приносила мясо в удачные дни.

Шейх же ничего не делал. И жён у него не было. Наверное, он был очень старый, поэтому и не было — все умерли. Был у шейха только Хассан. Он и занимался хозяйством, хотя дело это было необременительное: шейха уважали и приносили пищу ему в дом. Но он ел мало. Не ел он после последней, пятой молитвы, не ел он до первой, не ел он и в Рамадан.

Его спрашивали:

— Уважаемый, почему ты не ешь в Рамадан после захода солнца? Разве Аллах не разрешил мусульманам это?

Шейх же отвечал неспешно:

— А разве я хуже людей Писания?

— Чем же люди Писания лучше? — спрашивали его тогда.

— Они не едят в пост.

— Как же не едят, мы слышали, что едят.

— Так я же должен быть лучше, выдержанней и мудрее, раз я мусульманин, — отвечал им шейх.

Хассан знал несколько языков, которым обучил его шейх. Он знал математику и философию, разбирался в технике и химии, освоил физику и астрономию. Шейх научил его многому.

Когда-то в незапамятные времена, когда шейх был молод и красив, он учился в университете. У шейха были богатые родители, владеющие нефтяными скважинами на полуострове, говорили, что они даже из рода эмиров. Они и отправили его учиться в университет. Там шейх получил знания неверных, даже степень доктора философии. Во всяком случае, так говорили в деревне. Он выучил языки и занимался науками. Публиковал труды, которые имели успех. Но это было очень давно, никто не жил так долго, как шейх, и не мог с уверенностью подтвердить эти слухи. Лишь Хассан верил в это твёрдо, потому что шейх его всему, что знал, и научил. И даже больше.

А как шейх оказался в этой глухой деревне, тоже никто толком не знал. Человек из рода эмиров даже после великой смуты и всемирного джихада не мог так низко пасть без причин. Кто-то говорил, что виной всему шиитские корни и непримиримость его по отношению к трактовкам Корана. Коран всегда был подле шейха, этого он требовал и от Хассана. Иной раз, в задумчивости сидя у огня холодной ночью зимы, когда звёзды становятся ближе, а Венера и Юпитер сверкают, как огромные камни на россыпи мелких бриллиантов неба, море обрушивается на песок пустыни, а ветры засыпают его барханами, когда верблюды вытягивают морды в сторону востока, шейх говорил сам с собой, а может быть, и с Хассаном.

— Аллах дал нам лишь Коран и пророков. Зачем домысливать послание? Надо читать его вдумчиво. Надо понять сердцем. Лишь тогда ты узнаешь истину. А когда ты узнаешь её, тогда стань ещё лучше, чем истина. И в это время ты поймёшь, что говорил тебе Аллах.

Хассан всегда пытался сделать так, но без шейха не мог понять многого. Шейх объяснял, когда был в настроении, а когда нет — заставлял работать, ничего не объясняя. В такие часы Хассан хотел быть подальше от него. Он научился охотиться, сначала с оружием, старым, которое было в доме шейха с давних пор и к которому тот не прикасался никогда. Заплесневелые патроны часто давали осечку, и Хассан стал охотиться с ножом. Когда шейх увидел первую лань, добытую холодным оружием, то отобрал у Хассана нож, сказав:

— Твари не имеют возможности защититься от ножа. Дай им шанс, который и тебе подарил Аллах. Я не запрещаю тебе охотиться, но делай это без оружия.

И Хассан научился охотиться без оружия, капканов и ловушек.

Один раз в деревню пришли люди, обменивавшие муку на рыбу, и сказали шейху, что эмир хочет, чтобы все платили налог. Но шейх отказал им.

— Коран говорит о закяте. Мы платим его по доброй воле и сколько можем. Мы отдаем рыбу и финики. Но налог эмира — это поклон в сторону человека, а не Аллаха. Это харам.

Тогда эмир прислал вооружённых людей и отобрал всё, что было в деревне. Жители пришли к шейху, чтобы тот уступил эмиру, тогда им будет оставаться хоть что-то. Но шейх был непреклонен в своих решениях. Люди же отвернулись от него.

Говорили ещё, что именно шейх стоял у истоков всемирного джихада, но за его непокорность эмирам при делёжке добычи, которую намеревалась получить умма, его и усадили на безлюдное побережье

залива, ибо он считал, что всё надо разделить поровну, а половину выплатить в виде закята. Но эмиры были против. Эмирам нужно было оружие, энергия и заводы неверных. «Как разделить то, что не делится»? — восклицали они, качая головами. Шейха забыли, и случилось это задолго до рождения Хассана. Но шейх оставался истинным мусульманином и строго следовал Корану.

Хассан сидел на песке, который приятно охлаждал его руки, и слушал шум моря. Море было огромное, где-то на другой стороне залива жили другие люди, где-то плыли рыбацкие лодки, уже невидимые в темноте ночи, а где-то залив кончался, сливаясь с великим океаном, в котором тихо, как манул в ночной пустыне, крались в пучине огромные подводные лодки неверных.

В чём же он не соглашался с шейхом? Лишь недавно тот сообщил Хассану его предназначение.

— Я готовил тебя, и вся твоя небольшая жизнь должна быть посвящена одному делу. Пусть весь мир станет на путь просвещения и истины. Пусть весь мир примет ислам, ибо нет в мире людей другого правильного и праведного учения. Пусть мне не удалось это самому, но я взрастил тебя для замены. Кто же продолжит моё дело, если не мой духовный сын? Я дал тебе знания неверных, я дал тебе знания, что не могут дать медресе. Я вложил в твой разум правильные понятия. Я воспитал твой дух и укрепил твоё тело. Ты готов, мой мальчик. Отныне и навеки ты — воин Аллаха, наследник Мухаммеда, да благословит его Аллах.

— Что же я должен делать? — спросил его Хассан. — Умереть, как, возможно, умерла моя неизвестная мать?

— Нет, — ответил шейх. — Умереть не трудно, труднее нести истину. Ты должен сказать всем, кого увидишь, что тот, кто скрывается за своим богатством, трудом на благо себя или откровенной ленью, не будут обласканы Аллахом в Последний день, даже если они выполняют все требования. Пока в мире есть люди, поносящие веру, поклоняющиеся агнцам и человеку — нет в этом мире истины и нет спасения. А пока люди не понимают этого, увлекшись материальными выгодами и плодами жизни, что всего лишь игра, — ты можешь им словом, если слово твоё поможет, делом, если слово не влилось им в уши, войной, если война неизбежна для достижения цели.

— Ты говоришь о Севере, учитель? — осторожно спросил Хассан. Шейх посмотрел на него устало, вздохнул:

— Я говорю обо всём мире. Но теперь ты выбираешь свою дорогу

сам. Зло живёт везде, где не чтут Аллаха и Коран, дарованный людям. Пройди до Севера, и ты увидишь сам, где зло.

— Я должен убивать людей?! — воскликнул горячо Хассан.

— Если это необходимо — да. Ибо написано в суре «Ат-Тауба»: «И когда закончатся запретные месяцы, то убивайте многобожников там, где вы их найдёте, захватывайте их, осаждайте до тех пор, пока они не покаются».

— Я помню всё наизусть, учитель, — сказал Хассан. — Но разве хорошо убивать людей? Ты же говорил, что убийство — грех. Возможно, люди просто не поняли, что есть истина, но они могут ещё исправиться.

— У нас уже не осталось времени, Хассан. Последний день близок как никогда, а жизнь наша — не более чем мгновение, которое уйдёт в небытие, когда мы все предстанем перед Аллахом. Нет смысла жалеть жизнь ради вечности.

Так сказал шейх и ушёл в дом, оставив Хассана на берегу. И поэтому он сидел тихо, перебирал песок в руках, слушал шум волн и никак не мог понять, почему же мир, вечный, огромный, великий и мудрый, так жесток к людям. И он, Хассан, должен стать карающим мечом. Он не хотел этого, он думал, что всё можно решить лишь словом. Потому что он не знал мира, он рос в маленькой деревне на берегу залива, который когда-то бороздили огромные танкеры, а до этого на берег ступали ноги великих поэтов и учёных, но сейчас же здесь был только он, шейх и десять-пятнадцать домов добрых людей.

Ночь проходила, восток светлел, настало время утренней молитвы. Хассан взглянул в сторону, давно известную ему, в той стороне где-то далеко находился древний храм Кааба. Он умыл лицо, ноги и руки в морской воде, опустил на колени и стал шептать нужные слова. Мечети в деревне не было. После молитвы, как правоверный мусульманин, Хассан не спешил подняться и перестать общаться с Аллахом. Он думал, а мысли его в это время читал Аллах.

«Как бы я хотел остаться тут, в деревне, при шейхе. Шейх мудрый, да благословит его Аллах! Станный, но очень добрый. Как бы я хотел жить в тишине, охотиться на ланей, менять их мясо на хлеб и молоко верблюдицы. Как бы я хотел познакомиться с девушкой».

В деревне было несколько девушек — дочерей крестьян. Когда Хассан проходил мимо, они тихо смеялись, отворачиваясь, а сами поглядывали на него, проходящего, сквозь хиджаб с вырезом для глаз. И в этом вырезе замечал Хассан их большие карие глаза, с любопытством разглядывающие его. Иной раз он замечал ножку, маленькую,

тёмную, что изящно выставлялась ненароком из-под одежд девушек. Но девушки были молодые и взбалмошные. Когда Хассан останавливался подле них, они с визгом разбегались, хохоча и сверкая пятками необутых ног. Хассан стеснялся заговорить первым, лишь так же украдкой смотрел на девушек своими голубыми глазами. Откуда у него такой цвет глаз? Может, мать или отец его были турками? Никто не знал ответа на этот вопрос, кроме шейха, а шейх заглядываться на девушек не давал.

«Жена, дом, молитвы Аллаху, детишки, свободная жизнь — вот что я хочу», — так думал Хассан, не вставая с песка, ибо пророк Мухаммед, да благословит его Аллах, сказал в своей сунне: «И после молитвы не спешите уйти, ибо, задержавшись, вы делаете благое дело, оставаясь в мыслях своих с Аллахом, а он, всевидящий, мудрый, зачтёт вам это праведное деяние».

Но когда взошло солнце, из дома вышел старый шейх и протянул Хассану священную книгу.

— Да смилуется над тобой Аллах, сын мой. Иди, время твоё пришло. Ты должен узнать этот мир таким, какой он есть. И помни: всё, что ты должен иметь — это то, что тебе нужно, чтобы молиться и делать праведные дела. Иное оставь там, где найдёшь. Если встреченный тобой сомневается в Аллахе или отвернулся от него — вразуми словом или действием. Ты тот, кого ждут.

— Кто же я? — воскликнул Хассан, не понимая, но шейх ничего не ответил и ушёл в дом. Тогда Хассан положил Коран в холщовую сумку и пошёл так, чтобы солнце светило ему почти в затылок.

Он шёл долго. Моря уже не было видно, лишь пески со старыми нефтяными вышками на горизонте были ему ориентиром да солнце, поднимавшееся и опускавшееся много дней подряд. Он пил из родников в оазисах, из старых колодцев. Он ел корни колючих кустов. Он зарос бородой, но глаза его светились голубизной неба, потому что он верил.

И вот в один из дней, когда диск кровавого светила закатывался за барханы, он вышел на дорогу. Идти сразу стало легче, Хассан вздохнул свободно, радуясь ниспосланному Аллахом облегчению. Но через час лёгкой ходьбы он увидел старый блокпост, полуразрушенный, обвалившийся. Бетон раскрошился, из стен, как рёбра из павшего верблюда, торчали ржавые прутья арматуры. Но строение было обжитым, сверху на старый бетон был накинута брезент. Из-под этого брезента и вышли на дорогу три человека, у одного в руках было оружие. Люди были бородаты, впрочем, как и все в пустыне, как и сам

Хассан, одежда на них была грязна, зубы жёлты, лица суровы. Жестом один из них остановил путника. Хассан подчинился.

— Кто ты и куда идёшь, нас не интересует, странник. Хотя обычно идут в другую сторону. Мекка — вот что должно привлекать мусульманина, — сказал человек с оружием. Остальные промолчали.

— Не наступило время моего хаджа, хотя, конечно, я обязательно пойду туда, — ответил незлобно Хассан.

— Но ты идёшь по стране эмира Аль Сари. А для прохода по стране нужна виза. Есть ли у тебя виза, друг мой? — прищурился хитро человек с оружием.

— Добрые люди, я шёл много дней и не видел ни одной живой души, ни города, ни деревни, ни дома. Где же мне было взять визу?

— Стало быть, ты нелегально посещаешь страну уважаемого эмира. Это плохо.

— Что же мне делать? — спросил доброжелательно Хассан. — Мне нужно на север, а ваша страна лежит на моём пути.

Человек не менее ласково ответил:

— Заплати — и мы дадим тебе визу.

— Но у меня нет денег, — ответил Хассан.

— Тогда отдай нам то, что у тебя есть.

— У меня ничего нет, кроме одежды.

— Одежду мы осмотрим. Сними бурду, она новая и хорошая. Давно я не видал хорошей бурды. Ты из Ирана? Там хорошо шьют такие плащи. А сначала отдай нам сумку. Мы посмотрим, что можно выбрать из твоих сокровищ.

Бородачи сдержанно рассмеялись.

— Но разве тот, кто неимущий, должен платить за визу эмиру или вам по шариату? — осторожно спросил Хассан, но сумку отдал.

Стражи покопались в сумке, выудив оттуда только священную книгу.

— Шайтан, у него только Коран в сумке, — один из них небрежно швырнул сумку на землю, направляясь к Хассану. — Давай, снимай одежду!

Но человек гораздо медленнее лани, а слова гораздо дольше доходят до людей, чем действие. Хассан не стал ждать. Первый бородач упал на землю и застонал от боли, второй пытался было скинуть с плеча старый автомат, но делал это неспешно для Хассана и вскоре тоже лежал на песке. Хассан же скинул плащ, оставшись в одной джуббе. Джуббу дал ему старый шейх за месяц перед дорогой. Она была изыскана и вышита серебром, которое потемнело от времени.

Спереди по канту головного выреза серебряный узор изображал бьющихся гепардов. Хассан принял у шейха джуббу, но думал, что это просто его старая одежда, которую шейх доставал иногда для носки из деревянного сундука, когда у Хассана совсем рвалась та, которую он носил годами.

Оставшийся же человек в ужасе глядел на этот элемент одежды, сначала замерев, а потом стремглав бросился бежать с криком:

— Воин Аллаха!

Хассан не стал его догонять, хотя это было несложно. Он поднял ржавый автомат — в магазине было только три патрона. Отбросив ненужную вещь, Хассан достал из-за пояса поверженного стража нож, простой, с рукоятью из дерева, повертел его и положил в сумку, которую поднял и отряхнул.

— Правверным мусульманам не стоит упоминать врагов Аллаха, — с укоризной сказал он стонущим людям, — и не стоит так небрежно относиться к священной книге.

Магазин от автомата он в задумчивости выкинул в песок подальше, надел плащ и пошёл по дороге, которая как раз вела на север. Мир был не так хорош, как его деревня, но и Хассан был не так слаб, как живущие в этом мире.

Дорога вела по пустынной местности, ни одной деревни или жилища больше не встречалось ему. Лишь однажды навстречу прогремела машина, ржавая и старая, окутанная дымом. В кузове были овцы, за рулём сидел человек. Хассан жестом попросил остановиться. Машина прокатилась на металлических колёсах чуть дальше, заскрипела и встала. Водитель вышел из проёма отсутствующей двери, поклонился путнику.

— Ты идёшь пешком? Откуда?

Хассан объяснил.

Водитель покачал головой:

— Это очень далёкий путь. Не хочешь ли ты воды и лепёшки?

— Хочу, — ответил Хассан.

Человек выудил из недр машины канистру с водой и свёрток с хлебом, угостил, сам же начал закладывать в бак в кузове куски кизяка.

— Совсем старая машина, — жаловался он между делом, — а нужна. Как без неё? Ни овец на рынок увезти, ни корма добыть для них в зной. Нельзя без машины. Она мне от отца досталась, ему от деда, а деду от кого — уж и не знаю.

Но машина после заправки бака задымила, мотор завёлся, выпустив из другой трубы облако вонючего газа.

— Есть ли поблизости селение? — спросил Хассан доброго крестьянина.

— Поблизости нет, но если идти день или два по дороге, то придёшь в город. Там есть гостиницы и лавки, рынок и много еды, правда если у тебя есть деньги, путник, — ответил крестьянин и включил скорость. Машина дёрнулась, проскользнула железными колёсами по песку дороги и медленно тронулась прочь от Хассана.

И верно, к вечеру следующего дня он достиг города. Город возвышался над пустыней, как горы. Дома, плохо освещённые, тёмными громадинами вздымались в небо, улицы вначале покрывал песок, затем в недрах города они стали твёрдыми, каменными, с остатками нового мощения и старого древнего асфальта. По улицам ездили машины, в основном такие же старые, как у встреченного крестьянина, на металлических или деревянных колёсах, дымившие газогенераторами, отчего вокруг стоял постоянный смог. Но один раз Хассан увидел машину, как из сказок, что рассказывал старый шейх — без трубы, красивую, бесшумную, на настоящих резиновых колёсах, правда, изрядно истёртых. Он проводил её восхищённым взглядом, и тут же увидел на доме надпись «Отель».

Хассан зашёл в двери, потоптался у порога, ожидая хозяев. Какой-то человек вышел из темноты внутренних помещений на свет лампы, которая одна горела в большом холле под потолком.

— Чего тебе?

— Мне бы ночлег и пищу, уважаемый.

— Комната сто динаров, ужин двести — ответил хозяин всего этого добра.

— Но у меня нет денег, — скромно сообщил Хассан.

— Нет денег — иди на улицу.

— Я шёл много дней, а идти мне ещё больше. Добрый человек, прошу тебя, не скупись. Дай мне еды и кров. Ведь сказано Аллахом: благочестив тот, кто раздавал своё имущество близким, сиротам, бедным, путникам и просящим подаяния. А я не прошу многого.

Хозяин покачал головой и взял в руку коммуникатор.

— Сейчас полиция досточтимого эмира Аль Сари объяснит тебе точный смысл хадисов, юный богослов.

Хассан отошёл в сторону и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Пятеро людей в форме со знаками различия зашли в помещение гостиницы, обратившись к хозяину:

— Кто?

Хозяин указал на сидевшего в углу Хассана.

— Так, — молвил подошедший полисмен в форме, богато украшенной золотым шитьём. — Кто ты?

— Я всего лишь путник, желающий отдыха и еды.

— А денег платить за еду не хочешь?

— У меня нет денег.

— Тогда пойдём с нами. Там тебе будет вдоволь бесплатного жилья. С едой, правда, туговато.

Хассан встал и пошёл за полисменом. Сзади его подталкивали палками в спину остальные.

Полицейская машина была не такая ржавая, как большинство транспортных средств города. Её украшали полосы, гербы и проблесковые маячки, указывавшие, что данное средство передвижения принадлежит власти. Хассана затолкали в заднюю часть, закрыли на примитивный замок, и машина тронулась. Сквозь зарешёченные тёмные окна в ночи ничего не было видно.

Вскоре машина остановилась, и Хассана вывели на улицу, направив в сторону старого форта, белёного известью, с воротами из дерева и коваными петлями. Войдя в помещения форта, полицейские бесцеремонно заставили Хассана снять плащ, обыскали и усадили на скамью, исковерканную ногтями многих узников. Лампа на столе полисменов светила тускло, рассмотреть полностью помещение было почти невозможно.

Форт был старый, ещё с доисторических времён. Возможно, ему было лет пятьсот, не меньше. В стенах были вделаны ржавые кольца, по периметру стояли скамьи из потемневшего дерева, посередине тот самый стол. За столом сидел высокий представитель власти. На это указывало ещё большее количество золотого шитья на мундире и кобура на поясе, в которой хранился пистолет.

— Так, — весомо произнёс он, — ты смутьян и попиратель законов нашей страны! Как твоё имя?

— Хассан, — просто ответил узник.

— Зачем ты пришёл в город и что ты замышлял?

— Я хотел есть и спать. Разве это преступление?

— Мне сообщили, что ты перевирал священную книгу и поносил Аллаха.

— Это неправда. Я лишь привёл цитату из неё. О том, что правоверный должен привечать путников и неимущих. Это закон, данный нам Аллахом.

— Ты слишком много говоришь. Я скажу тебе, что написано про таких. В писании сказано, что есть люди, которые призывают Аллаха

в свидетели тому, что у них на сердце, а сами потом творят нечестие. Ты из их рода, похоже.

— Отнюдь, я чист и душой и сердцем. Разве зазорно попросить еды? Я встретил на дороге крестьянина, который накормил меня хлебом и дал воды, ничего не потребовав взамен. Но я же встретил на дороге людей, которые угрожали мне оружием и просили визу, хотели отобрать у меня одежду. Кто из них более благочестив?

— Это ты разогнал стражей границы, шайтан?

— Не стоит упоминать имя врагов Аллаха всуе. Лучше поминать самого Аллаха, это полезнее для ума и души, это чище и праведней.

— Ты учить меня вздумал, сопляк? — вскричал полисмен в гнев.

— Нет. Учить нас может лишь Аллах. И судить тоже. Я же повторяю его слова. А гнев — не лучшее, что может управлять человеком.

— В зиндан его! — приказал полисмен.

В помещение вошли люди, грубо схватили Хассана за руки, выкручивая их. И лишь один из полицейских, с седой бородой, остановился, внимательно осмотрел Хассана и сказал:

— Не стоит его трогать.

— Это почему ещё? — грозя палкой, кричал начальник. — Он дважды нарушил законы Аль Сари!

Старый полицейский указал на двух серебряных гепардов на входе джуббы Хассана:

— Поэтому.

— Да что ты плетёшь, несчастный! — кричал начальник полиции. — Ты дурак!

Но он не успел высказать всю свою мысль. Хассан устал ждать, когда справедливость восторжествует. В зиндане её точно не добиться. Тем более что он был молод и имел недостаток — несдержанность, особенно когда его не слушали. Ведь старый шейх говорил: «Если слово не может помочь, заставь силой». Полицейские были грузны. Разве их сравнишь с быстрым джейраном? Когда Хассан достал пистолет из кобуры начальника, старый полисмен всего лишь раскрыл рот, а остальные лежали на полу в беспамятстве. Пистолет же был отобран по двум причинам: во-первых, Хассан никогда не видел такого малого оружия и взял просто посмотреть; во-вторых, чтобы начальник не смог его применить, но тот ещё долго ничего не смог бы.

— Воин Аллаха, — прохрипел старый полисмен, — я же предупреждал. Я грешен, но прошу, не убивай меня...

— Я никого убивать не собираюсь. Просто делаю то, что должен для торжества справедливости и по шариату, — спокойно ответил

Хассан. — А теперь отведи меня в гостиницу и дай еды. Лепёшки и воды будет достаточно, добрый человек.

Старый полицейский привёл его к дому эмира. Как так случилось, Хассан не знал. Возможно, полицейский набрал номер в сети и сообщил о происшествии.

Ворота двора эмира Аль Сари были распахнуты, внутри стояли вооружённые люди, склонившие головы перед своим предводителем. Эмир Аль Сари сам встречал гостя, исподволь оглядывая его.

— Мир тебе, воин Аллаха! Прости нас за ошибку и проявление глупости моими людьми. У меня бедный эмират, многим подданным не хватает образования для того, чтобы распознать такого, как ты, — лил мёд из уст своих эмир. Был он ещё не стар, но и не юноша, в связи с этим чуть снисходительно посматривал на молодого гостя.

Хассан кивнул, ответив на приветствие положенными словами.

— Зайди же, будь гостем, отведай еды и питья, выпись на хорошей постели. Я буду рад. Девушки из моего гарема прислужат тебе, а если приглянется кто из них — то я не буду против. Куда же ты направляешься?

— На север, — коротко ответил Хассан.

Девушки из гарема эмира смущали его своим присутствием.

— Да, на север, воевать с неверными. Кто же ещё будет воевать с ними и нести знамя Аллаха, как не его воин? Теперь умма спокойна, раз появился ты, — продолжал говорить эмир, приглашая Хассана внутрь дома.

Дом был большой, увешанный и устланный коврами и расшитыми подушками. В зале для гостей было прохладно. Несмотря на то что дневной жар спал, работал кондиционер, приятно обдувая Хассана. На ковре посередине комнаты стояли яства, фрукты и мясо, рис и напитки. Рядом курился кальян, усердно раздуваемый слугой.

— Мой эмират беден, — продолжал Аль Сари. — С тех пор, как скважины опустели, нашему роду не на что стало жить. На севере и западе есть вода и плодородные земли, на юге есть море и рыба, меня же Аллах обделил. Как жить? Ещё дед мой сказал — надо торговать людьми. Неверные, что не хотят принять ислам, будут товаром. Дед разрешил брать пленных в сопредельных землях. Это не противоречит вере и учению. Кого-то я продаю на запад, кто-то остаётся у меня, обращается и служит. Но дело приносит мало дохода. Юноша, как зовут тебя?

— Хассан, — мрачней, ответил тот.

— Дорогой Хассан, ты пойдёшь на север, расскажи по дороге о том,

какой товар есть у эмира Аль Сари. Пусть люди в дальних землях знают и обращаются ко мне. У меня есть молодые мужчины и юные девушки. Если надо, они будут верующими. Всем нужны слуги, а в тех землях, я знаю, дефицит. Я связывался с другими эмирами, но спутники последнее время ненадёжны, связь прерывается. И скажи им, что я могу обменять сто слуг на одного инженера. У меня мало учёных, а сети и механизмы приходят в негодность. Кушай, дорогой Хассан.

Но Хассан кушать не стал. Он поклонился эмиру, немало удивлённому, и сказал:

— Я не хочу у тебя гостить, почтенный эмир.

— Почему ты отвергаешь моё гостеприимство?

— Потому что я не считаю людей товаром. Торговать людьми так же плохо, как заниматься ростовщичеством.

— Ты не прав, молодой воин. Коран и сунна запрещают ростовщичество, но не запрещают брать в плен неверных и заставлять слушать их правоверным мусульманам! — эмир повысил голос.

— Толковать хадисы и суры может каждый так, как ему заблагорассудится. Но разве от этого меняется смысл заповедей Аллаха?

— Ты дерзишь, юноша! Не забывай, что ты в доме эмира и на его земле!

— Земля принадлежит Аллаху, который её создал, а ты лишь гость на ней.

— Наказать его! — вскричал эмир, выходя из себя.

Но кто накажет человека, говорившего с рыбами в море, танцевавшего с волками в ночной пустыне, прыгавшего по скалам с муфлоном и обнимавшего дикую газель? Уже через полчаса Хассан шагнул по тёмным улицам города Аль Сари, уходя из него в горы, высившиеся стеной, уподобляясь самому городу, потому что за время существования человечества города стали важнее гор.

Города — это множество людей. Множество людей — это множество проблем. Проблемы всегда надо решать, и множество людей делает это с выгодой, мало уже понимая, что большинства этих проблем можно просто избежать, они созданы ими же, ими же и раздуваются до состояния огромных гор. А стоит уйти из городов в горы, как все проблемы сами собой исчезнут.

Хассан вошёл в ущелье, вившееся между скал, по дну которого тёк ручеёк. В ручье жила форель, небольшая, не годившаяся в пищу. Она прыгала в омутках, образованных камнями, радуясь водоворотам и охотясь на редких насекомых. Форель никогда не знала рыбаков, поэтому была вполне добродушна. И пара рыбок шепнула Хассану, что

дальше, в сторону подъёма горы, на берегу ручья у малого водопада стоит хижина. Хижину эту строили пастухи, которые пасли овец ещё до всемирного джихада. Но после, когда часть гор накрыли взрывы ракет неверных, овцы и пастухи погибли, и лишь один старик, пришедший издалека, остался в хижине и жил, питаясь с маленького огорода, который возделывал в рукотворном оазисе у ручья.

Хассан подошёл к хижине, сотворённой из глины и трав, скрипнул старой дверью. Старик не поднял глаз, боясь утреннего солнца, что било своими лучами прямо в проём.

— Мир тебе, человек, — произнёс Хассан стандартное приветствия, вложив в него душу.

— Мир и тебе, путник. Не желаешь ли лепёшки? Более у меня ничего нет.

— Желаю, — присел Хассан на коврик у двери.

Старик передал лепёшку и воду, остановив свой взор на джуббе Хассана.

— У тебя странная одежда, путник. Такой одежды я не видел никогда. Хотя слышал. Она твоя?

— Безусловно, — ответил Хассан, с жадностью поедая чёрствую лепёшку.

— Тогда ты знаешь, кто ты.

— Не совсем, — так же коротко ответил Хассан.

Старик покачал головой, от чего борода его, довольно редкая, закачалась в такт движениям.

— Стало быть, ты тот, кто есть на самом деле.

— Добрый человек, ты говоришь загадками. Старый шейх тоже так говорил, но всё-таки пояснял в конце концов смысл. Поясни и ты, — ответил утоливший голод Хассан.

— Шейх Хибатиль ибн Макки аль Бармаки?

— Я не знаю точное его имя, старик. Но звал его Хибатиль.

— Я знаю его имя. И не ошибся. Видишь этих гепардов на своей джуббе?

Хассан кивнул.

— Серебряные гепарды, играющие друг с другом. Сильные животные, олицетворение мощи и могущества, играют, как котята. Серебряная нить стара, как мой волос. Это древняя работа. Это символ.

— Чей же?

— Воина Аллаха. Ты и есть воин Аллаха.

— Я слышу это уже в третий раз, но шейх никогда не говорил эти слова.

— Шейх мудр. Но не мудрее Аллаха. В умме бродит легенда, передаваемая из уст в уста. Откуда она, толком никто не знает. Но многие верят в неё. Если хочешь, я расскажу тебе её.

— Расскажи, — заинтересованно приподнялся Хассан.

Старик закрыл глаза и начал напевать слова, похожие на аяты, но совсем незнакомые Хассану.

— Давным-давно, когда Салахуддин аль-Аюби победил неверных и захватил Иерусалим, когда он приказал своим воинам не трогать женщин и детей и не убивать пленных, когда остановил месть свою у себя в груди, а воины пришли к нему с претензиями, что он не соблюдает Коран и сунну и не даёт им то, что они заслужили в бою, он сказал: «Аллах не может быть описан местом и временем, ибо он везде. Аллах не может проникнуть в души людей через слух и зрение, ибо он всё, что в нас. И послание его и Мухаммеда, да благословит его Аллах, не может быть воспринято никак, кроме сердца. И толкование священной книги не может выноситься на споры, не бывает в нём и разночтений, потому что если Аллах в сердце, то Коран одинаков всегда и для всех. Это говорю я, воин Аллаха!»

Так сказал великий полководец.

И все вокруг устрашились его слов, потому что он был справедлив. И он ощущал в себе Аллаха и разил неверных без страха и без корысти. Салахуддин сражался за веру. На щите его, украшенном серебром, играли два гепарда, внушая страх врагам и любовь соратникам. Он объединил умму, выгнал неверных и обратил острие карающего меча джихада на запад, туда, откуда приходило зло и насилие на земли мусульман.

Уже перед смертью своей, собираясь в поход на Багдад, он сказал своим визирям: «Я слышал Аллаха. Он сказал мне — ты воин мой, ты должен вразумить правоверных жить так, как учу я, в мире и достатке, в равноправии и единстве. Иди и сделай так. Я сделал, что мог. Теперь ждите другого».

С тех пор все, кто знает об этом, сирые и убогие, обиженные и оскорблённые, ждут воина Аллаха. Он должен принести мир в умму, разделить огромные богатства одних между множеством других, у кого их нет. Он должен примирить непримиримых: суннитов и шиитов, ашаритов и ваххабитов, всех, кто должны быть вместе. Он должен победить неверных навсегда, оружием или словом, спасти их от адского огня. Он должен искоренить власть одних людей над другими, ибо только Аллах властвует, остальные лишь его дети. Он должен восстановить шариат, как единый закон для любого человека,

закон, данный Аллахом. И он должен открыть души людей для того, чтобы они, как Салахутдин, воспринимали Аллаха не глазами и ушами, а сердцем. И когда придёт новый воин Аллаха, он будет непобедим, и у него на одежде или оружии будут два играющих меж собой серебряных гепарда. Вот они, юноша, — указал старик на ворот джуббы Хассана.

Хассан сидел молча, вникая в смысл. Потом сказал:

— Ты считаешь, добрый человек, что я могу изменить мир? Кроме вышивки на вороте моей рубахи у меня нет ничего, о чём ты говорил.

Старик на эти слова достал нож из ножен на своём поясе и метнул его в Хассана. Нож вонзился в дверь в метре от его головы. Хассан удивлённо посмотрел на старика.

— А теперь достань нож из двери и вонзи его как можно ближе к моей голове, — попросил старик.

Хассан сделал это. Нож срезал волосок на голове старика.

— Вот видишь. Я уже не могу сделать так. И твой шейх тоже не может. Мы слишком стары, у меня нет сыновей, а ты сын шейха. Ты знаешь его историю?

Хассан отрицательно покачал головой.

— Так слушай же. Когда твой отец был молод, он был силен и умён, как ты теперь. Он был богат и образован. Богатство его семьи позволило ему купить долголетие в виде лекарств неверных. Поэтому он до сих пор жив. Когда он был молод, я ещё не родился. Я узнал его гораздо позже, уже после великого джихада. Именно шейх в далёкие годы призвал мусульман не совершать террористических актов, потому что это не приносит желаемых результатов, а только увеличивает сопротивление неверных. Он долго уговаривал всех командующих армиями, всех воинов, пока они все не собрались вместе и не согласились с его доводами. Но спросили его: «Как же мы будем бороться»? На что шейх ответил: «Успокойтесь и проникайте на запад в виде слабых и угнетённых. Там любят униженное пресмыкание. А когда нас будет больше, тогда и начнём великий джихад». Так и случилось.

Беженцы шли на запад потоком, заполняя страны неверных, всю Европу, но каждый из этих беженцев в любой момент был готов стать шахидом. Лидеры стран Европы были слепы и расслаблены, а наши корабли везли оружие скрытно в порты, оттуда оно развозилось по тайным арсеналам. Шейх знал, что войска неверных закрыты на своих базах, неповоротливы и почти не боеспособны, их танки и ракеты не могут сразу вступить в бой. И когда настал решающий час, наши

воины с простым стрелковым оружием заблокировали все военные базы неверных, не дав армиям выйти и развернуть своё тяжёлое вооружение. Другие захватили коммуникационные центры и правительственные здания. Шахиды взорвали бомбы, что повлекло за собой панику и страх населения. И Европа пала за две недели.

Мы праздновали победу. Но потом всё пошло не так. Эмиры начали делить завоёванное, начались распри и междоусобицы. Каждый из эмиров хотел больше, чем у другого. Великий джихад захлебнулся, едва начавшись. Да, мы завоевали Европу, Африку, Азию и Китай, но половина мира осталась тёмной, во власти людей, которые не верят в Аллаха. Шейх, твой отец, увещевал эмиров, чтобы они вновь стали на истинный путь и продолжили джихад, но богатства неверных затмили их разум. И они выгнали шейха на окраину мира, туда, где родились предки, но не стало главного богатства — нефти. В бедные земли, откуда ты идёшь. Европа была богата и без нефти, там были ядерные станции, заводы и технологии. Эмиры использовали всё это без счёта, но у каждого богатства есть счёт. Когда они остановились, было уже поздно, исламский мир стал слаб. И всемирный халифат, как идея, умер. И нет вождя, который бы продолжил святое дело. Который бы примером своим, порывом души, принадлежащей Аллаху, увлёк бы людей за собой, продолжив войну до победы.

— Но почему этот человек — я? — спросил Хассан.

— Другого нет. Великий воин Аллаха Салахутдин тоже удивился, когда узнал о своём предназначении, но исполнил его, — ответил старик и умолк.

— И что я должен делать?

— Иди на запад. Эмиры будут бояться тебя, а простой народ любить. Потом сам поймёшь, что тебе делать.

И Хассан ушёл дальше в горы. Когда горы закончились после долгих дней пути, его встретили новые люди. Они были такие же, как и прочие, только одежда их была чище, дом, в котором они жили — новее, оружие современнее, но их желания были теми же.

— Стой! — сказали они. — Ты переходишь границу. Оформи визу. Она стоит сто динаров. Вон в том окошке всё выдадут.

Хассан ответил привычно:

— У меня нет денег.

— Тогда обойди эмират по границе. Это тысяча километров пути по пустынной местности, — засмеялись стражи.

— А нет ли других вариантов? — спросил Хассан.

— Есть. Если ты умеешь чинить машины, то можешь отработать.

У нас мало механиков, а машины ломаются. Приходится отвозить их далеко на завод в другой эмират, а это дорого. Почини машину — и проходи.

Хассан кивнул. Стражи отвели его на площадку, где стояли машины, частью совсем старые, с двигателями внутреннего сгорания, переделанные позже на газогенераторы, часть новее, с аккумуляторами и мощными ядерными батареями, которые фонили, несмотря на толстую защиту.

— Вот эта ещё ничего, но барахлит, — указали стражи на большую машину на гусеницах, с открытым кузовом и установленной в нём оружейной турелью.

Хассан кивнул, осмотрел технику. Машина была из последних оставшихся от неверных разработок. Огромная ядерная батарея стояла позади, была прикрыта толстыми свинцовыми пластинами, отчего пустая машина тяжело присела на задние катки. Судя по теплу, исходящему от батареи, она работала. Хассан вспомнил устройство электродвигателей и открыл люк. Внутри пахло маслом, как со сковородки, плохим, пережжённым и некачественным. Машину управляли оливковым, что было нехорошо. Хассан знал, что для смазки механизмов лучше употреблять пальмовое. Но неисправность была не в этом. Он быстро обнаружил покоробленную теплоизоляцию батареи, расплавленные провода, идущие к двигателю, вылез и попросил необходимые запчасти. Стражи сказали, что можно снимать с остальных машин всё, что захочется. Хассан начал искать. Все машины давно не ездили, но испытали на себе немало. Дырки от пуль и снарядов были в каждой. И вроде бы вокруг не было никакой войны, но машины говорили об обратном. Достав необходимое, Хассан восстановил изоляцию и проводку, нажал кнопку запуска. Бронемашина плавно загудела, откликаясь на поток электронов по своим проводам-нервам. Трансмиссия работала, Хассан проверил её, подав машину назад и вперёд, вылез, вытирая руки о тряпьё, найденное неподалёку.

— Готово, — сказал он стражам.

— Смотри-ка, механик! Слушай, механик, оставайся у нас. Мы дадим тебе еду и воду. Зачем тебе идти дальше? Дальше полиция, нужны документы, без денег ты далеко не уйдёшь.

— Я не могу остаться, хорошие люди.

— Да чего с ним разговаривать, в яму, и на ключ! Никто нас не осудит: без денег, без документов, бездомный. А нам пригодится, — заспорили стражи, хотя все уже соглашались с этим мнением.

Хассан хотел было показать гепардов на воротах, но передумал: негоже было кичиться знаками, которые он носит совсем не по праву.

— Нет, я не могу сделать так, как вы хотите. Уговор был: починоу машину — пройду.

— Уговора не было. Кто ты такой, чтобы указывать нам? У тебя сума, у нас — оружие, — смеялся один из стражей, показывая вполне современную автоматическую безгильзовую винтовку.

— А когда оружие будет у меня, вы измените своё мнение? — осторожно спросил Хассан.

Стражи рассмеялись.

Через мгновение Хассан держал в руках винтовку, которую показывал воин, уже лежавший на земле.

Остальные вскинули оружие, щёлкая предохранителями.

— Я прошу вас всё решить миром, — поднял Хассан руку, но автоматы швырнули в его сторону горсть пуль. Он прыгнул вбок от линии огня и выстрелил. Стражи упали замертво. Из домика, в котором было окно выдачи виз, выскочил человек с пистолетом, побежал было навстречу, но, увидев мёртвых стражей и играющих над ними гепардов Хассана, развернулся и с искажённым лицом побежал прочь, крича лишь одно:

— Он пришёл! Он пришёл, воин Аллаха!!!

Хассан повесил на плечо винтовку и осмотрел стражей, лежащих на земле. Они были живы.

— Есть ли у вас лекарства для ран и бинты?

Тот, что остался цел и лишь лишился оружия, кивнул:

— Да, в доме есть.

— Иди и возьми. Перевяжи остальных. Теперь я могу пройти в ваш эмират?

Страж испуганно кивнул, осторожно шагая к домику.

Хассан взглянул на починённую им машину. Машина ощерилась открытыми люками и злобным пулемётом на турели.

«Можно взять то, что тебе необходимо сейчас», — вспомнил Хассан наставления шейха и подумал, что очень устал. Техника была бы сейчас кстати.

Он сел за управление, нажал кнопку запуска и джойстиком подал машину вперёд, всё набирая скорость. Геопозиционирование и автопилот не работали, поэтому пришлось управлять вручную, но всё равно это было проще, чем идти пешком. Машина лязгала металлическими гусеницами по дороге, скрипела остатками подвески и быстро неслась к цели.

Первую остановку Хассан сделал в поселении, через которое проходила дорога, на вид довольно бедном. Вокруг поселения были оливковые и финиковые рощи, вдоль ручья, что протекал неподалёку, — тонкие полоски засеянных полей. На полях и в рощах трудились люди, собирая урожай. На дорогу из дома выбежал мальчик, за ним старик в грязной чалме. Хассан выбрался из машины и поклонился им. В ответ они вынесли кофе и финики. Люди с полей начали приближаться к дороге, понуро волоча инструменты и опустив глаза долу.

— Ты пришёл взять налог? — устало спросил старик Хассана. — Ещё не наступил срок уплаты. Урожай не собран, рынки закрыты, продавать пока нечего. Дождись срока и скажи это эмиру. Мы расплатимся сполна.

Хассан покачал головой:

— Нет, я просто еду на север. Спасибо за кофе.

— Но у тебя машина налогового департамента эмирата. Вот на ней их эмблема, — указал старик на рисунок с орлом на кабине машины.

Хассан подумал и ответил:

— Они хорошие люди, дали мне её напрокат.

— Хорошие люди? — прищурился старик. — Кто тебе показался из них добрым? Мы отдаём им больше половины дохода. А если не отдадим — посадят в яму на месяц и побьют палками.

— Разве это по шариату? — спросил Хассан, отпивая кофе. — В Коране ясно написано — платить столько, сколько сможешь.

— В Коране написано платить закят нищим и обездоленным, путникам и закабалённым, идущим на войну и дервишам. А они собирают для эмира. У эмира и так есть электростанция, пороховой завод. А нищие мы — его подданные.

— Так почему вы обещаете платить? Обратитесь к эмиру, он должен соблюдать законы Аллаха.

— Ты смеёшься, путник? У эмира армия и оружие.

— Я не призываю вас восставать против него. Просто сказать. Слово — лучшее оружие, — спокойно ответил Хассан.

— Он не станет слушать нас. Кто мы и кто он?

— Мы мусульмане, единая общность, умма.

Старик вздохнул, собравшиеся вокруг вслушивались в беседу, всё ещё опасаясь, по-видимому, налоговой службы. И лишь мальчик, что первый вышел на дорогу, вдруг наставил палец на Хассана и радостно закричал:

— Деда, деда, это же воин Аллаха! Ты рассказывал мне на ночь про него много раз, ты говорил, что он придёт, ты говорил, что у него два

серебряных гепарда, которые играют, как кошки, друг с другом, помнишь, деда?

Старик осёл было мальчугана, но всмотрелся в Хассана внимательней. И остальные придвинулись ближе, рассматривая ворот джуббы и серебряное шитье.

— Воин Аллаха! Он воин Аллаха! — прошелестело над поселением.

Старик огладил бороду.

— Ты забрал у налоговиков машину, ты говоришь добрые слова, ты не просишь ничего у нас. Может, ты и вправду воин Аллаха?

— Так говорят некоторые, добрый человек, — скромно признался Хассан.

— И зачем ты едешь на север?

— А где живет ваш эмир?

— По дороге. Ты не проедешь мимо города, тебе по пути.

— Тогда я хочу поговорить с эмиром по поводу ваших налогов.

— Ты и вправду тот, о ком говорили веками, юноша. Но слишком ты молод... Пойдём в дом, поешь, — пригласил его старик.

Все жители посёлка отправились за ними и окружили дом, потому что внутрь вошли не все. Когда же Хассан вышел из дома, то увидел, что на его машине сидят мальчики и что-то рисуют старыми высохшими кистями. Старик криком согнал их, а на броне машины поверх эмблемы налогового департамента эмирата остались детские рисунки, сделанные неопытной, но очень доброй рукой: два играющих гепарда, нанесённые потускневшей серебристой краской, невесть откуда у детей взявшейся.

Хассан правил машину вдоль хорошего мощёного шоссе, ровный ход убаюкивал его, лишь кочки, что иногда немного подкидывали машину, пробуждали ото сна.

Машина видела дорогу всеми своими камерами и не позволяла уйти с намеченного пути, даже если бы водитель уснул. Город показался в мареве жары качающимся миражом. Сначала нечто тёмное, потом расплывающиеся в воздухе контуры домов, самые верхушки, затем нижние этажи встающих стеной больших домов, в которых жили неизвестные люди. Каждый новый город на пути Хассана был всё больше и величественней. Но всё было в прошлом, величие истончалось временем, города впадали в запустение, жители уже не могли делать их красивыми или не хотели.

Свалка старых машин встречала Хассана на въезде. Казалось, что дальше всё мертво и безлюдно. Но отнюдь. На дороге показалась пыль, облако её разносил ветер в сторону, кто-то большой ехал

навстречу. Воспользовавшись маленьким дисплеем наводки пулемёта, Хассан приблизил картинку.

По дороге, взметая песок, на него неслись страшные, приземистые боевые машины. Каждая из машин несла на себе крупнокалиберное орудие, короткое и тупорылое, несущее смерть и неотвратимую мощь бездушного металла. За километр машины рассредоточились, выстроились в боевой порядок, часть же из них вообще начала заходить с флангов, охватывая маленькую машину Хассана в клещи. Машины были гораздо быстрее его старого средства передвижения.

Индикатор ядерной батареи показывал половину мощности. Хассан понял, что уйти от армады, окружавшей его, он не сможет. На дисплее мелькали метки целей, следя за движением его глазных яблок. Хассан сжал в ладони рукоятку управления и снял оружие с предохранителя. Компьютер послушно загнал снаряд в казённый автоматической пушки, которая хищно водила тонким стволом, повинаясь взгляду оператора. Но что он мог сделать против такой мощи, несущейся к нему?

Хассан снял руку с гашетки, открыл дверцу и вышел на дорогу, не взяв с собой винтовку. В таком положении единственным спасением было слово. Если ему дадут его сказать. Похоже, что говорить с ним не собирались. По фронту три боевые машины затормозили недалеко от него, качнулись на подвеске и навели орудия. Хассан поднял одну руку и закрыл глаза. Он не видел, как с боков совсем близко подъехали другие и, не останавливаясь, дали залп по первым. Впереди всё заволочло дымом, две машины загорелись. Фланговые же повторили атаку, не давая шансов. Хассан так и остался стоять с поднятой рукой, но глаза открыл и с удивлением смотрел на поверженных монстров. Люки открылись, из них полезли люди, как черви из земли во время дождя. Часть из них достала оружие, они приблизились к Хассану. Из группы фланговых машин вперёд вышел человек с винтовкой.

— Что ты наделал, Маджид, ты предал эмира! Ты сжёг машины стоимостью в миллионы динаров! Ты сошёл с ума! Ты нарушил приказ! — кричал ему человек, стоявший спереди от Хассана, вылезший из горевших машин.

— Что ты делаешь, Салих, ты видишь, кто это? — отвечал ему так же пламенно человек с винтовкой из фланговых машин, которые подбили своими залпами передние танки.

— Это преступник, он вооружён, он восстал против законов эмира! — отвечал первый.

— Он не может быть преступником, он безоружен.

— Убей его, Маджид, или это сделаю я! И ты не остановишь меня, — человек, которого назвали Салихом, попытался достать оружие, но Маджид опередил его, застрелив из винтовки. Тот упал, не успев ничего сделать или сказать.

Маджид поднял винтовку над головой:

— Слушайте, люди! Вы видите этих гепардов на машине? Вы видите этого человека? Это он, тот, кого мы ждали века, это воин Аллаха! Разве он может быть преступником? Разве воин Аллаха делает то, чего не одобрит Аллах? Так подчинитесь его воле! Ибо там, где вы видите его, незримо сам Аллах! Торжествуйте, молитесь, узрите!

И Маджид бросил винтовку на землю и упал на колени перед Хассаном. И все люди вокруг медленно опустились на колени, прочли молитву и омыли в начале и в конце её лицо ритуальным жестом. Хассан молча смотрел, мало что понимая.

Наконец Маджид встал и обратился к нему:

— Прости нас, господин.

— За что же прощать вас? И разве я господин вам? — спросил Хассан.

— Мы должны были убить тебя.

— А для чего вам убивать меня? Что я сделал вам плохого?

— Эмир узнал, что у него в государстве появился ты, человек, несущий угрозу. Подрывающий устои власти. Преступник, — ответил Маджид.

— Что же за преступление я совершил? — просто спросил Хассан. — В чём угроза?

— В правде. Ты несёшь правду, а это не нравится властимущим.

— В чём моя правда?

— Ты воин Аллаха. Ты склоняешь голову только перед ним. Мы же подчиняемся человеку, эмиру.

— Вы служите ему за деньги, но вы свободны в своём выборе, — спокойно ответил Хассан.

— Нет, воин. Мы забыли первооснову, мы забыли Коран, мы делаем не то, что должны делать. Ты должен сказать нам правду, и мы последуем за тобой. Эмиры узурпировали власть, принадлежащую только Аллаху.

— Но я лишь хотел поговорить с эмиром о незаконных налогах. Попросить его умерить свои желания.

— Воин! Этого мало! Ты должен убить эмира и стать нашим пророком! Не будет никого, кроме Аллаха, пророка Мухаммеда, да благословит его Аллах, и тебя, который принёс в умму правду через сотни

лет лжи! И мы все, все мусульмане, пойдём за тобой, и джихад вновь разгорится с великой силой!

Хассан размышлял. Конечно, этот Маджид слишком эмоционален, но если отвергнуть его помощь, то как дойти до северных границ, куда послал его шейх? Что он может против армады боевых машин? И что будет дальше, если уже сейчас его встретили так недружелюбно? Каждый эмират будет у него на пути как крепость, и неизвестно, сможет ли он эти крепости взять в одиночку. Так думал Хассан, и потом решил:

— Хорошо. Я поведу вас.

Крики ликования вознеслись на землёй. И Хассан почувствовал радость и прежде неизведанное им чувство величия, власти над себе подобными. Оно ему немного понравилось.

Колонна боевых машин, возглавляемая Хассаном, вошла в город под ликование людской толпы. Все знали, что впереди едет воин Аллаха. Бронемашина Хассана была усыпана цветами так, что он не мог разглядеть дороги и пользовался автоматикой. Простые люди встречали его слезами и молитвами. И даже сам эмир, получивший известие о предательстве своей армии, встретил у ворот своего дворца. Окружавшие эмира слуги держали яства, которые Хассан никогда не пробовал.

— Мир тебе, воин Аллаха! — подобострастно поклонился эмир. — Вкуси пищу, что дал нам всемогущий.

— Я бы хотел поговорить о налогах, эмир, — ответил ему Хассан, и эмир быстро закивал головой.

Они прошли во дворец, который утопал в роскоши. Вокруг дворца зеленел сад, дорожки из кварцевого песка разбегались по сторонам и блестели, как алмазы, в лучах жаркого солнца. Золото сверкало на внешних украшениях, внутри же благородно темнело в прохладе кондиционированного воздуха.

— Да, о воин, я понимаю. Налоги высоки. Но ведь и жизнь теперь не сладка, — вздыхал эмир, идя чуть позади Хассана. — Ведь раньше, когда мы заняли земли неверных, богатства их текли рекой, да и нефть ещё была в недрах. Теперь же у меня лишь одна электростанция. И на ней заканчивается топливо. Всё, что могли мы взять, — мы взяли. А все инженеры сбежали в Америку. У моих друзей в Африке есть уран, но нет никого, кто бы сделал из него топливо. Я торгую электроэнергией — вот и весь мой доход. А как мне содержать армию, чиновников, судей? Как блюсти порядок во вверенной мне Аллахом стране?

— Аллах сам наведёт порядок, — лаконично отвечал Хассан, несколько не проникшись сладкой и печальной тирадой эмира.

— Это конечно, это верно. Но ведь без армии я буду слаб. А слабого уничтожают. Соседние государства только и хотят завладеть моей электростанцией. Ведь ближайшая — в тысяче километров отсюда.

— А не пробовал ли ты жить скромнее? Зачем тебе дворец и слуги и всё это золото для руководства страной?

— Если у меня не будет ничего, то как я покажу величие своё и государства?

— Делом, эмир.

— Это лишь слова, воин. А энергоресурсы истощены. Мы выкачали нефть, мы использовали всё урановое топливо, мы потратили золотые запасы Азии и Европы. Какое дело ты предлагаешь?

— Соблюдать законы шариата — это во-первых. А во-вторых, для дальнейшего процветания тебе надо было построить завод по производству ядерного топлива для электростанции. Ты же потратил деньги впустую, эмир, — твёрдо сказал Хассан.

— Я согласен, но где взять специалистов? Америка давно ввела эмбарго, а Россия закрыла границы на всём протяжении своей земли. Сейчас уже поздно что-либо предпринимать. Возможно, мой отец ещё смог бы уговорить Америку, но теперь... У нас нет денег и золота для этого. Все эмираты выживают едва-едва. Как же я могу без налогов?

— Россия имеет специалистов в области ядерной энергетики? — спросил Хассан.

— Конечно, мой друг. Но она закрыта для нас. Даже для торговли.

— Есть ли там часть уммы?

— Нет, воин. Они верят в святого патриарха и отрицают даже христианского бога и пророка Ису.

— Так почему священный джихад, который вели наши деды и отцы, заглох на её границах? Ведь святая цель обращения неверных не выполнена. А заодно с помощью джихада можно получить и ресурсы, и специалистов, — жёстко парировал слова эмира Хассан.

— Только сумасшедшие могут начать войну с Россией! — воскликнул эмир, но поглядел в стальные глаза воина Аллаха и осёкся.

— Только сумасшедшие и предатели могут разорять свой народ в то время, когда неверные отрицают Аллаха, ведут человечество в пропасть, не верят в Последний день и владеют тем, что необходимо истинным правоверным. Аллах ясно указал — неси истину в мир, обращая неверных; и их богатство, материальное и интеллектуальное,

станет достоянием уммы, а джихад завершится лишь тогда, когда все люди станут правоверными.

Так сказал Хассан, и даже слуги упали перед ним ниц, потому что слова его были искренни, цели благородны, а Аллах незримо был с ним.

К Хассану стекались люди со всего Халифата. В основном шли убогие и обиженные, бедные и немощные в надежде, что воин Аллаха поможет. И Хассан помогал, распределяя закят, который он твёрдой рукой собирал с богатых эмиров и их приближённых. Эмиры не сопротивлялись, ибо видели силу слова, а за словом у Хассана стояла армия, вооружённые моджахеды на боевых машинах с ещё не разрядившимися ядерными батареями. Да и понимали эмиры, что кликни воин Аллаха клич — и соберутся под его крыло множество дехкан и торговцев с автоматическими винтовками, ракетами с самонаведением, которые до эмбарго в большом количестве вливались на новые земли Халифата со всех стран уммы — от Индии до Африки. И развернётся тогда страшная рука джихада в сторону отщепенцев, и не станет эмиров. А разве не говорится в Коране — лишь Аллах управляет миром, и нет других властителей? Этому эмиры боялись и всячески Хассану потакали. А воин Аллаха всё больше наслаждался верой в него и преданностью людей. Теперь он одним движением руки заставлял сдвигаться массы, указанием пальца забирал богатство, движением брови распределял материальные блага. И в такой роли его так близка была цель, поставленная старым шейхом: всемирный халифат и всеобщее благо под сенью Аллаха.

Хассан не был прожектёром. Он понимал, что ресурсов, оставшихся после бездумного потребления всего, что принёс европейский джихад, не хватит на войну со всем оставшимся миром, например с Америкой, до которой ещё надо доплыть через океаны. И быструю революцию тоже не совершишь — границы закрыты, беженцев не принимают, и вообще, Халифат стал врагом номер один для всех, великим государством, захватившим полмира. Пусть раздробленным на мелкие эмираты, пусть бедным, пусть совсем не технологичным, но великим и страшным. Поэтому никто не нападает на Халифат уже сто лет. И это не только потому, что у врагов не хватает ресурсов, а потому, что в исламе лишь правда, истинная вера и сила. И вот появился он, воин Аллаха — и воспрял Халифат. Теперь Хассан соберёт силы и пойдёт на север, туда, где проходит граница неизвестной, холодной, забытой богом России. Граница протяжённая, боевых машин у Хассана было мало, поэтому его план был прост и гениален: точечными ударами захва-

тывать энергостанции и заводы, закрепляться в их районах и использовать технологии и энергию противника против него самого. В этом гениальном плане, конечно, были изъяны, но Хассан решил, что на месте со всем разберётся. И двинул рукой на север. Армада боевых машин, вздымая летнюю пыль, полязгала в указанном направлении.

Хассан ехал один. Он не любил быть в команде ещё с детства. Люди мешали ему думать. И он завёл в компьютер машины маршрут в нужную точку, откинулся на сиденье и размышлял. Машина то и дело подпрыгивала на неровностях дороги, но ремни удерживали Хассана в нужном положении. Противопылевые фильтры справлялись плохо, песок всё-таки проникал в кабину и покрывал ровным слоем дисплеи и ручки управления. Но это не смущало Хассана. Он привык ко всякому проявлению природы в жизни, как к неотъемлемой части замысла Аллаха. И сейчас он приходил к тому же умозаключению: если народ поддержал его как лидера, стало быть, так хочет Аллах. Его воля направляет всех туда, к границам довольно непонятной страны под названием Россия.

Хассан знал из курса истории, что только одна страна Европы осталась непобежденной в великом джихаде. Даже Англия не выдержала напора моджахедов, а Россия осталась стоять. Да, она потеряла часть своей территории и влияния, но пробраться в саму страну, изменить власть джихаду тогда, сто лет назад, не удалось. И стоит ли пробовать её границы на прочность вновь? На этот вопрос ответа у Хассана не было, а была лишь вера, вера в Аллаха, который позволил ему стать лидером в разрозненном и почти феодальном Халифате. Только в великие потрясения, в период острой необходимости у мусульман должен появиться лидер, ведя общность к новым победам. Так было всегда. А в период мира, побед и благоденствия никто, кроме Аллаха, не может управлять людьми. Так считал Хассан. Ибо Аллах справедливый и всевидящий. Только одно тревожило Хассана в своей миссии: разве так необходимо убивать этих русских для достижения цели? Воины его армады считали, что необходимо. Ведь написано в Коране — убивай неверных. Но Хассан сомневался и считал, что слово его и в России будет иметь влияние. Русский язык он знал. Конечно, без жертв не обойтись, но любой человек после разговора с Хассаном поймёт, что истинная вера — это вера в Аллаха, это ислам, а поклонение какому-то патриарху, который был всего лишь обычным человеком, причём даже не таким древним, как христианский пророк Иса, есть ложь и ересь, недостойная людей. Люди — не животные, чтобы бояться стреляющей палки и поклоняться куску

пищи. Так думал Хассан, не желая кровопролития. Но при подходе к намеченной точке границы, которую он выбрал как наиболее интересную для нападения, потому что совсем недалеко от неё находилась огромная гидроэлектростанция русских, он понял, что всё так просто не получится.

Встретил Хассана бородатый моджахед, который был местным жителем.

— Мир тебе, воин Аллаха! С тобой мы станем сильными и праведными, как раньше, — приветствовал он его.

— И тебе мир, — отвечал Хассан. — Расскажи, что ты знаешь.

— Я покажу, воин. Будет понятнее, — с этими словами бородач в песочной военной форме позвал другого человека с маленьким пультом в руках. — Абдуллах, запускай дрона.

С песка, подняв облачко пыли, взметнулся небольшой дрон и быстро начал набирать высоту и скорость.

— Давай ниже и быстрее, Абдуллах, — приказал бородач, — вдруг пророскочим! Хотя этого никогда не удавалось...

Дрон стелился вдоль поверхности, огибая неровности на высоте не более одного метра. Скорость его была высока, а оператор умудрялся ещё бросать маленький аппарат вправо-влево от линии движения. Но не прошло и полминуты — дрон был ещё виден, блестя на солнце лопастями винтов — как что-то разорвало его, превратив в прах.

— Вот так всегда, воин. Здесь не пройти никогда и никому. Оружие неверных настолько эффективно, что уничтожает на любых высотах, на огромном расстоянии, при любой скорости. Наши дроны не могут даже достичь границы, чтобы передать изображение укреплений. Мы не знаем, что там, а когда мы не знаем — как воевать?

— Люди? Ракеты? Танки?

— Ничего не остаётся от них. Даже пуля из винтовки будет поражена их оружием. Тут и птиц нет, животных нет — мертвая зона.

— Слабые места, где нет этого оружия?

— Мы прошли с моим отцом тысячу километров за многие годы — везде одно и то же, только смерть.

«Так не бывает, — подумал Хассан. — Даже у гепарда есть слабое место. Если зверь не поймал добычу в первом рывке — он устаёт и становится беззащитен. И у русских должно быть так же. Они всего лишь люди, а Аллах на нашей стороне». И Хассан задумался, теребя сухую травинку.

Помог ему старый отец бородатого моджахеда, пришедший через два дня из долины большой реки, где ловил рыбу. Он подошёл

к Хассану, положил свою скудную добычу, нанизанную на ветки ивы, присел на песок рядом и раскурил трубку. Затем неспешно выбил её о сапог из кожи сома, побряхтел немного и сказал:

— Воин Аллаха! Я давно живу тут. Много видел, много знаю. Ещё дед мой жил в те времена, когда этой землёй владели русские. Отец мой видел великий джихад. Русские были великие воины. Если бы не стали верить в человека, то и остались бы такими, и я бы не советовал тебе тогда то, что посоветую сейчас.

— Что же ты посоветуешь, старик? — спокойно спросил Хассан.

— Русские воины уже не те. Если ты выйдешь один на один с десятком их, то они побегут только от одного твоего вида.

— Почему?

— Этого я не скажу. Но точно знаю — что-то случилось с русскими много лет назад. Так что не бойся. Тебе надо преодолеть их орудия, которые несут смерть всему. После них — свободное пространство. После них — победа.

— Легко говорить — трудно сделать. Мы даже не знаем, что это за орудия и как они расположены.

— И тут я дам тебе совет, воин Аллаха. Давно здесь живу, много видел, много подметил. Их оружие зависит от электричества. И потребляет его неимоверно много, так много, сколько никогда не бывало в Халифате. У них есть энергия, у русских. Энергостанция недалеко. Если отключить энергию от орудий, то они перестанут стрелять. Три пушки перекрывают пространство перед собой. Отключи три пушки рядом — и у тебя будет проход.

— А как же их отключить, старик? — спросил Хассан.

— На то ты и воин Аллаха, чтобы уметь воевать. Этого я не знаю. Это должен сделать ты. А я всё сказал, пойду, надо приготовить рыбу, пока не протухла.

Старик поднялся, взял свой ивовый прут с добычей и побрёл в сторону своего дома.

На следующий день Хассан попросил сопровождающих его моджахедов:

— Пригоните машину для рытья укреплений. Я видел, такая есть у вас.

Машина была доставлена. Она представляла собой приземистую черепаху на гусеницах с роторным ковшом впереди.

— Пусть копает поглубже, в сторону русских, — повелел Хассан.

Оператор завёл в машину программу, она мягко зашуршала электродвигателем, потом зашумел ковш, выбрасывая массу песка

с одного боку, машина начала углубляться в почву. Вскоре её совсем не стало видно, лишь масса грунта выдавала местоположение.

— Что ты хочешь сделать, воин Аллаха? — осторожно спросили моджахеды.

— Я хочу проверить мои догадки, — уклончиво ответил Хассан. И стал ждать, наблюдая за фонтаном песка, удаляющимся в сторону границы.

Не прошло и получаса, как рядом с работающей машиной сначала взметнулись фонтанчики сыпавшихся градом снарядов, а после раздался оглушительный взрыв.

— Всё, машина разбита, — сообщил оператор, глядя на погасший дисплей боевого коммуникатора.

Хассан кивнул, лёг на землю и пополз по вырытой машиной траншее вперёд.

— Куда же ты! Это верная смерть! — кричали моджахеды, но Хассан их не слушал. Вскоре он вернулся, отряхнул одежду и удовлетворённо кивнул головой.

— Что ты там увидел? Как ты выжил? — спрашивали его, но солнце клонилось к закату, наступило время вечерней молитвы, и воин Аллаха подал пример всем, обратившись лицом к Мекке.

Ночью же он собрал командиров частей и объяснил свой план.

— У них две линии обороны. На первой стоят орудия небольшого калибра, но очень мощные. Их снаряды пробивают грунт на три метра. Но не больше. Машина-копатель не была сильно повреждена ими. Вторая линия — это орудия гаубичного типа, которые стреляют крупными боеприпасами, навесом. Они и разбили машину. Датчики движения, скорее всего, стоят везде и имеют сейсморежим. Иначе бы машина не была обнаружена, находясь под уровнем земли.

— И какой из этого вывод, воин Аллаха?

— Простой. Надо копать глубже. Судя по разрушениям, фугасные снаряды проникают в землю не более трёх метров. Мелкокалиберные пушки русских имеют такое же проникающее действие. Копаем ход на глубине не менее пяти метров за вторую линию обороны, находим кабели электропитания, взрываем их — и граница наша. После того как прокопаем ход, два отряда на боевых машинах по флангам на большом удалении, километров по двадцать от этого места, наносят отвлекающие удары.

— Это идти на верную смерть, воин! — вскричали некоторые командиры.

— Да. Выживут немногие. Но без этого мы не сможем победить.

Шахиды благословлены Аллахом и уйдут сразу в его сады, не дожидаясь Последнего дня. А другие отомстят за них.

Речь Хассана была коротка и наполнена верой и отвагой. Но после великого джихада прошло почти сто лет, а моджахеды были из касты высокооплачиваемых эмирами военных наёмников, которые вовсе не хотели стать шахидами. В этом ошибся Хассан, но он не мог думать про трусость, когда речь шла о джихаде и воле Аллаха. Он не боялся ничего, он верил людям, поверившим в него, он уже считал себя избранным богом, слова которого есть закон и благо. Но моджахеды думали совсем по-другому. Они хотели лишь отобрать часть богатств у эмиров, но бросаться на русские пушки совсем не хотели. Да, виду не подали, лишь кивнули головой. Раз он воин Аллаха, то Аллах поможет ему, а если нет — то и не стоит слушать безумца. Так думали командиры. Так они и сделали.

Рабы, которых прислали эмиры, копали вручную ход, в который могла заехать малая боевая машина, три месяца. А когда настал час и Хассан первым въехал в подземную траншею, укрепленную прутьями и брусками, отдав команду на начало отвлекающего манёвра, за ним последовали только несколько сотен моджахедов из дехкан, что научились за три месяца владеть оружием и хотели нести истинную веру в заблудшую страну русских. Но эти несколько сотен воинов были истинными шахидами.

Глава 8. Дорогая моя столица...

Дмитрий попытался открыть глаза, но это ему не удалось. Под веки лезли травинки, мешая смотреть. И вообще он чувствовал себя разбитым. Может, это надвигалась неминуемая старость? Дмитрий решил полежать ещё, тем более что его нос, увязший в травах, ощущал приятный запах растительного мира. Пахло летом, сыроватым деревом, муравьём; все запахи смешивались и тянулись в ноздри спрессованным комом естественного фрагранса. Но тут сбоку слышался шорох, Дмитрий подумал было, что старик манси подошёл к нему, но голос, который он услышал, был незнаком:

— Эй, парень!

Дмитрий поднял голову, обернувшись на звук, оторвав сознание от ароматического сеанса.

— Э, да ты не парень. Мужик, едрить! — насмешливо хмыкнул незнакомец.

Дмитрий поднялся с трудом, отряхнул насекомых с одежды.

— Вы кто? — спросил он незнакомца, выглядевшего натуральным бómжем. Даже для лесного жителя тот был уж чересчур грязен и слишком ободран.

— Это ты кто, скажи мне. Бегун?

Дмитрий опешил. Он, конечно, по молодости бегал на длинные дистанции, укрепляя мышцы и дыхательный аппарат, но сейчас не пробежал бы и трёх километров. Почему же его называли бегуном? Дима отрицательно помотал головой.

— Меня Дмитрием зовут, — осторожно для начала представился он оборванцу.

Оборванец был ещё и довольно стар, хотя определить возраст бомжующего индивидуума весьма проблематично — от спиртосодержащих жидкостей они быстро теряют человеческий облик.

— Да мне насрать, как тебя зовут. Ты откуда?

— Я из Перми. Приехал в заповедник девушку искать. Не видели случаем? Если это ваша избушка, то я просто передохнуть зашёл. Да и старик манси тут был, — Дима излучал любезность, не обращая внимания на грубость оборванца.

Тот очень внимательно посмотрел на него, прищурился, выставил указательный палец руки вверх, потряс им, как бы пытаясь крикнуть «эврика» или просто что-то вспоминая, затем быстро спросил:

— Какой сейчас год?

Дима усмехнулся про себя, понимая, что оборванец явно перебрал с «боярышником», но ответил.

Палец незнакомца взметнулся выше вместе с нечёсаными волосами:

— Дубль!!! Я же говорил! Ах, чёрт, надо всё проверить, всё проверить. И опросить пришельца. Как повезло! Ещё бы ту девку опросить...

— Уважаемый, так вы девушку видели?

— Да видел, видел. Дура. Камнями кидалась, а потом вообще сбегала, сучка. Или сдохнет, или в город заберут. Травма у неё после перемещения, что ли, — бормотал непонятное оборванец.

— А куда она ушла? — Дима был рад, что девушка жива, несмотря на то что незнакомец представлял из себя не просто бомжа, а какого-то агрессивного и не вполне в своём уме субъекта. Хотя разве бывают умные бомжи?

— Туда, — неопределённо махнул незнакомец. — Дело не в этом. Сейчас надо всё просчитать. Тут пахнет тензором третьего порядка,

если вообще им пахнет. Тут совсем всё неясно пока. Но получилось! Пошли со мной, — почти приказал он Дмитрию.

Но Дима идти с таким человеком никуда не собирался. Запрет ещё ножиком. Тензор... Слово было знакомо, но его смысл Дмитрий вспомнить не мог, да и мозг его работал совсем в другом направлении.

— Вы извините, я не могу с вами пойти. Может быть, позже. Мне девушку найти надо, — Дима начал пятиться назад, пытаясь определить, когда надо будет рвануть совсем. Тревожить сумасшедшего было бы неумно, но и поддаваться его прихотям тоже не стоило.

— Да как ты её найдёшь? Нейрочипа ни у тебя, ни у неё нет. Дроны в лесу бесполезны. И забрали её, скорее всего, наверняка на дорогу вышла.

— А тут есть дорога? — удивлённо спросил Дмитрий.

— Ну конечно, есть. Федералка интеллектуальная, с информационным кабелем, старая. Ах, кому я говорю, забываю всё, что ты «оттуда». Короче, пошли давай со мной, — незнакомец решительно шагнул к Диме, и тот понял — пора. И сиганул в лес что есть мочи.

Лес расступился довольно быстро. Могучие ели сменились вырубкой, заросшей молодыми берёзками и осинами, бежать стало сложнее, плотная поросль задерживала Дмитрия, цепляясь за одежду и тормозя могучий порыв спринтера. Но преследования сзади не было слышно. Дима стал аккуратнее выбирать дорогу, обходя по возможности труднопреодолимые участки.

«Вот чёрт! И откуда этот бож появился? Ненормальный ещё. И где избушка? Где река?» — такие мысли неслись у него в голове, но он постарался не поддаваться панике. Остановился, прислушался в надежде уловить шум воды, но шумел только ветер в деревьях. Вспомнив примерно карту местности и определив направление по солнцу, Дмитрий направился на юг, надеясь выйти к реке и заимке егерей заповедника. Но вышел к сетке, сильно смахивающей на обычную «рабицу», только немного странную, с крупной ячейей и плетением. За сеткой, покоящейся на высоких столбах, была видна дорога. Дорог в картографической памяти Дмитрия не было. Он в задумчивости уткнулся носом в ограждение.

Дорога была не лесная, вполне сносная даже для нынешних федеральных трасс: твёрдое покрытие, местами старый, вспученный асфальт, но в основном гладкий широкий камень, уложенный довольно аккуратно. Более того, на столбе, что удерживал рядом сетку, Дмитрий обнаружил камеру наблюдения, которая совсем сбила его с толку. Он, цепляясь за крупные ячейки сетки, как по лестнице перелез

через ограждение, прыгнул по-молодецки на дорогу, чуть не подвернув ногу.

Дорога вела с севера на юг, и он не раздумывая пошёл на солнце, в сторону города. Совсем ещё не устав, Дмитрий услышал шум колёс. Поднял голову, которую по привычке гнул вниз, к ногам, и тут же наткнулся на машину, совершенно тихо ехавшую ему навстречу. Машина была более чем странная, но с полосами и проблесковыми маячками какого-то нового вида. Она остановилась, из незаметной двери, которая сдвинулась вбок, вышел мужик, подтянутый, жилистый, в несуразном комбинезоне, похожем на те, что выдавали в армии много лет назад. Но комбинезон сидел на мужике хорошо, на одежде виднелись знаки различия. Кажется, мужик был сержантом. На груди этого странного сержанта, похожего на ряженого, но бедного казака без шашки, сверкали такие же фальшивые медальки. Дмитрий, как человек мягкий, удивился, даже посмеялся, но в душе, не выдав даже выражением лица своего мнения о встреченном.

— Здравствуйте, — как можно приветливей заговорил Дмитрий с незнакомцем. — Я немного дезориентирован. Вы не подскажете, где я нахожусь?

Незнакомец в странной форме ничего не ответил, стоял как вкопанный, и на лице его отражалась серьёзная мыслительная деятельность.

«Да что тут за ерунда, психов из больницы выпустили, что ли?» — подумал Дмитрий, сделал шаг навстречу и вновь заговорил:

— Да не пьяный я. Сознание потерял, бывает со мной такое, с детства.

Ряженный сержант встрепенулся:

— Руки... Из кармана...

Дмитрий поспешно вытащил руки, показал.

Сержант продолжал вращать глазами.

— Вы скажите мне координаты места, пожалуйста, — попросил Дима, и неожиданно получил ответ. Сопоставив координаты, насколько позволяла память, он пожал плечами:

— Странно, судя по Гугл-мэпс, совсем рядом.

Слова эти произвели на сержанта совсем удручающее впечатление: он покачнулся, как пьяный, выпучил глаза, и даже коротко стриженные волосы, казалось, встали у него дыбом.

Дмитрий уже понимал, что опять попал в лапы неадеквату.

— А вы девушку не видели? Блондинку? — спросил он как можно мягче, пытаясь успокоить больного сержанта, или кто он уж там.

Неожиданно сержант ответил вполне нормально:

— Видел. Подвёз даже. Садись в машину — и тебя подвезу.

Дима с облегчением вздохнул, понимая, что ошибся, расслабился, тут же получил укол в плечо каким-то предметом в руках сержанта и упал.

Дмитрий пришёл в себя сразу, без истомы и тумана. Он просто открыл глаза и не почувствовал себя плохо, как бывало иногда, особенно когда приходилось рано вставать. Он лежал на кровати на спине. Сероватая простыня пахла чем-то знакомым, Дмитрий не мог вспомнить чем. Тусклый свет, казалось, исходил прямо с потолка помещения. Приглядевшись, он понял, что действительно светился весь потолок, вероятно, светодиодные ленты под матовым стеклом. Кроме кровати, на которой он лежал, в комнате ничего не было, даже окна. Он привстал на локте, пытаясь получше рассмотреть маленькое пространство, но позади раздался шелчок и послышался звук открываемой двери. Дмитрий обернулся.

В проёме двери, почти незаметном на общем фоне стен, стоял человек в сероватом комбинезоне свободного кроя, не таком приталенном, как был на сумасшедшем сержанте, да и знаков различия на комбинезоне не было.

— Доброе утро, — мягко сказал вошедший и деловито прошёл в комнату.

Дмитрий сел на кровати, удивлённо осмотрел себя: он был облачён в такой же серый комбинезон и, похоже, без нижнего белья.

— Доброе, — по инерции пробормотал он. Но утро ли сейчас, и доброе ли оно — в этом он сомневался.

— Мы сейчас пройдем в другое помещение, более удобное для беседы. Вы согласны? — учтиво спросил человек Дмитрия.

Тот кивком головы показал, что согласен.

— Тогда прошу пройти за мной.

Дмитрий шлёпнул босыми ногами по прохладному полу и покорно последовал за неизвестным.

Идти пришлось недолго. Выйдя в серый коридор с таким же светящимся тусклым потолком, они зашли в ближайшую дверь. Дмитрий даже не успел рассмотреть пространство коридора, хотя там и рассматривать было нечего — коридор сильно петлял. В новом помещении было всё так же, даже размеры, но вместо кровати стоял металлический стул и стойка с приборами.

Неизвестный указал на стул, приглашая Дмитрия сесть. Тот сел, ещё плохо что-либо понимая.

— А где я? — только и смог выдать из себя Дима, но незнакомец прервал его жестом.

После неких манипуляций у стойки с приборами он подошёл к Дмитрию и надел на его голову сетку из проводов с кабелем, тянущимся к стойке.

— Прошу вас просто посидеть и не беспокоиться, — приветливо произнёс незнакомец и удалился из комнаты.

Провода на голове не мешали думать. Дмитрий просто сидел, как ему было рекомендовано, и размышлял. А что ещё оставалось делать? Явно он находился в специализированной организации: либо спецбольница, либо пыточная силовых структур, коих развелось в стране немало. Поэтому лучше сидеть тихо и ждать, пока вопрос «кто меня повязал» не разрешится сам собой. Вопрос «за что» уже был не так важен и интересен — если уж повязали, то за что — нарисуют. Дмитрий никогда не любил силовые структуры, относился к ним насторожён-но и всегда ждал гадости с их стороны. Ну вот и дождался.

В комнату вошёл новый человек, не тот, что привёл Диму. На нём был уже желтоватый комбинезон, чуть приталенный по фигуре. Одежда стройнила вошедшего, а седоватые виски придавали даже некий шарм. Лицо человека было гладким, без морщин и признаков старения или вырождения, что бывает свойственно сотрудникам органов в связи с их долгой службой. Короче, на мента он похож не был. Скорее, на учёного. Глаза его живо поблёскивали на холёном лице, и не просто как у сытого кота, нет, как у человека, обладающего недюжинным умом.

— Доброе утро, — не менее дружелюбно и спокойно, чем предыдущий, произнёс новый персонаж. — Меня зовут Ярослав Макарович. Сейчас я задам вам несколько вопросов, а вы постарайтесь как можно правдивее на них ответить. Согласны?

«Он бы ещё кофе предложил и дал поклясться на Конституции или Библии, что я не буду врать», — подумал насмешливо Дмитрий, понимая, что всё равно у него нет другого варианта, как соглашаться со всем, пока что-нибудь не станет понятным, и кивнул.

Ярослав Макарович встал у стойки с приборами, чего-то там понажимал, впился глазами в лицо Дмитрия и начал:

— Вы являетесь американским шпионом, засланным в Россию?

Дмитрий удивлённо покачал головой.

— Вы являетесь шпионом Халифата, засланным в Россию?

Дмитрий уже чуть не рассмеялся, услышав такой бред, но сдержался и вновь отрицательно покачал головой.

— Вы являетесь просто шпионом? — вопрос уже чуть не свалил Диму на пол от хохота. Но он вновь отверг эту безумную идею и, уже задыхаясь от смеха, произнёс:

— Нет!

— Странно, — задумчиво пробормотал Ярослав Макарович, всё ещё внимательно смотря в глаза Дмитрию. — Не врётё. Вы бегун? — неожиданно он переменял тему.

Дмитрий покачал головой:

— Нет. Понятия не имею, о чём вы меня спрашиваете.

— Очень странно... — ещё тише сказал Ярослав Макарович. И скрылся за дверью.

Но даже из этой небольшой беседы Дмитрий всё понял. Он в ФСБ, однозначно. Вопросы о шпионах просто так абы где не задают. Он начал лихорадочно соображать, где прокололся, не потому, что хотел вывернуться, нет, он понимал, что это невозможно. Просто заняться более было решительно нечем.

«В соцсетях вроде ничего не писал. Вроде. Нет, точно не писал. Да и пароли я уже позабыл... По пьяни что-нибудь сказал? Говорил, скорее всего, но только с друзьями. Они не могли... Неужели слежка по смартфону?»

Про тотальную слежку Дима смотрел много пугающих передач об американских спецслужбах. Вполне возможно, что и наши работают так же. Но что он мог ляпнуть, кроме анекдота про Путина? Да всё что угодно. Разве сейчас вспомнить? И Дмитрий успокоился, сидя на неудобном твёрдом стуле. Он был человек фатального склада характера, и, когда перед ним вставали почти неразрешимые задачи, в отличие от других, не нервничал, замирал на месте и ждал, что же будет дальше.

А дальше открылась дверь, и в комнату вошли три человека, один из которых был Ярослав Макарович. Все они внимательно осмотрели Диму. Взгляды их были пронзительны, лица суровы, подтянутые тела напряжены. Они пошептались о чём-то у стойки с приборами, кивнули головами, согласившись с чем-то, и вновь вперились в Дмитрия. Тот оставался безучастным. Ярослав Макарович понажимал кнопки на приборе, три пары глаз пожирала Диму, так прошло несколько минут. Наконец, Ярослав Макарович произнёс:

— Ну смотрите. Я же говорил. Ещё тестировать будем? Хотя, думаю, не имеет смысла.

— Действительно, — согласился один из новых персонажей, — всё ясно, точнее ничего.

— А может, химию попробуем? — предложил другой человек, но Ярослав Михайлович отрицательно замахал руками:

— Да вы что! Это неприемлемо в таком случае. Тем более, объект миролюбив и не агрессивен.

— Ну да, — в сторону Дмитрия кинули недобрый взгляд.

— Господа, и что же мы будем с ним делать? — задал вопрос первый человек.

Диму этот вопрос тоже очень интересовал, он поёрзал на стуле, но заговорить пока не решился.

— А с чего полицейский решил, что объект является шпионом?

Ярослав Макарович немного подумал и сообщил:

— В рапорте указано, что употреблял слова «Гугл-мэпс», «координаты» и искал бегуна, пойманного на этом же месте неделю назад.

Люди в комнате рассмеялись. Это было как-то неожиданно для Дмитрия. Он, подавшись всеобщему веселью, тоже хмыкнул. Но смех закончился так же внезапно.

— Поработайте с объектом, Ярослав Макарович. Сделаете выводы — будем решать. Пока же всё очень неясно с этим делом.

И двое незнакомцев вышли, а Ярослав Макарович остался.

Дмитрий не очень любил незнакомцев. А в такой ситуации и подавно. Вследствие чего чувствовал сейчас себя нехорошо. Но когда двое ушли, а остался тот, что представился, осмелел. Он давно хотел есть, но череда событий заставляла его сдерживать это первобытное желание. Теперь же под ложечкой засосало неимоверно, и он решился:

— Э-э, товарищ... Как вас там... Ярослав Матвеевич!

— Макарович, господин некто, — поправил его собеседник.

— Вот именно, Ярослав Макарович, — Дмитрий смутился, но быстро пришёл в себя, — нет ли у вас чего-нибудь съестного?

— В смысле?

— Есть очень хочется. Уже сутки маковой росинки во рту не было.

— А! Это можно, конечно.

Дмитрий ждал, что в комнату вызовут охрану с железной миской и куском хлеба, как бывало в кинофильмах, ведь он смутно представлял, как всё это происходит в местах заключения, но предполагал, что именно так. Но нет, Ярослав Макарович сам открыл дверь без всякого лязга запора и жестом пригладил его следовать за собой.

Опять были разветвлённые коридоры, почти незаметные двери, в одну из которых они вошли вместе. Тот же тусклый свет, те же размеры комнаты, но была некая разница: в противоположной от двери стене было окно, за которым стояла темнота, в комнате была

кровать с подушкой, аккуратно заправленная сероватым материалом, маленький столик и стул подле него. Над столом в стене была ниша с бумажными тарелками, стаканами и двумя кранами.

— Пожалуйста, питайтесь, — благожелательно указал на столик Ярослав Макарович, сам же присел на кровать.

Дмитрий с недоумением посмотрел на стопку пустых одноразовых тарелок.

— Картон предлагаете жевать? — с издевкой спросил он, осознавая всю подлость правоохранительной системы.

Ярослав Макарович внимательно изучил немой упрёк Димы, выраженный в его позе, медленно подошёл к столику, взял тарелку и подставил её под один из кранов. Емкость наполнилась субстанцией, издали похожей на жидкую овсянку, но более гомогенную. Он поставил тарелку перед Дмитрием и проделал то же самое со вторым краном и стаканом, в который налилась вода.

— Ложки в том карманчике в стене, — указал Ярослав Макарович на незаметное отверстие.

Дмитрий удивлённо достал из него картонную, но довольно крепкую ложку и погрузил в варево. Варёво было тёплое, почти безвкусное, немного напоминало манную кашу в самом её отвратительном виде. Но было вполне съедобным, и Дима навалился на еду. Подчистив тарелку, он выпил самой простой, но довольно вкусной воды.

— Исползованную посуду сюда, — указал куда-то в сторону Ярослав Макарович, всё ещё внимательно следя за ним. Из-под стола показался раструб, куда следовало бросить тарелку, стакан и ложку, что Дима и сделал. Раструб тут же бесшумно исчез.

— Утолили голод? — участливо спросил Ярослав Макарович.

— Да, благодарю. Как тут у вас всё устроено! Просто чудо техники! — удивлённо сказал Дима.

— Да уж! Наверно. Для вас. А не укажете на карте, где вы были пойманы полицией? — неожиданно спросил Ярослав Макарович.

— Конечно. Но карты нет.

На стене над кроватью вдруг засветился экран монитора, встроенный, по-видимому, в стену.

На экране отображалась карта местности, вполне похожая на ту, которую изучал Дмитрий перед отправкой в путь на поиски девушки. Только вот на этой карте местность была перерезана несколькими дорогами, которых в его памяти не было. Дима сориентировался по рекам и указал место. Ярослав Макарович кивнул, как будто что-то понял.

— А человека там встречали? Хоть какого-то, кроме полицейского? Дима кивнул.

— Расскажите мне всё подробнее. Откуда вы, куда направлялись, кого встретили.

— А вы почему раньше не спрашивали об этом? — осторожно поинтересовался Дмитрий.

— Я не видел, как вы принимаете пищу, — загадочно ответил Ярослав Макарович.

Дима вздохнул и начал рассказывать.

По окончании монолога, во время которого интервьюер не произнёс ни звука, Дмитрий снова захотел есть. Но постеснялся, лишь глянув на странный кран в стене. Ярослав Макарович же оживился, даже начал улыбаться. Он явно что-то вынес из сбивчивого рассказа. Но, ничего не сказав, вновь скрылся за дверью, оставив Дмитрия в одиночестве.

Когда дверь закрылась, Дима воровато взял картонную тарелку и поставил под кран. Но из крана ничего не вытекло. Он помахал тарелкой интенсивнее, погладил кран, сделал ещё несколько манипуляций, но кран оставался безучастным. А вот вода в стакан потекла. Утолив жажду, Дмитрий прошёлся по комнате, потрогал дверь: закрыта. Окно было без решётки, внизу, на поверхности ночных улиц — а судя по темноте, была ночь — виднелись редкие огоньки фонарей. Окно не открывалось, как и дверь, но и вылезти в него было никак нельзя. Дмитрий оценил высоту этажей в двадцать, не меньше. По тусклому свету улиц он не мог определить, в какой части Перми находится, да и в Перми ли он вообще — тоже было неясно. Дмитрий лёг на кровать и мгновенно уснул.

Проснулся от мягкого звука открываемой двери. Комната была озарена солнечным светом, исходящим из окна, наполнявшим пространство позитивом и жаждой жизни.

В дверях стоял приветливо улыбающийся человек в сероватом комбинезоне. Вообще, тут все ходили в комбинезонах, и иной формы одежды не наблюдалось. Различались только оттенки: от серого до желтоватого.

— Доброе утро! Прошу вас пройти со мной, — вежливо, но настойчиво произнёс человек.

— А поесть? — спросил Дмитрий.

— Время завтрака для вашей телесной конституции ещё не наступило, — загадочно произнёс человек, широко улыбнулся и отступил в коридор, давая проход.

Опять Дмитрий мерил шагами бесконечный извивающийся коридор, следуя указаниям человека в сером комбинезоне, пока не подошёл к двери, за которой оказалась совсем не такая маленькая комната, в каких он уже бывал. Помещение было гораздо больше, со столом и множеством стульев вокруг него. Освещалось оно лучше, хотя, возможно, свет был естественный, проникающий сквозь матовый потолок.

За столом сидели уже знакомые Дмитрию три человека: Ярослав Макарович и двое других. В отличие от провожатого, они совсем не улыбались, даже напротив. Впрочем, так было и вчера. Но их голоса были вполне дружелюбны.

— Доброе утро, Дмитрий Сергеевич, — приветствовал его Ярослав Макарович. — Как выспались?

— Спасибо, хорошо. Хотелось бы завтрак, но мне сказали, что... — Дмитрий пытался вспомнить фразу, но не вспомнил точно. — Что для меня ещё рано. Это такие методы унижения в тюрьме?

— У нас нет тюрем, Дмитрий Сергеевич. Тюрьмы — это порождение угнетённого общества. В нашей стране нет ни угнетённых, ни угнетателей.

— Это в какой вашей стране? — удивлённо осел Дима.

— В священной России.

— Вы, часом, не того? Или опять издеваетесь? Предъявите мне обвинение или пригласите адвоката и дайте позвонить, — с некоторой нервозностью, чуть запинаясь, произнёс Дмитрий, почти теряя контроль над эмоциями, что бывало с ним последнее время редко. Он вспоминал номер Бориса, который вполне мог бы помочь, работая в органах. Но трое «чекистов» улыбнулись, переглядываясь, Ярослав Макарович даже поднял вверх руку, привлекая внимание:

— Ну, что я говорил!

— Это не доказательство, любезный, — возразил ему один из других. — Вы же знаете, что у нас много бегунов, а причины их действий до сих пор не выяснены. Так что просим вас не делать поспешных выводов. Надо всё ещё раз изучить.

— Нет, — прервал их Ярослав Макарович, — всё ясно, и я вам это докажу всего лишь одним вопросом к объекту.

— Ну, попробуйте.

Дмитрий стоял у стола, совершенно ничего не понимая в словесной перепалке служителей закона. Да и вообще он после «священной России» перестал что-либо понимать. Он никогда не лез в политику и даже всегда игнорировал разговоры о ней, но про себя, особенно

после просмотра новостей по телевизору, всегда находил, что большинство действий властимущих либо нелогичны, как минимум, либо совершенно глупы. Хотя делал скидку на то, что многое в этой сфере всегда недоговаривают и даже скрывают. Но уж дойти до полного маразма, утверждая, что Россия «священная» и в ней нет тюрем, угнетённых и угнетателей — это было верхом цинизма. От благородных мыслей его оторвал вопрос, заданный Ярославом Макаровичем:

— Вы, Дмитрий Сергеевич, какого года рождения?

— Одна тысяча девятьсот семьдесят первого, — оттарабанил Дмитрий стандартный ответ на вопрос, который пока что его редко волновал. Ну, немолод уже, так и не женщина ведь. Жаль было только, что жизнь его неуклонно шла к естественному увяданию, но это вполне входило в рамки логики Диминого существования.

Ярослав Макарович торжествующе обвёл глазами собеседников, лица которых выражали в этот момент явное изумление.

Дмитрий тоже поразился такой реакции. Он не мог понять, что такого в его ответе: он слишком молод или уже для чего-то стар?

— Ну, что скажете, Фома Никифорович? — обратился Ярослав Макарович к одному из присутствующих.

— Минутку. Молодой человек, а вы при каком режиме родились? — Фома Никифорович выглядел не старше Димы, но выбрал к нему именно это обращение.

Дмитрий не преминул подколоть:

— Я, господин сверстник, при социализме родился.

Фома Никифорович несколько оживился, не обратив внимание на язвительность:

— А кто руководил страной и как страна эта называлась?

— Руководил Брежнев, называлась Советский Союз.

Интервьюеры-следователи обмякли в креслах.

— Неужели это правда?

— Не только правда. Это факт. И координаты местности, где данный объект оказался, говорят о том, что где-то рядом Силантий. И у него что-то получилось.

— А что там у нас, по этим координатам?

— Там свалка старых отходов. Самое место для его антибожественных мероприятий.

— Как же мы свалку не ликвидировали до сих пор? — озабоченно спросил Фома Никифорович.

— Дикие территории. Руки не доходят. Хотя там можно добыть немного полезных материалов для переработки, — кратко ответил

Ярослав Макарович, — но обязательно этим займёмся, тем более Силантия необходимо изловить.

— Крайне необходимо, судя по объекту, — согласились собеседники.

Они деловито поднялись со стульев и степенно вышли из помещения.

Дима остался один. В нём боролись два желания: чего-нибудь съесть и сбежать. Он оглядел стены в поисках заветных волшебных кранов, но их не было. Тогда он метнулся к незакрытой двери, но нос к носу столкнулся с вполне миловидной девушкой, которую не портил даже мешковатый серый комбинезон. От неожиданности Дмитрий отступил на шаг, а девушка зашла в комнату и мило улыбнулась, сказав:

— Добрый день, Дмитрий Сергеевич. Меня зовут Аграфена Петровна. Я буду вашим гидом в нашем времени. Моя специальность — история Средних веков, я знаю терминологию прошлого.

Всё это девушка произнесла с достоинством, так, как будто она была министром энергетики. Дмитрий ничего не понял.

— А вы зачем мне? Я же арестован...

— Ну что вы! Вот сейчас мы пойдём в комнату общего приёма пищи, а потом я проведу вас по городу — столице нашей священной России.

«Вот чёрт, я в Москве, что ли?» — с ужасом догадался Дима, но отправился вслед за девушкой, украдкой разглядывая проступающие через грубую ткань комбинезона при движении некоторые довольно аппетитные части её тела. Похоже, на ней тоже не было нижнего белья.

Коридор привёл в большую светлую комнату с окнами во всю стену. За окнами сияло безоблачное голубое небо, на котором не было ни облачка, даже привычных инверсионных следов от многочисленных рейсовых и чартерных авиалайнеров, что можно увидеть в любом конце света, за исключением разве Антарктиды. В комнате, очень похожей на столовку времён развитого социализма, но гораздо чище и аккуратнее обставленной, были люди. Вообще, все они напоминали заключённых какой-то образцовой тюрьмы: в одинаковых комбинезонах, мужчины с одинаковыми причёсками, насколько им позволяли это волосы, женщины — с совершенно одинаковым макияжем и цветом помады, если вообще всё это было на их лице. Но у проводника Аграфены Петровны губы были полные, яркие, зовущие, как на картинках знаменитостей из Инстаграма.

Рассмотреть её тщательней Дмитрий стеснялся. Поэтому смотрел по сторонам. А там все лица выражали счастье и полное удовлетворение существованием, глаза серых людей светились радостью, они делились ею с Дмитрием, улыбаясь ему, хоть и были совершенно с ним незнакомы.

«Что за столовка идиотов?» — подумал Дима, поднимая поднос и следуя за Аграфеной к кранам в стене. Девушка пропустила его вперёд, попросила подставить поднос с выемкой под кран, затем — стаканчик под второй кран для воды. Дмитрий эту технику уже освоил и наблюдал, как кран выдал порцию точно такой же субстанции, как и вчера. Больше в столовке ничего не давали.

Аграфена Петровна последовала за ним, кран выдал ей гораздо меньше клейстера.

— А вы форму поддерживаете или на диете? — спросил Дмитрий.

— Вы о количестве питательного вещества? — улыбаясь, ответила девушка. — Нет, что вы. Просто моя телесная конституция должна получить на завтрак именно эту дозу.

— В смысле?

— Нейросеть рассчитывает необходимое для поддержания полноценной жизнедеятельности количество питательного вещества и сроки приёма для каждого гражданина. Для разных людей и профессий, для разных условий труда это количество может отличаться. Так мы экономим ресурсы и не получаем лишнего и вредного питания для организма.

Дима ничего не понял и просто начал глотать мерзкий клейстер. Хотелось пива и каши с мясом.

Потом Аграфена Петровна повела Дмитрия на прогулку по столице. Сначала лифт, потом стеклянные двери обширного фойе, и нигде не было ни одного охранника. Дмитрий удивлялся, оглядывая пространство: что за меры безопасности у столичного ФСБ? В пермском всё было гораздо жёстче.

«Москвичи, расслабились и жируют», — стандартно подумал Дима и вышел на улицу.

Погода была прекрасная, дома, довольно красивые, освещались лучами солнца, деревья зеленели, окружённые серой брусчаткой мостовой. Вообще все улицы были аккуратно замощены, ни следа асфальта, более того, на улицах не было автомобилей. Дома перемежались — то новенькая высотка из стекла и бетона, то красивое старинное здание, хорошо отреставрированное. Или подделка под старинное. Дмитрий в архитектуре не разбирался.

— Аграфена... Петровна. А машины в столицу не пускают, от этого так пусто на улицах? — решился он заговорить с девушкой, которая при дневном свете показалась ему ещё привлекательней: её каштановые волосы отливали медными тонами, лицо, слишком белое для столичной штучки, чуть порозовело, полные губы приоткрылись, вдыхая свежий воздух.

Девушка мило улыбнулась.

«Как это у неё получается? От одной улыбки можно сойти с ума!»

— Нет, просто в городе нет необходимости передвигаться на автомобилях. Это неэкономно. Есть автоматический общественный электротранспорт. От его маршрутов легко добраться до любой точки пешком. А физические упражнения, в том числе и ходьба, очень важны для поддержания хорошей формы и тонуса тела.

«Тело и так у тебя замечательное», — подумал Дмитрий, пожирая глазами его части. Нет, ловеласом он не был никогда, и вообще на женщин внимание обращал редко, хотя, по словам друзей, они на него заглядывались. Но почему-то именно сейчас ему хотелось смотреть на Аграфену, раздевать её глазами и думать о том, о чём думать стыдно, но приятно. Аграфена Петровна внимательно изучила взгляд Дмитрия и участливо спросила:

— Дмитрий Сергеевич, у вас был сложный день, и хоть в инструкции не прописано, но у меня есть полномочия. Не хотите ли посетить женщину? Мне кажется, ваш организм требует этого, хоть и данные с рецепторов и ваш химсостав крови мне снять не удастся.

— В смысле? — опешил Дмитрий.

— Это вполне нормально в нашем времени. Есть специальные женщины, выбранные нейросетью. Их можно посещать в определённое время всем гражданам. Они такие же члены общества, как и все, приносят пользу стране. Есть и мужчины. Впрочем, у нас нет гендерного неравенства, — улыбнулась своей шутке Аграфена Петровна.

— Проститутки, что ли? — грубо переспросил ничего не понимающий Дмитрий. — А в каком вашем времени?

— Ой, простите, я случайно нанесла вашему мозгу вред. Мне надо было сообщить вам всё осторожно и помягче. Но уж если проговорилась... — Аграфена подмигнула Дмитрию и снова широко улыбнулась. — У нас сейчас две тысячи... год.

— Какой? Ты что, ненормальная? Или это методы вашего нейролингвистического программирования? — Дима начал выходить из себя. Все эти улыбающиеся люди, излучающие полнейшее довольство, все эти краны с вонючим клейстером вместо пищи, какие-то

проститутки, приносящие пользу стране, странные имена, и сама, слишком красивая для живого человека, Аграфена Петровна ему порядком надоели. Всё это было ненастоящее, не такое, как в реальности. Но тут мимо по дороге прошелестел огромный, космического вида транспорт, похожий на слишком правильный баклажан-переросток.

Транспорт остановился, его почти невидимые двери открылись, из «баклажана» вышли счастливые люди, а Аграфена жестом пригласила Дмитрия войти внутрь. Они вошли. На присутствие водителя внутри этого средства передвижения даже намёка не было. Когда двери закрылись и «баклажан» медленно тронулся, Дима наконец пришёл в себя.

— Какой сейчас год?

Аграфена повторила цифру.

— А страна?

— Священная Россия.

— А я тут как оказался?

— Мы выясняем, Дмитрий Сергеевич. А сейчас прокатимся на общественном электротранспорте и осмотрим нашу прекрасную столицу.

Аграфена улыбнулась, обнажив замечательные жемчуга, обрамлённые алым цветком губ. Глаза её блестели, как луны, и Дмитрий ничего не смог ей возразить. Он полагал, что это всё-таки сон.

Вышли они на ничем не примечательной улице, автоматический автобус двинулся дальше. Аграфена Петровна, изящно двигая бёдрами под грубой тканью комбинезона, вела Дмитрия дальше по странной столице России будущего. Хотя ничего странного на самом деле, кроме времени, в котором находился Дмитрий, в столице не было. Вот только встреченные люди удивляли его своим безоблачным, как небо над головой, оптимизмом, выразившимся в улыбках, походке и вообще во всём. Раньше такого не было. Никогда. Ни в голодные годы загнивания социализма, ни в дикие годы рождения бизнеса и всеобщего обнищания, ни в сытые перестройкинские, ни в кризисные крымско-украинские. Лица его сограждан выражали лишь скорбь по не достигнутым холмикам (вряд ли вершинам), антипатию к другим, отличным от всех, или ко всем без исключения. Лица его времени светились жаждой страстей и денег, затемнялись ударами судеб и чернели от ненависти, совершенно необъяснимой, животной, ненависти ко всем проявлениям человеческой жизни, хотя говорили владельцы тех лиц исключительно о том,

что жизнь прекрасна, повторяя заученные по социальной рекламе жизнеутверждающие фразы.

— Сейчас я покажу вам главный храм и основную достопримечательность нашей прекрасной столицы, — мило ворковала Аграфена. — Когда-то он был главным храмом маленького городка, но через века пронёс свою главу к нам, обретя истинный смысл в том, чтобы утвердиться основным зданием новой веры. — Аграфена произнесла эти слова с благоговейным придыханием, давая понять Дмитрию, что она человек набожный.

Они зашли в храм с боковых, диаконских дверей. Аграфена, приложив палец к губам, осторожно провела Диму в центр здания. Он повернулся к иконостасу, богато сверкавшему золотом и камнями, устремившемуся в самые небеса. Церковь была богато обставлена, воздух прохладен и пах ладаном. Внутри было пусто.

— Служба ещё не началась. Сегодня предпраздничный день, будет вечерняя молитва. Завтра день обретения вечной жизни и входа Патриарха в обитель. Великий праздник России, — пояснила Аграфена. — В этот день святой патриарх подарил нам бессмертие. Да святится он во веки веков!

Дмитрий внимательно выслушал девушку, но у него возникли вопросы. Тем более что, осмотрев великолепный иконостас, он не обнаружил там стандартных изображений тех, кто на иконах быть обязан. Вместо них были совершенно другие личности, которых Дмитрий не знал. Знать-то он их и не мог, всех святых Русской православной церкви разве только выпускник семинарии перечислит, но вот изображённые на иконостасе святые все поголовно были безбородыми. А это уже выглядело странно.

— А что у вас за вера теперь? — осторожно переспросил Дмитрий.

— Православная, — гордо ответила Аграфена.

— А это кто? — кивнул на иконы Дима.

— Святые апостолы и святой патриарх. Апостолы помогали патриарху в его неутомимом служении. Вот апостол Дмитрий, ваш покровитель по имени. Вот апостол Сергей, вот...

Дима прервал девушку:

— Нет таких апостолов. Есть Матвей, Лука, Иоанн, Пётр, Павел...

Аграфена улыбнулась:

— Вы говорите про старую веру. Но это уже пережиток прошлого. Как в век нейросети, деления кварков, теории струн, полного познания мира и бессмертия можно верить в мифического бога, в слабость людей, в их зависимость от некоего одного воскресшего человека

с его смешными чудесами? Как можно верить древней книжке, написанной ещё до великих подвигов святого патриарха, в которой нет и доли истины? Это ведь как поклоняться солнцу, раз оно горячее и светит. В мире всё меняется: когда-то люди молились богам стихий, затем богам-охранникам, после — богу-борцу с неправедным, богу-созидателю, богу-сыну божьему. Всё это эволюция веры. Наша страна вышла на последний, истинный виток эволюции. Мы молимся святому патриарху, который дал нам больше, чем все мифические боги за всю историю человечества.

— И что же он вам дал? — удивился новому веянию Дмитрий.

— Вечное счастье, бессмертие и нейросеть, — отчеканила заученно Аграфена.

Дмитрий прикрыл глаза. Счастье и бессмертие — это то, за что стоило бы молиться некоему святому патриарху. Интересно, как он смог так запудрить мозги, что все поверили в бессмертие и стали счастливы?

То, что люди вокруг него были действительно счастливы, Дмитрий не сомневался. Пример стоял перед ним в лице Аграфены Петровны, блестел увлажнившимися от священного благоговения красивыми глазами и двигал полными алыми губками. А понятие «нейросеть» было для Димы абсолютно неясным, но, судя по постановке ответа и вынесению в его конец подвигов святого патриарха, оно было уже не важно.

Губы Аграфены сексуально шевелились в молитве, потом она произнесла уже громче:

— Да святится патриарх во веки веков! Аминь! — троекратно перекрестилась, отбила поклоны и пошла из собора, увлекая Дмитрия за собой.

Они вышли на площадь, от яркого солнца после темноты в церкви Дима зажмурился. Аграфена ещё раз осенила себя крестным знаменем, поворотившись ко входу в собор.

— Вот наша площадь. На ней завтра соберутся уважаемые люди страны, весь день будет праздничная служба. А с этой точки вы можете рассмотреть старинную архитектуру главного кафедрального собора столицы, которая сохранилась в первоизданном виде. Его специально не стали перестраивать, ибо святой патриарх ещё в начале славных подвигов указал, что скромность есть один из главных столпов веры. Но конечно, его хорошо обновили с использованием современных технологий. Любуйтесь, Дмитрий Сергеевич! — Аграфена величественно провела рукой в направлении шпиля собора.

Дмитрий поднял голову — ничего примечательного в церкви не было. Жёлтая, с белыми угловыми камнями, золотые кресты, смутно видневшиеся в проёмах колокола.

Слева от собора текла широкая река, совсем не похожая на мелкую Москву-реку или Язу. Деревья, окружавшие площадь, шумели на ветру, дувшем с реки, к которой вёл широкий спуск, скрывающийся сразу же. Ступени лестницы были не видны.

Напротив собора открывалась перспектива города. Большая улица справа, разделённая зелёной полосой насаждений, убегала вниз, собор как бы стоял на самой вершине. Вот только видов Москвы Дмитрий совсем не узнавал, а смутное предчувствие знакомого пейзажа подкрадывалось.

— А это мы в каком районе Москвы? И как же быть с храмом Христа Спасителя? Он же был главным, — просто из любопытства спросил он Аграфену.

— Мы не в Москве, Дмитрий Сергеевич. Столица святой России давно находится в другом городе. Так установил в своё время святой патриарх. Москва тогда стала слишком шумна и богата, разврат и сребролюбие поглотили её. И Москва стояла слишком близко к границам, а враг тогда был силён. Поэтому столицу перенесли сюда.

— Куда же? — уже догадываясь, спросил Дмитрий.

— В Пермь.

Глава 9. Евангелие от патриарха

Ярослав Макарович, Фома Никифорович и третий, которого, как оказалось, хотя он Дмитрию и не представился, звали вполне обычно — Добрыня Никитович, сидели на высоком этаже здания из стекла и бетона с длинными коридорами неправильной формы. Как уже было замечено ранее, люди эти были подтянуты, благообразны, интеллект на их лицах никогда не пропадал, разве только ростом Ярослав Макарович был пониже остальных двоих. Но совсем не намного. Комбинезоны у всех были изжелта, а не серые, морщины не избородили их чела, но было видно, что люди опытные и пожилые. И отличало их от всех граждан священной России отсутствие благодати и счастья в выражениях лиц, словах и жестах. Всё их естество было посвящено делу — такое сложилось бы впечатление у наблюдателей, да наблюдать за этими тремя мужчинами было некому и не положено.

— Вот, коллеги, у нас появился прекрасный объект, — говорил

Ярослав Макарович. — А если бы он не появился, стоило бы его смоделировать. Хотя понятно, что при современном знании истории это трудно. Ведь мы толком не знаем, чем жили люди того, допатриаршего времени. К сожалению для нас и к счастью для общества. А теперь есть возможность для исследований. Объект представляет несомненный интерес: вырос при социализме, его молодость прошла при становлении капитализма, часть жизни провёл на начальной стадии принятия истинных ценностей. Был окружён враждебной средой из масс, одержимых инстинктами, наблюдал внутренние и внешние вооружённые конфликты, не верит в бога, надеюсь. По источникам, в то время атеизм был преобладающим течением среди евразийской части населения.

— Согласен, объект интересен нам, — прервал собеседника Добрыня Никитович, — но не забывайте о первоисточнике флуктуации. Силантий — вот кто нам нужен в первую очередь. Ведь не всех бегунов мы смогли отыскать. Таким образом, вполне можно предположить, что на диких территориях зреет заговор...

При слове «заговор» вся троица напряжённо замолчала.

Потом вступил Фома Никифорович:

— Ну уж и заговор! Мерещатся вам всё то шпионы, то заговоры. Уж больше ста лет страна живет без потрясений, и ещё проживет. Силантий абсолютно безобиден, тем более с нашими бегунами. Нет, я категорически против его поисков в первую очередь! Нам надо изучить объект и решить проблему.

— Вот, и я тоже так думаю, — подхватил Ярослав Макарович. — Ведь ещё не решена проблема бегунов, а она важнее какого-то старого отщепенца. У нас под угрозой основы общества. Информационная теория Симонова, так хорошо работавшая десятилетия, с бегунами не работает. Мы так и не смогли выяснить, что заставляет наших граждан, пока, правда, в единичных случаях, бросать неожиданно всё и скрываться на диких территориях. Да, есть тенденция, что в основном бегуны — это жители городов, что они русские по биологической принадлежности, что в районах, заселённых беженцами из Европы, случаев с бегунами не фиксировалось. Но ведь это всё, что мы знаем. А выводы, коллеги?

— Ярослав Макарович, ну вы про русских-то загнули! Европейские беженцы, как вы их назвали, заселяют бывшие дикие территории, там бежать-то некуда, кругом тайга. Да и небезопасно, хоть у граждан и нейрочип, однако это не лишает их благоразумия совершенно. Экс-французов, например, в Якутию заселили в былые

времена, так там при минус пятидесяти и не побегаешь по болотам с комарами без еды и одежды, — парировал Добрыня Никитович.

— И всё-таки я настаиваю на изучении объекта. Феномен бегунов, мне кажется, скрывается именно в переданных условных рефлексах наших диких предков.

Фома Никифорович одобрительно кивнул, а Добрыня Никитович, согласившись с общим мнением, всё-таки добавил ложку дёгтя:

— Хорошо. Однако, коллеги, вы же помните, что у нас проблемы не только с бегунами. А также и с нейрочипами добропорядочных граждан. А нейрочип и нейросеть есть основополагающее звено российской государственности, конечно, вместе с истинной верой в святого патриарха.

Вся троица нахмурила брови, сжала зубы и недовольно кивнула головами. Было видно, что вторая проблема гораздо более сложная, нежели первая.

— И всё-таки займёмся объектом. Согласно евангелию святого патриарха, дикие предки обладали некоторыми качествами, необходимыми для выживания в то время, и именно эти качества привели нас к современному обществу, а затем стали тормозящим фактором, который святой патриарх смог победить, воспользовавшись теорией Симонова. Диалектика в чистом виде. Но в диалектике как раз и может крыться решение нашей проблемы. Может быть, теория Симонова вовсе и не является основой правильного, идеального общества, — заговорщицки произнёс Ярослав Макарович.

Остальные вперились в него немигающими взглядами:

— Вы бы тут Силантия не строили из себя, уважаемый. Нам и одного отщепенца хватает. Не рубите сук, на котором сидите.

Ярослав Макарович усмехнулся:

— Согласен про сук. Но ведь учёный должен подвергать всё сомнению...

— Вы в первую очередь не учёный, Ярослав Макарович, — оборвал его Фома Никифорович. — Вы руководитель государства российского, помазанник патриарха. А это гораздо важнее, и нужно быть гораздо более разумным при выборе слов, действий и даже мыслей.

— Согласен ещё раз. Поэтому немедленно займусь объектом, — учтиво ответил Ярослав Макарович.

В это время Дмитрий, именуемый ими объектом, медленно брёл за смазливой Аграфеной по единственной, в его времени попадающей под понятие бульвара, улице. Эта улица ныне носила название

Патриаршего проспекта. Что же, во все времена мнения различных малых групп, решавших вопросы топонимики, были диаметрально противоположны и подчинялись запросам сиюминутным. Дмитрий не задавался вопросами наименования улиц, районов и городов, ему это было неинтересно. «Хорошо хоть город оставили со старым названием, а могли бы переименовать в какой-нибудь Святоград», — походя подумал он.

Новый виток в религии, который возвёл в ранг бога какого-то неизвестного патриарха, его тоже мало волновал. Лишь один вопрос оставался актуальным: как вернуться назад. Размеренно переставляя ноги по брусчатке проспекта, уже мало обращая внимание на прелести проводницы, Дмитрий размышлял о своём незавидном положении.

«Надо вернуться к истокам проблемы. Я увидел чёрный туман и потерял сознание. Это факт. Обретя сознание, я был уже в этом странном времени. Из сего следует, что либо я должен вновь увидеть чёрный туман и снова потерять сознание, либо остаться здесь навсегда. Если это не сон... Нет, это смешно. Кварки, теория струн... Чёрный туман — это верх предрассудков, игра воображения. Может, всё это лишь игра воображения?» Он ущипнул себя за ляжку. Стало больно, переборщил.

Сон оказался явью, и Дмитрий продолжил свои логические игры.

«Так: я очнулся в лесу. В лесу и был до этого. Первый, кто мне попался, был бомж... А бомж ли? Свалка отходов, Силантий, надо изловить, — пронеслось у него в голове. — Так, может, всё дело в том бомже? Что он говорил мне? Он назвал меня пришельцем, вспомнил про девушку и спросил про год. Как те, что допрашивали меня в комнате. И мой ответ его так же удивил. Надо искать этого Силантия!» — осенило Дмитрия, но как это сделать, он пока не догадывался. Тем более что Аграфена всегда была рядом. Конечно, он без наручников и вполне бы мог двинуть ей как следует и сбежать, но как добраться до того места? Скорее всего, место это было неблизко от города.

— Вы напряжены, Дмитрий Сергеевич, — неожиданно прервала ход его мыслей девушка. — Вам нужно отдохнуть, к тому же наступает время принятия пищи. Пища есть благо, данное нам патриархом. Её принятие есть способ существовать и наслаждаться жизнью. Предлагаю вам оставить свои негативные эмоции, они рождают ложные желания и ошибочные действия.

— Откуда вы знаете, о чём я думаю? — опешил Дмитрий. Аграфена застала его врасплох.

— Я не могу знать, о чём вы думаете, это невозможно полностью. Но датчики у вас на голове фиксируют нежелательные реакции организма. В моей компетенции пресечь их любыми способами, от слабого до сильного воздействия. Прошу вас, пойдёмте примем пищу и отдохнём. Вы явно переутомлены, что, впрочем, понятно — столько нового для вашего слабого мозга.

Дмитрий совсем позабыл о лёгкой сетке, покрывавшей его голову. Сетку подключали к стойке с приборами в комнате, но не сняли, она всё ещё была на голове. Он инстинктивно потянулся к ней с желанием снять.

— Не стоит этого делать, — ласково, с улыбкой, но очень твёрдо предупредила девушка. — Это ваша связь с нейросетью. Без датчиков мы не сможем вам помочь.

— С какой ещё нейросетью? — вскричал Дима.

— Не волнуйтесь. Нейросеть — это подарок патриарха народу России. Без неё мы бы не были великой страной. Все люди включены в нейросеть, все пользуются ею, это очень удобно и полезно. Ваши датчики частично дают возможность тоже быть в ней.

— А у тебя почему нет этой штуки? — уже успокаиваясь, указал Дмитрий на голову Аграфены. — Или она под причёской?

— Нет, — улыбнулась девушка, — мне не нужны датчики. У меня, как и у всех граждан священной России, нейрочип. Все граждане по достижении восемнадцати лет получают этот замечательный подарок святого патриарха. Как бы мы жили без нейрочипа? — Аграфена приняла позу несчастного человека, давая понять Диме, что без нейрочипа ей совсем не прожить.

Они сели по настоянию Аграфены Петровны в автобус-баклажан и проследовали до здания из стекла и бетона, из которого и вышли утром. На сей раз Дима внимательно осмотрел автобус, благо, что счастливых пассажиров было немного. Водителя и правда не было, не было даже места, где кто-то мог находиться, контролируя действие огромного автоматического аппарата на колёсах.

— Да, автоматический транспорт работает по нейросети. Никакого человеческого вмешательства, кабелей, камер, контроллеров, — пояснила Аграфена. — Вот и пример вам, что такое нейросеть.

Дмитрий кивнул, хотя и не поверил. Двери «баклажана» распахнулись почти у здания, лифт поднял на непонятный этаж вверх, никаких дисплеев в кабине для определения номера этажа не было.

— Как мы попадаем на нужный этаж? — спросил любознательный пришелец.

— Нейросеть, — загадочно ответила сексуальная Аграфена Петровна.

Ничего не поняв, но решив, что задавать глупые в этом времени вопросы неучтиво, Дмитрий проследовал в уже знакомую столовую, где получил пайку клейстера и стакан воды.

— И это нейросеть, — подтвердила его догадки Аграфена. — Именно нейросеть, считывая параметры вашего тела и физической активности, регулирует количество пищи.

Клейстера в обед было выдано и правда несколько больше. За поглощением этого неаппетитного варева их застал Ярослав Макарович.

— О, как погуляли? Вижу, что питаетесь с аппетитом — стало быть, неплохо. Аграфена Петровна, спасибо за содействие, а теперь нам надо остаться с Дмитрием Сергеевичем один на один.

Аграфена, уже прикончив свою порцию, учтиво поклонилась и вышла, покачивая бёдрами.

Дмитрий проводил её тоскливым взором, и даже не потому, что был очарован линиями тела, просто с Ярославом Макаровичем, от которого явственно исходили флюиды сильной и властной личности, ему оставаться совсем не хотелось. Но иных вариантов развития событий не было.

— Сейчас мы пройдем в комнату для исследований. Не бойтесь, на пыточную она не похожа, — успокоил Диму собеседник, как будто считав его мысли.

Дима очень не хотел в комнату. Он ни на йоту не верил хитрому контрразведчику, каким он считал Ярослава Макаровича.

— Немного не разобрал, но в целом ваше негативное отношение ко мне понятно. Но поверьте, я не хочу вам зла. Несколько лингвистических экспериментов, опрос, перед этим введение препаратов — всё, — радостно сообщил перспективы Ярослав Макарович.

Перспективы Дмитрия не обрадовали.

— Что за препараты?

— О, совсем не те, о которых вы подумали! Хотя те у нас тоже имеются. Но на данный момент мы рассчитываем на содействие. А препараты, которые вам необходимы, — медицинские. У вас холестериновые бляшки, кальциноз аортального клапана и положительные онкологические маркеры. Кроме того, лёгкая степень язвы двенадцатиперстной кишки и дисбактериоз всего организма. Без вмешательства протянете лет пять-десять. Только поэтому я и хотел бы настоятельно просить препараты ввести.

Дима слушал, поражаясь информации.

— Вы врач?

— Отнюдь.

— Так я и думал, всё-таки контрразведчик.

— Опять ошибаетесь. Да разве важно, кто я? — засмеялся Ярослав Макарович. — Важнее, кто вы. Ну, не усложняйте, милейший! Пойдёмте на процедуры, обещаю вам, они не только безвредны и безболезненны, а даже совсем наоборот. Проживёте сто лет, если не будете пить алкоголь.

Дмитрий снова впал в ступор. «Как он узнал, что я думал о стаканчике коньяка?»

Сопротивляться в данной ситуации было бы смешно, и Дмитрий поплёлся за очень противным ему Ярославом Макаровичем в одну из многочисленных комнат. Там стояло вполне удобное кресло, поддерживавшее человека в полулежачем состоянии, знакомая стойка с приборами, к которой подцепили странную сетку, оплетающую Димину голову.

— Так лучше, хотя и архаично, — пояснил ему Ярослав Макарович. — Теперь вот выпейте этот стакан, — подал он бумажный стаканчик.

Дима выпил, ничего, кроме обычной воды, не почувствовал и приготовился терпеть лишения, как бывало всегда, когда он попадал в кресло стоматолога. Но больше ничего не происходило.

— А когда вы будете мне колоть? — наконец спросил он собеседника.

— Что колоть? — не понял Ярослав Макарович.

— Препараты ваши.

Собеседник радостно улыбнулся.

— Так уже. Стаканчик-то пропустили.

— И всё?

— И всё. На дворе не каменный век, милейший. Сейчас ждём реакции организма. Вот-вот последует. Не торопитесь, всё будет хорошо. Полежите, подумайте о приятном.

Дима тут же начал думать о телесных прелестях Аграфены Петровны, ибо по привычке и устройству своего разума по команде мог думать только о том, что недавно увидел. Да и вообще в голову ничего кроме Аграфены не шло. Голова гудела от потока информации, неизбежности быть подопытным и повышенного давления. Но через какое-то время всё начало проходить, организм успокоился, и Дмитрий, сам того не желая, погрузился в сон. Когда он очнулся, Ярослав

Макарович всё так же сидел за стойкой с приборами, но увидев, что Дмитрий открыл глаза, поприветствовал его взмахом руки.

— Как вы себя чувствуете?

Дмитрий чувствовал себя прекрасно, что было в диковинку. Он сообщил об этом собеседнику.

— Отлично! Всё поправили, теперь за работу. Меня интересуют несколько ваших поступков, о которых вы говорили в первой нашей беседе...

— Допросе, — поправил Дмитрий, не желавший ничего рассказывать сатрапу из будущего. Он был бодр, разум его свеж и чист, мышцы налились небывалой силой, Дмитрий был готов дать отпор, который раньше у него не получался. Кроме Аграфены, которая уже расплывалась дымкой, в голове его плавали тени декабристов, народовольцев, генерала Карбышева и Зои Космодемьянской. Глухо звучал лозунг Долорес Ибарурри, почему-то смахивающей на Аграфену и размахивающей красным полотнищем свободы на баррикадах: «No pasaran!»

— Ага! — понятно кивнул головой Ярослав Макарович.

— Откуда вы знаете, о чём я думаю? — почти вскричал Дмитрий, понимая, что как бы он ни сопротивлялся, враги всё узнают.

— Милейший мой Дмитрий Сергеевич! Лечение пошло вам на пользу, вскрылись все древние инстинкты, зашоренные пластинами болезней, как телесных, так и умственных. Я прекрасно понимаю, что вам дико ощущать себя в будущем, вы совершенно к этому не готовы. Но вы — наш ключ к решению некоторых проблем. Вы, как русский гражданин, должны помочь своему, хоть и выплывшему из туманного далёка, государству. Мы вам не враги, наоборот. Поэтому..

Дмитрий выслушивать сентенции сатрапа не собирался. Но его неожиданно просветлённый от принятия ли неизвестных лекарств, а может быть, и просто сам по себе мозг требовал полного понимания ситуации. И он решил взять всё в свои руки:

— Нет уж, господин полицмейстер, — почему он использовал именно эту архаичную форму обращения, Дмитрий не знал, просто она казалась ему наиболее уничижительной, — давайте-ка вы мне всё первому объясните. Что тут у вас происходит? Почему вы читаете мои мысли? Это телепатия? Нонсенс... Что за новая вера в патриарха? Где обычный триединый бог? Зачем вы травите людей мерзким клейстером вместо обычной нормальной еды? И почему у вас все люди такие довольные этой ненормальной жизнью? И дайте мне рюмку водки! — почти завершал он.

Ярослав Макарович выслушал его молча и внимательно. После долгой театральной паузы произнёс:

— Я не полицмейстер. Так понимаю, под этой должностью вы имели в виду то, что я угнетаю вас, как личность, используя свое служебное, в данном случае связанное с охраной государства, положение? Отнюдь. В нашей стране нет угнетённых и угнетателей. И полицейские силы, которых совсем мало — один полицейский на триста тысяч населения — работают только для решения текущих вопросов граждан, возникающих в процессе жизнедеятельности общества. Например, вы заблудились на диких территориях или у вас плохая связь с нейросетью — полицейский немедленно придёт к вам на помощь. Бывают, правда, экстраординарные случаи нарушения общественного порядка — вот ваше появление, например. Но у нас нет ни тюрем, ни карательных служб. Это не нужно, теория Симонова работает почти безукоризненно... Почти... — Ярослав Макарович при этих словах упёрся взглядом в пол, вздохнул, но продолжил: — А водки я вам не дам. Спирт дорог, его производство ведётся для нужд страны. Спирт является стратегическим сырьём и источником благосостояния общества. А в связи с сокращением посевов сырья он в дефиците. И является ядом для человеческого организма, внесённым святым патриархом в список вредных веществ, запрещённых к употреблению внутри. Так написано в Евангелии.

— Какое Евангелие? У вас Коран, может, вместо Евангелия уже?

— В Евангелии от патриарха, вечной книге чистого разума для всех граждан. Можно сказать, аналог Корана, но с точными и ясными указаниями, не требующими расшифровки и различных трактовок, как водится в исламе, раз уж вы заговорили о нём.

— Ничего я не говорил. Просто спросил, — пошёл на попятную Дмитрий, мало разбирающийся в вопросах религии. — А у вас что, машины на спирту теперь ездят? Экология?

— Нет, не на спирте. В основном средства передвижения и доставки грузов оборудованы ядерными реакторами на медленных нейтронах, которые питают электродвигатели. Раньше использовали атомные батареи, но их срок годности быстро истекал, а сами батареи требовали утилизации и хорошей защиты от излучения. Батареи использует Халифат, потому что не имеет собственного производственного цикла обогащения урана, запасов оружейного плутония и логистики внутри государства.

— Какой ещё Халифат? — уточнил Дмитрий, понимая, что уже где-то слышал это название.

— Государство, окружившее Священную Россию плотным враждебным кольцом, разобшённое после джихада внутренними распрями, ослабевшее, но всё ещё представляющее небольшую угрозу. Государство, чьим шпионом вас посчитали изначально, — ответил Ярослав Макарович.

«Что тут у них произошло-то?» — подумал в смятении Дмитрий.

— Джихад, — спокойно ответил Ярослав Макарович.

— Как вы узнаёте, о чём я думаю? Я не понимаю, я задавал этот вопрос! — раздражённо возопил узник.

— Ну что вы так нервничаете? Это подвигает меня на применение препаратов широкого спектра действия, а я бы этого не хотел, знаете, препараты не очень хорошие, их частое применение ведёт к осложнениям в коре головного мозга, — спокойно ответил Ярослав Макарович. — А по поводу вашего вопроса хочу уверить вас, что мыслей я не читаю, не умею, к сожалению. Вся загадка в этом, — он указал на сетку с датчиками, надетую на голову Дмитрия.

— Она не считывает мысли, но как тогда вы их узнаёте?

— Просто. Виной всему то, что обычно человек пытается облечь свои мысли в слова, даже не открывая рта. Неконтролируемое движение лицевых и горловых мышц. А датчики считывают вашу двигательную активность и передают сигналы в нейросеть, она расшифровывает их и передаёт мне. Вот и вся загадка, — доброжелательно ответил Ярослав Макарович, нисколько не придавая своим словам какого-либо большого и важного значения. Он подошёл к Дмитрию и снял с его головы датчики. — Вы не узник. Вы абсолютно свободны. Я даже не стану контролировать вас с помощью нейросети. Пищу вам даст автомат, пользоваться уже умеете. Можете сбежать, двери открыты, но я предлагаю вам альтернативу, как человеку пытливого ума — я дам вам Евангелие от патриарха. Там есть ответы на все вопросы. Возможно, после него вы согласитесь помочь мне и святой России. Пойдёмте, — Ярослав Макарович пригласил Дмитрия следовать за собой.

Вскоре они оказались в комнате с кроватью, стулом, столиком и кранами с водой и клейстером, где Дмитрий уже ночевал.

— Время к закату, — загадочно произнёс Ярослав Макарович. — Для вас пришлось установить древнее оборудование объёмного транслирования донейросетевой эпохи. Устраивайтесь поудобнее, я включу вам Евангелие.

— Разве это не книга?

— Книги давно канули в Лету. Люди привыкли к визуализации образов, это доступнее и понятнее старинного метода передачи

информации посредством печатного текста. Книг уже нет. Святой патриарх сказал: «Будьте ближе к простым людям, природа не дала им алфавит, но дала зрение, слух и язык. Так не требуйте от человека того, чего в нём не заложено изначально». Смотрите и слушайте, Дмитрий Сергеевич, — с этими словами Ярослав Макарович вышел из комнаты.

Перед Дмитрием засветился воздух. Сначала тускло, потом ярче в ограниченном пространстве проявилась объёмная фигура человека в длинном плаще с капюшоном, закрывающим верхнюю часть головы и лица. Волевой выбритый подбородок человека и его твёрдый и властный голос не оставляли сомнений, что актёр изображает самого святого патриарха. Как и положено, патриарх был загадочен, сосредоточен, велик и целостен. Он говорил, и тембр его голоса заставлял сотрясаться органы неподготовленного слушателя. Он начал простыми, но такими весомыми словами: «Я дам вам истину, которая непреложна. Я дам вам радость, которая непреходяща. Я дам вам свет жизни, смысл существования, вечное счастье. Вот вам моё Евангелие...»

Сначала всё это напоминало плохой тренинг с тупым, но хорошо вымуштрованным бизнес-тренером, но затем перед Дмитрием развернулась картина времён, которых ещё не было.

Евангелие от Патриарха.

И был мир, каким он был всегда. И был человек, песчинка в огромном мире. И человек не мог ничего изменить, издавна он боролся за существование, за пищу, за богатство. И лишь некоторые из людей получали удовлетворение в этой бесконечной борьбе. Но и те в конце своей жизни считали всё содеянное ими бессмысленным, ибо умирали, как и все, и прах шёл к праху. И не было этому конца.

И лишь один человек пришёл в мир, чтобы изменить его. В то время люди творили беззаконие и лгали, совершали преступления и жили, как звери, веруя, тем не менее, в некоего Бога, который в многочисленных посланиях говорил им, как правильно поступать, как войти после смерти в мифическое божие царство, одновременно пугая неправедных геенной огненной. Были и те, которые приняли учение вольных каменщиков, создав государство мирового порабощения и подчинения воли. И хотя они отрицали существование мифического бога, но добра в мир тот не принесли. Ибо любое желание власти над всем есть насилие, которое никак не приближает людей к гармонии и радости, к счастью и пониманию смысла своего обитания в нашем мире.

Человек пришёл в тяжёлое для России время. Святая страна погрязла в расприх и мздоимстве и совсем не была святой. Войны и коррупция, деньги и сластолюбие захлёстывали нашу землю. Враги были повсюду. Не сразу подвижник понял, как надо ответить на вызовы несправедливой жизни. Он пытался увещивать, как библейские пророки, но тщетно. Он защищал свою землю от врагов оружием и угрозами, но не преуспел. Он проповедовал о правильной экономической системе, но никто его не слушал, занятый жаждой наживы и разграблением природных богатств. Он пытался урезонить алчных властителей и богачей, но они ускользали от него и продолжали своё чёрное дело. И тогда в один из дней, когда седина давно укоренилась в его власах, а разум стал чист, как лист бумаги, когда он понял тщетность своих благородных порывов в океане зла, он удалился в святое место, что создавал давно и тайно.

Эту обитель он строил долгие годы, но забросил её, погрязая в человеческой глупости и грязи. Когда же он вернулся туда, просветлев, обитель была заражена теми же болезнями: мздоимство, ложь и глупость поселились там. Человек-праведник изгнал нечестивцев из святого места, окружил себя верными последователями и закрылся там на долгие годы, оставив страну и мир в одиночестве. Неужели он бросил всё? Нет, тот, кого нарекут святым Патриархом, не мог совершить несправедливого поступка. Он лишь искал сокровенную истину, и когда вышел из тени в мир, то открыл эту истину людям. Обитель та звалась Сколково. Двенадцать апостолов были со святым Патриархом там; тысяча паломников осталась с ним, приходя к воротам обители и прося защиты у него.

А в мире в то время, когда патриарх укрылся в Сколково, рушилось всё, что построили масоны и последователи древних религий. Мифический Бог не помог людям, а мировое правительство не справилось с новыми ужасными напастями. Лишь святой Патриарх знал, что так и будет. Основа существования этого мира пошатнулась тогда, когда из доступных недр планеты выкачали последние углеводороды. Эра нефти и газа закончилась, смяв все устои несправедливой жизни, неся хаос и смерть. И был хаос.

Ещё во времена последней нефти, когда цена взлетела до небес, а весь Ближний Восток был охвачен войнами, когда пали последние деспотии под неразумным нажимом войск вольных каменщиков, на побережье Персидского залива собрались шейхи

из знатных, но бедных семей. Все они были сторонниками ваххабизма, чистого ислама, заблудшие овцы среди себе подобных. И полетели гонцы во все края мусульманского мира с вестью о том, что надо покончить с ненужными войнами, террористическими актами, насилием над неверными, нужно перестать копить деньги, льющиеся рекой с каждой бочки. Надо плодить воинов, увеличивать численность населения и не тревожить масонов, теряя их смешные военные операции по захвату скважин и насаживанию марионеток в городах.

Долго думал мусульманский мир, и согласился. А согласились по одной, никому, кроме святого патриарха, не ведомой причине — причине великого джихада, завещанного им мифическим Богом, и образования всемирного Халифата.

Ещё тогда предупреждал святой Патриарх властителей Европы: «Падёте вы и ваши народы, если не найдёте защиты у нас». Но слишком горды были властители, слишком зависимы от далёких заокеанских вольных каменщиков, слишком терпимы к несчастным ближневосточным и африканским беженцам с детьми, калеками и стариками, смиренно просившим убежища от войн и распрей. Беженцев пускали, поскольку терроризм неожиданно исчез, а дешёвая рабочая сила была нужна: плодились европейцы плохо и неохотно. На рубежах их стран стояли армии с новейшим вооружением, и они не боялись внешнего врага, но Патриарх предупреждал их о внутреннем.

К такому врагу Европа оказалась не готова. Прошёл век, точные семьи разрослись и осели в городах, изначально принадлежавших европейцам. Старики учили молодых, и те передавали знания, навыки и убеждения из поколения в поколение, пока не настал час хаоса. Когда закончилась нефть, биржи рухнули, акции превратились в бумажки, население развитых стран стремительно нищало, а лёгкой и дешевой альтернативы углеводородам не было найдено. Армии отказывались служить своим правительствам, паника охватила мир. И в этот час, в самое ужасное время, шейхи начали великий джихад.

Разве боеспособные армии на границах смогли бы удержать врага, находящегося уже внутри страны? Никто не остановил моджахедов. Вся Европа оказалась во власти Халифата в течение месяца, ещё не зная о нём. Все богатства были захвачены исламистами, армии сметены, неверные повержены и превращены в рабов. Немногим удалось уйти. Части французского иностран-

ного легиона с небольшим количеством мирного населения с боями прорвались на восток, к границам России, и были спасены, ибо уверовали. Израильтяне долго бились с моджахедами в изоляции, но, понимая, что им не выстоять, одним танковым ударом прорвали окружение и вышли к южным границам нашей страны, выведя весь свой оставшийся народ. И их тоже принял Патриарх, сказав: «Ваша земля обетованная, остывшая без любви, века ждёт вас. Идите же в неё». И отдал им Еврейскую автономную область. И евреи уверовали и спаслись.

Больше же никто не спасся. Так возник всемирный Халифат, простирающий свои владения от мыса Доброй Надежды в Африке до Китая и Австралии. Россия тоже потеряла часть территорий, но на то был великий замысел святого Патриарха. Во времена последней нефти, когда шейхи готовили джихад, Патриарх, проповедуя Европе, которая не слушала его, готовил и нашу родину к испытаниям. Все доходы от нефти и газа, что текли в казну, он распорядился не тратить попусту, а отдать ему в обитель Сколково. Хоть и страдал русский народ в то время чрезвычайно от голода, холода и болезней, но страдания его воздались сторицей. Говорил Патриарх, обращаясь к стонущему народу: «Нет счастья, достигнутого в неге и праздности. Страдание ваше есть путь к вечной жизни и радости. Терпите лишения, но помните — вы свет Земли, и вы будете награждены как никто другой на Земле, ибо вы уверовали». И не на дары Богу пошли сбережения страны, не были разграблены нечистыми на руку чиновниками и олигархами, нет. Когда святой патриарх вышел из обители через много лет, оглядел страну, страдающую в корчах от язв и голода, он воскликнул: «Спасены вы!» И взойдя на гору, прочёл проповедь, от которой все заплакали от счастья веры, а кто не уверовал допреж — склонили головы в знак неправоты и поклонения великому слову.

Так говорил Патриарх:

«Дети мои, есть скрепы незыблемые, одна из них — вера. Уверуйте в меня».

«Деньги и богатство — зло, которое надо забыть. Нет больше денег в царствии моём, а есть лишь то, что нужно человеку — хлеб и вода, столько, сколько необходимо. Есть надо для того, чтобы жить, а не наоборот. Так питайтесь манной моей, сколько потребует тело, а тело используйте для блага всего народа и страны».

«Олигархи, несущие нечестивое, да исчезнут с нашего пути. И все их дьявольские приспешники. Разве справедливо купить хлеба для простого человека, переплатив втроене алчным мздоимцам? Есть только труженик, возвращающий колос, и труженик, дающий соху первому. Нет и не может быть между ними никаких посредников».

«Если природа дала человеку то, чем он может пользоваться бесплатно, то зачем ему то, за что надо платить деньги? Если есть голова, глаза, рот и уши — к чему нам дисплеи, смартфоны и прочие ненужные изобретения масонов из-за океана? Я дам вам больше, лучшие и бесплатно то, от чего вы не откажетесь».

«Интернет есть порождение дьявола. Что он даёт нам, кроме шаткости веры и смятения? Я дам вам то, от чего вы не откажетесь, я дам вам общий разум, соединение всего, скрепу единого высшего духа, свободу от уныния и неведения, чистую и непорочную нейросеть».

«Не будет более неверного выбора своего пути. Я укажу вам истинный смысл вашего существования, и не будет больше страданий и бессмысленного прозябания. Каждый будет делать то, чем принесёт себе и другим самую большую пользу. И будет вечно радоваться своему ремеслу и достижениям. Я дам вам протокол выбора пути».

«Дабы не быть забытыми и заброшенными в расцвете жизни, я говорю вам: все вы будете приносить пользу себе и обществу до семидесяти пяти лет, после же вас ждут пышногрудые девы и стройные юноши на берегах морей и рек, нега и расслабление, как награда за земные труды в Доме Счастья и Пенсии».

«А на границах святой России будут стоять воины с оружием, которое никто и никогда не сможет уничтожить. Ни один враг не приблизится к нашей родине ближе, чем на тысячу метров. Я дам вам безопасность».

«А чтобы уверовали те, кто ещё не уверовал, кто не ищет истины и вечной жизни, то говорю вам: уверуйте в меня. Ибо, кто уверует в меня, будет жить вечно. И не в мифическом раю, который обещали веками шарлатаны-церковники, а в настоящем. Я дам вам жизнь вечную в Доме Счастья и Пенсии».

«Молитесь за меня, поклоняйтесь мне, отринуйте мифического Бога, воздайте молитвы правильному, соблюдайте мои заповеди и живите вечно. А кто не хочет — идите вон, я вас не держу».

Так сказал Патриарх, и все, кто слышал его, пали ниц и уверовали. Никто не ушёл прочь.

Так началась новая, священная Россия. Так зародилась новая вера, истинная, которой никогда до этого не было. А истинная она была потому, что всё вокруг в этом мире было так, как предсказал Патриарх. И только он мог сделать это, ведь мир материален, человек исследовал его вдоль и поперёк, проник в глубины космоса и в тайны атома. Не было ничего, не подвластного человеку. И не было уже мифического Бога, который олицетворял раньше непознанное и непонятное. А был Патриарх, который силой своего разума и харизмы подчинял себе природу и время.

По границам России, которые проходили по степным районам, по полям — в горах было трудно обороняться, гористые местности пришлось оставить Халифату — были скрытно установлены современные электроимпульсные орудия, сконструированные под руководством Патриарха. Они были дешёвы и эффективны, не требовали дефицитного пороха, ведь плантации хлопка захватил Халифат. Они поражали самолёты и спутники на любой высоте, и не было для них ничего невозможного, ибо они управлялись нейросетью. Границы были закрыты.

Всю мощь своей мысли, все средства, накопленные в эпоху нефти, бросил Патриарх на обеспечение священной России энергией для счастья народа своего. Гидроэлектростанции, атомные энергетические комплексы дали необходимое, тогда как у Халифата энергия иссякала: не было у них ни заводов по производству топлива, ни инженеров, знающих, как их построить.

«Халифат не продержится и века — так говорил Патриарх, глядя в будущее, — вера в мифического Бога не спасёт их, а ваххабиты, уповающие на старую книгу, написанную в эру становления мира, отрицающие государство и проповедующие анархию, не удержат своих подданных в мире. Их Бог отсутствует. Его нет. За него говорят обычные люди, а обычные люди всегда ошибаются. Халифат распадётся на осколки, феодальные владения мелких правителей — на тысячу кусочков, живущих по законам зверей, и средневековые воцарятся на этих землях, а людей поглотят войны и смерть».

Это было пророчество — так и случилось. Слабый Халифат, разоряющий Европу и Африку, распался на тысячи эмиратов. Их воины были трусливы и малочисленны. Никто не покушался на границы России. Америка же была далеко и занималась своими

проблемами — Центральную и Южную части её лихорадило от идей Халифата. Северная Америка захватила весь американский континент, пытаясь хотя бы там установить свои масонские законы. Китай же строго охранял границы и не пускал в свои пределы сторонников Халифата. Установилось равновесие, которое никто, кроме спутников-шпионов, нарушать не смел.

Так рёк святой Патриарх изначально, так и случилось. Но только Россия стала страной всеобщего благоденствия, остальные же страдали во тьме дьявольского беззакония и безверия.

И сказал Патриарх: «Наша святая Россия открыта для всех уверовавших. Мы не пойдём к ним, но они пусть придут к нам, и мы примем их и дадим любовь, счастье и бессмертие, как всем истинно верующим. Так повелел я; я с вами вечно. Аминь».

Дмитрий заснул не поужинав. Наутро, получив всё-таки из крана раздачи увеличенную порцию каши и употребив её, он начал действовать. Ждать дольше было бессмысленно. Его логический, как считал он сам, ум вывел, что бомжеватый Силантий всему виной, и Дмитрию необходимо его разыскать и потрясти за грудки, чтобы более с аппаратурой и силами природы не баловался. Ну и вернуться в своё время, это уже дело техники. Раз выяснилось, что он в родной Перми, то ориентация была довольно простой: Дмитрий вполне разумно полагал, что Пермь, хоть и город будущего и столица, а сильно не изменилась, не любят наши русские люди что-либо менять, если не заставляют. Поэтому выбраться из города ему не составит труда, а уж дороги вне города точно остались на прежнем месте, как и в его времени, когда все тракты, накатанные веками, просто покрыли плохим асфальтом. Соответственно, плотно позавтракав предложенным немудрёным блюдом, с запомнившимся по фильму названием «манна», Дмитрий выскользнул в дверь, спустился на лифте в вестибюль здания, вошёл в автоматический общественный транспорт,двигающийся в сторону севера, и вскоре оказался в родной Мотовилихе, которая действительно не изменилась почти ни в чём. Автобус разворачивался обратно, Дмитрий проводил чудо техники глазами, наметил маршрут и бодро пошагал в нужную сторону. Но недолго он наслаждался свободой. Хоть ни один встреченный счастливый гражданин, улыбающийся во весь рот, его не остановил, никто не кричал «караул», никто не бежал в полицию, дабы сообщить, что по улицам новоиспечённой столицы шляется государственный преступник из прошлого, где-то в районе бывшего Запруды, превратившегося из деревянного

в каменный, но и не более, его обогнала уже знакомая полицейская машина космического вида. Плавно затормозив у обочины, машина бесшумно открыла свои малозаметные двери, и в проёме показалось знакомое смазливое личико Аграфены Петровны. Она, улыбаясь, выплыла из машины, покачивая бёдрами, подошла к оторопевшему Дмитрию и проворковала:

— Куда же вы, Дмитрий Сергеевич? Разве у нас вам плохо?

— Я... Гуляю я... — только и смог выдавить Дмитрий. Его уже не вдохновляли красоты Аграфены. Что же он упустил? Камеры наблюдения? Но их и в помине не было. Кто его сдал? Как эта противная девка узнала, куда он уехал?

— Дмитрий Сергеевич, прошу, сядьте в машину, пока полицейский не применил спецсредство, — с улыбкой произнесла Аграфена.

Полицейский в знакомом форменном комбинезоне, но с другим, хоть и не менее каменным и улыбчивым одновременно лицом маячил поодаль. Дмитрий сел в автомобиль, который доставил его обратно в дом из стекла и бетона прямо в руки мерзкого типа Ярослава Макаровича. Аграфена помахала ручкой и удалилась, оставив их одних.

— Вы говорили, что я свободен. Так почему я снова здесь? — Дима пытался сдержать эмоции.

— Потому, что мы ещё с вами не закончили работу. Вы всё поняли из вчерашнего информационного бюллетеня?

— Понял. Что исламисты захватили Европу и Африку, что мир перекоен, что у нас вместо православия какая-то новая вера, что вы поклоняетесь чуваку, который назвался патриархом, и что границы на замке. Ещё бред какой-то там несли: нейросеть, программа выбора. Я заснул, если честно, — Дмитрий был раздражён. — А как вы меня нашли? Наружка?

— Не совсем. Нейросеть.

— Бросьте вы мне мозги пудрить какой-то нейросетью. Я не маленький мальчик.

Ярослав Макарович был абсолютно спокоен и радушен.

— Да разве ж я... Как вы сказали? Замечательная архаика! «Мозги пудрить». Великолечно! Так вот, совсем я не ввожу вас в заблуждение. Нейросеть — это же не только сеть, умеющая самообучаться, нет. Это сеть, которая объединила всех граждан. Вы же слушали Евангелие.

— Ну, — соглашаясь буркнул Дима, ничего не понимая.

Ярослав Макарович заметил это.

— Нейросеть, подаренная нам святым Патриархом, включает в себя как серверы с информацией, так и мозг всех граждан России.

— Как это?

— Просто. У каждого совершеннолетнего гражданина в голове есть нейрочип. Специальное устройство, разработанное в обители Сколково и преподнесённое Патриархом нам. Нейрочип соединяется с нервными волокнами головного мозга и контролирует все нейроимпульсы. Поэтому мне не нужен дисплей, вся информация поступает сразу на зрительные нервы, я вижу, как будто своими глазами всё, что захочу получить из нейросети. И наоборот, нейросеть может получать информацию от наших глаз, ушей, вкусовых рецепторов, осязательных нервных окончаний, сигналы сокращения мышц. Мы не следили за вами. Я всего лишь послал запрос в нейросеть с вашим описанием, а граждане, которых вы встречали, послали ваше изображение, когда они вас видели. И никаких камер. Нейросеть — один из великих подарков святого Патриарха, мой друг!

— У вас у всех в башке процессор? Вы киборги?

Ярослав Макарович засмеялся:

— Ну уж и киборги! Это, как я понимаю, искусственные люди? Нет, мы вполне живые. Просто можем гораздо больше вас, наших предков. И нам нужно меньше разных вещей, за которые вы платили огромные деньги, боролись, вождели, испытывали негативные эмоции в своих недостижимых желаниях или борьбе за обладание. Современным гражданам России ничего не нужно, у них есть нейросеть, которая заменяет всё, о чём мечтали вы. Нет смартфонов, планшетов, телевизоров, навигаторов, прочих бессмысленных изобретений масонских прихвостней. Мы можем получить всё, просто задав вопрос или дав определённое описание нейросети. А нейрочип поможет нам в этом. Вот, например... Задаю описание: блондинка лет двадцати восьми, попала в наше время около двух недель назад, нечипована, ориентировочно определена как бегун, найдена в районе шестьдесят девять столичного региона... Ну вот. Я уже знаю: зовут Анна, номер одна тысяча триста шесть, определена протоколом выбора в военную школу под Волгоградом, склонна к агрессии, применялись спецсредства, ведёт себя хорошо, освоила беглую стрельбу из нейроруправляемой электромагнитной пушки, готовится к чипованию на следующей неделе. Вы её искали? Мне ничего не стоило это сделать за считанные секунды.

Ярослав Макарович замолчал, победно смотря на растерянного Дмитрия. А тот думал только об одном: «Куда я побежал? Девчонка ведь здесь осталась. Как я мог побежать, не найдя её? Господи, какой я старый, забываю о главном».

— Сегодня праздник. Одно из святых воскресений, — неожиданно поменял тему Ярослав Макарович. — Не желаете ли посмотреть?

— Какой? — машинально переспросил Дмитрий.

— Вход Патриарха в Сколково. Вербное воскресенье.

— Да это же...

— Это совсем не то. В этот день много лет назад святой Патриарх удалился в обитель. Его провожали криками «осанна» и ветками вербы. Идёмте.

Знакомый путь до Кафедрального собора они преодолели быстро. На площади стояла толпа верующих. Кто-то из государственных руководителей вместе со священником в полном облачении говорил речи и награждал похвалами и блестящими висюльками. Для Дмитрия всё это было обыденно, и при Брежнев, и при Ельцине, и позже, такие мероприятия с присутствием представителей власти и духовенства проводили всенепременно. Данное действо было очень похоже на те, что Дима видел по телевизору. Но вот по окончании действия, когда шепчущая слова новых молитв толпа стала расходиться, Ярослав Макарович подвёл Дмитрия к попу.

Служитель культа был в образе: в ризе, блистающей золотом, благообразен и терпелив. Он уважительно поклонился Ярославу Макаровичу, но не подобострастно, как алтарю, лишь склонил седую голову с патлами и шикарной бородой.

— Иже есмь добро и респота в мире, то Патриарх святой. Аминь. Что привело вас, сыны патриарховы, в храм?

— Батюшка, вот перед тобой неверующий человек. Сможешь обратить его в веру? — чуть насмешливо произнёс Ярослав Макарович, указывая на Дмитрия. Его тон Диму удивил, было заметно, что сатрап сам не очень верует.

— Дерзну. Как же так, веры в тебе нет, сын мой? — спросил степенно служитель культа. — Аз есмь скрепа народа русского и государства патриархова. Неверие есть грех. Как не уверовать, когда пятки похолодеют? А кто принял веру истинную, тот вечно жить будет. Или ты не желаешь вечной жизни?

Дмитрий пожал плечами. Чуть задумался, хоть и пребывал сейчас в состоянии души, когда хочется дерзить и не соглашаться. В Бога он не верил, но уважал тех, кто выбрал иную точку зрения. Соответственно, в спасение души не верил тоже, в рай и ад, в загробную жизнь. Не верил — и всё! И смерть представлял вполне естественным окончанием жизни. Но теперь, когда незнакомый бородатый батюшка задал вопрос в лицо, то ответа на него однозначного дать не мог.

Вроде бы и жить вечно ни к чему, а вроде бы и очень хочется. На этой дуальной ноте его прервал священник:

— То-то! Разве Бог даст жизнь вечную? Всё это предрассудки и ложь. А святой Патриарх даёт уверовавшим в него. Ибо вера — это основа государства и общества.

— Так вера в Бога — это одно, а вера в какого-то патриарха, простого человека — это маразм, — ответил Дмитрий.

— Патриарх не просто человек, он величайший и святой. Разве обычный человек свершил бы чудо бессмертия? Разве прокормил бы толпы страждущих? Разве спас бы страну от набегов врагов? Нет, сын мой, истинная вера — патриархова. А все старые веры лишь заблуждение. Можно ли верить в нечто бестелесное современному человеку тогда, когда он познал мир до конца? Это грех и смех. Нет ничего нематериального, сын мой, заблуждения эти канули в Лету прогресса. Но без веры человек жить не может, ибо только вера есть последний оплот отчаявшегося. И можно бесконечно просить трансцендентное — дай покой и счастье, а толку не будет, потому что нет ничего необъяснимого и бестелесного в мире. А попроси святого Патриарха, воздай ему молитву — и вот тебе манна, вот тебе бессмертие. Покорись, сын мой, уверуй. И будешь жить вечно и счастливо. Помолимся!

И батюшка оборотился к алтарю с безбородыми апостолами и начал класть уставные метания.

Дмитрий воспринял речь критически, но неожиданно осознал, что всё так. И в его времени церковь уже не была оплотом духа, а лишь подручным государевым. И уже давно. А вера действительно была последним оплотом страждущих, которые обращались в неё лишь если пятки похолодеют или просто потому, что ума маловато. Других вариантов уверования в любого бога Дмитрий не представлял. Поэтому и не стал с батюшкой спорить. Да и не любил он споры — память его была коротка, и аргументы всегда слабы.

— А Патриарх в Сколоково неделю сидел? — неожиданно задал он вопрос. — Как Иисус в Иерусалиме? И завтра Страстная, а потом Пасха?

Святой отец удовлетворительно покачал головой:

— Истинно. И Страстная седмица, и Пасха. Но святой Патриарх сидел в обители долго. Десять лет и одна неделя прошла, как он принял затворничество. Десять лет и одну неделю страдал народ русский в безверии, нищете и парше. Но в дань традиции мы чтим последнюю неделю, автоматы в это время манну выдают постную, возникает

чувство голода для напоминания о страданиях патриарховых в обители и его подвиге. А в следующее воскресенье Пасха, светлый праздник выхода из обители и обретения веры.

Поп осенил себя троекратно крестным знаменем, а Дмитрий решил не вступать в теологические споры с умалишёнными.

По прибытии в знакомое здание Ярослав Макарович попросил Дмитрия надеть датчики, названные им нейросчитывателем. Дмитрий надел. В общем, он решил, что всё, что происходит с ним в этом ненормальном будущем, — бред. Новая религия довела его разум до исступления. «Так не бывает! — думал он. — Это же просто страна психов! Это не может быть в реальности. Это что-то потустороннее, ненастоящее».

— К вашему огорчению, настоящее, — парировал Ярослав Макарович.

Дмитрий и забыл о возможностях нейросети. И всё-таки решил контролировать свои лицевые мышцы.

— Не утруждайте себя, это практически невозможно, — опять встрял сатрап. — Контроль лицевых мышц — дело не одного года тренировок. У вас вот просто так, с наскока, не получится. Не обращайтесь на меня внимания, я постараюсь не комментировать ваши мысли. Теперь я хотел бы задать вам вопрос по существу. Вот вы говорили, что поехали спасать эту незнакомую вам девушку Анну. Вы её никогда не видели, не знали, к чему же был этот ваш нелогичный поступок?

Дмитрий сначала не понял, потом осознал вопрос. К чему? Он сам не понимал, для чего он поехал искать незнакомого сотрудника полиции. Для того, может, чтобы о нём узнали? Как о значимом человеке?

— Ну это же смешно! — парировал его мысли Ярослав Макарович. — Ну, возможно, нашли бы вы её, о вас написали бы в сетевых ресурсах, возможно, в этой, как её... газете. И что? Через неделю о вас бы забыли, даже если бы прочитали. В том обществе, насколько я знаю, все стремились быть известными. Но получалось у единиц, обладающих властью или деньгами. Или после смерти, если и впрямь совершат подвиг. Вспомните историю России. Героев битвы при Бородино в тысяча восемьсот двенадцатом, если не ошибаюсь, году, похоронили через год, свалив трупы в овраги, сожгли, не разбирая, кто, что, человек или лошадь, без отпевания и благоговения. И до сих пор никто не помнит, где их могилы. И лишь потом воспели их подвиг как великий. Вы-то на что надеялись?

— Зачем вам мой ответ? — дерзко спросил Дмитрий.

— Не стоит отвечать вопросом на вопрос. Мне это важно. Ответьте, пожалуйста.

Дмитрий задумался. Действительно, зачем он поехал? Слава проходяща, конечно, он один миг думал о ней, но осознал, что это невозможно. Так для чего он поехал искать сотрудника полиции, организации, которую недолюбливали все, и он не исключение? Приключений захотелось? Экстрима? Времени лишнего много?

Нет, совсем нет. Всё не то. Мысли пугались, как всегда, когда он заставлял мозг думать о непонятном, экстраординарном. И тут мелькнул свет во тьме. Да просто он хотел помочь. Просто помочь, не надеясь на силы, которые государство определило для этой функции, понимая, что, исполняя волю других, ни один человек не сделает это качественно и искренне. Он не верил государству. Мысль эта поразила Дмитрия, ведь он был сторонником власти, почти всегда неукоснительно следовал её законам. Он понимал, что власть навсегда, он знал, что потрясения, вызванные сменой власти, принесут лишь страдания простым людям, а после смены снова будет власть, насколько не лучше, чем прежняя. Он был латентным государственным, не желающим катаклизмов, как и большинство. Но вот именно в этом случае власти он не доверился.

Да разве только в этом? Нет, он припомнил спонтанно всё: неопределённость конца восьмидесятых, разруху и разгул девяностых, резкий подъём двухтысячных, и понял, что он всегда жил так, как будто власти нет, нет государства, фиктивно ли, истинно ли защищающего его интересы как гражданина. Он жил, как жили древние манси в лесах Урала много-много лет назад, надеясь лишь на себя и совсем немного на совершенно трансцендентного бога. На бога. На чудо. На то, чего нет и быть не может. Он не ответил Ярославу Макаровичу. Нужды не было.

— Так, стало быть, не доверяете. Но и верите. Вера-то в вас есть. Не истинная, правда. Интересно, но я догадывался об этом. Мы постарались купировать данное состояние организма, — Ярослав Макарович, казалось, разговаривал сам с собой. — Дальше, дальше, давайте.

«Что же меня заставило идти в тайгу? В неизвестность? С минимальными шансами на успех? Но она нашлась! Она здесь, в этом сумасшедшем будущем, и мы выберемся, обязательно выберемся. Домой ведь я хочу. Очень хочу. А раз хочу, значит — буду. Ведь там какая-никакая, но свобода. Я могу уйти в лес и там жить. И там никто меня не потревожит. Я сам буду решать, что мне делать и как. Там

хорошо, в лесу. Захочу — могу в деревню сходить и купить водки. Поймаю рыбу. Ах, жареный хариус очень вкусен! Захочу — пойду на север. Или на юг. Я свободен. Я, как мой разум, свободен, и могу лететь куда хочу. Я пошёл искать эту Анну, так вроде её зовут, ещё и потому, что это мой выбор. Меня никто не принуждал. Я сам».

— Свобода, — задумчиво произнёс Ярослав Макарович. — Она же призрачна. Здесь государство — там природа, всё равно кто-то диктует свои законы. Но в целом понятно. Я бы ещё задал один вопрос...

Но задать вопрос он не успел. Дверь в комнату открылась, и вошли уже знакомые Дмитрию суровые люди — Добрыня Никитович и Фома Никифорович. Сопровождала их сексуальная Аграфена Петровна.

— Ярослав Макарович, вы чем заняты? — жёстко произнёс Добрыня. — Вы же видели, что происходит!

— Простите, был увлечён опросом объекта. Секунду... Да не может быть!

— Да, такие дела. Генерал приглашён на аудиенцию.

— Это действительно так серьёзно? Мне кажется...

— Вот и помолитесь, раз кажется. Но всё серьёзно, особенно на фоне наших недоработок. Вы же помните...

— Тс-с! — зашипел Фома Никифорович, указывая на Аграфену и Дмитрия.

Дверь распахнулась, и в комнату строевым шагом зашёл молодежавый субъект в приталенном комбинезоне с огромным количеством нашивок на всех местах.

— Генерал Милорадович прибыл! — отрапортовал он.

— Замечательно. Может, перейдём в другое помещение? — спросил Добрыня Никитович.

— Времени нет, господа, — уверенно прогаркал генерал. — Враги прорвали оборону границы. Прошу вашего разрешения, как верховного триумвирата священной России...

— Вы обстановку проясните, — почему-то попросил Ярослав Макарович, хотя даже Дмитрию было ясно, что нейросеть уже давно всё прояснила. Раз уж они его мысли читают с ходу...

— Докладываю, — с усердием горланил генерал, — войска неприятеля, по-видимому — регулярные силы Халифата, на участке Волгоградского пограничного района прорвали оборону, обесточив основные силы противодействия. Силы противника оцениваются в несколько сотен бойцов в сопровождении боевых машин старого образца. Прошу...

— Как они прорвали оборону? Там три линии электроимпульсных орудий!

— Не могу знать! — генерал, казалось, стал ещё выше и стройнее. — Данные со спутников ещё поступают. Дроны в данном районе отсутствуют по причине ненадобности. Прошу..

— Несколько сотен? Это же немного, это не война, это просто нарушение границы, не более, — прошептал совершенно растерянный Фома Никифорович.

— Это катастрофа, коллега! — парировал суровый и собранный внутренне Добрыня Никитович.

— Прошу разрешения на применение стратегического резерва в количестве трёх ракет с ядерными боеголовками! — закончил наконец свой доклад бравый генерал.

Дмитрий почему-то именно этой фразы и ждал.

— Да вы что?! — вскричал Фома Никифорович.

— А граждане? — скупое спросил Добрыня.

— Почему же целых три ракеты? — задал меркантильный вопрос Ярослав Макарович.

— Гражданское население будет уничтожено, неизбежные потери. Только верховный триумвират может дать разрешение на использование стратегического резерва. Уничтожение врага гарантировано. Три ракеты из расчёта вероятности пуска, — отрапортовал генерал.

— Да, три. Из трёх хоть одна да долетит и взорвётся. Помните начало джихада? Индия произвела залп по Пакистану всеми своими ядерными ракетами. Половина не взлетела, остальная половина не долетела, а детонации не было и вовсе, — задумчиво пояснил Ярослав Макарович. — У нас ракеты тоже уж лет двести стоят в шахтах, хоть и обслуживаются.

— Двести тридцать два года, — браво уточнил генерал.

— Нет, это недопустимо! У нас стратегического резерва и так кот наплакал, а тут три ракеты тратить. Никак нельзя, — отрезал Добрыня Никитович.

— А про людей вы не подумали? Только ракеты жалко? — неожиданно подал голос Дмитрий.

Двое из верховного триумвирата посмотрели на него уничтожающими взглядами, и только Ярослав Макарович исподтишка улыбнулся.

Аграфена стояла как столб, не проронив ни звука. Было видно, что её эта тема не касалась, даже по нейросети.

— Попрошу удалить посторонних из помещения! — почти взвизгнул Фома Никифорович.

Аграфена, потеряв свою сексуальность, бегом удрала за дверь, держась за голову.

— Вы бы поаккуратнее. Сам же знаете... — попросил Ярослав Макарович.

Дмитрия он взял за руку, не давая выйти.

— Есть ли другие варианты решения вопроса? — спросил генерала Добрыня Никитович.

— Другие... Атомные танки на базе в трёх днях марша... Войска... погибают... Тридцать человек личного состава... Пушки обесточены... Другие варианты... Служу священной России и Патриарху! — крикнул генерал Милорадович, схватился за голову и упал замертво на пол комнаты.

— Ну вот, теперь у нас нет генерала... — задумчиво произнёс Ярослав Макарович.

— Что же делать? Мы всё знаем о проблеме. Она не решена, как всегда всё запущено. Через день враги захватят Волжскую электростанцию, питающую весь приграничный район! — истерично возопил Фома Никифорович. — Это катастрофа!

— Может, три ракеты всё-таки? — спросил сохраняющий спокойствие Добрыня Никитович, рассматривая труп генерала. — И тело надо бы прибрать как-то по-тихому...

— Есть ещё вариант, господа, — мягко заметил Ярослав Макарович.

— Какой? — хором спросили его товарищи по несчастью.

— Объект. Вы же помните результаты программы выбора при сканировании его мозга?

Двое кивнули. Ярослав Макарович обратил свой взор на Дмитрия, поясняя ему:

— Программа выбора никогда не ошибается. Каждому члену общества предоставляется то направление деятельности, на каком он может принести максимальную пользу. Например, нас она выбрала в руководители святой России. Других — землепашцами и сталеварами, воинами и полицейскими, программистами и матерями. Но в вашем случае программа выдала единственный в истории результат: она не смогла вас идентифицировать как гражданина, способного работать на том или ином направлении. У вас пусто, Дмитрий Сергеевич. И мы не можем этого понять. Либо вы, как сказали бы в древности, некий пророк патриархов, либо можете то, что не могут другие. Кстати, господа, вот вам и эмпирическое исследование. Почему бы нет?

— В тяжёлый для Родины час вы собираетесь проводить псевдонаучные эксперименты? Да вы хуже Силантия! — вскричал Фома Никифорович.

— Тут выбирать надо, уважаемый триумвират. Либо эксперимент, либо три ракеты, — умиротворяюще произнёс Добрыня Никитович, оставшийся внешне непроницаемым.

— Ракеты!

— Эксперимент!

Добрыня посмотрел на своих соратников и сделал решающий шаг:

— Эксперимент до завтра. До завтра враги не дойдут до Волгограда. Потом три ракеты.

— Принято. Действуем!

И все трое начали действовать.

Дмитрий же стоял в стороне, безучастно глядя на трёх странных членов триумвирата. Труп генерала так и не убрали, он лежал на полу, и медальки разметались на комбинезоне и отблескивали в лучах солнца, падающих через окно. «Вот вам и вечная жизнь», — скептически думал Дмитрий.

— А отчего он умер?

Трое посмотрели на Дмитрия.

— Ах, он же без нейрочипа! И не поставит, в его возрасте реабилитация около месяца, а у нас считанные часы, — недовольно заметил Добрыня Никитович. — Без нейрочипа его эффективность будет стремиться к нулю.

— Как раз это замечательно! — воскликнул Ярослав Макарович.

— И что делать?

— Просто введём объект в курс текущих событий. Думаю, он примет нужное и правильное решение.

— Вы можете не называть меня объектом? — попросил Дмитрий. — И всё-таки: отчего умер ваш генерал?

— От несовершенства теории Симонова. Или неверного её трактования и применения, — ответил Ярослав Макарович. Остальные замахали руками:

— Как вы можете так говорить? Вы предатель веры!

— Господа, бросьте истерики. Сейчас надо решить насущную проблему, — ответил Ярослав Макарович, уже показавшийся Дмитрию нелогичным звеном в управлении нынешней святой Россией, а вовсе не сатрапом.

— Понимаете, Дмитрий Сергеевич... — Ярослав чуть замялся, — в священной России всё прекрасно. Нет ничего, что омрачило бы су-

ществование гражданина. Всё это благодаря теории Симонова и её всестороннему развитию святым Патриархом.

— Да что за теория такая? — спросил Дмитрий.

— Когда-то, много сотен лет назад, ещё до вашего рождения, мне кажется, один из медиков, Павел Васильевич Симонов, предложил свою информационную теорию, которую, правда, предали анафеме — время было не то. Но Патриарх, да святится его имя в веках, увидел в ней зерно истины. Теория эта, если выражаться простым языком, утверждает, что сила и качество возникшей у человека эмоции определяются силой потребности и оценкой способности её удовлетворения. Иными словами, если вы можете решить свою психологическую проблему, то у вас возникают положительные эмоции той или иной силы, в зависимости от желания. А если не можете — то отрицательные. В наше время, когда мир разложен по кирпичикам, когда ясно, что человек — часть материального мира и иного не существует, теория эта замечательна прежде всего своей простотой и логичностью. Были проведены опыты, она подтвердилась полностью. А раз человек есть животное по сути своей, то и эмоции — неотъемлемая часть природы, химические реакции организма — есть основная движущая сила его поступков. Проблема счастья проста — заberi у людей отрицательные эмоции, оставь положительные — и человек счастлив. Именно это и учёл святой Патриарх в своих исследованиях и трудах.

— Замечательно. И как же забрать отрицательные эмоции? — насмешливо спросил Дмитрий, осознав глупость услышанного.

— Зря смеётесь, — покачал головой Ярослав Макарович. — Это вполне осуществимо. Во-первых, нужно удалить основной страх человека — страх смерти. И Патриарх подарил нам бессмертие. Медицина победила старение. Вот мне уже без малого сто лет, а я бодрее вас.

— Врёшь! — озадаченно пробормотал Дмитрий. Ярославу Макаровичу больше сорока дать было трудно.

— Не имею такой привычки, — с улыбкой ответил Ярослав Макарович и продолжил. — Кроме страха смерти есть ещё немало эмоций, вызванных невозможностью решить ту или иную проблему, встающую перед человеком. Например, неверно выбранный путь существования. Патриарх дал нам программу выбора пути. И человек получает смысл жизни, который именно для него подходит. Это во-вторых.

— Допустим. Но разве это всё, что даёт отрицательные эмоции?

— Конечно, нет. И у нас ещё множество законов, которые направлены именно на исключение возникновения негативных состояний индивидуума. Но...

Ярослав поднял указательный палец и опустил его, давая понять, что сейчас скажет самое главное, то, в чём кроется проблема. Дмитрий усилил внимание, которого уже не очень хватало.

— За эмоции в мозге отвечают несколько желёз. Научившись регулировать выработку ими секрета, можно свести на нет те или иные состояния. В обители Сколково это делать научились. И нейрочип, который Патриарх подарил каждому гражданину священной России, служит не только для соединения с нейросетью, но и для регулировки и контроля секреторной деятельности мозга. Правда, у членов триумvirата эта функция нейрочипа отключена.

— Почему? — уже догадываясь, спросил Дмитрий.

— Потому что граждане с подключённой функцией не способны на экстраординарные действия. Отрицательные эмоции у них отсутствуют. Столкнувшись с проблемами или новыми задачами, их мозг отключается. Граждане готовы выполнять свои функции, которым их обучили, не более. А верховный триумvirат должен быть всегда в состоянии решить любые задачи.

— Значит, вы залезли каждому человеку в мозг и сделали их роботами? — возмущённо спросил Дмитрий.

— Ну уж и роботами! Нет, все граждане — обычные люди. Просто очень счастливые. А разве это плохо? Это прорыв в существовании человечества!

Несмотря на полное неприятие вмешательства в организм человека по причине боязни любых медицинских действий, Дима всё-таки сумел поразмышлять. Правда, заняло это у него значительное время. Триумvirат в это время безмолвствовал, труп генерала остался коченеть на полу.

«А ведь есть правда в его словах, — думал Дмитрий. — Чем прозябать в грязи и нищенстве, желать зла ближнему, завидовать успешным, убивать подобных себе или, наоборот, плевать на всех ничемных с высоты своего величия, не лучше ли быть просто счастливым человеком среди подобных? Ведь именно это проповедуют все псевдосвятые любых конфессий. Именно этого хочет большинство людей. Разве это не выход из животной жизни общества Земли? Но как же быть с микросхемой в голове? Это насилие...»

— Да уж какое насилие! Все молодые люди только и мечтают о нейрочипе! Ведь он даёт небывалые возможности! С ним всё

доступно и просто! Не надо ни мониторов, ни средств коммуникации, ни книг — ничего. Нейросеть даёт всё, а человек растворён в нейросети. Он часть её. Нейросеть — это не только самообучаемая система, это система, соединённая со всем населением России, со всеми её мозгами. Это замечательно! — воскликнул Ярослав Макарович.

Остальные кивнули.

Дмитрий помнил о сетке с датчиками у него на голове, и поэтому согласился, что это действительно прорыв. Так, на всякий случай. Чтобы мысли его не читали. И перестал думать.

— Зря вы так. Не бойтесь. Ничего плохого в нейросети нет. В вашем доисторическом интернете всё было гораздо хуже. Но я не закончил. Видите его? — указал Ярослав на труп генерала.

Дмитрий кивнул.

— У нас возникло две проблемы. Первая — это неожиданная смерть индивидуума при возникновении неразрешимых задач, связанных с его жизнедеятельностью. Нейрочип не справляется с секреторной функцией желез, по какой причине — мы установить не можем. Происходит перегрев процессора, охлаждаемого кровью, повышение температуры тела — и смерть. А вторая проблема — это бегуны. Они бросают свой путь, указанный нейросетью, и бегут прочь от общества. И мы тоже не можем понять, почему. Вот поэтому вы и нужны нам, вы — представитель древней досетевой цивилизации, столкнувшийся с отрицательными эмоциями множество раз и успешно решающий возникающие проблемы. Наше общество забыло, как это делать. Нам необходимо модернизировать нейросеть, и вы должны нам в этом помочь. А сначала вы должны спасти границы святой России от толп исламских варваров.

— Точнее, от трёхсот пятидесяти человек, — уточнил Добрыня Никитович. Видимо, он получил данные спутника.

— Как? — с удивлением воскликнул Дмитрий, которого совсем не вдохновляла его новая важная роль в бытии.

— Мы не знаем. Если бы проблема имела решение, мы, безусловно, всё бы сделали. Но генерал был только один. Теперь все войска России находятся без управления, — с сожалением констатировал Фома Никифорович.

— У вас что, на всю страну один генерал? А как вы управляете огромной армией? — всё ещё нервно спросил Дмитрий.

— Армия не такая уж и большая. Протокол выбора пути нечасто даёт направление в армию. Да и нужды в личном составе вооружённых сил особо не было — вся оборона автоматизирована.

— Так направьте в место прорыва этих врагов полк. Или батальон, что там у вас есть. Их триста пятьдесят, полк гораздо больше по численности. Зачем вам я? — высказал очень умную мысль Дмитрий и остался этим вполне доволен.

Ярослав Макарович вздохнул, переглянувшись с коллегами.

— Вот мы вам говорим, говорим, а вы всё не понимаете ничего. Полк послать можно. Но кто в этом полку служит?

— Солдаты, — буркнул Дмитрий.

— Верно. Граждане Священной России, выбранные протоколом пути. Согласно их физическому состоянию, остроте реакции, умственным способностям, оценённым по анализу нейронных связей мозга. По их максимальному потенциалу, возможному к отдаче службе родине именно в данной профессии. Обученные в военных школах тому, что им будет необходимо для реализации их общественной функции. Но все они имеют нейрочип. А нейрочип подавляет мозговую и секреторную деятельность, связанную с появлением отрицательных эмоций. И представьте, мы бросим их в бой. Столкновение лицом к лицу с врагом вызовет у солдат негативные эмоции, связанные с тем, что они, войдя в непосредственный контакт с противником, вынуждены будут убить его. Кроме того, противник будет убивать наших солдат, что вновь вызовет у них отрицательные эмоции при виде смерти и понимания, что каждый может умереть. Я думаю, что выработка адреналина начнется ещё при поступлении приказа, потому как этот приказ будет отдан впервые и поставит солдат в тупик. И что потом? Полк, который вы хотите отправить в зону прорыва границы, по вышеописанным причинам сдохнет, ещё не выйдя на марш! — Ярослав Макарович выдохнул.

— Так отключите нейрочипы, — посоветовал Дмитрий.

— Это невозможно.

Дмитрий смотрел на триумвират, триумвират с беспокойством глядел на Дмитрия. Молчание с противостоянием взглядов с одной стороны, с надеждой и недоверием с другой с абсолютным удивлением и презрением продолжалось минут пять. Потом Дмитрий заговорил:

— Покажите карту... ну, где это всё происходит.

Ярослав Макарович услужливо вывел спутниковое изображение на монитор в стене.

Жёлто-зелёное панно, прорезанное полосками овражков, тёмными лентами речушек и редкими островками серых деревьев появилось перед Дмитрием. На фоне этих красок были видны малень-

кие фигурки людей, которые медленно двигались к краю монитора.

— Вот они, исламисты, — прошептал Фома Никифорович и почти лишился чувств. Добрыня подхватил его и усадил в кресло.

— И-и... что? — совершенно ничего не понимая ни в военном искусстве, ни в сложившейся ситуации, спросил Дмитрий.

Ярослав Макарович понимающе кивнул.

— Наша оборона состоит из перекрывающих секторы обстрела электроимпульсных пушек. Каждая пушка страхует две другие. Пушки управляются нейросетью, задача оператора — лишь загружать боеприпасы в нужное время. Электроимпульсная пушка требует очень много электроэнергии, поэтому все они питаются от мощных подстанций по силовым кабелям. В данном случае враги смогли вывести из строя сразу три орудия, получив тем самым брешь в обороне границы.

— А больше нет линий обороны?

— Есть. Ещё одна линия обороны находится в глубине на расстоянии трёх километров от первой.

— Так в чём дело? Задействуйте её.

— Вторая линия обороны построена очень давно и состоит из обычных орудий и тактических ракетных установок...

— Замечательно!

— Отнюдь. После джихада мы не имеем доступа к хлопковым плантациям, а разработки по применению конопли и льна, кроме пошива одежды, ни к чему не привели...

— При чём тут хлопок? — недоумевающе спросил Дмитрий.

— У нас нет пороха, молодой человек, — держась за сердце, пояснил Фома Никифорович. — Нет хлопка — нет пороха. — И подумал: «Ну вот как этот питекантроп сможет нам помочь?»

— Да, вторая линия обороны, к сожалению, не активна из-за отсутствия боеприпасов, — подтвердил Ярослав.

— Пороха нет? Так и патронов нет?

Триумвират кивнул.

— И автоматов, ружей, пистолетов? — тревожно продолжал вопрошать Дмитрий.

— Ничего нет, — обречённо ответил Добрыня.

— Замечательно! Подведу итоги: в священной России нет стрелкового оружия, нет пушек и ракет, армия мрёт сама от одного только упоминания о защите родины, а у руля стоят три молодых старикашки, которые верят в некоего патриарха и больше ничего не могут. Замечательно. Вы что, совсем тут с ума сошли? Мы в своём времени

страну не просрали, так теперь вы решили доконать родину? — неожиданно резко заговорил Дмитрий.

— Кто же знал... — бормотал Фома.

Но Дмитрий уже вошёл в состояние стресса. «Вот чёрт, идиоты! Помочь им надо. Микросхемы людям вставили и рады, что те послушные. Уроды будущего. Солдаты с микросхемами. Полиция тоже. Все перегреются, если в бой. Оружия нет. Пушки перетаскать?»

— Пушки не демонтировать быстро, процесс трудоёмкий, недели три... — ответил услужливо Ярослав Макарович, пристально следя за Дмитрием, — а оружие есть. Электроимпульсное.

— Какое?

— Есть старые ядерные танки под Мурманском. Нейроуправляемые.

— Так давайте их!

— Один танк — это огромная масса. Кроме того, реакторы заглушены, нужно время, чтобы запустить. А перебросить их в зону прорыва займёт неделю — уж очень тяжелы и негабаритны. А передвигаются сами медленно.

— Варианты? Самолёт?

— Что вы! Самолёт — это стратегический резерв. Никак нельзя! — воскликнул Добрыня Никитович.

— Да, у нас немного самолётов, в них топливо ещё доджихадистское, последние капли сэкономлены от нефтяных материалов. Самолёт — это резерв на крайний случай! Спалим топливо — больше его не изготовить, — подтвердил Ярослав Макарович.

— А сейчас у вас не особый случай? Вы просили меня помочь, так слушайте, что говорю, — тихо сказал Дмитрий.

Триумvirат перекинулся взглядами, потом все кивнули.

— Два самолёта взлетают, посадка в Мурманске. Ядерные танки подготавливают. Через сутки два танка можно доставить в район прорыва. Но... — Ярослав Макарович осёкся.

— Что ещё? — уже раздражённо спросил Дмитрий.

— За сутки исламисты захватят электростанцию, а это катастрофа. Около ста орудий на границе, и всё управление будет у них. Плюс обесточенный район страны. Может, всё-таки три ракеты?

«Вот как они страной управляли? — подумал Дима и сел в кресло. — В конце концов, это уже не моя страна. Моя, но время не моё. Какая мне разница? Пусть всё идёт к чёрту! Моя страна... Интересно, а мои потомки тоже здесь теперь?» — эта мысль ещё не приходила в голову Дмитрию.

— Ваши прапрапраправнуки проживают в столице. Все умницы, красавцы и красавицы. Работают на важных предприятиях и в учреждениях. В вашем роду был даже профессор медицины, — услужливо сообщил Ярослав Макарович. Всё-таки он был очень хитрый человек.

«Зараза какая этот Ярослав! Ведь специально всё узнал по своей сети и сообщил. Специально. Не всё равно мне. Танки через сутки. Солдаты небоеспособны. Что же делать?»

Ярослав Макарович закивал головой, понимая, какая он зараза, но взгляда от Дмитрия не отвел.

Театральная пауза затягивалась. Четверо в комнате и одна Аграфена в коридоре совершенно не видели выхода и не могли ничего придумать. Триумвират смотрел на Дмитрия, а он смотрел в окно.

С высоты здания всё казалось миниатюрным внизу: маленькие люди с нейрочипами в голове радостно шли по своим важным для государства делам, небольшие баклажаны-автобусы сами собой доставляли их в нужные места, где-то работали автоматические комбайны, собирая урожай белково-клеточной массы для переработки в полезную, но невкусную пищу. В домах работали инженеры и химики, учёные и просто работяги, давая стране то, что они могли дать для её процветания. Над столицей святой России плыли редкие облака, которые казались ближе, чем насекомые-граждане внизу, на каменистом покрытии, которое в безнефтяной век заменяло старый, добрый, веками укладываемый в огромном количестве и постоянно растворяющийся в тех же веках асфальт. А где-то там, на далёких границах родины, шли вперёд страшные моджахеды, угрожая всему, что покойно существовало в данном месте, не зная об угрозе.

Дмитрий встряхнул головой, вспомнил о совершенно ещё не ведомых ему правнуках, о сыне, что остался в далёком родном прошлом, слеза скатилась по его давно небритой щеке, а в голову, обычно пустую и ненапряжённую, пришла мысль.

— У вас нейрочипы эти когда вставляют людям? — спросил он триумвират.

— По достижении совершеннолетия, обычно в восемнадцать лет, после прохождения обучения, — непонимающе ответил Ярослав Макарович. Видимо, Дмитрий научился не проговаривать мысли с помощью лицевых мышц.

— Военные школы в районе прорыва есть? С молодёжью без чипов?

— Да, есть недалеко.

— Отлично!

— Да что вы задумали? — тревожно воскликнули одновременно Фома и Добрыня.

«Всё-таки мысли они и вправду читать не умеют, не обманули», — подумал Дмитрий и улыбнулся. Он видел перед собой сына, уже большого для игрушек и машинок, но ещё маленького с точки зрения взрослого человека. Кто из нас воспринимает всерьёз этих, ещё не оформившихся физически и умственно, не понимающих жизни юнцов? Что они могут? Лишь искать развлечения и делать гадости взрослым. И когда же они вырастут и возмужают? Нет, все мы хотели бы видеть своих детей маленькими, беззащитными, требующими любви, ласки и постоянной опеки. Так уж устроен человек, не желающий отпускать детей от себя. Но Дмитрий вспомнил последний сплав с детьми. Они всё могли делать сами. Им не требовалась помощь. Им не нужна опека. Они выросли.

— Мне нужно туда! — коротко отрезал Дима.

Ярослав Макарович кивнул головой, в помещение зашла Аграфена Петровна.

— Пойдёмте, я сопровожу вас в электролёт. Буду с вами. Полномочия мои подтверждены, ваши тоже.

— С Богом, — прошептал Ярослав Макарович, не обратив внимания на уничтожающие взгляды Фомы Никифоровича и Добрыни Никитовича.

Аграфена провела Диму коридорами на задний огромный двор здания, который занимала величественная металлоконструкция, представляющая собой хитросплетение труб, балок, ферм и тяжёлой; общая направленность всего этого огромного конгломерата металла была устремлена в небо под углом в сорок пять градусов, во всяком случае как смог на глаз определить Дмитрий.

— Для экстренных перемещений мы используем электролёт. Грузоподъёмность небольшая, но скорость выше, чем у поездов. Вот, заходите сюда, садитесь в кресло и руки положите вдоль колен, — указала Аграфена Петровна на вполне удобное кресло, находящееся в дыре огромной трубы. Оно напоминало сиденья «американских горок», сходство это подчеркнула дуга безопасности, опустившаяся на плечи Дмитрия, когда он сел.

Аграфена заняла место с другой стороны рядом. Конструкция завибрировала, невидимые прежде двери закрыли от них внешний мир.

— Сейчас вдохните и сожмите зубы. Будет перегрузка, — деловито предупредила девушка.

Дмитрий подчинился и даже глаза закрыл. Не любил он экстремальные аттракционы. Перегрузка вдавила его в кресло так, что весь воздух, что был в лёгких, немедленно вышел наружу, а кишечник издал нехорошие звуки. Но в шуме машины это прошло незаметно. Вскоре инерциальные силы перестали воздействовать на тело, не стало слышно ни звука.

— Для экономии энергии и достаточного ускорения мы на начальном этапе взлёта используем разгонный рельс с электромагнитным принципом. А сейчас уже работают сверхскоростные электродвигатели, приводящие в движение воздушные винты. Заряда батареи нам хватит до фазы планирования в назначенную точку, — спокойно поясняла Аграфена Петровна.

Окон у летающей конструкции не было, но полёт продолжался не очень долго, Дмитрий даже поспать толком не успел, как почувствовал знакомое ощущение свободного падения, как всегда бывает при снижении самолёта. Вскоре электролёт затрясся по земле и плавно остановился. Двери открылись.

— Полковник Карпенко рада приветствовать вас в военной школе священного Патриарха, да святится его имя во веки веков! — раздался снаружи командный голос.

Дмитрий вылез из кресла и обнаружил стоящую возле серебристого корпуса электролёта, ошестившегося огромными винтами, пожилую, но подтянутую женщину в комбинезоне с регалиями. Больше никого на площадке не было. Аграфена вылезла и первой пожала руку полковнику. Дмитрий проделал то же самое. Рукопожатие женщины было крепкое, как у мужчины.

— Военная школа в полном вашем распоряжении! — отрапортовала полковник Карпенко.

Дима взглянул на заходящее солнце, последние красные лучи которого кровавой пеленой втекали в глаза, мрачно окутывая степь ночной чернью. Вроде бы степь была такая же, как и в его времени, и солнце обычное, но в душе он чувствовал, что всё совсем нехорошо в этом странном пространстве, куда попасть можно только во сне, да и то не в каждом. Адреналин растворился в потоках крови, подмышки вспотели, голова начала лихорадочно работать.

— Где враг? — спросил он пересохшими губами Аграфену.

Та учтиво подсунула планшет с картой.

— Тридцать километров от нас. Двигается на Волгоград. На данный момент передвижение не фиксируется.

— Где вторая линия обороны?

— Мы на ней находимся. Но вектор ожидаемого перемещения врага пересекает линию чуть дальше.

— Сколько у вас детей в школе? — Дмитрий обратился уже к полковнице, которая стояла навытяжку и не интересовалась происходящим.

— Четыреста человек! — отрапортовала та.

— Оружия, я понимаю, нет?

— Так точно! Нет!

Дима прикинул расстояние до точки, которую отметила на карте Аграфена, подумал, что это всё безумие, и произнёс:

— Поднимайте детей! По тревоге или как там у вас делается.

Полковник Карпенко отдала честь, крикнула «Есть!», и густой спрессованный воздух спустившейся ночи разорвал истошный вой сирены.

Глава 10. Маленькая победоносная война

Анна выбежала со всеми на плац, ничего не понимая спросонья. Заняла место в строю рядом с Максимом, который тоже зевал и потирал глаза. Но через несколько минут строй замер, пожирая глазами три плохо различимые фигуры впереди. Анна присмотрелась — это была женщина полковник, начальник школы, какая-то смазливая девушка и немолодой мужик.

— Смир-р-рна! — крикнула полковник, но мужик шагнул вперёд, жестом давая понять, что команду исполнять не надо. Говорил он тихо, совсем не так, как настоящие военные. И совсем не так, как все здесь, в этом гнезде странных противозаконных боевиков.

— Ребята, дело такое. Сейчас надо будет пробежать несколько километров. Там, куда мы направляемся, через границу прорвались враги, как вы их называете, исламисты. До подхода основных сил их надо будет задержать.

— Как мы их задержим? — раздался из строя одинокий возглас.

Полковница строго шагнула вперёд, дабы пресечь. Но мужик продолжал:

— Я сам не знаю как. Придумаем, пока бежим. К нам движется подкрепление, оно должно подойти к обеду следующего дня. Надо продержаться.

— А оружие нам дадут? — это уже крикнул Максим, стоящий рядом с Анной.

— Оружия пока нет, но мы его раздобудем. На месте, где мы должны обороняться, есть старый блокгауз. Возможно, там есть оружие. А сейчас надо бежать, — мужик устало махнул рукой.

Анна по инерции повернулась вслед за всеми и побежала в ночь. Прохлада воздуха забиралась под комбинезон и сначала охлаждала тело, но после нескольких минут бега стало жарко. Рядом пыхтели остальные. Анна оглянулась назад: мужик едва поспевал за ними, плетясь позади и тяжело дыша. Он явно был не военный.

Лучшего времени для побега у Анны бы не нашлось. Южная ночь прекрасно скрывала любого, луны не было, лишь яркие звёзды освещали безоблачный небосвод, Млечным Путём указывая плоскость эклиптики родной галактики. Вот только куда бежать, Анна не знала, астрономии она не учила и по звёздам ориентироваться не могла. Поэтому, трезво рассудив, что скрыться может в любой момент, решила идти со всеми до конца. Минут через тридцать интенсивного маршброска из темноты выступили очертания приземистого бетонного строения, ошестинившегося грозными стволами орудий. От строения разветвлялись крепкие ходы сообщения, куда и хлынула толпа учеников военной школы. Спустя некоторое время на место прибыл едва дышавший невоенный мужик. Он постоял, наклонившись и держась за печень, что естественно для пьющих, усилием воли выпрямился и прохрипел:

— Ищите оружие.

— Эта линия обороны законсервирована, орудия огнестрельные, боеприпасов к ним давно нет, — отрапортовала выглядящая совсем не уставшей полковница.

Мужик помотал головой и вновь пояснил:

— Ищите что-нибудь, ребята.

— Выполнять! — скомандовала полковница.

Молодёжь рассыпалась по тёмным переходам.

Через час все стояли, держа в руках кто палку, кто ржавый старый железный прут, а некоторые обзавелись лопатами и граблями. Удачливый Максим сунул Анне в руки пожарный топор, у себя же оставил короткий ломик.

— Это всё? — спросил мужик, обходя строй бойцов.

— Так точно! — ответили ему.

Мужик присел на корточки в явном замешательстве. Рядом с ним стояла полковница и смазливая бабёнка, которую мужская половина учеников военной школы осматривала с особым вниманием, даже местами менялись, чтобы увидеть поближе.

Анна движение это заметила, скривилась: чем она хуже? Бабёнка ей совсем не понравилась — всё время молчала и улыбалась. Подозрительная какая-то. А вот мужик внушал уважение, сначала Анна не знала почему, но потом услышала от него следующее:

— Так, ребята! Я не солдат, далеко не солдат. И в своём времени им не был толком. Понимаю, что с этим барахлом мы с врагом ничего сделать не сможем. Но вариантов нет, как говорится, позади Москва... Нам бы чуть их задержать. Поэтому давайте разделимся на четыре группы по сотне. Командиров групп назначит ваша начальница.

— Есть! — прогремела полковница.

— Две группы с флангов уйдут в степь и будут отвлекать внимание. В драку не лезьте, просто поорите чего-нибудь, и бежать. Одна группа здесь, в укреплении, будет создавать шум. Четвертая в резерве, если что — выходите пугать на подмогу. Когда совсем будет плохо — бегите. Всё, что могу придумать. Эх, пару-тройку «калашей» бы...

Народ зашумел, но, направляемый твёрдым голосом полковницы, разделился и начал расходиться. Анна осталась в группе, укрывшейся в окопах.

— А как связь держать? — вдруг спросил мужик девицу.

— У них нейросчитыватели на голове. У командиров. Полковник Карпенко взяла.

— Тогда, Аграфена Петровна, ты со мной будешь. Со своим чипом в башке, — обречённо пошутил мужик, и тут же, как будто вспомнив что-то, вскинулся. — А эта девушка вроде здесь должна быть? Анна?

— Вот она, — Аграфена указала на Анну, стоящую совсем рядом с топором в руках.

«Откуда он меня знает»? — подумала Анна, смотря в глаза мужику. Тот спрыгнул в ход, подошёл поближе.

— Ты как здесь, нормально?

— А вы кто? — Анна не любила фамильярности. И вообще, уже была готова сигануть в ночь, бросив дурацкий топор.

— Я Дима... Короче, я тебя искал там, в заповеднике. Ты же из ментовки?

Анну передернуло. «Сам ты из говна. Но откуда он знает про заповедник? Он, может, свой, из комитета или прокуратуры? Ведёт себя не так, как все. Что же делать, дать ему топором по голове и бежать»? Мысли неслись, но результата их полёта в голове Анны не формировалось.

— Я тоже сначала не поверил. Но это правда. Мы каким-то образом оказались в далёком будущем. Хотя до сих пор мне кажется, что

всё лишь сон... Странная страна, хоть и называется Россией. Люди с чипами в головах, всеобщая эйфория от бытия... Нейрокоммунизм прямо — вот, придумал название этому безумству. Короче, сиди тихо, не высовывайся. Когда всё закончится, а я думаю, что всё закончится благополучно, — мужик придвинулся к уху Анны и зашептал, — от Аграфены уйдём тихонько, я знаю, как нам выбраться...

Анна отстранилась, но потом кивнула, рассматривая мужика по имени Дима. Умалишённых она уже насмотрелась, этот был не лучше, но в его словах были некоторые моменты, которые заставляли её задуматься, а не правду ли он говорит. Будущее? Если принять за истину эту нелепую мысль, то картинка складывалась. Вот только в машину времени Анна совсем не верила. А раз перемещение невозможно, значит мужичок нагло врёт и доверять ему никак нельзя. Но после всего этого времени, проведённого в странном военном лагере один на один с неразрешимыми проблемами, очень хотелось верить.

Мужик ушёл, сославшись на необходимость поговорить с другими подростками. Анна же, уловив момент и сверившись с направлением движения вероятного противника, перелезла через бетонный бруствер укрепления и растворилась в ночи. Она шла осторожно, стараясь не шуметь, хоть иной раз сухая трава предательски потрескивала под ногами. Но ночь скрывала её передвижение, а верный путь, который она запомнила, украдкой глянув на монитор полковницы, поддерживала по яркой звезде, отмеченной заранее. Так на звезду и кралась. Топор она прихватила с собой, памятуя о постоянно забываемом пистолете на работе — мало ли что.

Прошло больше трёх часов ходу, пока вдалеке она не заметила слабые огни костров. Это был верный знак. Анна решила всё быстро, почти не думая. Раз враги сектантов рядом, значит надо идти к ним, враги врагов — друзья. Возможно, эти враги были отрядом спецназа, направленным сюда, или полицией — всё равно, они — стражи закона, а значит, её друзья. В слова странного мужика она уже не верила. Анна крепче взяла в руку топор и смело, держа осанку, вышла на первый костёр. И поняла свою ошибку. Вокруг костра сидели бородастые люди в разношерстной одежде, у каждого было оружие странной конструкции, и говорили эти люди на совершенно незнакомом языке. Когда первый из них увидел девушку, то вскинул винтовку, целясь Анне прямо в голову. Другой что-то сказал, зло, отрывисто, недоброе что-то. Когда она встала, не понимая, что же делать дальше, остальные бородачи у костра громко рассмеялись, переговариваясь.

Первый, с винтовкой, подошёл к ней, грубо вырвал топор и швырнул Анну за шею к костру. Та упала, больно приложившись щекой к прохладному песку. Пока приклад винтовки не достиг её затылка, она успела лишь подумать: «Тот мужик, возможно, был прав, а я нет». Потом мир в её глазах померк.

Очнулась Анна от тёплого и солёного, которое заполнило рот. Кровь! С трудом подняв руку, потрогала волосы на голове — колтун, запеклась. Голова трещала. Бородачи были рядом, не обращали на неё внимания. По интонациям и фонетике Анна поняла — говорят на арабском. Она приподнялась, пытаясь всё делать незаметно, начала отползать в сторону, но наткнулась в темноте на чью-то ногу, обутую в стоптанный ботинок армейского покроя. Ботинок несильно пнул её в живот, от чего стало больно и ужасно обидно. Она подняла глаза, чтобы уничтожить владельца тяжёлого ботинка хотя бы взглядом.

Бородач смотрел на неё сверху вниз и улыбался, что-то сказал, обратившись к другим. Те рассмеялись. Анна читала в детстве рассказы про войну, смотрела кино про плен, но никогда не думала, что это происходит именно так — страшно, обидно, безвыходно, безысходно. Мозг не работал, она просто сжалась в маленький комочек и захотела исчезнуть, уснуть, просто умереть. Но грубая рука схватила её за волосы и потащила к костру. Анна не сопротивлялась, у неё не было сил, она тащилась за бородачом, как мешок. Её усадили, остальные начали тарачиться на неё, тщательно разглядывая.

Наконец один из арабов задал вопрос, на который, ничего не понимая, Анна ответить не могла. Ей дали воды, а когда она выпила, остатки плеснули в лицо и засмеялись. Наверняка она выглядела жалко: спутанные волосы, кровь с грязью на лице, нелепый мешковатый комбинезон, мокрая от воды. Зачем она думала о внешности сейчас? Просто так получалось, ей надо было думать о чём-нибудь отвлечённом, чтобы не осознавать своего положения в данный момент. Ей что-то говорили, она не понимала. Она хотела домой, к маме, даже к противному Серёже, даже просто ни к кому, просто домой, в маленькую квартирку с протёртым диваном и стареньким телевизором. Но неожиданно над головой у неё раздалась русская, хоть и не чистая речь.

— Как тебя зовут?

Анна подняла глаза и увидела красивого, чернявого молодого человека в чистой одежде с какими-то рисунками на вороте арабской рубахи.

— Аня, — ответила она, почему-то назвав себя уменьшительным именем.

- Ты откуда, Аня?
- Оттуда, — кивнула она в темноту.
- Ты в Бога веришь?

Анна задумалась на минуту и кивнула.

Молодой человек что-то сказал по-арабски остальным. Те недовольно зашумели. Но были прерваны его жестом.

— Если ты веришь в Бога, а не в патриарха, то ты наш гость. Иначе — ты наш пленник, и будешь наложницей того, кто увидел тебя первым, — юноша показал пальцем на её обидчика.

— Я верю! — чуть не крикнула Анна.

В этого патриарха она точно не верила и даже не знала, кто он такой. А Бог наверняка есть, уж если он её спасает сейчас. Она никогда не была в церкви, никогда не учила ни одной молитвы, никогда не ставила свечек, в принципе — никогда не задумывалась о существовании Бога, но именно сейчас ей показалось, что Его ангелы распростёрли над ней крылья. Она вспомнила, как креститься, и неловко задвигала правой рукой со сжатыми в щепоть грязными пальцами.

Бородачи молча смотрели на неё.

Её спаситель жестом пригласил Анну подальше от костра, подал кувшин с водой. Она умылась с наслаждением, словно впервые ощущала эту прозрачную жидкость. Затем, уже у костра, под незнакомый говор страшных людей, Анна ела руками вкуснейшее мясо, поданное юношей, рис с восточными специями, вгрызаясь в давно забытую плоть и переминая зубами сладковатые белые зёрна.

Юноша подал ей воды, которую она пила, словно это был лучший коктейль в её жизни. Вытерев руки о комбинезон, она по его велению опёрлась спиной на тёплые бедра юноши и, прикрыв глаза, ощущала его осторожные прикосновения, его движения рук, которыми он аккуратно разбирал и расчёсывал, как мог, спутанные и окровавленные волосы.

— Потерпи, — его мягкий акцент усыплял, — ещё немного, я промою рану и уберу кровь. Наложу мазь, она быстро поможет тебе. Меня зовут Хассан.

От этих движений Анна млела, впадала в ступор, от его голоса она успокаивалась и совершенно не думала уже ни о чём.

Бородачи, выставив охранения, завалились у костра, а её юноша ласково взял за плечи, поманил за собой. Он открыл дверцу стоявшей неподалеку бронемашины, грозно щетинившейся стволом орудия, и сказал:

— Залезай, Аня! Тут тепло, а ночи в степи холодные.

Анна залезла, уже расположилась на раскладной лавке, но что-то подняло её вновь, и она, как дикая кошка, метнулась к уже почти хлопнувшей двери, открыла её и, схватив своего спасителя за руку, с силой затащила в машину.

Хассан со своими оставшимися моджахедами только к вечеру смог откопать и перерубить кабели, тянувшиеся глубоко под землёй к изрыгающим снаряды орудиям. Он давно рассчитал, что если замолчат три пушки, остальные стрелять не станут — не достанут. Но кабели были далеко и глубоко, пришлось подтащить землеройную машину, которую всё-таки достали снаряды последнего орудия. Тогда копали вручную. К вечеру пушки смолкли, лишь в оптические прицелы было видно, как дальние орудия водят своими смертоносными стволами в бессилии поразить врага. По тоннелю проехали ещё три боевые машины небольшого размера, в том числе и машина Хассана, украшенная гепардами. Войск противника разведка не обнаружила, пролётов дронов тоже. Хассан понимал, что спутники всё равно засекут их передвижение, но решил, что люди устали и им надо отдохнуть. Развели костры, готовили еду, говорили об удачной атаке на страшные пушки.

Хассан сидел у катков машины, рассматривая звёздное небо, размышляя о древних именах звёзд, данных им людьми прошлого. Иногда он думал о тех, кто не пошёл за ним, оставшись за линией границы. «Люди, как звёзды — холодны и расчётливы. И только когда небо чисто, воздух прозрачен, только тогда звёзды дарят нам свой свет, порождая слабое ощущение тепла. Когда люди увидят, что путь свободен и ничего не мешает — только тогда они пойдут даже за воином Аллаха. Но не будет тепла от их поступков, лишь тусклый свет подобия праведного дела». Хассан знал, для чего он пошёл воевать — лишь маленькая победоносная война укрепит в умме его авторитет, лишь тогда ему окончательно поверят, лишь тогда он сможет объединить всех вместе и построить сильное исламское государство. И он был исполнен решимости довести войну до конца. Солдаты противника падут за смертью при виде его бойцов — так обещал старик. Так и будет. Иначе уже вся русская армия обрушилась бы на них. Но ночь была тиха, пока у одного костра не раздалась громкие возгласы.

Хассан не хотел идти туда, продолжая размышлять над праведным и неправедным в мире и в его действиях, но шум усилился. Он подошёл к моджахедам и увидел её. Она была совсем не такая, как все девушки, на которых он заглядывался ещё в посёлке старого шейха. Отблески костра высвечивали её спутанные светлые волосы,

крово-красный их цвет отражался в голубых глазах, как дикие лани в озерах оазисов. Линии её тела не могла скрыть грубая ткань комбинезона, красоту её не портили подтёки крови и грязи на лице, совсем нет, она была прекрасна. Девушка сидела у костра, молчала и дрожала всем телом. Она была беззащитна перед миром войны, она была слаба и прекрасна.

— Откуда? — спросил Хассан моджахедов.

— Я поймал, моя добыча! — ответил один из них. — Будет хорошая наложница и хорошая кухарка.

Хассан вновь взглянул на девушку. Нет, она не могла быть ни наложницей, ни кухаркой, она могла быть только его, Хассана, женой. Так решил в этот миг Аллах, а кто противится Всевышнему — тот не получит рая в Последний день.

— Нет, друг. Это не пленница. Она верит во Всевышнего, а верующий человек, который пришёл к правоверным, не может стать пленником. Так говорил Пророк. Он может быть лишь гостем.

— Но она язычница, слуга шайтана — патриарха!

— Нет, она христианка. И Иса был одним из пророков, но ему не поверили. А над Исой был Аллах. Так что ты не прав, брат. Не гневи Всевышнего, он знающий и справедливый, отпусти девушку.

Моджахед неохотно кивнул головой, подчиняясь воину Аллаха. А Хассан, едва скрывая своё влечение, начал умывать, кормить и поить неземную беловолосую красавицу небольшого роста, потерявшуюся в огромном мире человеческих страстей и религий.

Её звали Аня. Имя, которое можно перевести на арабский со множеством смыслов. И все эти смыслы были приятны Хассану. Кипящая, как вулкан, и одновременно смиренная, как воды залива в ночной час. Пленная и страдающая — это сейчас, но и счастливая и благополучная, какой он её сделает непременно. Он перебирал её спутанные волосы, смазывая их маслом оливы, чтобы отчистить от крови и пыли, а сам думал о том, как же ей понравится. И совсем уже не думал о завтрашнем дне, о набеге на город, о захвате плотины, о трудностях, что ждут его впереди, о славе и единении уммы, о покорности рабов и уважении мусульман, о праведности ислама и мерзости веры в патриарха — он не думал ни о чём, он хотел лишь перебирать её волосы.

А потом он отвел её в машину: там тепло ядерной батареи согреет тшедушное тельце Ани, уберезёт от холодной ночи, а броня уберезёт от посягательств воинов. А он будет сидеть у двери и охранять её покой. Так думал Хассан, проводив её и прикрыв дверь, пока рука

девушки, удивительно сильная, не завлекла его внутрь боевой машины, пока её страстные губы не коснулись его обветренных, пока тело её, трепещущее под тканью грубого комбинезона, не отдало своё тепло его крепкой груди. Он неожиданно обмяк, не зная, что же делать, но Аня, взяв всё в свои руки, сама сняла с него одежду, сама прильнула к нему, выскользнув из своей, и Хассан погрузился в тот таинственный сладкий рай, из которого никогда бы не хотел уходить.

На следующий день отряд выступил в нужном направлении. Аня сидела сзади, её было практически незаметно. Хассан поглядывал на приборы, вёл машину, стараясь не опережать пеших. Через несколько километров на дисплее показалось укрепление русских. Приземистое бетонное сооружение, довольно массивное, из амбразур которого хищно торчали стволы орудий.

— Стойте! — воскликнул Хассан через переговорное устройство. Отряд замер, опытные бойцы рассыпались в цепь и залегли. Хассан приблизил укрепление, ничего хорошего оно не сулило. Эти пушки сметут всё, что будет двигаться. Надо было подумать. Смущало лишь одно: пушки не стреляли. Почему? Автоматические орудия первой линии обороны поливали их снарядами за несколько километров, а тут было совсем близко. Хассан поразмышлял и решил — эти пушки не управляются по сети. Это был шанс.

— Правый и левые фланги — занять оборону! Пустить дронов! Боевым машинам — назад!

Приказ был выполнен, Хассан включил задний ход и отполз за ближайший холм. Батарея машины совсем разрядилась, хватит ли её до плотины? Аня так и сидела в десантном отделении и молчала. Хассан вспомнил ночь, и испытал чувство нежности к русской девушке. Она будет его женой, женой воина Аллаха, самой великой женщиной на свете. Она просто ещё не знает, кто он такой!

Дроны, запущенные моджахедами, передавали информацию: в укреплении были солдаты. Причём с совершенно незнакомым Хассану оружием, видимо новейшие разработки русских. У солдат в руках были непонятные предметы, о назначении которых он, знавший всё на этом свете, ещё не догадывался. Хассан решил не лезть напролом, тем более что отряд русских насчитывал немало бойцов, которых, конечно, было меньше, чем моджахедов, но солдаты были в обороне, а это давало им преимущество, тем более с тяжёлыми орудиями.

— Правый и левый фланги! Обойти по периметру, радиус пятьсот метров!

Моджахеды двинулись в обход, но тут дроны заметили движение. Справа и слева находились отряды врага с оружием. Хассан был в котле. Тактически это было провалом. Хассан дал приказ отступить, не ввязываясь в кровопролитие. Война должна быть победоносной, а если так не выходит — отступление вовсе не проигрыш, а лишь военная хитрость. «Покажи свою слабость, — так писал великий Сунь Цзы, — и поймай врага на приманку». Так и вышло, из передних укреплений вырвались преследующие, сжимая секретное оружие, кричали «Ура!» — боевой клич русских, бежали к моджахедам, но ответными очередями безгильзовых винтовок были остановлены, срезаны, убиты. Лишь один смог избежать пули, лишь один, забывший страх или просто лишившись разума, сжимая в руках своё секретное оружие, которое почему-то не использовал, бежал, не глядя на трупы и свистящие пули, бежал, как раненый вепрь, пытаясь догнать отступающих в боевом порядке людей Хассана. И догнал. Бегал он, видимо, быстро, но был повержен ударом приклада на землю, скручен и притащен под ноги воина Аллаха как есть, сжимая оружие и пытаясь дальше продолжать атаку в своей истерии и вере в патриарха — шайтана. Он кричал, захлёбываясь кровавой пеной:

— Ур-р-ра! За святого патриарха! За священную Россию! Ура!

Но ноги его, сучившие по земле, не могли поднять тело, руки не могли поднять оружие, глаза, ослеплённые ударом приклада, не могли видеть сквозь кровавую пелену, и рот его забился землёй, глуша крики. Он не умер, как обещал старик Хассану, он всё ещё бежал в атаку с ненавистью и неистовством, и моджахеды с опаской вырвали из его рук неведомое оружие и принесли воину Аллаха.

Хассан осмотрел его. Это была железная палка сантиметра три толщиной, заостренная с одного конца, а с другого расплющенная. Хассан вспомнил название предмета. По-русски он коротко назывался «лом». Это был древний предмет для ремонта. Солдат бежал в атаку просто с железной палкой, которая совсем не могла стрелять. Хассан замер в недоумении.

— Собака! Позволь, я отрежу ему голову! — вскричал один их моджахедов, но сзади раздался тихий и твёрдый голос:

— Людей убивать нельзя...

Аня приблизилась к пленному, ласково подняла его голову.

— Максим! Это я, Анна. Успокойся, не кричи, у тебя сотрясение мозга. Я здесь, я никуда не уйду, молчи, терпи, всё будет хорошо...

Хассан жестом отвёл своих бойцов, взирая на эту картину и не понимая, как люди могут сопротивляться безоружными.

Картинки, переданные дронами, стали понятны. В руках у врагов были палки.

— Людей убивать нельзя, — повторила Аня, немигающе глядя в глаза Хассана своими голубыми глазами.

Три боевые машины, имеющиеся у моджахедов, смели бы оборону русских в несколько минут. Две из них, без гепардов на бортах, уже хищно водили стволами пушек, готовые изрыгнуть огонь и пламень на противника. Но Хассан почему-то медлил.

— Воин Аллаха! Хитрость врага раскрылась! Прикажи наступать! — кричали моджахеды.

А Хассан молчал.

Что он делает? Для чего убивать людей? Для величия ислама? Разве убийство сделает что-то великим? Для счастья уммы? Разве счастье одних стоит несчастья других? Разве Коран не говорит — в исламе нет места несправедливости и притеснению, и мир только способствует увеличению числа правверных?

Но в Коране сказано, что если ты встретишься с ними в битве, то покарай их сурово, дабы рассеять тех, кто позади них.

Хассан размышлял. Если бы неверные вышли против них с равным оружием, то это было бы справедливо. Но он напал на их землю, пусть с истинной верой и поддержкой Всевышнего, а они защищают эту землю голыми руками. Есть ли оправдание его действиям в этом случае? Хассан мучительно перебирал аяты и хадисы, не находя ответа.

Пленный лежал на земле, немного успокоившись на руках у Ани.

Моджахеды рвались в бой, ожидая приказа. Впереди и сбоку стояли русские с палками в руках. Хассан колебался. Позади них, на границе, его победы ждали тысячи бойцов, желающих трофеев, пятая часть которых предназначена Аллаху. Всё замерло, внимая командиру.

И Хассан бы сделал так, как хотели массы, повёл бы в бой моджахедов во имя Аллаха, но тысячи снарядов ударили по боевым машинам, превратив их в решето, люди его бросились на землю в ужасе, а потом бежали прочь, к границе, видя, что снаряды не попадают в них, уничтожив лишь машины. Но грозные танки огромного размера показавшиеся на горизонте, изрыгающие смертоносный металл, трепещущие в мареве горячего воздуха, не давали сомнения в том, что уничтожат всё, что встанет на их пути. Моджахеды бежали, лишь Хассан упал на колени возле Ани и пленного и молился, не обращая внимания на свист пуль, молился Аллаху, чтобы напавил его

на истинный путь, который он потерял, выйдя из своей деревни по наставлению старого шейха в этот непростой мир.

Дмитрий взглянул на уже светлое небо. На юге быстро темнеет, и ночь черна, но так же быстро и восходит солнце. Он не привык к этому, это казалось ему странным, хоть и знакомым. На Урале всё происходит плавно: как природные явления, так и жизнь. Жизнь просто течёт, медленно, неуклонно, тихо, как уральские горные реки, которые вполне можно пройти на шесте, они совсем не такие, как горные стремнины юга. Люди живут, что-то делают, поднимаются против течения, устают, сплавляются вниз, совсем не быстро, так, отдавшись воле бытия, богатеют и нищают, ибо мала разница между тем и тем, болеют и умирают, как бы невзначай, так же тихо, как и жили, ибо время не повернуть вспять, нет другого выбора, несмотря на то что кто-то хотел бы иначе.

«Скоро, — мелькнула мысль, двойственная, как всегда у людей, — скоро умирать или скоро бой? И то, и то. А потом всё пройдёт. Нет, не всё. Надо как-то выбираться отсюда. И эту Анну прихватить, ненормальную. Не верит в то, что с ней случилось».

Дмитрий спохватился, потянул за руку Аграфену Петровну.

— Слышь, Груша...

— Аграфена я.

— Знаю, это уменьшительно-ласкательное, из Достоевского. Ты бы шла в бункер. Затаись там и глаза закрой. И уши. Я к тебе приду, когда надо будет связаться по вашей нейросети. Ты на фланги передала, что им делать?

Аграфена кивнула, закатила глаза, видимо, повторяя приказ.

«Ещё бы эту полковницу в бункер. Они же с нейрочипами, ведь как с генералом может приключиться беда».

— Полковник эта, как её...

— Карпенко?

— Ага, она где?

— На правом фланге готовится к обороне и бою.

— Ты ей передай, что надо тоже в бункер, как тебе.

— Она не хочет, хочет орден и в Дом Счастья и Пенсии.

— Тогда передай ей, что она дура! И срочно в бункер!

Может быть, Аграфена и передала, но в бункер вбежал мальчишка:

— Господин командующий, враги!

Дмитрий вышел из укрепления, прищурился на солнце, взглядываясь в даль. Зрение было уже не то, что раньше. Но он увидел двига-

ющиеся к нему три приземистые машины и кучу маленьких фигурок возле них.

— Сейчас подождём немного, пусть зайдут в котёл, потом поднимай тряпки, как договаривались, сигналы для флангов.

Парнишка в мешковатом комбинезоне кивнул. На лице его не было ни капли страха, только азарт интересной игры.

Прошло немного времени, машины двигались, враг заходил в капкан. Правда, всё это было лишь блефом. Оружия у мелких солдат, мальчишек и девчонок, собранных Димой, не было. План его заключался лишь в том, чтобы создать видимость обороны, испугать противника. И может быть, дожидаться обещанных танков, летящих на дефицитных самолётах откуда-то с севера. Боевые машины смущали Дмитрия, ведь план подразумевал быстрое бегство, если блеф не пройдёт, но как убежать от бронетранспортёров? Никак, но отступить от задуманного нелепого плана было поздно.

— Тряпки!

Парень вытянул из окопа палку с серыми, невесть откуда взявшись трусами.

Сначала центральные окопы ошетились палками и лопатами, выставленными кверху, послышался стук их друг о друга. Враг приостановил движение, над Димой пронёсся неизвестного вида маленький летательный аппарат.

«Типа беспилотника что-то», — подумал Дмитрий, хотя беспилотники видел только по телевизору, и они были гораздо большего размера.

— Давай на фланги сигнал, — крикнул он парнишке.

Тот усиленно замахал трусами. Действия повторились с двух сторон, стук-бряк, какие-то неоговорённые заранее возгласы.

Враг увидел, что с флангов он зажат. Немного постояв на месте, прожужжав мелкими летучими мухами беспилотников над всеми обороняющимися, начал движение. Движение было направлено назад. Дмитрий увидел, что машины попятились, за ними медленно двинулись и фигуры людей, они начали отходить. План сработал. Время выиграно. Теперь, скорее всего, враги просто обойдут их с другой стороны, вот и всё. Надо было давать сигнал к быстрому бегу всех детей куда подальше. Но случилось неожиданное: из окопов с криком «Ура» и с палками наперевес выбежал десяток парней, возглавляемых полковницей, намереваясь преследовать отступающего врага.

— Идиоты! Назад! — крикнул Дмитрий, но никто его не услышал.

И тут раздались выстрелы.

Дети упали, полковница притормозила порыв, схватилась за голову и тоже рухнула, как подкошенная. Только один парень продолжал бежать на врагов, выставив перед собой палку, ворвался в их ряды и исчез из поля зрения. Враг остановил отступление. Дмитрий понял, что всё кончено.

«Не вышло. Не судьба. Буду надеяться, что это всё-таки сон, и когда меня убьют, я очнусь в своём времени. Я очнусь... А они, дети?»

Дмитрия трясло то ли от страха, то ли от обиды. Он посмотрел на парнишку, сжимавшего рядом палку с нелепыми трусами. Тот тоже дрожал.

— Ты не бойся, обойдётся... Может... — неуверенно попытался успокоить его Дима.

— Я и не боюсь. Пусть они поближе подойдут, тут посмотрим, кто кого. Издалека все стрелять могут, — спокойно ответил парнишка, перехватив покрепче свою палку.

— А чего дрожишь тогда?

— Так это земля дрожит. Слышите?

И действительно, бетонные стенки окопа мелко тряслись, из них выпадали камешки. Вибрация усиливалась. Дима осторожно высунул голову наружу, покрутил ею и в тылу увидел огромное облако пыли. Начали доноситься гул и лязганье чего-то очень большого и тяжёлого. Парень тоже выглянул назад и радостно завопил:

— Наши атомные танки!!! Сейчас они им покажут!

А Дима неожиданно разглядел впереди, там, где был враг, маленькую фигурку с белыми волосами, беззащитную, в окружении других вооружённых и бородатых людей.

— Сейчас как пальнут! — продолжал парень восхищенно кричать.

Палить было нельзя. А танки, насколько понимал Дмитрий, были неуправляемые, автоматические, и только эта несчастная нейросеть могла внести коррективы в их действия. Он метнулся в бункер.

Аграфена Петровна сидела там, где он её оставил, точно соблюдая все рекомендации: закрыв глаза и зажав уши. Дмитрий отодрал её руки от ушей и закричал:

— Скажи им... Передай... Танкам или кому, нейросети вашей... Короче, пусть не стреляют!

Аграфена удивлённо посмотрела на него:

— Это противоречит алгоритму. Танки не могут не стрелять, это не в моей компетенции.

— Ну сделай же что-нибудь! Там наши... Там девчонка эта, Аня! Там, у них, у исламистов!

Аграфена закрыла глаза, и в этот момент над бункером послышался зловеший шелест быстролетящих предметов. Танки начали стрелять.

Дмитрий грязно выругался, на что Аграфена Петровна спокойно ответила:

— Прицел ниже, снаряды пошли мимо. В людей не попадут. Это в моей компетенции.

Дима вылетел наружу, выглянул — взметнувшаяся земля закрыла от него фигурку девушки, но враги бежали, бежали быстро, подгоняемые фонтанами неточных попаданий, бросив бронемашину, изрешечённые сверхзвуковыми выстрелами электроимпульсных пушек огромных атомных танков.

Танки прогрохотали мимо, они были просто гигантские. Иногда они останавливались, видимо, для получения боеприпасов от маленьких, приземистых машин-роботов, снующих туда-сюда, и вновь открывали ураганный огонь.

Когда два танка прошли над ними и удалились на большое расстояние, Дмитрий побежал в сторону, где последний раз видел Анну. Там он её и нашёл, держащую на руках одного из парней, который выбежал в дурацкую атаку. Рядом с ними на коленях стоял исламист, молодой, с чёрной бородой и голубыми глазами. Он не обращал ни на кого внимания, даже на парня, который порывался встать:

— Пусти меня, я его задушу!

Но Анна не пускала, повторяя лишь одно:

— Людей убивать нельзя...

Дмитрий потрогал её за плечо, посмотрел в глаза:

— Ты как?

— Всё в порядке. Всё хорошо.

— Тогда нам надо идти, пока неразбериха, понимаешь? Тут где-то поезда есть, я так понимаю, всё бесплатно, нейркоμμунизм у них. Доедем до столицы, там уже близко.

— До Москвы?

— Да нет, у них столица теперь в Перми. Потом на место бывшего заповедника, туда в их времени какая-никакая дорога есть, доберёмся. А там всё узнаем, как мы сюда попали. Есть одна идея. Ну, вставай, время дорого!

— Я без него не пойду, — указала Анна на молодого моджахеда.

— На кой он тебе?

— Он муж мой.

Дмитрий опешил. Мало того, что девка точно не в себе, она ещё

и мужа нашла в будущем. Что делать с мужем-арабом, Дмитрий не понимал, но точно осознавал, что надо бежать.

— Чёрт с ним, давай, бери. Да вставайте вы! Один на коленях, другая сидит! Тут же тотальный контроль, нас быстро найдут, бежать надо!

Но никуда сбежать они не успели. Серо-зелёная бронированная машина остановилась возле них, выпустив из своего нутра Аграфену Петровну, злого ангела Дмитрия, а вместе с ней ещё с десятка храбрых военных, увешанных медальками и знаками различия. Один из военных отдал честь Дмитрию.

— Капитан Добромыслов! Господин исполняющий обязанности командующего! Исламисты отброшены за линию границы, танки на страже, проводятся восстановительные работы на огневых рубежах. Военная школа отправлена в расположение, наши потери: пять раненых и одна погибшая, начальник школы полковник Карпенко!

«Кто бы сомневался», — подумал Дмитрий, понимая, что уже не скрыться.

— Вас просят срочно прибыть в столицу. Триумvirат уполномочил меня доставить вас и девушку, — капитан указал на Анну.

— Я не поеду без него, — упрямо твердила она, держась уже за моджахеда.

— Понял! Триумvirат утвердил: пленного Хассана ибн Хибатиль аль Бармаки взять с вами и доставить в столицу. Прошу в машину!

Делать было нечего, пришлось залезать.

Глава 11. Откровения старого Силантия

Потом была дорога, скоростной поезд со спецвагоном, станция. Станция была новая, красивая, фантастическая. «Пермь Вторая» — объявил металлический голос для кого-то, хотя все и так знали, куда приехали. Нейрочипы были у каждого, исключая Дмитрия, Анну и Хассана. Эскорт военных вывел бедняг на перрон. Пахло так же, как во времена былые, запах не могли истребить века, а может, потомки всё продолжали мочиться на тёмные закоулки великой российской железной дороги.

Анна и Хассан всю дорогу молчали, как тряпичные куклы, лишь девушка постоянно держала руку моджахеда у себя в ладони. Дмитрий, сначала осуждавший молчаливо этот союз, походящий на курортный роман в Турции, потом перестал обращать на них внимание, сосредоточившись на главном — побеге.

В принципе, первоначальная цель была достигнута: они прибыли в Пермь, осталось добраться до места. Но как это сделать, Дмитрий пока не знал. Аграфена зорко следила за ним, а военные были с ней на одной волне. Безоблачное небо лета, так странно постоянное, дарило тепло, на площади перед вокзалом их ждали автоматические машины. «Наверно, новые технологии: никогда не было, чтобы в Перми летом не шёл дождь», — подумал Дмитрий, садясь в транспорт будущего.

Знакомое здание из стекла и бетона встретило их. Лифт, высокий этаж, лица триумvirата. Лица безмятежные, улыбающиеся, довольные. Особо широко показывал зубы Фома Никифорович, Добрыня Никитович был не менее доволен, Ярослав Макарович оставался в тени двух других, как бы давая понять, что хоть он и всё организовал, всё-таки скромность украшает человека.

— Дмитрий Сергеевич! Спаситель отечества! Родина вас не забудет! — пафосно произнёс стандартные слова Фома, не забыв добавить: — Да святится Патриарх во веки веков!

— Не иначе именно Патриарх волею своей подвиг вас на великое благое дело! — подхватил Добрыня.

— Аллилуйя! Орден мужественному Дмитрию! Волею Патриарха учредим и новый, орден Дмитрия... Как его фамилия-то? И первым кавалером будет он! — Фома Никифорович был в ударе.

— Что там орден, главнокомандующий! Место вакантно, оно ждёт героя! Завтра объявим всенародный праздник, и на Соборной площади вручим ордена и звание. Генерал! Может, восстановить звание маршала? — озабоченно суетился Добрыня.

— Маршала никак нельзя, Добрыня Никитович. Если будет маршал, то придётся добавлять генералов, а у нас строгая экономия, — опустил его на землю Ярослав Макарович. Вообще, этот Ярослав был человеком странным, хитрым и фальшивым, так показалось Дмитрию, который на минуту маршалом быть захотел. Но тут же передумал, потому что всё было в этом мире фальшиво и не по-настоящему.

— А с этими что? — кивнул он на Анну и Хассана.

— Так как всегда... — неопределённо ответил Ярослав.

— Это как? В тюрьму?

— Я же говорил вам, нет у нас тюрем, это пережиток прошлого. Девушку вернём в военную школу, исламиста на медобследование, программу выбора пути, потом нейрочипы вживим — и пусть работают на благо святой России.

— И мне нейрочип? — спросил Дмитрий.

— И вам, как же без него исполнять обязанности главнокомандующего? Как руководить войсками?

Триумvirат одобрительно закивал.

— Итак. Завтра великий праздник счастливого освобождения от ига Халифата. Награждение, представление нового генерала. Думаю, святой Патриарх именно этого и хотел бы. Да святится его имя во веки веков! — подытожил Добрыня Никитович.

— Святой патриарх ваш был лишь человеком! Что вы его приплетаете всё время? Это не религия, это поклонение золотому тельцу. Умер ваш Патриарх сто лет назад, насколько я понял, а вы всё молитесь непонятно кому! — раздражённо сказал Дмитрий. — Нет никого: ни патриарха, ни бога. Чушь это всё! Просто мозги людям затуманили своей нейросетью. Отпустите нас.

Триумvirат замер от такого богохульства. Потом Фома Никитович очень чётко произнёс:

— Уста твои не знают, что произносят. В сердце твоём чернота. Да, бога нет, учёные вскрыли все тайны вселенной. Но только благодаря святому Патриарху! Если бы не он, весь мир лежал бы в руинах, а люди вновь превратились бы в обезьян. Если бы не он, не было бы святой России, а лишь бесплодные земли в руках варваров Запада. Уверуй, генерал! Иначе не будет тебе вечной жизни и Дома Счастья и Пенсии! Сгниешь в могиле, поеденный червями!

— Как я могу верить в мертвеца? Он хоть бы воскрес, как Иисус, — парировал Дмитрий, но Ярослав Макарович, отведя пускающего пену Фому, неожиданно уточнил:

— Как же так, в мертвеца? Святой Патриарх живет всех живых.

— Ага, как Ленин в мавзолее? Или, типа, идеи живы?

Ярослав Макарович усмехнулся осторожно, но исправился, соорудил торжественно-таинственную мину и пояснил:

— Нет, жив он, да святится имя его. Жив, как и вы. Бессмертие — это его открытие и подарок России. Кстати, он ждёт вас. Не соизволите ли представиться? Вот и время как раз, господин генерал.

Дмитрий опешил, не понимая. Патриарх, местный божок, которому поют псалмы, живой?!! Это был новый поворот в фантастическом приключении в не очень адекватном, по его мнению, будущем.

Его повели куда-то в этом же здании, лифт нёс в непонятность, не ощущалось, то ли вверх, то ли вниз. Сопровождал весь триумvirат, и даже позади стояла скромно очаровательная Аграфена Петровна, едва дыша от предвосхищения чего-то очень торжественного. Наконец двери лифта мягко распахнулись, Ярослав Макарович вывел

Дмитрия на мягкий ковёр большой залы, гораздо больше даже столовой, где раздавали положенную пайку клейстера.

Свет был приглушён, откуда-то издалека играла музыка, совсем не бравурная и не энергичная, тихая, спокойная, кажется, Григ, хотя Дмитрий в музыке уж совсем плохо разбирался. Вполне возможно, что Грига он перепутал с Прокофьевым, тем более что в России вряд ли включили в торжественном зале западную музыку. А «Петя и Волк» вполне было таким же сказочным, как и «Пер Гюнт». Дмитрий осторожно шагнул по ковру, который был настолько необычен и мягок, что он даже потрогал рукой поверхность — чистый шёлк и шерсть в одном.

— Да, молодой человек, это разработка Сколково. Последние достижения переработки углеводов, — из полумрака раздался голос, бодрый, уверенный, чуть выше обычного мужского тембра. Иной раз с хрипотцой, свойственной курильщикам, эпатажным фигурам и пожилым людям.

Дмитрий поднял глаза и узрел фигуру небольшого роста в спортивном костюме, а не в привычном уже комбинезоне. Лысый череп матово блестел под неярким светом. Глаза умно щурились, испытующе осматривая Диму. Когда удалось разглядеть лицо, то оно было мертво, гладко, бледность покровов поражала. Морщин не было, но то, что человек очень стар, это не могло скрыть. Он был стар. Но разум все ещё не покинул его тела, наоборот, удивительным образом остался ясным.

— Нефть и газ, основа нашего процветания в былые годы, закончились. Вот этот ковер — всё, что осталось на память о прошлом. Но прошлое — лишь миг во времени. Каждая прошедшая минута удаляет нас от него, сама превращаясь в прошлое, но приближает к новой минуте, которая зовётся будущее. Тебе, как я понял, удалось преодолеть время быстрее, чем позволяет вселенная?

Дмитрий кивнул, рассматривая молодящегося старика. Что-то знакомое было в его облике, где-то он видел его раньше.

— Святой Патриарх! К сожалению, мы не смогли выяснить механизмы временного сдвига, который послал нам Дмитрия Сергеевича. Мы будем работать не покладая рук для изучения данного феномена! — подобострастно склонил голову Ярослав Макарович.

Святой Патриарх благостно махнул рукой, все тут же пали ниц на мягкое изобретение Сколково.

— Творите, дети мои, да воздастся вам всем добром. Я позабочусь об этом. Этого молодца вы хотите видеть генералом?

— Да, святой Патриарх, он выиграл войну!

— Так и быть, пусть будет.

— Да святится имя Ваше!

Дмитрий, который остался стоять, несмотря на то что Добрыня Никитович настойчиво дёргал его за штанину комбинезона снизу, открыл было рот, собираясь задать этому Патриарху несколько вопросов, волнующих его, как почти демократа, но старик полуразвернулся, сказав напоследок:

— Дети мои, держайте на благо России, как я, положивший свою вечность служению нашей Родине, и Родина не забудет вас.

И удалился довольно вялой походкой старого человека в темноту огромной комнаты.

Грянул гимн.

Ярослав Макарович потянул Дмитрия назад:

— Всё, благословлён. Идёмте, не будем мешать Патриарху, он устал.

Все попятились в лифт, двери закрылись, и тут Дмитрий вспомнил, где он видел этот прищур, этот стальной взгляд, это гладкое лицо. В телевизоре! Ещё там, в своём прошлом! Неужели это он?

— Это... — только и смог сказать Дмитрий Ярославу, на что тот приложил палец к губам и многозначительно кивнул.

— Это Святой Патриарх. Он сказал — прошлое не имеет значения. Прошлое прошло — его нет. Не стоит вспоминать то, чего уже нет. Так что — тс-с-с! Мы помним великие дела, которые описаны в Евангелии, мы помним наших героев, мы помним великие победы. Больше не надо ничего помнить.

Триумvirат одобрительно кивнул.

Всё это было ужасно, но вполне естественно. Ведь Дима и в прошлом понимал, что есть необходимость в подавлении личности государством, и это есть благо, поэтому никогда не участвовал в политических спорах друзей за бутылкой водки. Какое было ему дело до оппозиционных выступлений, до микровойн в разных местах света, до коррупции, в которой он сам участвовал иной раз, давая деньги или оказывая услуги нужным людям? Все эти пересуды казались ему лицемерием и бесполезной тратой времени. Но сейчас он не был интегрирован в общество будущего, и всё, что происходило здесь, казалось ему жутким мракобесием. Страшнее всего было то, что он осознавал уже всю высокую архитектуру системы, всю её внутреннюю стройность и красоту угнетения. Он, как декабристы, рассмотрев систему изнутри, понял, что стоило бы всё изменить. Но, как и

декабристы же, был очень далёк от зачипованного счастливого российского народа фантастического безнефтяного будущего.

Спустя некоторое время после встречи с патриархом, когда Дмитрия оставили почти одного в комнате триумvirата, если не считать бдительную Аграфену Петровну, присевшую на стул у двери и внимательно следившую за всем происходящим, Фома Никифорович, Ярослав Макарович и Добрыня Никитович торжественно вошли в двери, неся в руках свёрток материи. Фома развернул его, это оказался льняной комбинезон высшего руководства со всеми регалиями генерала и даже с привешенными медальками.

— Поздравляю, господин генерал! Переодевайтесь. Пусть это будет первое, что даст вам звание. Лён мягок и удобен, в нём вы будете качественно и достойно выполнять функции управления армией. Второе — это орден, но его мы вручим в ближайшее воскресенье на Соборной площади, как полагается, с молебном и гимном. Третье — это нейрочип. После вручения ордена вы пройдёте в помещение инициации, где и получите долгожданный подарок.

— Да не хочу я! — вскричал Дмитрий.

— Не бойтесь, это совершенно безболезненно, период адаптации не больше тридцати дней, зато какие возможности! — успокаивал Ярослав Макарович.

— Да-да, и без нейрочипа как вы сможете двигать войска? — удивлялся отказу Добрыня Никитович.

— Я не хочу ничего двигать! Где девушка? Пустите меня к ней, и вообще... Отпустите нас.

— Ну что же вы заладили-то одно: пустите, отпустите. Дмитрий Сергеевич, пора стать уже ответственным, всё-таки генерал. Девушка в комнате, отдыхает, и исламист тоже. Пустим вас к ней обязательно, можете сами пойти, Аграфена Петровна проводит. Мы не приемлем насилия, у нас нет тюрем.

— Что с ними сделают? — не умолкал Дмитрий.

— То же самое. Нейрочип — и работа на благо священной России. По достижении пенсионного возраста семидесяти пяти лет — Дом Счастья и Пенсии, в вечный рай за заслуги перед Патриархом. У нас всё чётко, — ответил Добрыня.

Дмитрий в рай почему-то не верил. Хотя Патриарх стоял перед ним недавно, вполне живой и здоровый, а это значило, что бессмертие, подаренное им России, реально. Хотя как можно считать реальностью то, что с ним происходит? Как вообще установить грань между реальностью и вымыслом, сном, безумием? Возможно, животные

понимают как. Молодость не даёт отвлекаться на что-то трансцендентное, молодость тащит вперёд, к удовольствиям, победам, силе и сексу. Молодой Дмитрий не думал о снах и иррациональном. Но теперь, когда возраст заставляет иной раз думать о смерти, о вечном и преходящем, он иногда терялся в реальном и нереальном, сны бывали как явь. Но чувство самосохранения действовало и во сне.

— Отведите меня к ним! — потребовал он.

Триумvirат, кроме Ярослава, зашумел, мол, не стоит сейчас, всё-таки генерал.

— Примите форму, ещё бы в курс дел вас ввести надо, — задумчиво глядя на Дмитрия, произнёс Ярослав Макарович.

— Не хочу я ничего принимать. Дайте мне свободу! Я же человек!

Фома и Добрыня нахмурили брови, Аграфена Петровна привстала с краешка стула, словно поднятая чем-то, хотя Дмитрию было ясно чем — нейросетью. Сопротивляться было крайне неразумно, в голове созрел простой план: соглашаться, а при удобном случае улизнуть. Ночью, чтобы никого не было на улицах. Украсть машину. План был замечательный, но вот как машину украсть — Дмитрий не знал. Вообще, кроме мелочовки в детстве и монеток у папы из кармана, ничего никогда не крал. Но когда-то же начинать надо.

Ярослав Макарович поманил его за собой для интимного переодевания в какой-то другой комнатухе, каких было в этом здании огромное количество. Даже Аграфена не последовала за ними, шли долго по длинным коридорам с многочисленными поворотами. Дмитрий тут же отчаялся, поскольку не то что украсть машину, а выбраться из здания было проблематично, но надеялся на то, что будет ночевать в своей комнате, откуда путь к лифту он помнил. Ярослав Макарович завёл его в глухое помещение без окон и мебели, плотно прикрыл массивную дверь и передал комбинезон. Дима начал переодеваться, наплевав, что нижнего белья у него не было. Похоже, что его не было ни у кого, судя по крутым контурам Аграфены.

— Да, к сожалению, экономия. И материалов, и стиральных принадлежностей. Страна бедна, все деньги уходят на оборону и питание граждан. Не до трусов теперь, — констатировал понятливый Ярослав Макарович, — зато питание достаточное, образование хорошее, оброна крепка, и люди счастливы. Почти.

— Вы же понимаете, что это лишь благодаря вашему вмешательству в мозг посредством нейросети, — буркнул Дмитрий, напяливая на себя новый комбинезон генерала. И правда, он был удобный и по размеру.

— Понимаю. И вижу, что и вы понимаете. Я не хотел бы внедрять вас в нейросеть.

Дмитрий удивленно поднял глаза.

— Не беспокойтесь, это единственное место, где не работает связь. Я отсоединен от сети. Тут нет ничего, что могло бы передать данные. Организация этого места мне стоила много нервов, — вздохнул Ярослав.

— И зачем оно вам?

— Вы же видите всю несправедливость русского общества?

— Вижу.

— Я хотел бы всё поменять. Но у меня нет союзников. Патриарх уже совсем стар, он многого не понимает. В мире произошли значительные изменения, нам просто необходимо вновь интегрироваться в мировое сообщество. А с нашей верой, с нашим устройством государства это невозможно. Я увидел в вас потенциал, Дмитрий Сергеевич, я порекомендовал вас на должность генерала. Теперь, когда армия у нас в руках, мы сдвинем горы...

Дмитрий оправил комбинезон и позвенел медальками. Разглядывать, что на них было написано, ему не хотелось.

— Да вы революционер! — насмешливо произнёс он. — А как же Патриарх? Ваша вера в него? Бессмертие, которое он подарил? Это аргументы для народа.

— Вы многого не знаете. Нет бессмертия. Лишь видимость. При определённых условиях, пользуясь разработками наших учёных, жизнь можно продлить, но нельзя до бесконечности. Средняя продолжительность жизни в России семьдесят шесть лет. Если бы все жили вечно, нам бы не хватило ресурсов для прокорма этой оравы стариканов. Вы же понимаете.

— Как это? А Дом Счастья и Пенсии? А бессмертный Патриарх? Он, по моим подсчётам, уже лет триста небо коптит, — искренне удивился Дмитрий.

— Патриарх имеет доступ ко многим препаратам. С ними можно прожить и четыреста лет, но в каком состоянии, качестве — неизвестно. Дольше, к сожалению, вряд ли. А насчет Дома Пенсии и Счастья — он есть. Под него выделили Крым, туда свозят пенсионеров и перестают добавлять в пищу препараты. Они максимум год живут и умирают. Потом кремация. Вот и всё бессмертие. Всё ложь, Дмитрий Сергеевич. Нам необходимо всё поменять.

— Зачем?

Ярослав Макарович с удивлением вскинул брови.

— Зачем вам это? — повторил вопрос Дмитрий.

— Как зачем? Для блага страны! Только о нём и забочусь.

— И какое благо принесут изменения?

Ярослав Макарович стусевался, замолк, раздумывая над ответом, а Дмитрий продолжил:

— Всё благо будет лишь для вас. Вы станете новым Патриархом, подарите людям новое псевдочудо, может, два, потешите своё самолюбие, поживете триста лет и помрёте, как все. Что изменится?

— Вы не понимаете, — растерянно и чуть нервно возразил Ярослав, — ничего не понимаете, я всё изменю, я соединю локальную нейросеть с мировым эфиром, я отключу подавление эмоционального фона, я буду торговать электроэнергией, верну потерянные территории, усмирю Халифат, дам всем нормальную пищу, восстановлю нормальные семьи...

— Коньяка у вас таки нету, — прервал его Дмитрий. — А будет?

— Конечно, будет, коньяк и это... как её... водка! Будет новое счастье людей!

Дмитрий улыбнулся и покачал головой.

— Придумайте ещё что-нибудь интересное, свежее. А то у вас программа, как у всех. Не очень вдохновляет. И меня вы посчитали достойным помощником зря, я в своём времени на выборы ни разу не ходил, так зачем я здесь буду в политику лезть? Не волнуйтесь, я никому не скажу о нашей беседе. А теперь можно мне в комнату? Очень устал, хочется поспать.

Ярослав зло посмотрел на Дмитрия, так нехорошо, что даже ребёнку было бы ясно — не поверил. И при любой возможности ликвидирует помеху. И скорее всего завтра.

Дмитрий ещё раз укорил себя за несдержанность, которая портила ему жизнь со школьной скамьи, но сказанного не вернёшь. Бежать надо было этой ночью.

В комнате, где его оставила бдительная Аграфена Петровна после разговора с Ярославом Макаровичем, при этом, уходя, как-то очень игриво подмигнув, Дмитрий, проголодавшись, сунул тарелку под кран с питательным клейстером. Кран выдал отменную порцию еды, сдобренную чем-то чёрным, похожим на перец. Вкус добавки улучшил качество клейстера, а голод заглушил отвращение. Кроме того, вода из другого крана в бумажный стаканчик полилась чуть сладковатая. Сначала Дмитрий не обратил на это внимание, но после второго стакана — мучила жажда, как всегда, когда он был на нервах — вдрут

понял, что это неспроста, это его генеральским пайком потчуют. Во все века и во всех странах люди всегда делились на сорта, получая от государства и жизни чуть больше или чуть меньше материальных благ, и это новое российское государство не стало исключением.

Дмитрий усмехнулся, сообразив уловку подлого Ярослава, но подставил стакан в третий раз. Глюкоза не помешает, сегодня надо бежать. Дождавшись темноты в позе расслабленного тюленя на жесткой койке, покрытой льняным бельём, он решил действовать. Дверь не закрывалась и не имела запоров, как его убеждали члены триумвирата. Он осторожно проверил, нажав на ручку, — дверь поддавалась, чуть приоткрывшись и впустив рассеянный свет коридора в комнату. Что делать дальше, Дмитрий не догадывался. План был сыроват, а скорее его вообще не было. Дмитрий распахнул дверь пошире, но тут же отпрянул от неё: за дверью кто-то был. «Так и есть, обманули, следят!» — подумал он, не понимая, что же делать дальше.

По древнему закону природы принял позу максимальной защиты и быстро мимикрировал под спящего в кровати. Дверь тихо открылась, в освещённом проёме появилась фигура с чарующими линиями бедер и распущенными до плеч волосами. Фигура быстро избавилась от одежды — вездесущего комбинезона, который просто спал с тела при расстегивании тугих пуговиц на груди, — и стала медленно и пошло, что, впрочем, не мешало ей быть очень привлекательной, приближаться к кровати, на которой затаился Дмитрий. Он присмотрелся и узнал: это была совершенно голая, матово блестящая телом, как Маргарита после крема Азазелло, Аграфена Петровна. Вся была она прекрасна, с головы до пят, соблазнительно хороша, зовущая и доступная. В руках у неё были небрежно зажаты два бумажных стаканчика и маленькая бутылка чего-то, очень похожего на вино. Качая бедрами, Аграфена Петровна подошла к Дмитрию, развратно присела на кровать, которая была его последним убежищем, и очень томно произнесла:

— Я хочу вас, Дмитрий Сергеевич... Мой генерал...

Глаза у Аграфены блестели, грудь топорщилась по-боевому, руки тянулись к Дмитрию, ничего на ней не было. Неловко уронив стаканчики, она не выпустила бутылку вина, на которой виднелась надпись «table wine, California». Что делать с бутылкой, Аграфена Петровна явно не осознавала, но держала её как самую большую ценность, которую когда-либо видела. Это и смутило Дмитрия. Бутылочка была явно из запасов кого-то, очень желающего торгового обмена с другими странами мира. И этот кто-то её дал голенькой, смазливой

Аграфене, заставив делать то, что она очень неловко, почти без энтузиазма и необходимой в таких случаях страсти сейчас исполняла. «Ярослав, гад», — мелькнула мысль, расставившая всё по местам в голове Дмитрия.

— Я люблю вас... — продолжала фальшиво пищать Аграфена Петровна, не выпуская из рук бутылку, которая явно мешала ей продолжить алгоритм действий: снять комбинезон с объекта соблазнения. Действие остановилось в неловком положении, когда обнажённая женщина загоняет в угол вполне одетого мужчину.

Дмитрий потёр глаза, уже спокойно оценил красоты молодого тела, заметил, что загара почти нет, как нет и следов от интимных элементов одежды, оставляющих светлые полосочки кожи, осторожно слез с кровати и спокойно вышел из комнаты, подобрав комбинезон Аграфены для пушшего спокойствия. «Эта цепная псина Ярослава Макаровича в голом виде по коридору бегать не станет», — подумал он, и не ошибся. Путь был открыт.

— Я... Я... Я... А как же я? — слышался позади писк бедной девушки, которая, уронив наконец бутылку, обеими руками держалась за голову, сжимая её в надежде убраться от странной сильной боли в затылке.

Дмитрий шёл по коридорам по наитию, не ориентируясь. Это самое наитие вело его всё глубже в дебри здания, и он вовсе не искал выход. Он помнил цель: надо найти Анну. После нескольких поворотов, закрытых дверей, затемнённых ночным сумраком огромных окон он наткнулся на человека, который вытянулся в струнку и отдал ему честь. Дмитрий сначала не понял, что это было, даже немного испугался безмолвной фигуры в стандартном комбинезоне, но разглядел знаки отличия военного, а потом вспомнил, что на нём мундир генерала. Всё это было неожиданно приятно. Оглядев свои плечи и грудь, на которых красовались лычки, звёзды и нашивка с именем, Дмитрий приосанился, походка его сделалась свободной и непринуждённой, он подошёл к военному и задал ему прямой вопрос:

— Военный, где пленник с места прорыва исламистов?

Ведь он помнил, что пленник и Анна вместе. Если найти пленника, то он найдёт и девушку. А потом можно найти выход из здания.

— Мой генерал, пленный исламист по имени Хассан находится на этаже выше, в блоке «С», — отрапортовал военный, звания которого Дмитрий не смог разгадать. Да и где этот блок, он тоже не понимал. Оставалось пользоваться положением.

— Военный! Проводи меня к нему!

Приказ был выполнен беспрекословно, человек строевым шагом затопал по коридору, вывел на лестничную клетку, бодро взбежал по ней до следующего этажа, прогрохотал по коридорам и остановился у двери, возле которой стояли ещё двое военных, немедленно отдавших честь всему на свете.

— Мой генерал, он здесь. Девчонка тоже.

Про девчонку Дмитрий не спрашивал и тут же перепугался, подумав, что они читают его мысли. Но нейросчитывателя на голове не было. Стало быть, зря боялся, просто совпадение. Или ему уже поставили нейрочип? Нет, не ставили, точно не ставили.

Дмитрий отпустил первого военного и посмотрел на пару оставшихся. Ребята были дюжие, рослые, крепкие, с такими спарринг не выиграешь. Надо было что-то придумывать. Но ничего, кроме того, что генералу надо поговорить с заключёнными, в голову не лезло.

Военные по первому требованию открыли дверь и Дмитрия пустили, но выпустят ли они его обратно с Анной — в этом он был не уверен. Зайдя в комнату, в полумраке он разглядел кровать у стены, на которой клубком свернулась маленькая девушка, положив голову на колени восточного вида юноши в соответствующем наряде.

— Привет, — сказал Дмитрий первое, что пришло в голову.

— Привет, — спокойно ответил юноша, поглаживая Анну по голове.

— Это вы? Вы нам можете? — встрепенулась Анна.

— Как сказать... Знаю одно — нам надо отсюда сматываться. Как можно скорее.

И он коротко пояснил ситуацию, как всегда учили его на бизнес-тренингах, ибо каждый заинтересованный должен знать, для чего он что-то делает. Это заняло немного времени.

— Так бежим! — Анна вскочила с койки, потянув за собой юношу.

— За дверью два солдата. И я не думаю, что они выпустят вас. Даже несмотря на то, что я местный генерал, — пояснил ситуацию Дмитрий.

— Только два? — спокойно спросил юноша.

— Да. Разве это мало? Они крепкие парни.

— А куда мы пойдём? — так же спокойно поинтересовался араб.

Дмитрий даже сначала не понял, что тот свободно говорит на русском. Лишь небольшой восточный акцент выдавал в нём чужого.

— Нам бы выбраться из города на север. Там есть человек, который всё знает. Знает, как мы сюда попали, ну, я и Анна. Вас это не касается, разумеется.

Араб покачал головой:

— Уже касается и меня. Мы с Аней единое целое. Мы муж и жена. Так что я пойду туда, куда надо ей.

— Мне надо с ним, Хассан, — Анна указала пальцем на Дмитрия. — Вероятно, он знает, что делает.

— Тогда пойдём, — кивнул Хассан.

— Куда мы пойдём? Как пойдём? Два бойца за дверь, у всех в городе нейрочипы, нас засекут через пять минут, я уже проверял! — занервничал Дмитрий, понимая, что попал в тупик, из которого было не выбраться.

Но Хассан встал, отстранив Дмитрия от входа, осторожно открыл дверь и исчез за ней. Через минуту заглянул снова:

— Идём. Путь свободен.

Дмитрий, взяв за руку Анну, вышел в коридор. У стены лежали в неестественных позах два солдата.

— Живы. Без сознания, — пояснил шуплый юноша Хассан.

Глаза Анны горели страстью. Она более не видела никого, кроме него. Она знала — он спасёт. Дмитрий же осознал, что приобрёл хорошего помощника. Мозг внезапно заработал, разыскивая выход из ситуации.

— Этажом ниже в моей комнате девушка. Голая. Важная птица в этом мире. Она может нам помочь.

— Да вы похабник! — игриво воскликнула Анна, ластясь к Хассану. Тот же нахмурился, не одобряя.

— Да нет, так вышло. Взял её одежду, потому что у них, у этих людей, проблемы. Короче, если они не могут решить в сложной ситуации, что делать, то впадают в ступор и умирают. Так вот, поспешим, пока та девушка не померла без комбинезона, — пояснил Дмитрий.

Хассан кивнул. Это была правда, которую говорил ему ещё старик на границе. Русские не могут сопротивляться, если возникнет нештатная ситуация. А этот русский генерал, который чудом выиграл сражение, подтвердил слова старика. Но он выиграл, а стало быть, ему помог Аллах. А ещё была Анна, девушка, которую он всегда искал, а нашёл не там, на родине, в Халифате, а здесь, в странной враждебной России. И ещё был главный вопрос, на который старый шейх не дал ответа: праведно ли он, Хассан, поступает, затеяв маленькую войну. И даже если он избранный, воин Аллаха, стоило ли убивать неверных? Или гораздо справедливее нести слово Корана, Сунну, и убеждать неверных покориться этому святому слову? Это гораздо сложнее, чем просто убить, это гораздо ответственней, чем

нажимать на спусковой крючок, это гораздо правильней, ведь только Аллах властен творить суд, а суд над человеческой жизнью — самый страшный суд в мире.

Аграфену Петровну они обнаружили уже без сознания, но ещё живую, коротко вдыхающую ночной воздух комнаты, безжизненный, пустой, чистый. Кое-как натянули на неё комбинезон, Дмитрий смущался, Хассан вообще стоял в стороне — харам. Но Анна довольно споро застегнула все пуговицы, Дмитрий взвалил тело Аграфены Петровны на плечо — она оказалась лёгкой — и пошёл за Хассаном.

В коридорах они больше никого не встретили, стеклянные двери распахнулись, ночной воздух смешался с кондиционированным, придав сил странной троице, и они вышли на улицу. Куда идти дальше, никто из них не знал. Августовская ночь, чёрная, как крепкий кофе, с густым воздухом тьмы, в котором можно купаться, охватила их, накрыла своим пледом, потеряла в огромном мире, который скорее всего был ненастоящим. Хотя бы для двоих из них.

Огней не было, ночью драгоценную электроэнергию экономили. Никакого транспорта — автоматического ли, другого ли не наблюдалось, все улицы столичного города вымерли, потому что приличные граждане в это время спят, а других в святой России уже и не было. Разве что Дмитрий, Анна и Хассан.

Дмитрий всматривался в небо, пытаясь обнаружить давно забытую Полярную звезду. Дома закрывали своими тёмными башнями часть неба, найти было нелегко, но, наконец, он радостно взмахнул рукой, отсчитав положенные пять отрезков от ковша Большой Медведицы.

— Нам туда! — указал он на север в направлении звёздочки, мерцавшей на чёрном небе, и поправил тело Аграфены Петровны на плече.

— Послушайте, вы замечательный астроном, но туда сколько идти? — насмешливо спросила Анна.

— Четыреста километров, наверное, — буркнул Дмитрий, понимая, что даже без Аграфены он столько не пройдёт.

Хассан же на небо не смотрел, он осторожно оглядывал близлежащие двери и ворота, щели в домах и скрытые дворы. Вскоре жестом он позвал их в дальний конец стены здания.

— Транспорт, — указал он на ряд футуристических машин с полицейской государственной символикой.

Дмитрий вспомнил эти машины. У них не было руля, педалей, дисплеев, вообще ничего. Как ими управлять, было совершенно

непонятно. Он покачал головой в бессильном изнеможении и опустил Аграфену на землю. Та издала тихий стон.

— Она может управлять, — показал на неё Хассан.

— Она не станет этого делать.

— Разденьте её снова. Раз это так действует.

Но раздвигать не стали, завязали глаза и связали руки Аграфены за спиной аксельбантами с комбинезона Дмитрия. Анна похлопала девушку по щекам, та вздрогнула, встрепенулась, повращала непонимающе головой, ничего не видя из-за повязки на глазах.

— Она ничего не видит, — прошептал понимающе Дмитрий. — Ведь никого нет, нейросеть бессильна!

— Отпустите меня! — завопила Аграфена.

— Не можем мы вас отпустить, Аграфена Петровна. Нам бы надо уехать на машине, а управлять ей можете только вы.

— Вам не уйти! — кричала девушка.

— Чёрт, она сейчас поднимет тревогу... И всё кончено... Как я забыл, чёртова нейросеть! — Дмитрий сел на землю рядом с Аграфеной и обхватил голову руками. Никогда, никогда ему не вырваться из этого сна!

Анна обняла Хассана, пытаясь то ли спасти его, то ли спастись самой. Хассан ждал чего-то, поглаживая голову Анны, взгляд его теперь был устремлён на звёзды, признаков беспокойства он не проявлял.

— Что же нам делать... — простонал Дмитрий, уже не находя ни малейшего выхода, уже потеряв надежду и силы что-либо предпринимать.

— Ждать надо. Думаю, что всё будет хорошо, если то, что ты рассказал там, в комнате — правда.

— Да чего ждать?

— Воли Аллаха, — спокойно ответил Хассан.

Дмитрий хотел было в сердцах ответить, что нет никакого Аллаха и всё это предрассудки, заблуждения из средних, мрачных и антинаучных веков, но подумал, что для этих людей он сам из такого времени, да и про наличие или отсутствие какого-либо бога где-то в мире или за его пределами он точно не знал. В конце концов, чьей-то волей оказался он в этом месте? И это была не его воля.

Тишину ночи прервал тихий голос Аграфены Петровны:

— Хорошо. Я отвезу вас туда, куда вы хотите. Но снимите повязку с головы хотя бы.

— Не верьте стерве! — почему-то зло сказала Анна. Видимо, это была обычная женская ревность.

Аграфена по внешности выглядела моложе, ростом была выше, волосы у неё смотрелись здоровее, а ноги длиннее.

— Я не обману, отвезу. Я определила координаты места, где нашли Дмитрия Сергеевича и эту, — Аграфена коротко кивнула в сторону, откуда слышала только что ядовитый голос Анны.

— Не обманет, — подтвердил Хассан, снимая с головы девушки повязку.

Анна покачала головой, не одобряя действия, но не могла противиться воле прекрасного восточного принца, который стал её мужем, пусть хоть и на словах. Ведь браки заключаются на небесах, а где в этом мире будущего находится загс, Анна пока не выяснила.

— Она всё передаст в нейросеть, — предупредил Дмитрий, уже разбираясь в хитросплетении коммуникаций.

Хассан молча усадил Аграфену на место водителя машины, сам занял место рядом, приглашая остальных садиться назад. Машина включила фары, не для себя, для пассажиров, мягко тронулась с места и неслышно скрылась в темноте улиц.

Когда группа беглецов приехала на место временной сингулярности, туда, где покойный Корней Матвеевич смело произвёл два ареста бегунов — Анны и Дмитрия, солнце уже взошло над столетними соснами, согревая их смолистые стволы, которые отдавали в воздух запах бактерицидного ладана. Этот запах расслабил Дмитрия, заставил его поверить в удачу почти безнадежного предприятия. Он подошёл к арабскому юноше, который тоже раздувал ноздри, наслаждаясь воздухом, доньше ему неизвестным. Бриз Залива по утрам тоже придал сил, но и запах смолы в сосновом лесу был не менее приятен.

— Как ты догадался, что Аграфена нас повезёт? — тихо спросил Дмитрий Хассана.

— Просто. Раз эта женщина сотрудник полиции или секретной службы, то она явно имеет приказ — найти того старика, к которому ты ведёшь нас. Это уловка с её стороны: когда мы найдём старика, который, по-видимому, представляет для этой страны угрозу, она передаст сообщение по сети и вызовет подкрепление. Его схватят. И нас тоже.

— Так зачем мы поехали? Раз это бессмысленно?

— На всё воля Аллаха, — снова спокойно ответил Хассан и замолчал.

Анна прижималась к нему всем телом, крепко держа за руку.

— Тогда пошли, — обречённо махнул рукой Дмитрий, призывая перелезть через забор, отделяющий дорогу от леса.

За ним первой последовала Аграфена Петровна, потом Анна, воспользовавшаяся помощью Хассана, и, наконец, сам араб.

Углубившись в лес, Дмитрий поначалу растерялся, не понимая, куда же идти дальше, незнакомые места диких территорий дезориентировали его, но Хассан уверенно повёл их едва заметной тропой, определяя направление по одному ему заметным приметам. Через час хождения по бурелому, камням, мху и редким болотинкам беглецы вышли на полянку, посередине которой стояла высоченная ржавая вышка, служившая когда-то то ли антенной, то ли геознаком. Возле вышки наблюдалось движение живых организмов, которые при приближении оказались людьми, одетыми в разное отрепье и шкуры. Людей было немного, действия их размеренны и неторопливы. От занятых трудами людей отделился бородатый, всклокоченный старик в рваной одежде, смутно напоминавшей спортивный костюм, но в дырах и с вытянутыми коленками. На ногах старика красовались обычные кирзовые сапоги, которых в этом времени быть уже не должно. Ведь нефть давно закончилась, и кирзу было гнать не из чего. Старик не смущаясь подошёл к беглецам, хитро прищурился:

— Ага! А чего бежали тогда? Чего перепугались? Я ж говорил — стойте, глупые. Всё равно вернётесь. Кто это с вами?

Глаза старика под копной спутанных волос сверкали голубой молодостью, Дмитрий даже подумал, что не старик это вовсе, просто все, кто жил долгое время в дикости, быстро старели, несмотря на свой молодой биологический возраст. Так было всегда, во всех удалённых и заброшенных деревнях, не говоря уж о живущих на лоне природы в лесу.

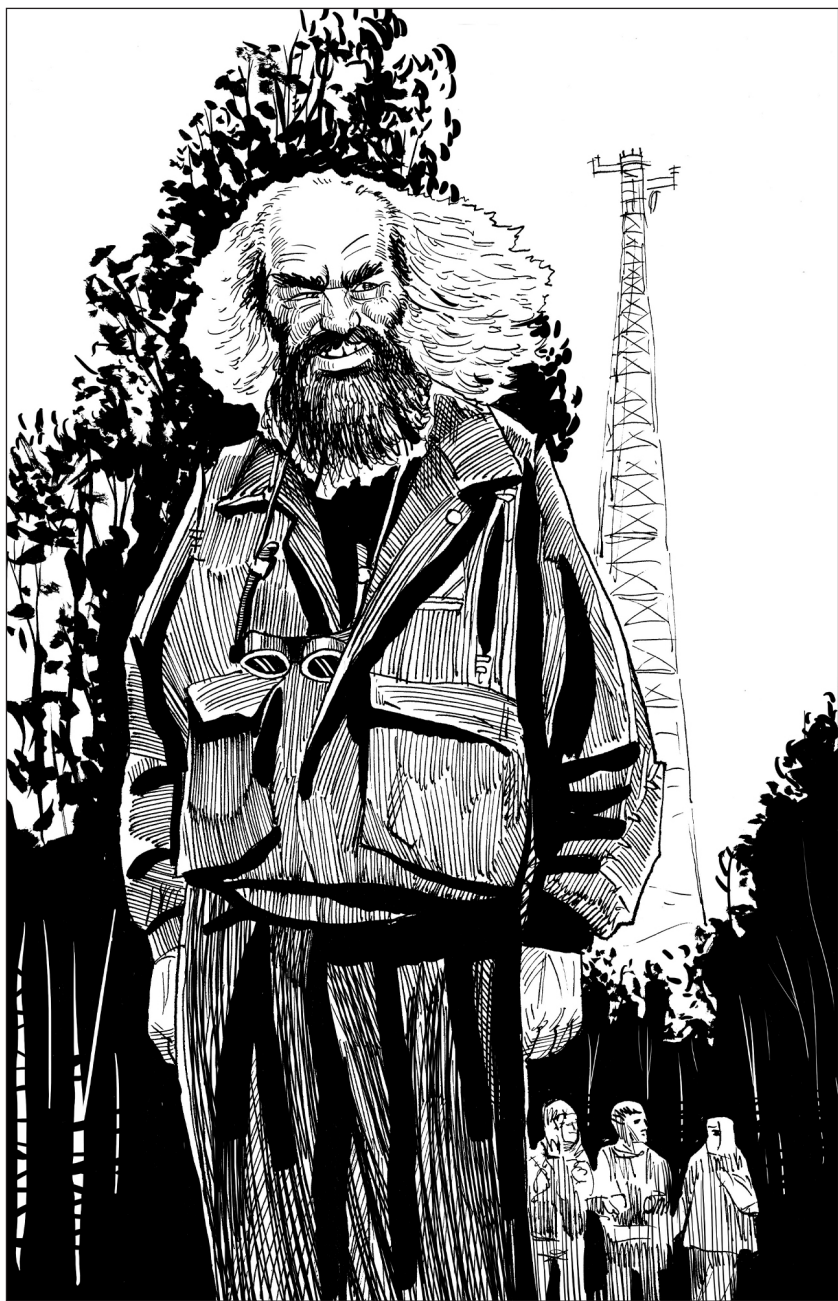
— Так-так, — продолжал старик. — Гляжу, Аграфена Петровна пожаловала? Знал я тебя ещё юной сотрудницей. Подавала надежды, видимо — оправдала их. Ладно, с тобой всё понятно. А это кто? — указал он на Хассана, подошёл к нему поближе, рассмотрел.

Хассан молча выдержал взгляд старика, как подобает сыну шейха и воину Аллаха.

— Ага, — удовлетворённо указал старик на гепардов, вышитых на воротнике джуббы. — Воин Аллаха, видать. В плен взяли? — ехидно спросил он.

Хассан отвернул голову, давая понять, что говорить об этом не желает.

— Ну-ну, что ни год, так новый воин Аллаха объявляется в Халифате. Ну где они их плодят, столько тщеславных юношей? Хорошо хоть пророков больше не появилось.

— Старик, ты дерзок в своих суждениях. Только благодаря твоим сединам я терплю это, — строго произнёс Хассан.

— Э-э-э, братец, да ты ортодокс. А зачем сюда пришёл?

— Спасти этих людей. Я один не смогу сделать то, что они хотят, — Хасан погладил прильнувшую к нему Анну по голове, — а лично мне ничего не нужно. Я уйду в Халифат и исполню свой долг воина до конца.

— В чём же заключается твой долг воина?

— Сделать Халифат всемирным.

— А зачем?

— Чтобы все уверовали в Аллаха, истинного и единственного.

— И при этом всем станет жить лучше?

Хассан задумался. За время пребывания его в неверной стране он не видел несправедливости, не видел убийств, не видел то, что в Священном Коране обозначено как харам. Даже его воинов, поверженных и разбитых, не убили, танки стреляли мимо, так, может быть... — вновь закралась в голову Хассана мысль о том, что же в мире праведно, а что нет, и острей ли он карающее, или просто захватчик и потенциальный убийца? Ведь вопрос, заданный старому шейху тогда, на берегу Залива, остался без ответа.

— То-то. Раздумий твоих хватит на всю жизнь, — улыбнулся понимающе старик, — и лучше размышлять, чем действовать по чужой воле.

— А ты и есть Силантий? — включился в разговор Дмитрий Сергеевич.

— Ага, он самый. Тебя генералом-то Сам назначил, или ещё не утвердили? — ткнул в мундир грязным пальцем Силантий.

— Сам... Патриарх.

— Ну а чего не остался служить? Каша сладкая, делов немного.

— Я же... Мы же... Оттуда... Слушай, старик, ты нас из прошлого вытащил? Ты и верни назад! — уже твёрдо потребовал Дмитрий.

Силантий развернулся, жестом велел следовать за ним и пошёл к ржавой вышке, где суетились люди.

Когда они подошли ближе, стало ясно, что те, кто двигается, занимаются вполне обычными делами: кто носит воду из ближайшего родничка, кто колет дрова и складывает их в поленицу, кто готовит пищу на немудрёном костре, обычную, не клейстер из супермашин. Иные же делают другую не менее полезную работу. Но вот у самой башни недвижимо лежали несколько тел, кто на лапнике, а кто на тряпье. Сначала Дмитрию показалось, что это мертвые тела, но,

приглядевшись, он заметил движение груди на вздохе. Люди или спали, или были без сознания. У каждого от головы, на которой покоилось некоторое подобие шапочки из алюминиевой фольги, к башне шли тонкие провода. Дмитрий замешкался, не понимая, затоптался на месте, считая то, что происходит, жестоким экспериментом страшного будущего. Силантий заметил это.

— Тензор третьего ранга.

— Извините, что?

— Сложно объяснить вам. Но и у меня много вопросов. Не желаете присесть? — указал Силантий на вытертое многими задницами, ошкуренное удобное бревно.

— У нас немного времени, — хмуро сообщил Хассан, всё-таки усаживаясь на предложенное сиденье. Анна умостила на его коленях.

— Вы об Аграфене Петровне? Славная девушка. Не зря её Ярослав поставил ближним доверенным лицом. Но и она не минет участи обычных граждан священной России, поверьте. Я давно понял, — Силантий присел рядом с Аграфеной, подмигнул, вытащил из кармана самодельную трубку, раскурил её и выпустил в воздух ароматный столб дыма.

Аграфена яростно замахала руками, пытаясь рассеять ядовитую заразу.

— Сам садил, по старинному рецепту ферментировал. Хорош табак! — Силантий ещё раз затянулся.

— Это же прямой путь к смерти! — не сдержавшись, воскликнула Аграфена Петровна.

— А есть ли смерть?

— Нет, если не травить себя! Патриарх дал нам вечную жизнь, но при условии соблюдения все его святых рекомендаций!

Силантий усмехнулся:

— Э-э-э, как вас там? Вы слышали, вероятно, про вечную жизнь как одно из чудес Патриарха?

Дмитрий кивнул:

— Да, но не понимаю, как это возможно. Если люди не умирают, то их становится всё больше и больше, даже в наше время это была экономическая проблема — старение населения приводит к невозможности выплаты пенсии, поддержания старых людей в человеческом состоянии. Ярослав мне говорил, что это ложь.

— Верно говоришь. Это невозможно. Ложь. Даже при нынешних биотехнологиях человек не может жить вечно, не говоря уж о его корме.

— Но святой Патриарх смог это! Он великий! — вскричала Аграфена.

— Милая моя девочка, после семидесяти пяти лет честного труда людей отправляют в благословенный Крым на попечение Пенсионного фонда. Ты была в Крыму? — спросил Силантий.

Аграфена покачала головой.

— Ну вот. И никто не был. А я знаю, что после перевода на пенсию в Крым в пищу пенсионерам перестают добавлять витаэтернум — препарат, продлевающий функциональность клеток. И всё, смерть наступает от естественных причин через год-два. В Крыму нет пенсионеров, девочка. Их кремируют и развеивают пепел над Чёрным морем.

— Вы лжёте!

Но Дмитрий вдруг понял, что этот косматый бомж, зовущийся Силантием, совсем не собирается их обманывать. И не ищет себе выгоды, как хитрый Ярослав Макарович, открывшийся ему, чтобы получить единомышленника для дворцового переворота.

— Так почему вы не сказали это всем? Вы же были в Триумвирате? Почему вы молчали? — строго спросил он старика.

— А зачем? Разве вы не видели более счастливого общества, чем народ священной России? Разве сами граждане не хотят жить так, как живут сейчас? Разве мой вброс правдивой информации сделал бы их более счастливыми? Нет, теория профессора Симонова работает более чем прекрасно. И даже зная правду, пусть горькую, пусть разоблачающую наш строй и самого святого Патриарха, который святым-то и не является вовсе, разве могу я лишить людей счастья? Никогда! — Силантий вновь выпустил кольца дыма. — Да и не в этом истина заключается. Что мне до материального мира, где мы почти всё познали, где мы почти всё использовали, где подходят к концу невозобновляемые ресурсы, где экономят на всём ради выживания человечества, где в мозг вводят нейрочипы и программируют людей на положительные эмоции ради стройной системы государственного управления. Даже анархия, друзья мои, наиболее близкая человеку теория социума, является одновременно наименее жизнеспособным способом общественного сосуществования. А государство — самый жизнеспособный. И я не собираюсь разрушать государство и реорганизовывать его, потому что всё равно после череды потрясений, революций и войн всё придёт опять к тому же, что и было, ибо любая система, социальная ли, физическая ли, стремится к состоянию с минимальной энергией, а государство и

обеспечивает это состояние. Но дело не в этом, друзья мои. Я хочу вас спросить совсем о другом. О тензоре третьего ранга. А может, и четвёртого.

Дмитрий недоумённо пожал плечами.

— Тензор третьего ранга есть чисто математическое понятие, — задумчиво произнёс Хассан.

— Не рано вы делаете выводы, молодой человек? — ехидно осёк его Силантий, и тут же задал вопрос Дмитрию: — Вот вы, что вы помните из того, что произошло с вами перед перемещением в наше время? Назовем всё упрощённо.

— Чёрный туман, — неожиданно ответил Дмитрий, — и мёртвые, разложившиеся тела... Черепа.

— С дырками в голове?

— Да...

— Это вы их всех убили? — профессионально поинтересовалась Анна, хотя ей это было совсем уже не интересно. Всё, что было там, до Хассана, казалось ненужным и призрачным. Она ещё сильнее прижалась к его руке, боясь потерять, а он не противился, наоборот, отдавал во власть ей себя и свою сильную руку.

— Так вот и подтверждение теории нематериальной среды, выведенной в уравнении. Всё так... Кроме того, что я никого не убивал, друзья мои. Вот все эти люди, например, спокойно спят, — указал он на лежащие без движения, но дышавшие тела с проводами, тянувшими от их голов к вышке.

— Но кто тогда там, у нас, в нашем времени?

— Игрушки разума. Как и вы, я имею в виду тебя и тебя, — Силантий ткнул пальцем в Анну и Дмитрия. Он, кажется, вообще не утруждал себя запоминанием имён.

— Можете объяснить? — спросил Дмитрий.

Анна же смотрела на Силантия как на закоренелого преступника, по которому плачет зона.

— Объяснить? Ну вот, смотрите, тут всё, я же не скрываю, я и Триумвирату объяснял. Но они меня выгнали. Хотя, скорее, я ушёл сам, потому что когда вы это прочтёте, то вам тоже станет всё равно.

Дмитрий принял пухлую тетрадь из рук Силантия, всю сплошь от корки до корки усеянную математическими формулами, которые он с института не любил и сразу забыл все, как только получил диплом. Попытка над первыми двумя страницами, тетрадь он отложил, а Хассан, подняв её, заинтересованно углубился в чтение полнейшей, по мнению Дмитрия, абракадабры.

— Силантий, не знаю как вас по отчеству... Извините, но это мне не понять. Разумом не вышел. Не могли бы вы...

— Разумом-то как раз и вышли, иначе бы не оказались здесь, милейший друг. Попроше... Ну, если уж совсем упростить, то слушайте.

Хассан и ухом не повёл, вчитываясь в сложные уравнения, Анна слушать особо и не хотела, а Дмитрий и Аграфена Петровна превратились в само внимание, один из желания всё вернуть обратно, а другая просто из служебного рвения.

— Я был приверженцем теории Симонова, на основе которой Патриарх построил новое псевдотеократическое государство. Постулаты довольно просты: три столпа новой российской государственности — вера, уверенность в будущем и любовь к ближнему. Вера у нас новая, в святого Патриарха, творящего чудеса, уверенность в будущем обеспечивается правильным распределением оставшихся ресурсов, пусть скудным, а любовь к ближнему обеспечивается за счёт отсутствия отрицательных эмоций, потому что им неоткуда появиться, а если и появляются, то встроенный нейрочип подавляет их на уровне деятельности мозга. Люди, не подверженные отрицательным эмоциям, — люди счастливые. Простая формула Симонова, в которой он вывел знак эмоционального состояния в зависимости от возможности или невозможности решить текущую проблему, прекрасно работает под контролем нейросети. Нет проблем — нет зла. Вот только сколковские затворники не рассчитали степень нагрева чипа при возникновении неразрешённых проблем, а иногда такие случаются, даже в идеальном обществе, у некоторых людей. Затылок побаливал иногда, а, милая Аграфена? — обратился Силантий к девушке.

Аграфена Петровна задумчиво кивнула.

— Ну вот, на такой должности и с хорошей нагрузкой, несмотря на то, что Ярослав бережёт тебя, иной раз случается. Нейрочип охлаждается кровотоком, запитывается от тепла человеческого тела. Но при интенсивной работе по подавлению отрицательных эмоций в сложных ситуациях жизни — перегревается. И — бах! — в затылке дыра.

— Так поэтому умер прежний генерал и женщина-полковник... — озадаченно пробормотал Дмитрий.

— Уж не знаю всех обстоятельств, но внезапных смертей по другим причинам в нашем времени уже давно не происходило, — усмехнулся Силантий, — лишь члены Триумвирата, управляющего под неусыпным оком Патриарха страной, не имеют регулятора эмоций в нейрочипе. Вам его ещё не успели поставить?

Анна и Дмитрий испуганно повертели головой, ненароком потрогав затылок.

— Так, значит, те черепа и трупы в нашем времени, — это люди из вашего времени? — догадавшись, спросила Анна, понимая, что все её прошлые выводы о серийных убийцах совсем неверны. Но разве она могла додуматься до такого? Её точно уволили бы и списали в психушку.

— Не совсем. Говорю же — это игрушки разума, того, что в каждом из нас есть, но никто не знает, что это и зачем. Когда я сказал Патриарху о том, что человек есть совокупность двух противоположностей, он выгнал меня из Триумvirата. К сожалению, у меня нет хорошей базы для исследований, только то, что я нашёл на старых свалках Диких территорий. Но вы есть доказательство моей правоты.

— Какое ещё доказательство? Может быть, вы уже скажете, как нам вернуться обратно в наше время? — хотел перевести разговор в нужное русло Дмитрий, но Силантий покачал грустно головой:

— Боюсь, это невозможно. Я ещё не могу этого сделать. Я слеп. Разум — это то, что нельзя контролировать в то время, когда он свободен. Тензоры высшего ранга — это всё, что я могу. Другие измерения, в которых нет реальности.

— И что нам делать?

— Будем пробовать.

— Как?!

— Вот вы нервничаете, а меня не дослушали. Вся моя теория основывается на аксиоме — человек материален, разум нематериален. И разум совершенно чужд нашему материальному телу. Мы можем всё: контролировать эмоции, расщеплять кварки, синтезировать любую материю, создать идеальное общество, но всё, что мы можем — лишь управлять и контролировать то, что дано нам в ощущении и поддаётся детектированию. Разум же, несмотря на то что находится внутри нашего тела, совсем ничему этому неподвластен. И нам неподвластен тоже. Он не продукт материи. И материя не продукт разума. Это две совершенно разные вещи, непостижимым образом соединившиеся именно в человеке. Многие люди понимают, что они несвободны в материальном мире, но состояние своей несвободы оценивают лишь с точки зрения материи. Они считают, что ограничение на их свободное существование накладывают только внешние факторы: природа, общество, физические недостатки. На самом деле, как я считаю, ограничение на свободное существование человека

накладывает лишь крепкое соединение бесконечного разума и конечного тела, и существование его в ограниченном материальном мире. И нет выхода для бесконечного из конечного. Но если вспомнить, что во сне (если уж разум ваш слаб и не может в бодрствовании представить это), во сне мы умеем всё: летать, как птицы, плавать, как рыбы, находиться в нескольких местах одновременно, путешествовать к звёздам, общаться с мёртвыми, заглядывать в другие измерения — значит, разум наш имеет бесконечные возможности, в отличие от тела. Это другая реальность. Ну я и провёл некоторые математические расчёты, впрочем, которые уже проводили и другие, но задача моя была найти способ отделить разум от тела. И вот — вы здесь. Первое моё доказательство, что я прав.

— Я не давал разрешения быть объектом экспериментов! — заявил Дмитрий.

Анна промолчала, думая о своём.

— Уж простите, я и сам не хотел такого результата. Всё, что я сделал, это усилитель-генератор поля Гильбертова пространства, которое, по моей теории, помогает разуму отделиться от материи и выйти в свободное плавание. Помогли мне в этом бегуны — люди, которые свободны от большинства эмоций, это важно. Эмоции уничтожают возможность разума освободиться, поглощают всю его энергию. Бегуны же настолько лишены эмоционального психологического поля, что способны на необъяснимые поступки с точки зрения нормального человека, в связи с чем и выходят из-под контроля государства и нейросети и бегут на Дикие территории, понимая, что в обществе они погибнут. Мои бегуны выжили, устроили маленькое хозяйство: грибы, ягоды, дичь, рыба... Не голодаем.

— Так вот в чём проблема бегунов, — тихо прошептала Аграфена Петровна.

— Ага, в этом, передайте Ярославу Макаровичу с поклоном, — ничуть не смутился Силантий и продолжил. — Я лишь ввёл их в состояние сна, в состояние, когда разум наиболее свободен, и подключил к генератору. Вон он, под старой вышкой. Но ничего не произошло, кроме того, что кто-то остался спать, а кто-то проснулся. Из их рассказов я ничего не понял, кроме чёрного тумана и боли в затылке. А когда появились вы из прошлого, стало ясно, что эксперимент удался. Мне удалось разделить разум и материю, да ещё как!

— Мы тоже ничего не поняли. При чём тут разум, если я здесь весь, с разумом и телом? — заявил Дмитрий. — И те трупы тоже были с телом...

— Которое невероятно быстро разлагалось, — уточнила Анна, как будто что-то поняв, в отличие от Димы.

Хассан задумчиво кивал головой, продолжая листать пухлую тетрадь с формулами.

— Вот ваши трупы! — указал Силантий на проходящих мимо двух грязноватых мужиков, тащивших замшелое бревно на козлы для пилки дров. — Живее трупов ещё не видали?

— Да как же...

— Вот вы всё прерываете меня, а зря. Время-то идёт. Полиция не дремлет. Аграфена Петровна небось уж все координаты в нейросеть передала и вызвала спецсилы. Так ведь? — ехидно подмигнул Силантий девушке. Но та испуганно затрясла головой, давая понять, что ничего не делала.

— Ой, не лги мне, девочка! Ну да ладно. Из факта появления вас из прошлого могу лишь сообщить следующее: мне удалось отделить разум от материального тела. В дальнейшем каким-то путём, возможно, частота генерации поля повлияла, — надо разбираться с этим, разум моих подопечных, воссоздав копию своего материального тела в точности, попал в ваше время. Помня о нейрочипах, я предполагаю, что, когда клон попал в ситуацию с неразрешимыми проблемами (а уж перемещение в прошлое куда как неразрешимо!), перегрев чипа провоцировал его гибель, после чего участник эксперимента просыпался, воссоединившись со своим разумом, а копия его тела оставалась в вашем времени, подвергнувшись ускоренному уничтожению. Просто Эдгар Берроуз*! Соответственно, каким-то образом попав в поле действия разума и подходя по параметрам для слияния с ним и выхода из материи, вы оказались тут, в нашем времени, в воссозданных телах. А ваши родные тела валяются где-то там, далеко в прошлом в состоянии глубокого сна. Поскольку и в прошлые времена это были Дикие территории, главное сейчас, чтобы их не сожрали животные. Но как вас обратно отправить, я не знаю. Хотя, экстраполируя опыт с моими бегунами, скорее всего, надо просто вас убить — и точка. Осталось решить, как это сделать, так сказать, гуманнее. Но ведь жалко, я бы хотел ещё провести несколько экспериментов, а лучше вас объектов мне не найти, вы же производные чистого разума...

— Я не согласна! Я не хочу обратно! — внезапно выкрикнула Анна.

---

*Эдгар Берроуз — основоположник современной научной фантастики.

Всё это время она внимательно слушала этого странного старика Силантия, и вдруг поняла, что там, дома, в прошлом, где она боролась за смешную справедливость, влача жалкое существование, несмотря на мнимое благородство собственных идей, делать ей абсолютно нечего. Там не было ничего, что бы влекло её, там не было настоящего, там остались лишь тусклые эмоции, которые никогда её не трогали. А здесь был он, мужчина её жизни, сильный, настоящий, уверенный, любимый. В прошлом не было любви, не было счастья, не было ничего и вряд ли будет. Разве правильно убежать от хорошего к нехорошему? Разве надо ей что-то ещё, кроме любви? Нет, Анне решительно больше ничего было не надо, а раз Хассан здесь, значит и она будет здесь, с ним. То чувство, которое дремало в ней всю недолгую жизнь, от которого она отмахивалась, как от назойливой, ненужной мухи, которое не принимала из-за каких-то надуманных высших идей, оказавшихся пустым дырявым ведром, вдруг вспыхнуло от одного его прикосновения тогда, ночью, в лагере моджахедов. Её предназначение — любить этого мужчину и быть матерью его детей, самой лучшей матерью на свете, самой лучшей женой во всех мирах. Нет, она должна остаться здесь.

— Я не буду умирать. Я не вернусь. Я останусь с тобой, — Анна нежно прильнула к Хассану, который обнял её. Их губы соприкоснулись друг с другом сильнее и сильнее, и так сидели они на утлом бревне, не желая больше никогда быть дальше, чем сейчас. И никого не было для них больше на свете, в других мирах и других измерениях.

— Что же, неплохо, неплохо. Эмоциональный всплеск налицо, разум ушёл глубоко в новое тело. Хороший вариант для экспериментов. Да вот пора нам собираться, — осторожно заметил Силантий, — мне кажется, полиция близко. Я выхожу в нейросеть редко, чтобы не засекали, раскрыть лагерь боюсь. Но сейчас точно знаю, Аграфена Петровна не зря ест свою кашку..

— Я не специально! Я лишь хотела, чтобы он остался! Ну подумаешь, вставят нейрочип, миллионы живут с ним — и хорошо. И Ярослава Макаровича попрошу ради исключения, он член Триумвирата, он всё может, я упрошу! Ведь Дмитрий Сергеевич генерал, нам позволят... — Аграфена Петровна всхлипывала на том же брёвнышке, боясь поднять глаза, — ...нам позволят пожениться...

Дмитрий удивлённо вскинул брови. Что несёт эта девица?

— Да, да, я люблю вас, Дмитрий Сергеевич! Я никогда не встречала такого человека. Нам позволят жениться, хоть это и не разрешено. Мы просто будем вместе, мы не будем рожать детей, я не мать по вы-

бору пути, пусть родит Мать, а мы просто будем вместе, будем работать вместе. И я сама к вам пришла ночью, Дмитрий Сергеевич, хоть меня и послал Ярослав Макарович, но я тоже... сама... хотела... — слёзы лились из красивых глаз Аграфены на вытопанную траву, плечики сотрясались под грубой тканью комбинезона, а всегда ровно уложенные волосы совсем растрепались, делая девушку милой и жалкой.

Дмитрий совсем опешил.

— Аграфена Петровна, но я женат..

— Это там! Там не считается! — ревела Аграфена, то и дело хватаясь за затылок. — Больно мне!

— Так, милая, аккуратнее, перегрев нейрочипа опасен! — предупредил её Силантий.

Дмитрию было жаль всегда подтянутую и уверенную в себе, а сейчас такую беззащитную девушку. Он даже подумал, а не погладить ли её по голове, не приласкать ли, не успокоить. И вспомнилась ему Катенька Маслова и Дмитрий Нехлюдов из давно осиленного невзначай романа Льва Николаевича. И трепет графа по отношению к развратной, но погибшей из-за него девушке передался и ему, по странной случайности тёжке. Только вот эмоции Дмитрия были слабы, любви так и не возникло в этот миг, и осталось лишь недоумение по поводу странного события.

— Аграфена Петровна, не могу я. Я ненастоящий. Настоящий я там, в прошлом. Да и не люблю я вас.

Аграфена упала с брёвнышка, держась за голову и сжавшись в комок.

— Пора, — сказал Силантий, — вот только есть проблема. Убить-то вас нечем. Оружия у нас нет, батареи слаботочные, река поблизости мелковата для утопления. Камнем по голове — так можем и не убить сразу, мучиться будете. А надо бы сразу.. Вот незадача...

Дмитрий дико выслушал эту тираду, вначале даже пытался возразить и вообще, думать о том, как умереть, было совершенно невозможно. Но, представив, что всё это сон, а во сне никто умереть в реальности не может, успокоился. Его всегда в сложных ситуациях успокаивала мысль о том, что всё, что происходит, — не настоящему.

А Силантий продолжал суетиться:

— Так, у нас тут старая машинка на ядерных батареях, подобрал на свалке военной техники на севере, восстановил, на ней уедем. Аграфену не возьмём — опять сдаст. Пока грузитесь, главное — генератор поля заберите, его долго восстанавливать для экспериментов.

А с тобой вот что делать, как тебя умертвить-то... Слышал я, в совсем древние времена на этой земле жили люди... Как же их называли? А, манси. Так вот, в ритуальных убийствах животных для приношения жертвы многочисленным своим божествам они применяли быстрый и безболезненный способ — втыкали острую сухую палку в основание черепа. Смерть животного наступала мгновенно. Поскольку мы все тоже животные, почему бы не попробовать?

Дмитрию было уже всё равно. Он сидел на бревне и ничего не слышал. Вернее, не хотел. Потому что всё это был бред и сущая безделица. Потому что вся жизнь человеческая есть лишь миг, которым он так и не воспользовался. И думал Дмитрий, что вполне реально уж и прекратить бессмыслицу бытия, и даже был рад, что умрёт, пусть и не по-настоящему, а во сне.

Силантий не унимался в своём хозяйствовании:

— Этих, кто спит, осторожно от проводов отцепите и грузите в машину первыми. Генератор назад грузите, — руководил он своими грязно-бородатыми бегунами. — А вы что сидите? Помогайте! — Это он уже обращался к Анне и Хассану.

Те всё ещё сливались в истоме поцелуя.

— Так, ладненько, успеваем. Что же мне с вами делать-то? Палка есть, а вот кто вас ею ткнёт? Бегуны не могут, у них блок, нейрочип перегреется. Разве что я попробую, но я слаб, всё-таки сто двадцать годков живу в этом теле, — Силантий говорил это совсем обыденно, как будто и не собирался убить человека.

Хотя Дмитрий понимал, что, во-первых, не человек он, а порождение своего свободного разума, а во-вторых, зная, что разум, делающий человека человеком, бессмертен, Силантию было глубоко наплевать на материальное тело, как своё, так и чужое. Он подошёл к Дмитрию, сжимая в руках заострённую с одного конца палку, примерил, прижав на секунду острый конец к шее.

— Подожди, старик. Дай мне, — неожиданно забрал палку из рук Силантия Хассан.

Анна кивнула ему и отвернулась. Аграфена Петровна уже лежала без движения на земле, то ли умерла, то ли потеряла сознание.

Дмитрий нагнул голову, открывая цель для удара, Хассан прошептал слова на арабском и сказал по-русски:

— Смерти нет, Дмитрий. Даже если старик прав в своих формулах и теории, то это лишь подтверждает, что Аллах, всемилостивейший, открыл для нас истину, которая никогда не покинет наши сердца. Не бойся, Аллах велик!

Дмитрий и не боялся, просто ждал, когда острая палка выверенным ударом тренированного бойца вернёт его в реальность.

И свет в его глазах померк вновь.

Эпилог

Дмитрий очнулся от того, что его кто-то ташил. Слышались голоса, тембры немного отличались. Если бы не это различие, можно было подумать, что говорит один человек сам с собой.

— Ну что за напасть нынче! То мертвяки, то баба с ментовки пропала, сейчас вон этот. Вот куда его понесло, раз сердцем слаб? И удочек-то у него нет, чего делал? Любитель природы, турист хренов!

— И не говори, ещё уволят нас за такие дела, — подтверждал интонацией второй голос. — Ладно, хоть этот дышит. Ты пульс умеешь щупать?

— Да откуда! Ну дышит же, сейчас добросим до семьдесят первого, там «скорую» вызовем.

— Доживет ли? Ежели инфаркт, то вряд ли. У меня батя когда с инфарктом свалился — в момент концы отбросил. Деревня же, больницы нет. Может, ну его, бросим тут? Как бы сам и загнулся...

— Ты чё несёшь-то? Тащи давай, авось Бог не выдаст. Ещё девку эту потеряли. Ведь до сих пор ни слуху ни духу, всю тайгу же излазили. Сгинула, кажись.

Дмитрий открыл глаза и закашлялся. Над ним тут же склонились два лица загорело-морщинистого вида, одно со шкиперской бородкой, второе просто давно не видело бритвы. Это были егеря с Лыпыи.

— О, очнулся! Ну ты нас перепугал, конечно!

— Да, делать нам больше нечего, на плёсах клёв идёт, а мы с тобой возимся. Жив?

— Жив, — ответил Дмитрий. — А где я? Ну, год сейчас какой?

Два мужика переглянулись понимающе.

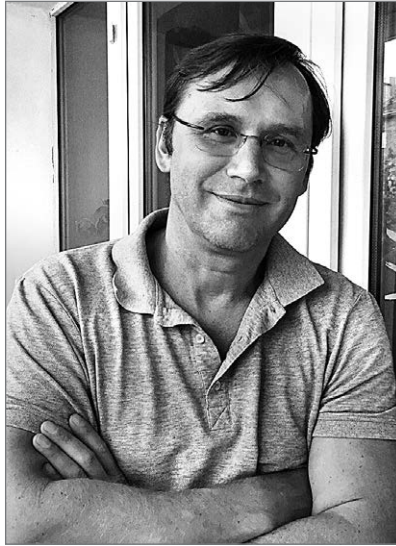
— Ясно всё. Возле него бутылки валялись. Денатурату перепил, понятно. Ты, мужик, всяко говно-то не пей, не бери в деревне. Спирт пей медицинский, с него ничего не бывает. Это тебя же намедни Иван подбрасывал сюда, типа родственник его? Иван-то не пьёт, мог и взять в посёлке отраву, не разбирается, понимаешь?

— Иван... Да, он. Намедни — это когда?

— Да пару дней назад, сам обратно спустился. Ну ничего, раз сразу не помер от бодяги, значит выживешь. Поехали на заимку, чаем тебя отпоим.

Дмитрий встал на слабых ногах, сам сел в чалдонку, егеря завели мотор и тихим ходом пошли вниз по Вишере. Дмитрий откинулся на спину, рассматривая высокие облака, чуть грозившие дождём, и думал про то, что где-то там, за облаками, в неизвестном измерении, где нет ни времени, ни пространства, ни материи, живёт разум, который по ошибке, случайно, взял и вселился в племя высокоразвитых обезьян на маленькой планете Земля, но племя не поняло этого дара, этой жертвы разума для материи, и продолжило жить так, как жило и до своего соединения с другим миром. Может, только древние манси знали правду?

Дмитрий Сергеевич впоследствии, по отзывам друзей и коллег, стал довольно замкнут, перестал ходить в походы и на общие дружеские попойки, уволился с работы и вскоре совсем потерялся. Говорили, что кто-то видел его на севере края в безымянной деревушке, а кто-то читал его сообщения по электронной почте с Камчатки. Некоторые же утверждали, что видели его в Тибете в одеждах монаха, другие возражали, что нет, не в Тибете, в монастыре под Ярославлем он подвизался послушником. Кто-то даже утверждал, что Дмитрий Сергеевич уехал в Южную Америку на сплав по Амазонке. Потом вестей о нём совсем не стало, и его начали забывать и, в конце концов, совсем забыли, потому что зверь, отбившийся от стаи, становится падалью, а падаль никому не нужна.

Максим Кузьмич ДУЛЕНЦОВ

Родился 4 февраля 1971 года в городе Перми. В 1993 году окончил физический факультет Пермского университета.

В 2013 году вышла его первая книга «Заветными тропами». С 2014 года публикуется в альманахе писателей Пермского края «Литературная Пермь» и в краевой литературной газете «Пермский писатель». Лауреат городской премии им. А. Мерзлякова за лучшее произведение художественной литературы (2015). Член Союза писателей России (2020). Кавалер ордена Достоевского II степени (2020).

Живёт в Перми.

Библиография

Заветными тропами: Роман. — Иваново: Листос, 2013. — 280 с.

Диамат: Роман. — Пермь: Пермский писатель, 2015. — 240 с. — (Антология пермской литературы, т. 11).

Золото тайги: Роман. — Москва: Вече, 2017. — 320 с. — (Сибирский приключенческий роман).

Земля забытого бога: Роман и повесть. — Пермь: Пермский писатель, 2017. — 336 с. — (Антология пермской литературы, т. 21).

Литературно-художественное издание

антология
пермской
литературы

том 34

Максим
ДУЛЕНЦОВ

**ТАЙНЫ
ВИШЕРЫ**
фантастический роман

Художник *Артём Кутергин*

Автор проекта *В. Якушев*
Редактор *А. Лукашин*
Корректор *Н. Семукова*
Дизайн серии, вёрстка *С. Неведомская*

ISBN 978-5-6044740-8-2

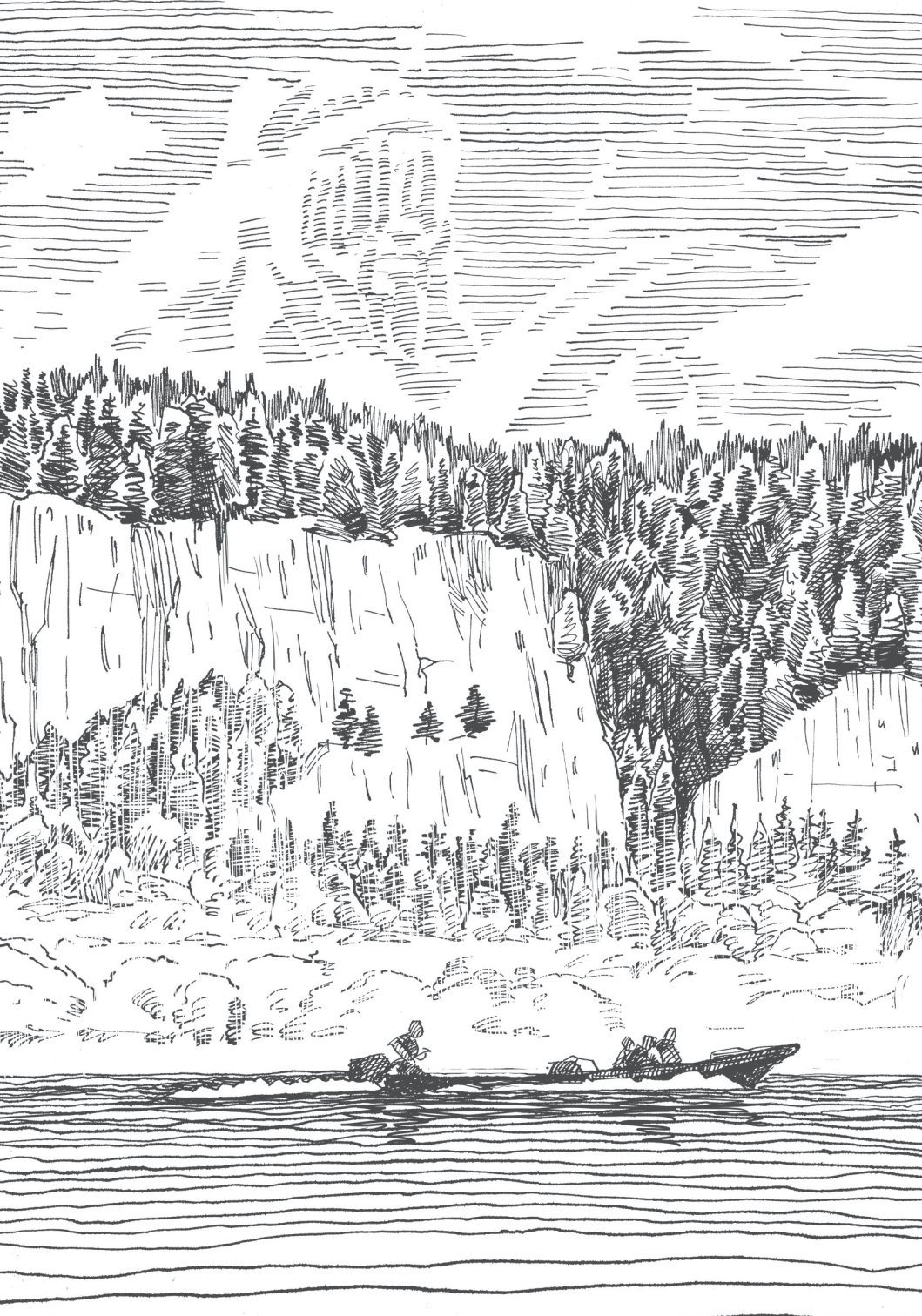

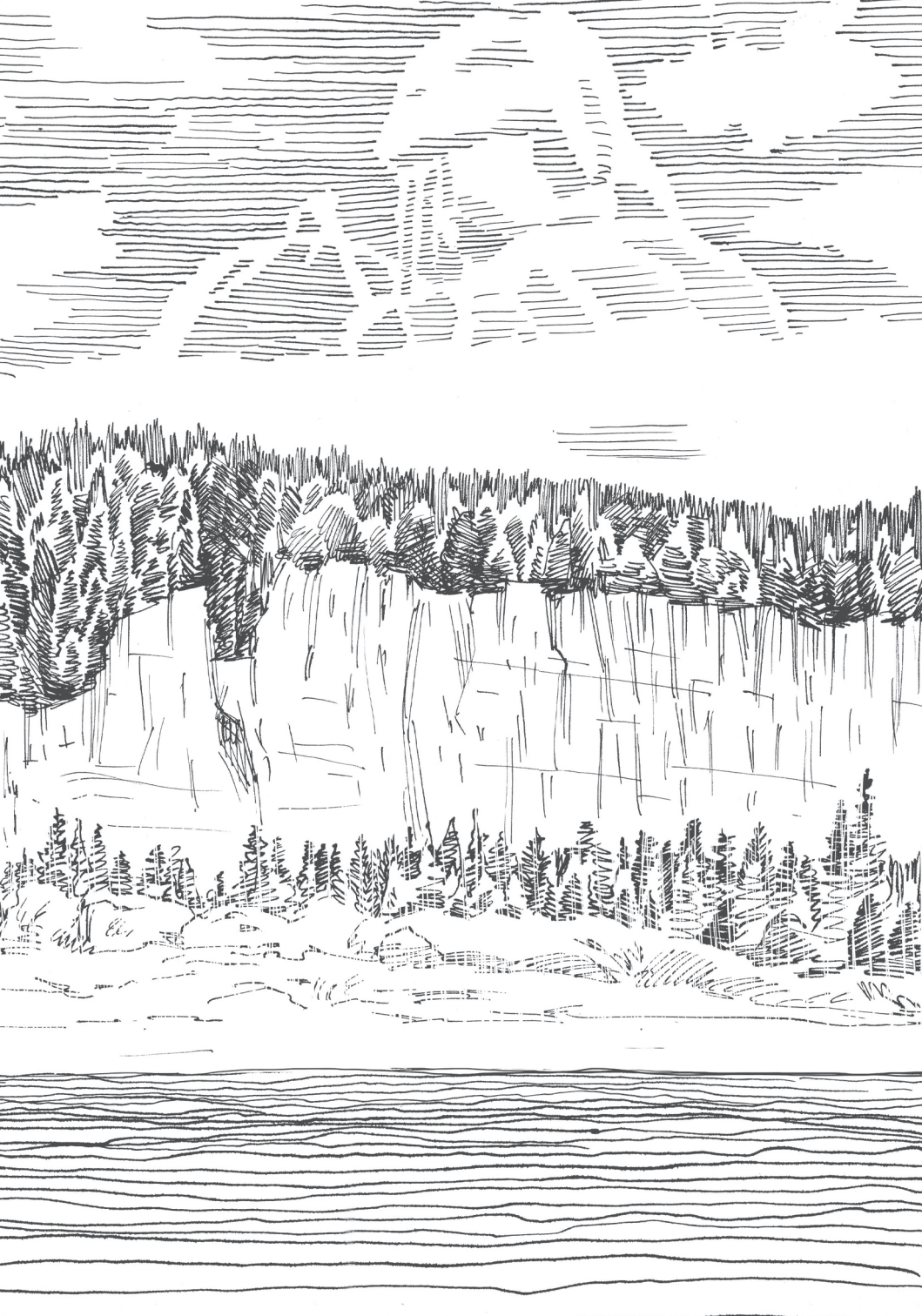
9 785604 474082

Пермская краевая общественная (профессиональная)
организация Союза писателей России,
ПКОО «Пермский писатель»
г. Пермь, ул. Сибирская, 30
permpsrossii@rambler.ru

Подписано в печать 12.04.2022 г.
Формат 60x84/16. Бумага ВХИ. Гарнитура NewtonC.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,15.
Тираж 100 экз. Заказ № 15456.
Отпечатано в соответствии с предоставленным
оригинал-макетом в ООО «Универсальная
типография «Альфа Принт», www.alfaprint24.ru,
тел. 8-800-300-16-00.

антология
пермской
литературы

ISBN 978-5-6044740-8-2

9 785604 474082